9(C54)
M74

АНВАРБЕК М[illegible]ЕВ

Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане

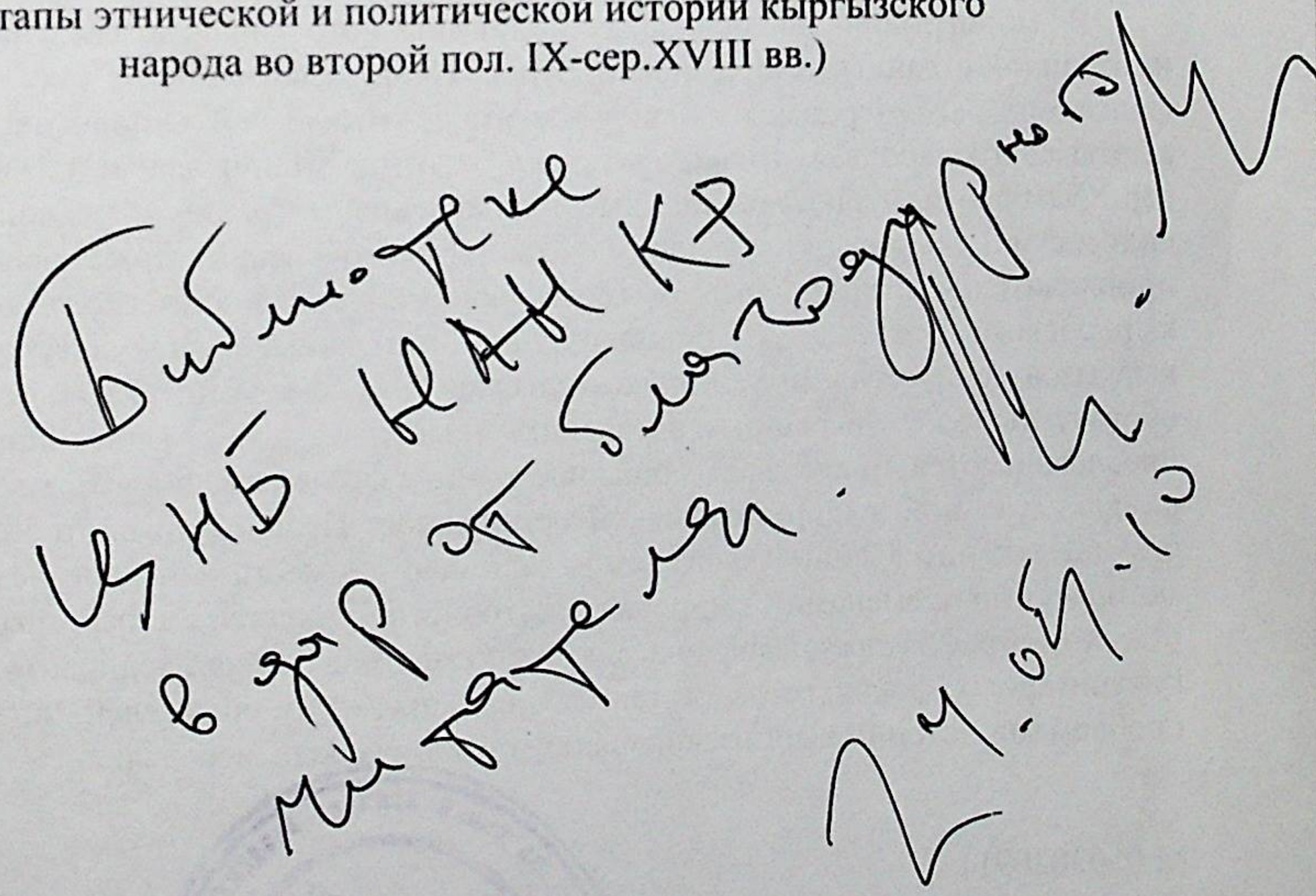
Бишкек-2010

Издания Кыргызско-Турецкого университета «Манас»: 134
Серия научных исследований: 13

АНВАРБЕК МОКЕЕВ

КЫРГЫЗЫ НА АЛТАЕ И НА ТЯНЬ-ШАНЕ

(Этапы этнической и политической истории кыргызского народа во второй пол. IX-сер.XVIII вв.)

Бишкек-2010

9(С54)
М74
Т3 (2=Ки)

УДК 94(47)
ББК 63.3(2Ки)
М 74

Рекомендована к печати решением РИСО Кыргызско-Турецкого университета «Манас».

Ответственный редактор:
Почетный академик НАН Кыргызской республики, Заведующий сектором Тюркологии и Монголистики Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), профессор С.Г. Кляшторный.

Рецензенты: Академик НАН Кыргызской Республики, д-р ист. наук В.М. Плоских.
Д-р ист. наук, профессор Т.Д. Джуманалиев.
Канд. ист. наук, профессор Д.Б. Сапаралиев.

М 74 **Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане. Мокеев Анварбек** / Б.: 2010. – 280 с.

ISBN 978-9967-25-803-7

В монографии на основе сопоставительного анализа сведений восточных источников с данными археологии, этнографии, языкознания, а также материалами фольклора рассматриваются основные этапы этнической и политической истории кыргызского народа, которые протекали на Алтае, Прииртышье и Тянь-Шане в IX-сер.XVIIIвв. Выявляются основные направления миграции и регионы расселения енисейских кыргызов в эпоху «кыргызского великодержавия», определены приблизительная хронология и географический ареал алтайского этапа развития кыргызского этноса, где происходили интенсивные этнокультурные контакты кыргызов с местными алтайско-телесскими племенами. Уточняется время и обстоятельства миграции алтайских кыргызов на Тянь-Шань, а также прослеживаются процессы завершающего этапа формирования кыргызского народа в рамках дуальной этнополитической организации Правого крыла и Левого крыла в результате интеграции кыргызских племен с местными древнетюркскими и могольскими племенами Семиречья, Восточного Туркестана и Ферганы.

Монография предназначена для преподавателей вузов, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся проблемами истории кыргызского народа в эпоху средневековья.

Кыргыз Республикасынын Улуттук Илимдер Академиясынын Ак Дөбөлүү Кыргызстан
Борбордук илимий китепкана
Центральная научная библиотека
БИБЛИОТЕКА

М 0503020911

ISBN 978-9967-25-803-7

УДК 94(47)
ББК 63.3(2Ки)
© КТУМ, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 4
ВВЕДЕНИЕ....9
ГЛАВА 1. КЫРГЫЗЫ НА АЛТАЕ....25
1.1. Расселение кыргызских племен в IX-XI вв. 25
1.2. Этнокультурные связи кыргызов с кимакско-кипчакскими и тогуз-огузскими племенами....38
1.3. Этнокультурные связи кыргызов с карлуками и басмылами в IX-XII вв.....58
1.4. Взаимоотношения алтайских кыргызов с киданями (кара-китаями) в X-XII вв.....71
1.5. Взаимоотношения кыргызов с монголами в XIII в. 82
1.6. Взаимоотношения алтайских кыргызов с ойратами в XIV-перв.пол. XV вв. 93
1.7. Взаимоотношения алтайских кыргызов с Ак-Ордой в XIV-XV вв.....98
ГЛАВА 2. КЫРГЫЗЫ НА ТЯНЬ-ШАНЕ 117
2.1. Перемещение алтайских кыргызов на Тянь-Шань и создание дуальной этнополитической организации в XV-сер. XVIII вв.....117
2.2. Военная организация кыргызов Тянь-Шаня в XVI-XVIII вв.....136
2.3. Расселение кыргызских племен в XVI-перв.пол. XVIII вв. 147
2.4. Этапы распространения религии ислама в Кыргызстане и ее роль в формировании кыргызского народа....163
ГЛАВА 3. КЫРГЫЗЫ И СОСЕДНИЕ НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XVI-перв.пол. XVIII вв.....184
3.1. Распад Моголистана и новая политическая ситуация в восточной части Средней Азии. Борьба кыргызов с могольскими ханами за независимость 184
3.2. Взаимоотношения кыргызов с Казахским ханством, Шейбанидами и Аштарханидами в XVI-перв.пол. XVII вв. 189
3.3. Взаимоотношения кыргызов с Могольским государством и их участие в политических событиях в Восточном Туркестане в XVI в. 205
3.4. Взаимоотношения кыргызов с калмаками Джунгарии в XVI-XVII вв. 210
3.5. Взаимоотношения кыргызов с Могольским государством во второй половине XVII в. 219
3.6. Участие кыргызов в борьбе народов Средней Азии и Восточного Туркестана против экспансии Джунгарского ханства в первой половине XVIII века. 229
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 246
СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ....249
БИБЛИОГРАФИЯ....251

ПРЕДИСЛОВИЕ

После обретения независимости Кыргызстана, наряду с кардинальными реформами в политической и социально-экономической жизни общества происходит процесс духовного возрождения кыргызского народа. Разумеется, духовное обновление в новых исторических условиях осуществляется через призму национальной самоидентификации, чтобы более четко определить будущее кыргызского народа и укрепить суверенитет независимой Кыргызской Республики.

При этом, народ, как правило, обращается к своему историческому прошлому и пытается оценить исторические заслуги своих предков, определить их вклад в сокровищницу мировой цивилизации. Поэтому на этапе строительства основ независимого государства мы невольно задаемся вопросом - «кто мы, откуда начинаются наши истоки?». Очень важно получить научно обоснованные, аргументированные ответы на эти вопросы, чтобы дать верные ориентиры формирующемуся национальному самосознанию народа.

В этом отношении трудно переоценить роль исторической науки, которая на основе анализа сведений достоверных источников должна дать строго выверенные и обоснованные ответы на те вопросы, которые поставлены перед ней со стороны общества велением времени. Поэтому в последние годы профессиональные историки на основе анализа сведений всего комплекса исторических источников пытаются изложить верифицированную историю отечества в хронологической последовательности с использованием новых методологических подходов в исследовании политических, социально-экономических, культурных и этнических процессов. Они предлагают новую концепцию истории кыргызов и Кыргызстана на основе диверсифицированнной методологии, по которой движется современная мировая историческая наука.

В частности, в новых монографиях и учебниках по истории Кыргызстана, в основном, удалось преодолеть устаревшее марксистско-ленинское понимание истории о классовом характере всех социальных и политических движений и культурных процессов, а также умаление роли личности в истории. На страницах этих работ нашли свое достойное место те исторические

личности, имена которых в советский период были преданы забвению по идеологическим соображениям. Предложены новые интерпретации таких важных исторических событий и процессов, как присоединение Кыргызстана к России, Восстание кыргызов в 1916г., Культурной революции и сталинских репрессий в 1937-1938гг. и т.д.[1]

Однако в процессе нового прочтения и осмысления истории появилась новая тенденция интерпретации истории кыргызского народа. Сюда относятся дилетанты, которые на волне демократизации общества активно взялись за написание альтернативных курсов истории, где вместо тщательного анализа исторических источников на основе новых методологий исторической науки вольно излагаются всякие небылицы и произвольно делаются подмены событий. На всем постсоветском пространстве после обретения независимости новых республик пересмотр истории превратился в своеобразную моду.[2] Одностороннее понимание демократии как вседозволенности и хаоса подтолкнуло некоторых не имеющих никакой специальной подготовки людей к мысли: «А почему я не могу писать историю? Чем я хуже профессиональных историков?». Историческая наука превратилась в своеобразный проходной двор, через который браво маршируют дилетанты. И целая группа новоявленных «историков» из числа бывших инженеров, писателей, журналистов и иных дилетантов, не стяжавших признания в своих областях знания, с азартом ринулись в сферу исторической науки, чтобы «выправить» мозги так называемым «манкуртам», воспитанным в духе марксистско-ленинской истории.[3] В результате, стремление во что бы то ни стало «разоблачить» советских историков, которые якобы сознательно скрывали от читателей многие исторические факты, и вызвать сенсацию стало определяющим для таких авторов, пожелавших «поработать» с историей.

Ответ на вопрос, почему мифологизированная история приобретает популярность среди широкого круга читателей, предложил Л.Н. Гумилев. Он пишет, что «в науке цель эмпирическое обобщение, в литературе – вымысел, в мифотворчестве – вымысел, выдаваемый за истину; это-то наиболее понятно и близко массовому восприятию. То, что ценой жизни устанавливается ученым исследователем, обывателю непонятно и неинтересно. А то, что выдумано с расчетом на уровень читателя, легко усвояемо».[4]

Однако вопреки ожиданиям общества представители нового направ-

---

[1] Асанканов А., Джунушалиев Д.. Кыргыз тарыхы; Осмонов О.Ж. Асанканов А.А. Кыргызстан тарыхы; Плоских В.М., Джунушалиев Д.Д. История кыргызов.
[2] Масанов Н., Абылхожин Ж., Ерофеева И. Научное знание и мифотворчество. С. 6-7.
[3] Там же. С. 44.
[4] Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С.350.

ления истории, которое профессиональные историки метко обозначили термином *«фольк-хистори»* (дилетантская история), начали выдавать на гора пухлые тома мифологизированной истории, где вымышленные легенды переплетаются с историей и сказочные герои преподносятся как реальные исторические личности. Среди подобных авторов следует, прежде всего, отметить К.Сыдыкову,[5] О.Айтымбета,[6] и К.Мусаева.[7]

В многотомном псевдоисторическом опусе О.Айтимбета утверждается, что легендарные предки кыргызского народа Ак уул и Ку уул были историческими личностями, и они будто бы жили 33.000 лет до пророка Ибрагима. Семь тысяч лет назад такие четыре кыргызских племени, как *шумер, лулубей, кутий и дардан* переселились в Малую Азию. По утверждению О.Айтимбета, кочевые племена *гиксосов*, которые в 1700-е годы до нашей эры завоевали древний Египет, также являются кыргызами (*гикс-кыргыз*). Оказывается, даже загадочные древние этруски Италии якобы получили свое название от имени некоего кыргызского героя Эр Тюрка!

А инженер-«историк» К.Мусаев в результате вольных этимологических упражнений пришел к выводу о том, что японский язык является на самом деле кыргызским языком. Он же делает сногсшибательное «историческое открытие», согласно которому основные персонажи кыргызского героического эпоса «Манас» Кан Кошой и Манас, в самом деле, были историческими личностями, правителями Турана около 209 г. до нашей эры и боролись против агрессии Александра Македонского в Среднюю Азию!?

Но наиболее масштабную экспансию картографического и хронологического характера во всемирную историю совершила журналистка К.Сыдыкова, согласно утверждениям которой, кыргызы являются самым древнейшим народом на земле. Все остальные народы мира, включая все индоевропейские и семито-хамитские этносы, разумеется, гораздо позже отпочковались от кыргызов. Следовательно, такие древнейшие памятники народов Ближнего Востока и Передней Азии, как «Авеста», «Веды», «Тора», «Евангелие», «Коран» и др. были созданы лишь на основе переработки древнейших былин и легенд кыргызов. Однако автору показался слишком тесным для этнической территории кыргызского народа громадный географический ареал Евразии и она, мысленно переправляясь за океан, включила все индейские племена американского континента в генеалогию кыргызов. Таким образом, *ацтеки* становятся *эштеками*, *майя* превращаются в *мундузов*, а *сиу* происходят от славного кыргызского племени *саяк*.

При этом следует иметь в виду, что согласно мнению абсолютного

[5] Сыдыкова К. Кыргыз тарыхы.
[6] Айтимбет О. Кара кыргыз.
[7] Мусаев К. История Великой Кыргызской империи.

большинства историков мира, предки индейцев американского континента мигрировали за океан из Сибири через Берингов пролив около тридцать тысяч лет тому назад, когда не сформировался ни один современный народ, включая кыргызов.

По определению известного казахского поэта и публициста О. Сулейменова, в сочинениях таких дилетантов «все знания о своем прошлом почерпнуты из устных героических эпосов, которые, увы, не датированы и почти не привязаны к географии. Естественное стремление восстановить утерянную историю порождает творчество самодеятельных историков, которым с молоком матери передана эпическая традиция – стремление героизировать прошлое. Произведения таких историков правильнее относить к искусству, нежели к науке. А некоторые – просто к сказочному жанру».[8]

Поэтому вышеупомянутые вольные мифотворческие конструкции наших дилетантов можно было бы считать издержками деидеологизации истории кыргызского народа и спокойно отнести их к разряду народных сказок, если бы они, с подачи некоторых высоких государственных инстанций, не внедрялись в познавательный процесс, мощным потоком захлестывая систему, как среднего, так и высшего образования. Дело в том, что упомянутая книга К.Сыдыковой в свое время получила гриф «дополнительного учебного пособия» Министерства образования КР и уже выдержала третье издание. А многотомная *«фольк-хистори»* писателя О.Айтимбета массовым тиражом издана за счет государственного гранта и, очевидно, весь тираж бесплатно разослан в библиотеки всех образовательных учреждений республики.

В условиях дороговизны и острого дефицита школьных и вузовских учебников по отечественной истории, вышеупомянутые суррогатные «учебные пособия» становятся самыми доступными методическими материалами для всех школьников и студентов. В результате происходит одурманивание сознания неподготовленной читательской аудитории, откуда уже выходят новые поколения «манкуртов» и зомби-патриотов, уверовавших в национальную исключительность и мессианство кыргызского народа.

В этой связи следует отметить авторитетное мнение О.Сулейменова, высказанное им в связи с похожей проблемой в Казахстане: «кризис в науке, формирующей сознание поколений, может иметь вполне предсказуемые последствия – воспитание национализмов всех мастей, неизбежно приводящих к распаду государств. Нам надо понять, что национализм не имеет ничего общего с патриотизмом. Особенно в странах с многонациональным населением»[9].

[8] Сулейменов О. Чингисхан.
[9] Там же.

Поэтому важнейшей задачей профессиональных историков на современном этапе является написание научной истории кыргызов и Кыргызстана на основе сопоставительного анализа всего комплекса доступных источников, включая материалы устного народного творчества. При этом, как показывает тематика и содержание публикаций авторов *«фольк-хистори»,* особую актуальность приобретают проблемы этнической и политической истории кыргызского народа в древности и средневековье.

В настоящей работе предпринята попытка воссоздать картину политической и этнической истории кыргызского народа во второй половине IX-сер.XVIIIвв. на основе сопоставительного анализа сведений широкого круга источников с использованием материалов научных трудов наших предшественников. На начальном этапе рассматриваемого периода происходит дальнейшее развитие кыргызского этноса на Алтае в результате сращения пришлых енисейских кыргызов с местными кимакско-кипчакскими и тогуз-огузскими племенами, которые постепенно восприняли этноним «кыргыз». Несколько веков спустя в XV-XVIIIвв., в результате перемещения алтайских кыргызов на Тянь-Шань и консолидации вокруг них древних племен Притяньшаня завершается длительный процесс формирования кыргызского народа. Эти вопросы являются актуальными проблемами современного кыргызоведения, и имеют не только научно-познавательное значение, но в современных условиях поиска исторических основ этнической самоидентификации кыргызского народа приобретают серьезную общественную значимость.

Выражаю огромную благодарность своему наставнику, профессору С.Г. Кляшторному, который согласился быть ответственным редактором настоящей работы. Его постоянная поддержка, полезные советы и рекомендации способствовали написанию этой монографии. Также считаю своим долгом отметить неоценимую помощь, оказанную мне со стороны О.Ф. Акимушкина, Е.И. Кычанова, Т.И. Султанова и покойных В.А. Ромодина, М.А. Салахетдиновой, Б.А. Ахмедова и Г.П. Супруненко в процессе написания настоящей работы.

ВВЕДЕНИЕ

Степень изученности основных этапов этнической и политической истории кыргызского народа в средневековье остается неравномерной. Период раннего средневековья, совпадающий с эпохой существования здесь тюркских каганатов и Караханидского государства, в историографии изучен гораздо лучше благодаря обилию прежде всего археологических и нумизматических материалов. Однако история Кыргызстана в XVI-XVIIIвв. остается менее изученной в силу фрагментарности и противоречивости сведений письменных источников, и почти полного отсутствия вещественных памятников. Основные проблемы социально-экономической и политической истории Кыргызстана, связанные с нашествием монголов и образованием Улуса Чагатая, а затем государства Моголистан, в исторической литературе освещены более подробно, чем эпоха позднего средневековья. Это объясняется тем, что исторические события монгольской эпохи в письменных источниках нашли отражение полнее и шире по сравнению с фиксированными историческими реалиями периода XVI-XVIIIвв.

Хотя в последние годы на основе интенсивной разработки нарративных восточных источников ("Тарих-и Рашиди" Мухаммада Хайдара, "Бахр ал-асрар" Махмуда ибн Вали, "Хроника" Шах-Махмуда Чураса и др.) в изучении указанного периода истории кыргызского народа наметились существенные сдвиги, все же многие вопросы военно-политической, социально-экономической и этнической истории остаются еще малоисследованными и дискуссионными.

Между тем, период XVI-перв. пол. XVIIIвв. стал важнейшим этапом самостоятельного политического, социального и этнического развития кыргызской народности, оказавший огромное влияние на судьбу народа в последующие столетия на его исконной этнической территории. Важность этого периода истории Кыргызстана определяется, прежде всего, тем, что в конце XV-в нач.XVIвв. в результате распада государства Моголистан кыргызские племена, ранее занимавшие периферийные северо-восточные районы этого государства, переместились на свою нынешнюю родину и вновь вышли на историческую арену Центральной Азии как самостоятельный этнос.

В этой связи следует отметить, что одной из наиболее дискуссионных проблем истории Кыргызстана является вопрос о происхождении кыргызского народа. Причиной тому является сообщения письменных источников о проживании этнических групп с названием «кыргыз» одновременно в различных районах Южной Сибири, Монголии и Средней Азии в течение всего средневековья. Поэтому уже в XIXв. среди исследователей наметились две диаметрально противоположные точки зрения о происхождении кыргызского народа. Большинство ученых, исходя из неоспоримого факта проживания древних кыргызов в Минусинской котловине стало активно отстаивать концепцию переселения кыргызов с Енисея на Тянь-Шань. Другая группа историков, опираясь на сведения отдельных источников, выдвинула гипотезу о том, что кыргызы издревле являлись автохтонными жителями Тянь-Шаня и Памиро-Алая, но в древности они назывались усунь или болу (бурут). Таким образом, постепенно сформировались следующие две основные гипотезы относительно происхождения кыргызского народа:

I. Кыргызы переселились на Тянь-Шань из Сибири (теория миграции).
II. Кыргызы являются коренными обитателями Тянь-Шаня (теория автохтонности).

В свою очередь, сторонники первой концепции разделяются на следующие шесть групп, касательно хронологии переселения кыргызов с Енисея на Тянь-Шань:

1. Французский ориенталист Ю.Клапрот и русский исследователь А.И. Левшин, как и их предшественники Г.Миллер и И.Фишер придерживались заведомо ошибочного взгляда на эту проблему. Опираясь на сообщения русских источников о насильственном уводе джунгарами в 1703г. остатков енисейских кыргызов в неизвестном направлении, эти ученые предполагали, что они были переселены на Тянь-Шань.[10] Хотя предложенная им гипотеза была весьма упрощенным подходом к проблеме происхождения тяньшаньских кыргызов, но, будучи одной из первых научных положений о происхождении кыргызского народа, она послужила основой для начала широкой дискуссии в научных кругах России и западных стран.

Поэтому уже в середине XIXв. с введением в научный оборот Ч.Ч. Валихановым сведений ряда сочинений восточных авторов, вышеизложенная гипотеза была полностью отвергнута, поскольку они красноречиво свидетельствуют, что кыргызы проживали на Тянь-Шане, по крайней мере, с начала XVI века. К тому же, в результате исследований Н.Я.Бичурина истории ойратов по материалам китайских источников выяснилось, что

[10] Миллер Г.Ф. История Сибири; Фишер И.Е. Сибирская история; Klaproth J. Sur quelques antiquites; Левшин А.И. Описание.

уведенные калмаками енисейские кыргызы отнюдь не ушли на Тянь-Шань, а были поселены в Прииртышье, по р.Эмель. Они составили отдельный «оток кыргыз» Джунгарского ханства с общей чиленностью 4000 кибиток.[11]

Тем не менее, теория о миграции кыргызов в более ранние периоды истории продолжала развиваться по мере накопления новых материалов письменных источников, археологии и фольклора о кыргызах Сибири и Тянь-Шаня.

2. Особое место в исследовании памятников устного народного творчества, религии и общественного строя тюркоязычных народов Сибири и Средней Азии занимает академик В.В. Радлов, деятельность которого составила целую эпоху в истории отечественной и мировой тюркологии.[12] Свои взгляды на историю кыргызского народа и ценные сведения о родоплеменном составе кыргызов он изложил в статье «О киргизах».[13] Отмечая сходство ряда этнонимов алтайцев и кыргызов, он в то же время сомневался в правдоподобности высказываний некоторых исследователей относительно позднего переселения кыргызов с Енисея и Алтая на Тянь–Шань. В. В. Радлов на основе детального изучения фольклора кыргызов пришел к выводу о том, что если бы кыргызы переселились с Енисея на Тянь-Шань в более позднее время, тогда память об этом событии непременно нашла бы отражение в памятниках устного народного творчества. Исходя из этого тезиса, он предположил, что кыргызы переселились из Минусинской котловины на Тянь-Шань в период возвышения их государства в IX-Xвв. или в период монгольского завоевания Средней Азии в XIIIв.[14]

3. Значительный вклад в разработку истории кыргызского народа внес выдающийся востоковед В.В. Бартольд, который на основе сопоставительного анализа сведений различных письменных источников написал первую обобщающую историческую работу по политической и этнической истории кыргызского народа с древнейших времен до конца XIXв.[15]

В вопросе о происхождении кыргызского народа В.В. Бартольд также склонялся к теории миграции, связывая сложение кыргызского народа с переселением енисейских кыргызов на Тянь-Шань. Однако, учитывая противоречивость и фрагментарность сведений письменных источников о

[11] Абдыкалыков А. Енисейские кыргызы. С.80-85; Бутанаев В.Я.,Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. С.174-180. Впоследствии, после разгрома Джунгарского ханства со стороны Цинской империи эта группа кыргызов была переселена в Маньчжурию и в настоящее время они известны как Фуюйские кыргызы. Более подробно об этом см.: Бутанаев В.Я. Хакасы из провинции Хэйлунцзян. С. 6-15.
[12] Кононов А.Н. История изучения. С.103.
[13] Radloff V.V. Observations sur les kirghis.
[14] Там же.
[15] Бартольд В.В. Киргизы.

кыргызах, он допускал вероятность нескольких этапов передвижения енисейских кыргызов на Тянь-Шань. Так, В.В. Бартольд считает, что первое движение кыргызов на Тянь-Шань относится к середине IXв. По его мнению, это движение было связано с преследованием ушедших в Восточный Туркестан уйгуров, и оно произошло через Кульджинский край.

Однако, полемизируя с Н.А. Аристовым, В.В. Бартольд подчеркивает, что сведения «Худуд ал-алам» и «Зайн ал-ахбар» Гардизи настолько подробны, что если бы кыргызы в IX-Xвв. компактно проживали в Семиречье, мы непременно имели бы известие об этом. В своей другой работе В.В. Бартольд еще больше акцентирует внимание на кратковременности пребывания кыргызов на Тянь-Шане в IXв.[16]

По мнению В.В. Бартольда, следующий этап переселения кыргызов с востока на Тянь-Шань может быть связан с движением киданей и монголов на запад, хотя он при этом оговаривается, что прямых свидетельств источников на этот счет не существует. Однако, в своей последней работе, посвященной истории кыргызского народа, В.В. Бартольд особо подчеркивает, что ранее XVв. ни о каком массовом переселении кыргызов на Тянь-Шань не может быть и речи.[17]

Таким образом, В.В. Бартольд, хотя и допускал вероятность нескольких этапов переселения кыргызов в Семиречье, начиная с IXв, считал, что только последний массовый этап миграции кыргызских племен в XVв. сыграл решающую роль в формировании кыргызского народа на Тянь-Шане.

4. А.Н. Бернштам, Э.Маанаев и другие исследователи представляют процесс переселения кыргызских племен с Енисея на Тянь-Шань как перманентное явление и считают, что первая волна миграции кыргызов началась еще на рубеже новой эры в общем потоке движения кочевых племен гуннов на запад.[18] Затем, начиная с IXв., этот процесс усиливается и постепенно угасает в монгольскую эпоху.

В своих этногенетических конструкциях о происхождении кыргызского народа А.Н. Бернштам, опираясь на гипотезы своих предшественников, выдвинул идею о многоэтапной миграции кыргызских племен из Сибири на Тянь-Шань: а) в составе гуннов (47 г. до н. э.); б) в период тюркских каганатов (VI-X вв.); в) на начальном этапе «кыргызского великодержавия» в середине IXв. Но численность кыргызских племен на территории Тянь-Шаня даже во времена монгольского завоевания, по его мнению, все же не была

[16] Бартольд В.В. Двенадцать лекций. С.72.
[17] Бартольд В.В. Киргизы. С. 492, 513-514.
[18] Бернштам А.Н. К вопросу; Его же. О появлении киргизов; Маанаев Э. К вопросу о переселении киргизов.

достаточной для образования здесь кыргызской народности.[19]

Несмотря на приверженность к теории миграции в своих ранних работах, А.Н. Бернштам в конце своей жизни пришел к выводу, что процесс формирования кыргызского народа продолжался и в послемонгольский период, когда в ее состав вошли новые этнические группы. Поэтому только в XVIв., после распада государства Моголистан, по его мнению, завершается длительный исторический процесс сложения кыргызского народа на Тянь-Шане. Исходя из этого, он считал, что «киргизы являются наследниками и преемниками всех культурных достижений своих предшественников на Тян-Шане, часть которых в качестве компонента вошла в состав современного киргизского народа».[20] К сожалению, этот важный вывод А.Н.Бернштама остается вне поля зрения многих историков и представителей *фольк-хистори,* которые считают его только ярым и последовательным сторонником теории миграции.

5. О.Караев, Ю.Худяков и Т.Чороев придерживаются точки зрения, согласно которой предки современных кыргызов переместились с Енисея на Тянь-Шань в середине IXв. в эпоху «кыргызского великодержавия».[21]

Эта концепция, сложившаяся еще в XVIII-XIXвв. и отстаиваемая сегодня вышеперечисленными авторами, состоит из трех главных пунктов: а) кыргызский народ сложился в глубокой древности на Енисее, когда в источниках впервые появляется этноним «кыргыз»; б) енисейские кыргызы крепили и развивали свою государственность и в IXв. овладели всей территорией Центральной Азии, включив ее в состав Кыргызского каганата; в) вскоре после создания каганата значительная часть енисейских кыргызов покинула свою родину по неизвестным причинам и переселилась на Тянь-Шань, и с тех пор саморазвивается на этой территории.

Таким образом, авторы настоящей гипотезы являются сторонниками полного тождества енисейских и тянь-шаньских кыргызов.

6. Более аргументированную и оригинальную идею о происхождении центральноазиатского компонента кыргызского народа и приблизительной хронологии его перемещения на Тянь-Шань предложил ленинградский археолог Д.Г.Савинов. По его мнению, проникновение основных кыргызских племен из региона Саяно-Алтая на Тянь-Шань началось только в XIII веке, когда происходит очередной мощный поток движения кочевых племен из Центральной Азии на Запад.[27] При этом Д.Г.Савинов считает, что на Тянь-Шань переселились не собственно енисейские кыргызы, а те кыргызские

[19] Бернштам А.Н. К вопросу; Его же. О появлении киргизов.
[20] Бернштам А.Н. Сложение тюркоязычного населения. С.21-22.
[21] Вопросы этнической истории. С. 35, 52-54.
[22] Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири. С.89-103.

племена с Алтая и из Джунгарии, которые в течение длительного периода смешивались с местными племенами этих регионов и были носителями новой культуры, которая существенно отличалась от культуры енисейских кыргызов.

Это положение Д.Г. Савинова, выдвинутое им в результате длительного сопоставительного изучения археологии Южной Сибири с археологическими материалами Тянь-Шаня в настоящее время находит подтверждение в исследованиях, осуществленных кыргызским археологом К.Табалдиевым, могильников Бел-Саз, Кирпи-Сай, Ичке-Жылга и Аламышык.[23] Важной заслугой Д.Г. Савинова является отход от устаревшей теории прямого переселения кыргызов с Енисея на Тянь-Шань.

Сторонники теории автохтонности кыргызов также разделяются на следующие группы, исходя из определения базового компонента происхождения кыргызского народа:

1. Известный русский этнограф Н.А. Аристов предпринял первую попытку выяснения этногенеза кыргызов на основе сопоставительного изучения родоплеменного состава практически всех тюркоязычных народов Сибири и Средней Азии.[24] Хотя в своей работе Н.А. Аристов руководствовался положением о том, что «…чистокровных племен и родов нет, и преобладают союзы разного происхождения», однако все же пришел к одностороннему выводу о происхождении кыргызов от потомков древних усуней.

Настоящая гипотеза, выдвинутая им лишь на основании созвучия названий древних обитателей Тянь-Шаня – усуней и некоторых родоплеменных групп нынешних кыргызов, была поставлена под серьезное сомнение уже В.В. Бартольдом [25] и французским ориенталистом П. Пельо.[26] Тем не менее, новые археологические материалы, обнаруженные в результате раскопок древних курганов усуньской эпохи, свидетельствуют о преемственной связи некоторых культурных традиций между кыргызами и усунями.[27] Однако это вовсе не свидетельствует о прямом происхождении предков современных кыргызов от древних усуней, а лишь показывает, что отдельные осколки усуньских племен через многих передатчиков древнетюркской и монгольской эпохи влились в состав кыргызского народа.

2. Известный русский синолог Н.Я.Бичурин, исходя из сведений поздних китайских источников о том, что кыргызы – буруты Тянь-Шаня являются потомками проживавших в горах Куэнь-Луня народа болу в эпоху Танской

[23] Табалдиев К. Енисей кыргыздары. С.163-165.
[24] Аристов Н.А. Опыт выяснения; Его же. Заметки.
[25] Бартольд В.В. Рец. на книгу: Н.А. Аристов. Заметки. С. 268.
[26] Pelliot P. Notes critiques. P. 95, not. 317.
[27] Табалдиев К. Енисей кыргыздары. С.168-169.

династии (618-907гг.), выдвинул гипотезу о происхождении тянь-шаньских кыргызов от потомков народа болу. При этом Н.Я.Бичурин считал, что самоназванием тяньшаньских кыргызов является этноним бурут (китайская транслитерация – «болу»), который фактически являлся экзоэтнонимом, данный кыргызам калмаками Джунгарии.[28] В свою очередь, китайцы заимствовали этот термин от калмаков, и в цинских источниках XVII-XVIII вв. в отношении кыргызов Тянь-Шаня употребляется только этноним болу (бурут). Именно это ошибочное суждение, основанное на некритическом восприятии сведений поздних китайских источников, привело Н.Я. Бичурина к неверному выводу относительно тождественности древнего этнонима жителей горной страны Болор с этнонимом бурут, который сами кыргызы практически не знали.

Аналогичную позицию занимал и немецкий синолог В.Шотт, который в своей работе «Об истинных киргизах» пишет, что впервые болу стали известны Танской династии в 696 году, когда они были подданными тибетцев. Исходя из этого, В.Шотт предполагает, что это и есть самое раннее упоминание кыргызов в Центральной Азии.[29] Ошибочность концепций И.Бичурина и В.Шотта впервые была показана еще Ч.Ч. Валихановым.[30] Однако позже эту гипотезу с определенной оговоркой поддержал и ленинградский синолог А.А.Кондратьев.[31]

Следует отметить, что помимо вышеизложенных двух основных теорий о происхождении кыргызского народа, имеется и другое компромиссное научное положение по данной спорной проблеме, которое фактически является завуалированным вариантом теории автохтонности. Ярким представителем этого направления является известный казахский ученый и путешественник Ч.Ч. Валиханов, который еще в середине XIX в. ввел в научный оборот сведения ряда новых восточных источников, где содержатся ценные сведения по этнической и политической истории кыргызских племен в эпоху позднего средневековья на Тянь-Шане.

В результате анализа сведений ряда персидских и тюркских источников, Ч.Ч. Валиханов показал несостоятельность гипотезы Ю. Клапрота и А.И. Левшина о переселении кыргызов с Енисея на Тянь-Шань только в начале XVIII в. и одновременно отверг ошибочный тезис И. Бичурина о происхождении кыргызов от потомков некоего народа «болу».[32] Сам же Ч.Ч. Валиханов считал, что кыргызские племена по экономическим сообра-

[28] Более подробно об этнониме *бурут* см.: Абдыкалыков А. О термине «буруты» С.123-127.
[29] Shott W. Uber die achten Kirgisen. P. 129-174.
[30] Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах. С. 57-59.
[31] Кондратьев А.А.Выступление. С.138-141.
[32] Там же.

жениям постоянно совершали длительные перекочевки на огромных пространствах, расположенных между Саяно-Алтаем и Тянь-Шанем. Отвергая теорию миграции, он пытался доказать, что основная и древнейшая родина кыргызов – Тянь-Шаньские горы, и лишь в летний период они оттуда совершали длинные переходы до Саяно-Алтайского региона для пастьбы скота, а с наступлением осени возвращались обратно. По его мнению, эти перекочевки между Тянь-Шанем и Саянским хребтом были настолько обыденны, что восточные летописцы не придавали им никакого значения. Именно этим обстоятельством он пытался объяснить этнические связи между енисейскими и тянь-шаньскими кыргызами.[33]

Позже точку зрения Ч.Ч. Валиханова поддержали казахский ученый А. Маргулан и кыргызский историк А. Хасанов. А. Маргулан, критикуя гипотезу А.Н. Бернштама о многоэтапном переселении кыргызов из Южной Сибири на Тянь-Шань, отмечает, что теория миграции была отвергнута еще Ч.Ч. Валихановым, который сумел показать ошибку ряда ученых, спутавших обычные перекочевки с переселением. Для подкрепления своего мнения А. Маргулан привел материалы из рассказа «Поминки по Кокетею» эпоса «Манас», связанные с перекочевкой кыргызов Тянь-Шаня в Прииртышье.[34] Однако это свидетельствует лишь об этнокультурных связях кыргызов Тянь-Шаня с населением Прииртышья в прошлом, и не может служить доказательной базой регулярных ежегодных перекочевок кыргызов на огромные расстояния.[35] Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что сторонники этой концепци предложили теорию перманентных перекочевок кыргызских племен на огромных пространствах, расположенных между Тянь-Шанем и Саяно-Алтаем.

Однако эта теория перекочевок не нашла подтверждения в исследованиях современных историков и этнографов. Дело в том, что ни Ч.Ч. Валиханов, ни его последователи не приняли во внимание тот очевидный факт, что кыргызы, в отличие от казахов, не принадлежат к числу классических кочевников, которые «в поиске травы и воды» ежегодно перемещаются меридионально на дальние расстояния. Кыргызы, будучи полукочевниками, осуществляют вертикальные перекочевки на короткие дистанции в зависимости от сезона, а переселение в другие регионы они совершали только в исключительных случаях, как правило, по политическим мотивам, либо под давлением более могущественных соседей или же в результате военных походов самих кыргызов в пределы других соседних государств.

---

[33] Там же.
[34] Маргулан А. Выступление. С.183, 195-197.
[35] Более подробный анализ упомянутого эпизода эпоса «Манас» смотрите в первой главе настоящей работы.

Важным этапом в изучении этногенеза кыргызского народа явилась специальная Научная сессия, состоявшаяся в 1956г. в г.Фрунзе. Объединенная сессия тогда подвела итоги длительному периоду изучения этногенеза и этнической истории кыргызского народа начатому трудами академика В.В. Бартольда и продолженной целой плеядой историков, этнографов, лингвистов, археологов, антропологов и искусствоведов.

Труды объединенной сессии и проведенный в процессе ее подготовки комплекс исследовательских работ стали мощным толчком для формирования общественного интереса к проблеме. Основные итоги ее работы нашли отражение в резолюции, которая подытожила длительные и многоплановые исследования материалов письменных источников, археологии, антропологии, этнографии, лингвистики и фольклора кыргызского народа, опубликованных в серии коллективных монографий.[36]

Ключевым элементом резолюции этой конференции является тезис о том, что «Киргизский народ и его культура сложились... в результате взаимодействия, по меньшей мере, двух этнических элементов: центральноазиатского и местного – среднеазиатского. Один из важнейших узловых моментов этногенеза киргизского народа, ближайший по времени, связан с событиями первой половины второго тысячелетия нашей эры. В эту эпоху на территорию Киргизии проникает с Востока значительное большинство предков современных киргизов, говоривших на уже сложившемся киргизском языке... Начиная с указанной даты, которая должна быть еще уточнена в дальнейшем, киргизы становятся численно преобладающей группой населения на территории Киргизии, чего ни в коем случае нельзя сказать по отношению к более ранним эпохам...».[37]

Настоящий вывод объединенной научной сессии о сложении кыргызского народа и его культуры в результате взаимодействия двух этнических компонентов – центральноазиатского и местного среднеазиатского – стал основополагающим для всех последующих научных работ по этой проблеме и в значительной мере предопределил их результаты.

Таким образом, впервые была найдена точка соприкосновения между двумя взаимоисключающими концепциями о происхождении кыргызского народа и определены новые направления исследования этой сложной научной проблемы. Вместе с тем, в резолюции объединенной научной сессии было отмечено, что такие важные проблемы, как вероятность существования отдельных групп кыргызов на Тянь-Шане в первом тысячелетии нашей эры и переселения кыргызов с Енисея на Тянь-Шань остаются дискуссионными.

---

[36] ТКААЭ.
[37] ТКААЭ. Т. III. С.233.

Кыргыз Республикасынын Илимдер Академиясы
Борбордук илимий
КИТЕПКАНА
Центральная научная
БИБЛИОТЕКА

Поэтому ученые приступили к изучению таких актуальных проблем, как этапы и география формирования центральноазиатского компонента, хронология его передвижения на Тянь-Шань, а также этнический состав местного среднеазиатского компонента, который вошел в состав кыргызского народа.

В этой связи следует особо отметить, что концепции известных историков С.М. Абрамзона и К.И. Петрова по этногенезу кыргызского народа были сформулированы с учетом рекомендаций этого научного форума. Причем, если К.И. Петров в своих работах уделял особое внимание проблемам формирования центральноазиатского компонента, то в фундаментальной монографии С.М. Абрамзона значительное место занимает проблема происхождения и развития местного среднеазиатского компонента в этногенезе кыргызского народа.

Согласно концепции К.И.Петрова, тюркоязычные племена Обь-Иртышского междуречья, основное ядро которого составляли кимакско-кипчакские племена Западного Алтая, в X-XII веках ассимилировали пришлые с Енисея кыргызские племена и после монгольских завоеваний в эпоху государства Хайду переместились на Тянь-Шань. Таким образом, К.И.Петров впервые обратил внимание на то, что, племена, переселившиеся позднее на Тянь-Шань, территориально и этнически скорее связаны с Обь-Иртышским междуречьем, т.е. кимаками и кипчаками, нежели с долиной Енисея.[38] Таким образом, он внес важное исправление господствовавшим тогда взглядам. Но в трудах К.И.Петрова не снималась загадка перемещения этнонима «кыргыз» с Енисея на Тянь-Шань, а границы первоначальной этнической территории трактовались слишком неопределенно и расширительно.

С.М. Абрамзон на основе сопоставительного изучения обширного круга этнографических материалов с данными других источников выдвинул положение о том, что процесс формирования кыргызского народа происходил главным образом на территории Притяньшанья, Восточного Туркестана, Памиро-Алая и прилегающих областей. По мнению С.М. Абрамзона, основным этническим ядром стали потомки тюркоязычных племен эпохи древнетюркских государств VI-X вв. Именно вокруг этих племен произошла консолидация мигрировавших сюда в монгольскую эпоху кочевых племен из Южной Сибири и Дешт-и Кипчака.

Из всего разнообразия данных, которыми располагает этнография, для решения проблемы происхождения кыргызского народа С.М. Абрамзон уделял особое внимание показаниям этнонимики и народных преданий. С использованием этой новой методики С.М. Абрамзон, основываясь на

[38] Петров К.И. Этногенез киргизов; Его же. Очерк происхождения киргизского народа.

этнографических и фольклорных материалах, впервые убедительно показал, что этнические и этногенетические связи кыргызов Тянь-Шаня наряду с местными корнями имеют своей исходной территорией Алтай.[39] Эта идея, однако, не была полнее развита С.М. Абрамзоном, который, не считая себя специалистом – текстологом, отказался от широкого использования сведений восточных источников.

Исходя из детального анализа широкого круга этнографических материалов, он сделал также другой основополагающий вывод о том, что «если в настоящее время давно стала очевидной невозможность отождествления енисейских и тянь-шаньских кыргызов, то столь же очевидна необоснованность полного отрицания и некоторых этногенетических связей между ними».[40] Это положение С.М. Абрамзона имеет большое значение для исследований этнической истории кыргызского народа, и оно является одним из методологических ориентиров настоящей работы.

Следующим важнейшим этапом в разработке проблемы этногенеза и этнической истории кыргызов стала публикация первого тома четвертого издания «Истории Киргизской ССР» (1984г.). В ходе подготовки этого тома, где этногенезу кыргызов была посвящена специальная глава, коллективом авторов были суммированы итоги длительной научной работы и выдвинут ряд новых, принципиально важных положений, вызвавших широкий общественный резонанс в Кыргызстане.

Составители раздела по этногенезу кыргызского народа, среди которых был и автор настоящей монографии, исходя из вышеизложенной концепции о сложении кыргызской народности из двух основных компонентов, выделили три основные эпохи в истории формирования кыргызской народности:

а) древнюю (сакский, сако-усуньский и гунно-усуньский периоды на Тянь-Шане);

б) раннесредневековую (кыргызский на Енисее, тюркский, тюркско-карлукский и карлуко-караханидский периоды на Тянь-Шане);

в) позднесредневековую (кимакско-токузогузско-кыргызский на Алтае, моголо-кыргызский и кыргызский в Прииртышье и на Тянь-Шане).

Однако эта концепция тогда вызвала острую реакцию со стороны творческой интеллигенции Кыргызстана, преимущественно членов бывшего Союза писателей Киргизской ССР, которая категорически отвергала алтайский этап развития центральноазиатского компонента кыргызского народа и отстаивала устаревшую концепцию о прямом переселении кыргызов с Енисея на Тянь-Шань в середине IX века. Эту же точку зрения поддержала

[39] Абрамзон С.М. Киргизы. С.22.
[40] Там же. С.18.

группа историков Кыргызстана и некоторых научных центров Сибири. Впервые специальная научная проблема вызвала столь острый и эмоциональный интерес общественности Кыргызстана, который в период Перестройки, и в особенности в первые годы независимости значительно политизировался.

В известной мере следствием обсуждения концепции, изложенной в I томе Истории Киргизской ССР, явился научный сборник «Вопросы этнической истории киргизского народа» (Фрунзе, 1989 г.), где большинством авторского коллектива (О.Караев, Ю.Худяков, В.Бутанаев, Т.Чороев) была отражена иная точка зрения по рассматриваемой проблеме. По мнению этих исследователей, процесс формирования центральноазиатского протоядра кыргызского народа завершился уже до 840 года в Минусинской котловине. Часть кыргызских племен переселилась на Тянь-Шань в результате военного похода кыргызов в 843 г. в города Бешбалык и Аньси. В дальнейшем именно эта группа кыргызов сыграла основную роль при формировании кыргызской народности.[41]

Таким образом, вышеперечисленные ученые выступили категорически против концепции алтайского этапа развития кыргызского этноса. По их мнению, такой подход означает умаление вклада енисейских кыргызов в формирование средневековой кыргызской народности к западу от Минусинской котловины. Однако алтайский этап был иной процесс, протекавший с участием енисейских кыргызов на иной территории и в иное время. Следовательно, выделение алтайского этапа нисколько не принижает роль енисейских кыргызов в становлении центральноазиатского компонента кыргызского народа, а лишь показывает поступательное развитие этноса в эпоху «кыргызского великодержавия», когда регион Алтая и Прииртышья стали активно осваиваться кыргызскими племенами.

К сожалению, во второй половине 80-х и начале 90-х годов прошлого столетия научная разработка рассматриваемой актуальной проблемы в Кыргызстане была практически свернута. Однако ее обсуждение перешло главным образом на страницы газет и популярных изданий, где главными были не проблемы происхождения и этнической истории кыргызского народа, а генеалогия кыргызских родов и мифологизация истории народа.

Тем не менее, 23-24 сентября 1994 г. в г. Бишкек состоялась Международная конференция на тему «Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в Центральной Азии в древности и средневековье», организованная Государственной дирекцией делового проекта «Мурас» при Национальном Организационном комитете Кыргызской Республики по подготовке и проведению 1000-летия эпоса «Манас». В конференции приняли участие научные работники, деятели культуры и искусства из Бишкека, Оша, Москвы, Санкт-Петербурга, Абакана, Новосибирска, Кемерова, Алма-Аты, Ашхабада и других городов СНГ, а также МНР и Китайской Народной Республики. В ходе конференции была заслушана серия докладов и проведена дискуссия по обсуждаемой проблеме.

[41]Вопросы этнической истории. С. 35, 52-54. Более детальный анализ этой концепции смотрите: Мокеев А.М. К выходу в свет книги «Вопросы этнической истории киргизского народа».

В ходе обсуждения, представленных на конференции докладов выявились следующие основные подходы к проблеме этногенеза и этнической истории кыргызского народа и формированию традиционной культуры кыргызов:

а) На самом древнем этапе становления центрально-азиатского компонента в этногенезе кыргызского народа все большее значение приобретают фактические данные, указывающие на доминанту генеалогического родства кыргызов Тянь-Шаня с тюркскими народами Центральной Азии и Южной Сибири, в первую очередь с племенами государства енисейских кыргызов. На следующем, среднем этапе развития этого компонента, определяющее значение имели этнические процессы, происходившие в период широкого расселения енисейских кыргызов на Алтае (в широком географическом значении этого понятия). Переселение этих алтайских кыргызов на Тянь-Шань произошло во второй половине XVв, и этот процесс связан с распадом государства Моголистан, откуда могольские племена были вытеснены кыргызскими племенами.

б) Процесс формирования центральноазиатского протоядра кыргызского народа завершился уже до 840 года в Минусинской котловине. Основной путь переселения кыргызов с Енисея на Тянь-Шань шел еще в середине IXв. через Монголию и Восточный Туркестан, где они первоначально консолидировались в горах Восточного Тянь-Шаня, овладели некоторой частью территории Таримского бассейна и впоследствии продвинулись на территории современного Кыргызстана. В дальнейшем именно эта группа кыргызских племен сыграла основную роль при формировании современной кыргызской народности на Тянь-Шане.[42]

Таким образом, здесь дискуссия развернулась вокруг вышеизложенных двух концепций относительно формирования центральноазиатского компонента в этногенезе кыргызского народа и хронологии его перемещения на Тянь-Шань, которые были сформулированы еще в процессе написания первого тома «Истории Киргизской ССР» и его обсуждения на страницах сборника «Вопросы этнической истории кыргызского народа».

Несмотря на значительное расхождение двух концепций относительно

[42] Вопросы этнической истории. С. 35, 52-54.

формирования центральноазиатского компонента, в целом участники конференции единодушно констатировали, что завершающие этапы формирования кыргызского народа протекали на Тянь-Шане в XV-XVIII вв. Здесь происходили процессы взаимодействия и взаимовлияния двух его основных компонентов – древних и средневековых племенных объединений Притяньшанья с переместившимися сюда из Южной Сибири кыргызскими племенами.

Эта научная конференция явилась, таким образом, важным этапом возрождения исследовательской работы по этногенезу и культурогенезу кыргызского народа, где ученые-историки пытались ответить на существующий общественно-политический запрос. В результате исследователи в целом нашли точки соприкосновения по древнему и последнему тянь-шаньскому этапу этнической истории кыргызского народа. Однако такие важные проблемы, как расселение кыргызских племен в эпоху так называемого «кыргызского великодержавия», характер и время продвижения кыргызов с Енисея на Алтай и с Алтая на Тянь-Шань, а также алтайский этап развития центральноазиатского компонента в этногенезе кыргызского народа, все еще остаются дискуссионными и малопроработанными.

Исходя из этого, в данной работе я предпринял попытку более детально рассмотреть алтайский и тяньшаньские этапы этнической и политической истории кыргызского народа во второй половине X-сер. XVIII вв. на основе сопоставительного изучения сведений различных письменных источников и материалов археологии, этнографии, кыргызского языка и фольклора.

Как уже отмечалось, завершающие этапы формирования кыргызского народа протекали на Тянь-Шане в XVI-XVIIIвв., где происходил длительный процесс взаимодействия и взаимовлияния двух его основных компонентов – древних и средневековых тюркских племенных объединений Притяньшанья с собственно кыргызскими племенами, переместившимися сюда в конце XVв. из Прииртышья и Алтая.

В этой связи следует отметить, что именно этот важнейший период этнической истории кыргызского народа в историографии изучен крайне слабо из-за того, что все исследователи, как правило, интересовались только ранними этапами этногенеза кыргызов и занимались выяснением дискуссионного вопроса: Когда же кыргызские племена переселились на свою нынешнюю родину? Как выше отмечалось, академик В.В. Бартольд предположительно отнес последний этап переселения кыргызских племен на Тянь-Шань к середине XV века, связывая это событие, впрочем, с движениями ойратов на запад и подразумевая при этом енисейских кыргызов. Теперь для более четкого определения причин, этапов и путей передвижения кыргызских племен из Алтая и Прииртышья на Тянь-Шань требуется обстоятельный

сопоставительный анализ сведений письменных источников с материалами археологии, данными эпоса "Манас" и ряда исторических преданий.

Следующим недостаточно разработанным вопросом этнической истории кыргызского народа является расселение кыргызских племен на Тянь-Шане и сопредельных областях в XVI-XVIII вв. и их родоплеменной состав. Для выяснения этого вопроса необходимо, прежде всего, детальное исследование картографических материалов европейских путешественников по географии Центральной Азии с привлечением новых сведений письменных источников, генеалогических и исторических преданий самого народа.

При изучении этнической истории кыргызского народа немаловажный интерес представляют крупные миграции кыргызских племен в различные соседние районы Кыргызстана. Так, в силу различных политических событий еще в XVI веке и несколько позднее отдельные компактные группы кыргызов оказались на Каракорумских и Куэнь-Луньских горах, в Гисарской долине и на Памире.

В письменных источниках практически отсутствуют какие-либо сообщения о сложном и длительном процессе интеграции остатков древнетюркских и могольских племен в рамках дуальной этнополитической структуры кыргызов, где постепенно созревало их этническое самосознание о своей принадлежности к кыргызам, что нашло отражение в новых вариантах племенных и обшекыргызских генеалогических преданий ("Маджму ат-таварих").

Поэтому при рассмотрении этого крайне запутанного вопроса целесообразно полнее использовать сведения такого оригинального источника как "Маджму ат-таварих", где имеются полулегендарные и полуисторические рассказы, отражающие в какой-то мере родоплеменную структуру, существовавшую у кыргызов в прошлом, и представления самого народа о степени близости отдельных племен друг к другу и т.д. В сопоставлении с материалами этнографии, характеризующими родоплеменную структуру кыргызов в XIX в, и позднейшими записями генеалогических преданий о происхождении отдельных кыргызских племен, данные "Маджму ат-Таварих", позволяют в определенной степени выяснить начальные этапы этого сложного и многогранного процесса.

До сих пор в научной литературе почти не затрагивался вопрос о консолидирующих факторах в процессе формирования кыргызской народности на Тянь-Шане рассматриваемого периода. Отмечалась роль в этом процессе лишь дуальной этнополитической структуры в четвертом издании "Истории Киргизской ССР". Между тем, основную роль в консолидации пришлых и местных компонентов в единую народность сыграли религия ислама, популярный среди кыргызов эпос «Манас», который пронизан идеей единства

всех кыргызских племен, а также дуальная этнополитическая организация Онг канат (Правое крыло) и Сол канат (Левое крыло).

Все эти факторы этнической консолидации кыргызского народа необходимо раскрыть на основе скрупулезного изучения письменных источников с широким привлечением данных фольклора в качестве сопоставительного материала.

Сравнительно более подробно изученными можно считать вопросы военно-политическик отношений кыргызов с соседними народами в рассматриваемый период. Некоторые аспекты взаимоотношений кыргызского народа с Казахским ханствам, Шейбанидами, Восточным Туркестаном и Джунгарским ханством в XVI-первой половине XVIII веков были поставлены и рассмотрены еще в трудах Н.Я. Бичурина, Ч.Ч. Валиханова, В.В. Бартольда и Г.Е. Грумм-Гржимайло.

Позже эти вопросы получили более полное освещение в исследованиях П.П. Иванова, А.Н. Бернштама, М.Б. Джамгерчинова, К.И. Петрова, Б.А. Ахмедова, И.Я. Златкина, В.А. Ромодина, М.А. Салахетдиновой, О.Ф. Акимушкина, Н. Туманович, В.П. Юдина, К.А. Пищулиной, Т.И. Султанова, М. Абусеитовой, А. Мокеева, Т. Бейшеналиева, Т. Машрапова, Т. Джуманалиева и других историков.[43] В систематизированном виде эти вопросы вкратце изложены нами в четвертом издании "Истории Киргизской ССР", где также впервые поставлен вопрос о взаимоотношениях кыргызов с Аштарханидами в XVII в.

Однако многие аспекты этой важной проблемы международных отношений Кыргызстана рассматриваемого периода изучены весьма слабо и неравномерно, а отдельные вопросы только поставлены и ждут своего решения. Поэтому назрела необходимость на основе привлечения новых источников, в том числе и материалов кыргызских исторических преданий, приступить к детальной разработке вопросов истории международных отношений Кыргызстана с соседними государствами Центральной Азии указанного периода.

Только через призму исторических событий XVI-XVIII вв. можно проследить этапы развития историко-культурных связей кыргызского народа с народами Центральной Азии.

Все это показывает не только научно-познавательное, но и практическое значение поставленных здесь проблем политической, этнической и социальной истории кыргызского народа периода средневековья и актуальность их разработки.

[43]Более детальный анализ точке зрения отдельных авторов по рассматриваемым проблемам сделан в соответствующих разделах настоящей работы. Обзор основных источников на персидском и тюркском языках, использованных в настощей монографии, смотрите: Мокеев А. Персоязычные и тюркоязычные источники.

ГЛАВА 1. КЫРГЫЗЫ НА АЛТАЕ

1.1. Расселение кыргызских племен в IX-XI вв.

В 840 г. енисейские кыргызы перевалили через Саяны и после разгрома государства уйгуров, установили свое господство над просторами Центральной Азии. Благодаря сообщениям письменных источников, преимущественно китайских хроник, политическая история начального этапа возвышения государства енисейских кыргызов во второй половине IX в. сравнительно хорошо изучена.[44]

Однако, дальнейшие этапы развития и распада государства кыргызов, в так называемую эпоху «кыргызского великодержавия», а также вопросы этнической истории кыргызов до сих пор остаются малоизученными из-за отрывочности и скудости сообщений письменных источников. К числу подобных вопросов, прежде всего, относится расселение кыргызских племен в различных частях завоеванной территории и их этнокультурные связи с другими племенами в рассматриваемый период, а также проблема переселения кыргызов на Тянь-Шань, вокруг которой до сих пор продолжается острая дискуссия среди историков.

Поэтому вопрос расселения кыргызских племен после 840 г. остается одной из актуальных проблем современного кыргызоведения и имеет не только научно-познавательное значение, но в современных условиях поиска исторических основ этнической самоидентификации кыргызского народа приобретает серьезную общественную значимость.

Стремительный выход енисейских кыргызов на просторы Центральной Азии и их расселение в Северо-Западной Монголии, на Алтае и Джунгарии были обусловлены, прежде всего, политическими причинами. Преследуя отступающих уйгуров, кыргызы в 840-848 гг. проникают в Прибайкалье на востоке и в Восточный Туркестан на юго-западе.

[44] Более подробно об этом см.: Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с кыргызами. С. 67-81; Кызласов Л.Р. История Тувы; Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров; Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов; Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи; Drompp M. R. Breaking the Orkhon tradition; Drompp M.R. Tang China and the collapse of the Uighur Empire.

Во второй половине IX в. границы расселения кыргызов по сведениям китайских источников, как будто бы совпадали с владениями Тюркского каганата: «Хагас было сильное государство, по пространству равнялось тукюеским владениям (предположительно подразумеваются пределы Второго Тюркского каганата). На восток простиралось до Гулигани (курыканы Прибайкалья) на юго-запад до Гэлолу (карлуки Семиречья)».[45] В течение длительного времени это сообщение китайской хроники воспринималось исследователями как достоверная информация о могуществе Кыргызского каганата. Но в настоящее время на основе нового прочтения и анализа китайских источников американский синолог М.Р.Дромп ставит под сомнение сам факт создания «кыргызского великодержавия» на развалинах Уйгурского каганата. При этом он показал, что вопреки устоявшемуся в исторической науке мнению о завоевании кыргызами территории Монголии после распада Уйгурского каганата в 840 г., на самом деле, кыргызы не закрепились здесь по экономическим и экологическим соображениям. По его мнению, эпизодические появления кыргызов в Монголии были связаны лишь военными походами, преследовавшие кратковременные военно-политические цели.[46]

Однако, уже в начале Хв., наблюдается постепенное сужение территории государства енисейских кыргызов в Центральной Азии и возвращение кыргызских племен в привычные для них горнолесные районы Саяно-Алтая. Несмотря на кратковременное господство, енисейские кыргызы по всей обширной территории своего расселения оставили характерные только для них археологические памятники. В результате многолетних исследований этих материалов известный археолог Д.Г.Савинов выделяет следующие локальные варианты культуры енисейских кыргызов IX-X вв.: ***минусинский, тувинский, красноярско-канский, прибайкальский, алтайский и восточно-казахстанский.***[47] Отсутствие здесь монгольского варианта материальной культуры кыргызов в какой-то мере подтверждает вышеизложенное мнение М.Дромпа о том, что компактные группы кыргызского населения не проживали в центральных и южных районах Монголии после крушения Уйгурского каганата в 840 г.

Эти особенности материальной культуры, выявленные на основе изучения археологических памятников, практически полностью согласуются со

[45] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах Азии.Ч.I. С. 354.
[46] Более подробно об этом см.: Drompp M. R. Breaking the Orkhon tradition. Однако как будет показано ниже, это мнение М.Дромпа соответствует действительности только частично, когда речь идет о центральных и южных районах Монголии. По сведениям мусульманских источников, северо-восточные районы Монголии, расположенные севернее бассейна реки Селенга, все же долгое время находились под контролем кыргызов.
[47] Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири. С. 89-97.

сведениями письменных источников, которые позволяют говорить о том, что уже вскоре после своего образования каганат енисейских кыргызов распался, по крайней мере, на пять отдельных княжеств. Согласно Рашид ад-Дину, ко времени возвышения Чингиз-хана некогда могущественное государство енисейских кыргызов уже не существовало, от него сохранились лишь небольшие в политическом отношении самостоятельные, фактически независимые друг от друга княжества, возглавляемые суверенными правителями, которые носили титул «инал».[48]

Характеризуя состояние страны кыргызов в указанный период, Рашид ад-Дин пишет: «*Кыргыз и Кэм-Кэмджиут* – две области, смежные друг с другом; обе они составляют одно владение (мамлакат). Кэм-Кэмджиут– большая река, одною стороною она соприкасается с областью монголов (Могулистан) и одна (ее) граница–с рекой Селенгой, где сидят племена тайджиутов; одна сторона соприкасается с (бассейном) большой реки, которую называют *Анкара-Мурэн*, доходя до пределов области *Ибир-Сибир*. Одна сторона *Кэм-Кэмджиута* соприкасается с местностями и горами, где сидят племена *найманов*. Племена *кори, баргу, тумат и байаут*, из коих некоторые суть монголы и обитают в местности *Баргуджин-Токум*, также близки к этой области. Титул (каждого) их государя, хотя бы он имел другое, *–инал*, а родовое имя их этой области, кто пользуется уважением и известностью–*иди*…».[49]

В то же время в китайской хронике монгольского периода «Юань ши» при описании страны кыргызов упоминаются области *Цилицзисы (Кыргыз)*, *Ханьхэна, Кяньчжоу* (*Цяньчжоу или Кэм-Кэмджиут*), *Иланьчжоу, Анкэла* (*Ангара или Баргуджин-Токум*) *и Усы*.[50]

Как явствует из сообщений этих источников, в начале XIIIв. в географическом отношении области Кыргыз и Кэм-Кэмджиут представляли собой обширный регион, охватывающий Саяно-Алтайское нагорье, Минусинскую котловину и Прибайкалье, которую соседи по традиции еще называли Кыргыз и Кэм-Кэмджиут.

Однако совершенно очевидно, что для Рашид ад-Дина и для составителей “Юань ши” названия областей Кыргыз и Кэм-Кэмджиут были скорее географическими, употребляемыми ими для обозначения региона Саяно-Алтайского нагорья, Прииртышья и Прибайкалья, а не этническими, обозначавшими единую страну и народ. Этническая интеграция шла в пределах

[48] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.I, кн.1. С. 102, 122, 150-151.
[49] Там же. С. 150.
[50] Материалы по истории кыргызов. С. 53-54. О значении гидронима *кэм* и о различных вариантах написания топонима Кэм-Кэмджиут в средневековых китайских и арабо-персидских сочинениях см.: Vasary I. *Kam*, an early Samoyed name of Yenisey. P. 469-482.

отдельных областей, где проживали действительно родственные по языку и одинаковые по уровню социально-экономического развития племена, объединенные под властью иналов в самостоятельные, фактически независимые друг от друга княжества.

На основании изучения археологических материалов установлено, что в каждом из вышеперечисленных вариантов археологической культуры процессы распространения кыргызской культуры и адаптации ее к местным традициям происходили по-разному.[51] Процессы этнической консолидации вокруг кыргызских племен шли более интенсивно, вероятно, на западе страны, где попавшие под власть енисейских кыргызов близкородственные им тюркоязычные племена Алтая и Прииртышья гораздо быстрее смешивались с племенем-гегемоном.

В Прибайкалье, где преобладало монголоязычное население, влияние кыргызов на этническую ситуацию в этом регионе было весьма ограниченным, что подтверждается информацией «Юань ши» о том, что язык зависимых от кыргызов племен области *Анкэла* (Приангарья), соответствующей *Баргуджин-Токуму* Рашид ад-Дина, сильно отличался от языка кыргызов (цзилицзисы). О мультиконфессиональной и многоязычной ситуации в Кыргызском каганате сообщает и автор «Зайн ал-ахбар» Гардизи. Согласно его сведениям, кыргызы, подобно индусам сжигают мертвых, а некоторые из кыргызов поклоняются корове, другие – ветру, третьи – ежу, четвертые – сороке, пятые – соколу, шестые – красивым деревьям.[52] Далее Гардизи отмечет, что язык племени *фури (куры, курыкан*) проживавшего на самом востоке страны кыргызов, никто не понимал.[53] Представляется, что в данном случае Гардизи под *фури* подразумевает жителей Приангарья, которое в источниках монгольской эпохи называется *Баргуджин-Токум или Анкэла.*

Нет единого мнения среди исследователей и по вопросу о локализации областей Кыргыз, Кэм-Кэмджиут и Баргуджин-Токум. Академик В.В. Бартольд, отмечая противоречивость сообщений источников по данному вопросу, в то же время склонен был считать, что область Кэм-Кэмджиут составляла южную часть страны кыргызов и скорее юго-западную, чем юго-восточную.[54] Л.Р.Кызласов утверждает, что область Кыргыз соответствует современной Хакасии, а именем Кэм-Кэмджиут называли нынешнюю Туву, хотя в другом месте он локализует область Кыргыз также на территории Тувы.[55] Тувинские историки не сомневаются в том, что Рашид-Дин под Кэм-

[51] Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи. С. 265
[52] Бартольд В.В. Извлечение из сочинения Гардизи. С. 47-48.
[53] Там же.
[54] Бартольд В. В. Киргизы. С. 504.
[55] Кызласов Л. Р. История Тувы. С. 132, 134.

Кэмджиутом подразумевает только территорию Тувы.[56]

Известные французские востоковеды П.Пельо и Л.Амбис локализуют область Кэм-Кэмджиут на юго-востоке страны Кыргыз: на юго-западе от реки Кэм (Енисей) и на севере горной системы Танну-Ола.[57] По мнению тувинского историка Н.А.Сердобова, области Ус (земли в долине реки Ус на юго-восточных склонах Западного Саяна) и Иланьчжоу (северные районы современной Тувы) также входили в состав княжества Кэм-Кэмджиут.[58]

На основе анализа ряда новых данных источников мы ранее высказывали соображение о том, что монголы подразумевали под термином Кэм-Кэмджиут не только Туву, но и Минусинскую котловину, а область Кыргыз составляла западную часть страны кыргызов и соответствовала современному Горному Алтаю и Прииртышью.[59] Известный знаток средневековых китайских источников по истории Центральной Азии Э. Бретшнейдер также подчеркивал, что в XIII в. западные пределы кыргызских земель простирались до берегов Иртыша.[60]

Поэтому нам представляется более обоснованной локализация областей Кыргыз и Кэм-Кэмджиут, предложенная П. Пельо и Л. Амбисом, согласно которой область Кыргыз соответствует западной части Минусинской котловины, Алтая и Прииртышья. На это же недвусмысленно указывает сообщение Рашид ад-Дина о направлении походов монгольских войск в область Кыргыз. Для покорения кыргызов монгольскому военному отряду потребовалось переправиться через реку Кэм-Кэмджиут.[61] Следовательно, вопреки мнению В.В. Бартольда и Л.Р. Кызласова, область Кыргыз составляла северо-западную часть страны Кыргыз и Кэм-Кэмджиут и располагалась в пределах западной части Минусинской котловины и, очевидно, включала в себя также Алтай и Прииртышье.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что *тувинский вариант* материальной культуры кыргызов принадлежит населению княжества Кэм-Кэмджиут (Цяньчжоу), где кыргызы контактировали по сведениям «Юань ши» с племенами уйгуров и монголов. *Минусинский и алтайский варианты* материальной культуры кыргызов, скорее всего, принадлежат населению княжества Кыргыз (Цзилицзисы), которое, как уже отмечалось выше, составляло северо-западную часть страны Кыргыз и Кэм-Кэмджиут. По определению Д.Г. Савинова, материалы из Минусинской котловины

[56] История Тувы. С.155.
[57] Histoire des campagnes de Chengis Khan. P. 209.
[58] Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. С.113-114.
[59] История Киргизской ССР. С. 428-429.
[60] Bretschneider E. Mediaeval researches. Vol. 1. P. 129.
[61] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн.1.С. 151.

эпохи «кыргызского великодержавия» могут быть названы *уйбатским* этапом *чаа-таса*. Количество памятников этого времени в Минусинской котловине, по сравнению с предыдущим *копенским* этапом *чаа-таса,* незначительно, что связано с переселением значительных масс кыргызского населения на территории южных районов Саяно-Алтая и Центральной Азии.[62]

Что же касается области *Баргуджин-Токум*, которая по данным «Юань ши» называлась *Анкэла* (Ангара) и находилась в вассальной зависимости от кыргызов, то ее локализация в районе Прибайкалья не вызывает сомнения[63]. Исследователи расходятся во мнении только по вопросу, в какой именно части Прибайкалья находилась область Баргуджин-Токум. Г.Е. Грумм-Гржимайло относил её к юго-западу от озера Байкал[64], а Д.Г. Савинов – южному Прибайкалью и западному Забайкалью.[65] Ю.С.Худяков представляет её территории к северу от Селенги, включая Восточные Саяны, Хамар-Дабан и степное Забайкалье.[66] На основе детального анализа сведений широкого круга источников, П.Пельо и Л.Амбис установили географические рамки области Баргуджин-Токума в монгольскую эпоху в пределах всей долины озера Байкал.[67]

В этой связи представляет определенный интерес сообщение персидского историка XIII века Джувейни, который до завершения своего сочинения «Тарих-и Джахангушай» совершил путешествие в столицу империи Чингисхана Каракорум и имел возможность лично ознакомиться с политической и этнической ситуацией в Монголии и Южной Сибири. Характеризуя страну кыргызов, Джувейни называет ее «Кыргыз и Селенга».[68] Традиция мусульманских авторов связывать бассейн реки Селенги с кыргызами, восходящая к информации Джувейни, продолжается вплоть до XVIIIв. Так, в географической части «Нузхат ал-Кулуб» Мустауфи Казвини, написанной в 1340 г., сообщается: «Область Кыргыз и Селенга из шестого климата. Его столица Каракорум, которая была построена Угедей-кааном. Климат холодный, вода в изобилии, однако урожай зернового хлеба скудный. Сеют яровую пшеницу. Пастбища хорошие, простираются до реки Онон, где была расположена главная ставка Чингиз-хана».[69] В «Географии» автора XVIIв. Махмуда ибн Вали по этому поводу есть следующее сообщение: «Селенга–область из шестого климата, в Туране. Как написано в «Китаб ахбар-и киргиз ва

[62] Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 267.
[63] Более подробно об этом см.: Худяков Ю.С. Об этнической интерпретации. С. 31.
[64] Грумм Гржимайло Г.Е. Западная Монголия. С. 415-416.
[65] Савинов Д.Г. К вопросу этногеографии Центральной Азии. С. 26.
[66] Худяков Ю.С. Об этнической интерпретации. С. 31.
[67] Histoire des Campagnes de Chengis Khan. P. 288.
[68] Тарих-и Джахангушай, изд. Казвини. Part I. P. 15.
[69] «Нузхат ал-Кулуб», изд. Ле Стренджа. С. 260.

Селенга», страна киргизов смежна с нею. Центр этой области–город Каракорум, где когда-то проживал Чингиз-хан. После него Угедей-каан построил там высокие постройки... Словом, климат Селенги холодный, а вода в изобилии. В настоящее время пришла в упадок, но временами там кочуют калмаки».[70]

Если принять во внимание эти сообщения Джувейни, Мустауфи Казвини, Махмуда ибн Вали и вышеизложенное сведение Рашид-ад-Дина о границах кыргызов, то представляется более приемлемым определение Ю.С. Худякова о географических рамках кыргызского княжества Баргуджин-Токум в пределах к северу от Селенги, включая Восточные Саяны, Хамар-Дабан и степное Забайкалье.

Исходя из вышеизложенного, представляется возможным считать, что *прибайкальский вариант* материальной культуры кыргызов принадлежит населению княжества Баргуджин-Токум (Анкэла). Здесь кыргызы вступали в тесные этнокультурные контакты с местными монголоязычными племенами кори, баргут, тумат и байаут. Об этом достаточно ясно свидетельствуют сообщения независимых друг от друга источников – «Худуд ал-алам» и «Юань ши». Составители «Юань ши» характеризуя обитателей области Анкэла, сообщают, что «они подчиняются цзилицзисы (кыргызам). Их язык весьма отличается от языка цзилицзисы (кыргызов)… Это и есть страна Гулигань, о которой написано в Тан-шу».[71]

Как установлено, под названием Гулигань или Гули в китайских источниках подразумевается монголоязычное племя кори или хори, которое впервые упоминается в «Худуд ал-алам» в форме фури, как подданные государства кыргызов. По сообщению анонимного автора «Кури (в тексте фури), - также из хырхызов; (они) поселяются к востоку от хырхызов и не смешиваются с прочими хырхызами это название народа,- которое также принадлежит хырхызам. Их языка другие хырхызы не понимают».[72] Сопоставление этого сообщения «Худуд ал-алам» с вышеупомянутой информацией Гардизи показывает полную зависимость автора «Зайн ал-ахбар» от своего анонимного предшественника.

Если анонимный автор Хв. утверждает, что язык кури другие кыргызы не понимают, то составители китайского источника монгольской эпохи говорят только о значительном отличии языка гулиган от кыргызского языка.

[70] Махмуд ибн Вали. Море тайн. С.52-53. Все эти сведения мусульманских источников ясно показывают, что вопреки вышеизложенному мнению М.Дромпа, северо-восточные районы Монголии и Прибайкалье после 840г. надолго оказались под властью кыргызов, вследствие чего само название страны кыргызов в мусульманском мире ассоциировалось с рекой Селенга.
[71] Зуев Ю.А. Тамги лошадей. С. 103.
[72] МИКК. С. 41.

Отсюда явствует, что и по данным письменных источников в течение двух-трех столетий после возвышения государства енисейских кыргызов произошло определенное взаимовлияние между господствующими кыргызами и их подданными–кори (кури или фури) в регионе Прибайкалье. Длительное присутствие кыргызов в этом регионе нашло отражение в народных преданиях населения Прибайкалья. Так, буряты все курганные насыпи по рекам Онон, Шилка и Аргуни еще в XIX в. называли *кыргызгир* (кыргызские дома).[73]

По археологическим материалам в IX-X вв. фиксируется также переселение значительной части енисейских кыргызов в район, расположенный севернее Минусинской котловины. Памятники енисейских кыргызов в этом регионе Д.Г. Савинов характеризует как *красноярско-канский* вариант культуры. Вероятно, страна Алакчин (у Рашид ад-Дина Алафхин), расположенная в области слияния рек Ангара (Ангара-мурэн) и Енисея (Кэм) рядом с землями кыргызов, которая подробно описывается у Рашид ад-Дина и его позднего компилятора Абулгази Бахадур-хана, соответствует *красноярско-канскому* варианту культуры енисейских кыргызов.[74] По сведениям Абулгази, страна Алакчин, где имеются породистые лошади пегой масти и богатые серебряные рудники, находилась на севере владения кыргызов в нижнем течении реки Ангара-мурен.[75]

Локализация территории древних алакчинов в исторической литературе остается дискуссионной. По мнению Н.А. Аристова, страна Алакчин соответствует княжеству Бома (Елочи или Хелочи), упомянутому в китайской хронике «Тан шу», прямыми потомками которого являются енисейские остяки.[76] Если французский востоковед П.Пельо помещает страну алакчинов в устье Енисея, на берегу Ледовитого океана, то казахстанский синолог Ю. Зуев склонен локализовать ее на истоках Ангары в районе восточного побережья озера Байкал, известного китайским хронистам под названием «Бэй-хай» – «Северное море».[77] Теперь в свете новых археологических материалов, выявленных Д.Г. Савиновым, можно уверенно локализовать страну Алакчин в районе севернее г. Красноярска, где Ангара соединяется с Енисеем.

Значительно труднее определить принадлежность *восточно-казахстанского* варианта культуры кыргызов к конкретной этнополитической структуре, возникшей на развалинах Кыргызского каганата. Тщательное изучение

[73] Щукин Н.С. Очерк Забайкальской области. С.15.
[74] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.I, кн.1. С.102.
[75] Более подробно об этом см.: Histoire des Mogols et des Tatars. T.2. P. 44-45.
[76] Аристов Н.А. Опыт выяснения. С.36.
[77] Pelliot P. Notes sur l'Histoire de la Horde d'Or. P. 142; Зуев Ю.А. Тамги лошадей. С.124-125.

сведений письменных источников позволяет внести некоторые уточнения по вопросу принадлежности этой культуры лишь населению определенного региона кыргызского государства во второй половине IX-Xвв. Автор анонимного сочинения Xв. «Худуд ал-алам» («Границы мира») при описании области кимаков и ее городов сообщает: «Каркар(а)хан еще одна область, принадлежащая кимакам, и жители ее напоминают по [своим] обычаям кыргызов».

Известный востоковед В.Ф.Минорский относительно локализации Каркар(а)хан считал, что эту область кимаков можно соотнести с городом Каркаралинском, находящимся в горном районе, к югу от Иртыша, приблизительно в 350 км к юго-востоку от Семипалатинска. Казахстанский востоковед Б.Е.Кумеков эту область идентифицирует с гористой местностью, расположенной южнее Иртыша, в районе Тарбагатая до Калбинского хребта, включая хребет Чингизтау.[78] По его мнению, Тарбагатайский хребет под названием *Гиргир* упоминается в географическом сочинении автора XII в. ал-Идриси «Нузхат ал-муштак». При этом Б.Е.Кумеков считает, что, возможно, в данном случае анонимный автор и ал-Идриси могли использовать одни и те же исторические сведения о кимаках, что позволяет провести параллель между *Каркар(а)* по «Худуд ал-алам» и *Гиргир* по «Нузхат ал-муштак».

В связи с этим, Б.Е.Кумеков также обратил внимание на предание, зафиксированное в «Маджму ат-таварих» Сайф ад-Дина Ахсикенти, где эпический герой кыргызского народа Манас происходит из среды кипчаков Каркара. Это значительно усиливает аргументацию идеи сопоставления Каркар(а)хан с Тарбагатайскими горами, поскольку они также, как область кыпчаков Каркары, коренного юрта отца Манаса Якуб-бека, расположены на северо-востоке от Семиречья. Прямые указания на расселение части кыргызских племен на северо-восточных пределах Семиречья по соседству с чигилями в X в. имеются и в «Худуд ал-алам».[79]

Поэтому мы придерживаемся локализации Каркары, предложенной Б.Е.Кумековым и считаем ее географическим и этническим обозначением *восточно-казахстанского* варианта материальной культуры кыргызов.

[78] Кумеков Б.Е. Государство кимаков. С. 66.
[79] МИКК. С. 43.

Основные результаты приведенного сопоставления топонимов и этнонимов эпохи Кыргызского каганата из разных источников с данными археологии о вариантах материальной культуры кыргызов могут быть иллюстрированы следующим образом:

Мусульманские источники					Китайские источники (*XIV в.*)	Материалы археологии
«Худуд ал-Алам» (X в.)	*Аль-Идриси (XII в.)*	*Джувейни (XIII в.)*	*Рашид ад-Дин (XIV в.)*	*Сайф ад-Дин Ахсикенди (XVI в.)*		
Хирхиз	Хирхиз	Кыргыз и Селенга	Кыргыз		Цзилицзисы	Алтайский вариант
			Кэм-Кэмджиут		Кяньч жоу Илань чжоу Усы Ханьхэна	Тувинский и Минусинский варианты
			Баргуджин – Токум		Анкэла	Прибайкальский вариант
Фури			Алакчин			Красноярский вариант
Каркар(а) хан	Гиргир			Каркара		Восточно-казахстанский вариант

Во всех вышеперечисленных регионах пришлые енисейские кыргызы постепенно стали ассимилироваться численно преобладающим местным населением завоеванных стран. Подобные процессы привели к образованию ряда новых кыргызских субэтносов, что подтверждаются археологическими материалами и сведениями письменных источников. Поэтому, начиная с IX в. племена с названиями «кыргыз» появляются в составе многих тюркоязычных и монголоязычных народов–от якутов и бурятов Прибайкалья до башкир Приуралья. Именно этим объясняется феномен широкого распространения этнонима «кыргыз» среди других народов. В обобщенном виде эти процессы смешения пришлых, сравнительно небольших групп кыргызов, в завоеванных ими областях с местными племенами отражены в следующих строках эпоса «Манас»:

«…Растеряли мы свой народ
Тогда, когда в разных местах
Каждый из нас в правителях ходил…»

С возвышением государства енисейских кыргызов в середине IXв. связана также возможность переселения части енисейских кыргызов на Тянь-Шань, которая, по мнению отдельных исследователей, сыграла решающую роль в этногенезе современного кыргызского народа.

По сведениям «Худуд ал-алам» (X в.) и «Табаи ал хайаван» ал-Марвази (XII в.), специалистами установлено появление какого-то отряда енисейских кыргызов во второй половине IXв. в городе Пенчуле, предположительно отождествляемом с современным Уч-Турфаном, расположенным в Восточном Туркестане. В.Ф.Минорский в своих комментариях к соответствующим разделам «Худуд ал-алам» рассматривает отдельные группы енисейских кыргызов, оказавшихся во второй половине IX в. среди карлуков Пенчула и других районах Восточного Туркестана как изолированные военные отряды, оторвавшиеся от основной массы кыргызских племен Алтая и Прииртышья.[80]

Судьба кыргызского отряда, попавшего в IXв. в Пенчул, неизвестна. Однако известен предмет переговоров между Танской империей и кыргызами, которые состоялись в то время (843г.). Кыргызы, по их утверждению, совершили поход в Аньси (Куча) и Бейтин (Бешбалык), и китайский представитель на переговорах, которые состоялись в крепости Тяньдэ (Ордос, в излучине Хуанхэ), заявил кыргызскому послу, что в Аньси и Бешбалык направляется китайская армия.[81] Тем самым снимается вопрос об утверждении кыргызов на этой территории и повторных походах кыргызских войск в направлении Восточного Туркестана. К тому же, как явствует из текста китайского источника, по словам главы посольства, кыргызского полководца Табу-хэцзу (Тепек Алп Сол) Аньси (Куча), Бейтин (Бешбалык) и дада (татары)[82] подчинились, когда кыргызские войска вступили на старые уйгурские земли на р. Хэлоучан, т.е. в верховья Эдзин-гола. Следовательно, несмотря на то, что передовые отряды кыргызского войска еще находились далеко на востоке Бешбалыка, Табу-хэцзу на переговорах с китайскими дипломатами утверждал о взятии им Кучи и Бешбалыка, что вряд ли соответствует действительности.

В.В. Бартольд, ссылаясь на сообщение сунского посла к уйгурскому государю Бешбалыка и Турфана Ван Яндэ (981-984 гг.), отмечает, что в его известиях о подчинении кыргызов уйгурам «речь идет о ликвидации тех

---

[80] Hudud al-Alam. P. 265, 283.

[81] Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров. С. 37. О тюркских вариантах личных имен кыргызских правителей, полководцев и дипломатов, зафиксированных в хрониках Танской эпохи на китайском языке см.: Супруненко Г.П. Некоторые источники. С. 236- 248; Ее же. Из древнекыргызской ономастики. С. 79-81.

[82] По сведениям «Худуд ал-алам», в то время татары были одним из тогузгузских (уйгурских) племен. Более подробно о кыргызско-татарской войне 842 г. см.: Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы. С. 106.

успехов кыргызов в Восточном Туркестане, о которых мы знаем из рукописи Туманского («Худуд ал-алам»). К сожалению, до сих пор некоторые авторы принимают эту информацию Ван Янде за чистую монету и без должной критической оценки считают ее прямым доказательством проживания кыргызов в Восточном Туркестане в Хв. под властью уйгуров Гаочана. Так ли это?

Обратимся к тексту «Сун ши», где находятся путевые записки Ван Янде. Описывая этнополитическую ситуацию государства уйгуров, сунский посол пишет, что «под управлением государства Гаочан находились многочисленные племена: южные и северные туцзюэ (тюрки), большие и малые чигили, ягма, карлуки, кыргызы (сяцзясы), барман, геты, урунгу».[83] При анализе этого сообщения, прежде всего, следует отметить, что информация о подчинении перечисленных народов и племен государству Гаочан получена Ван Янде от самих уйгурских чиновников, которые для возвеличения могущества своего правителя перед сунским послом почти всех соседних народов и племен представили как своих вассалов. Безосновательность этого утверждения очевидна по той простой причине, что в конце X в. Караханидский каганат, расположенный в Семиречье и Восточном Туркестане, достиг своего зенита могущества,[84] а упомянутые в дневнике Ван Янде чигили и ягма являлись господствующими племенами этого могущественного государства.[85]

Как известно, одной из столиц восточной части Караханидского государства, где представители правящей династии являлись выходцами из племени чигиль, был город Кашгар, расположенный в Восточном Туркестане.[86] Таким образом, чигили были лишь близкими соседями уйгуров Гаочаня, но отнюдь не их вассалами. Западные ветви кыргызов в эту эпоху также проживали севернее от государства Гаочан в регионе Прииртышья и Алтая и никак не могли быть вассалами уйгуров Бешбалыка. Следовательно, делать скоропалительные выводы относительно проживания кыргызов в районе Бешбалыка под властью уйгуров в конце X в., опираясь на вышеупомянутую информацию Ван Янде не совсем корректно.

Даже убежденный сторонник прямого переселения енисейских кыргызов на Тань-Шань А.Н. Бернштам в свое время вынужден был признать, что переселившиеся на Тань-Шань енисейские кыргызы составляли меньшинство населения и попали под влияние аборигенов, часть которых стояла на более высоком экономическом и культурном уровне. Он пишет, что эти свидетельства еще не дают оснований говорить о преобладании здесь кыргызов ни в

[83] Материалы по истории кыргызов. С. 52.
[84] Джуманалиев Т. Эволюция политической власти кочевников. С. 279-280.
[85] Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы. С. 106.
[86] Там же. С. 106.

этническом, ни в политическом отношении, особенно, в домонгольский период.[87] Действительно, у разрозненных групп енисейских кыргызов, оставшихся в отдельных районах Восточного Туркестана после описанных событий IX века, не было двух важнейших условий для сохранения и развития их как самостоятельного этноса, а именно относительно устойчивой территории и прочной этнополитической структуры, способной объединить их в государство. Следовательно, скорее всего, эти кыргызы впоследствии растворились в составе численно преобладающего тюркоязычного населения Восточного Туркестана.

Таким образом, остается неясным, было ли появление кыргызов в Восточном Туркестане однократным актом или серией походов. Имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют лишь об одном походе. М. Дромп, исходя из контекста соответствующего письма Ли Дэюйа, ставит под серьезное сомнение вероятность осуществления даже этого единственного похода кыргызских войск в район Аньси и Бешбалыка.[88] Поэтому утверждение о том, что кыргызы уже в 843 году завоевали и удерживали значительную территорию в Восточном Туркестане и устойчиво сохранялись на ней вплоть до XVв., представляется необоснованным. Особо акцентировал внимание на этом вопросе В.В. Бартольд, который подчеркивает, что ранее XVв. ни о каком массовом переселении кыргызов на Тань-Шань не может быть и речи.[89]

Как показывают результаты изучения археологических материалов эпохи «кыргызского великодержавия», из-за кратковременности пребывания кыргызов в Восточном Туркестане во второй половине IX в., носившего характер завоевания, а не миграции этноса, здесь не обнаружено достаточного количества памятников, соотносимых с кыргызами, как например, в Туве или Алтае.[90] Следы кратковременного пребывания небольших групп енисейских кыргызов на Тянь-Шане в рассматриваемый период можно увидеть в единичных археологических материалах, обнаруженных К. Табалдиевым в погребениях Кочкора, Нарына и Алая.[91] В этих погребениях обнаружены следы имитации обряда трупосожжения, характерного для енисейских кыргызов. Следовательно, здесь речь идет о серьезных изменениях элементов погребального обряда пришельцев под влиянием культуры местных племен в

[87] Бернштам А.Н. К вопросу. С. 21-22.
[88] Drompp M. R. Breaking the Orkhon tradition. P.394. Однако, как показывают сообщения «Худуд ал алам» о появлении кыргызов в районе Турфана в указанный период, вероятно, военный поход кыргызов в направлении Восточного Туркестана действительно состоялся, точную хронологию которого установить пока невозможно. (Более подробно об этом смотрите ниже).
[89] Бартольд В.В. Киргизы. С. 492, 513-514.
[90] Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи. С. 265.
[91] Табалдиев К. Курганы кочевых племен Тянь-Шаня; Его же Енисей кыргыздары.

процессе их интеграции с населением Тянь-Шаня.

Поэтому в «Диван лугат-ат тюрк» Махмуда Кашгари, где имеется подробная и самая достоверная информация о расселении тюркских племен в этом регионе в XI в., мы не находим никаких упоминаний о кыргызах на Тянь-Шане и в Семиречье. В то же время Махмуд Кашгари локализует кыргызов далеко на северо-востоке от Тянь-Шаня рядом с племенем ябаку, т.е. в пределах Алтая.[92]

Сопоставление сведений письменных источников с данными археологии, этнографии и лингвистики показывает, что в течение продолжительного периода культура енисейских кыргызов к западу от Енисея подверглась активной адаптации к кимакско-кипчакской, тогуз-огузской и частично карлукской культурой Алтайско-Иртышского региона. В результате здесь сформировался новый культурный комплекс, специфические черты которого сохранялись вплоть до новейшего времени в материальной и обрядовой культуре тянь-шаньских кыргызов. Начальные этапы проникновения этой совершенно новой культуры из Алтая и Прииртышья на Тянь-Шань Д.Г. Савинов относит к эпохе образования Монгольского государства на Притяньшанье в XIIIв.

Современное состояние изученности письменных источников позволяет говорить о том, что, очевидно, первыми носителями этой культуры в Притяньшанье было объединение кыргызских племен Булгачи (Ичкилик), которое выходит на политическую арену государства Моголистан уже во второй половине XIV века.[93]

1.2. Этнокультурные связи кыргызов с кимакско-кипчакскими и тогуз-огузскими племенами

Новейшие исследования по истории кыргызского народа показывает, что важным этапом кыргызского этногенеза было формирование центральноазиатского протоядра на Алтае и в Прииртышье в X-XI вв. Установлено, что этот фактор сыграл решающую роль в становлении центральноазиатского компонента в этногенезе тянь-шаньских кыргызов.[94] Не случайно поэтому в последние годы развернулась дискуссия вокруг проблемы происхождения и локализации алтайской группировки кыргызов в указанный исторический период.[95]

[92] Более подробно об этом см.: Мокеев А.М. К вопросу об этнических связях киргизов и карлуков.
[93] Более подробно об этом смотрите ниже.
[94] История Киргизской ССР. С. 423-424.
[95] Вопросы этнической истории; Мокеев А.М. К выходу в свет книги «Вопросы этнической истории киргизского народа». С. 66-71.

Наша концепция по данному вопросу в общих чертах нашла отражение в восьмой главе первого тома последнего издания "Истории Киргизской ССР", согласно которой часть енисейских кыргызов в результате расширения территории своего каганата во второй половине IX - нач. X вв. расселилась на Алтае и в Прииртышье, а затем в течение двух-трех столетий здесь шел процесс взаимовлияния и интеграции кимакско-кипчакского и тогуз-огузского населения с переселившимися сюда племенами енисейских кыргызов. В ходе этого процесса кыргызы полностью адаптировались в новой среде, но прежнее местное население Алтая и Прииртышья восприняло самоназвание господствующей племенной группы, т.е. кыргызов, которое с момента образования каганата превратилось в политоним.[96]

По мнению наших оппонентов, процесс формирования центральноазиатского протоядра кыргызского народа завершился уже до 840 года в Минусинской котловине. Часть кыргызских племен переселилась на Тянь-Шань в результате военного похода кыргызов в 843 г. в города Бешбалык и Аньси. В дальнейшем якобы именно эта группа кыргызов сыграла основную роль при формировании кыргызской народности.[97]

Однако, это утверждение не выдерживает критики по той простой причине, что в северо-восточных районах Восточного Туркестана уже в середине IX в. было создано Уйгурско-Турфанское государство с центром в Бешбалыке, которое просуществовало до первой четверти XIII в., когда произошло завоевание края монголами. К тому же создателями этого государства были те самые уйгуры, которые бежали сюда от преследования войск государства енисейских кыргызов. Следовательно, если даже какая-то группа кыргызов поселилась в Бешбалыке, она вскоре полностью интегрировалась среди господствующего этноса уйгуров и потеряла свою самоидентификацию.

Краткий анализ ранее доступных памятников археологии, сведений письменных источников и данных этнографии и кыргызского языка уже сделан в соответствующем разделе "Истории Киргизской ССР". Поэтому мы попытаемся здесь провести сопоставительный анализ только тех новых археологических материалов, которые выявлены в последние годы с данными письменных источников, этнографии, фольклора и истории кыргызского языка.

В хронологическом отношении одним из наиболее ранних легендарных преданий о происхождении кыргызского народа является сообщение автора XI в. Гардизи. В своем сочинении “Зайн ал-ахбар” он рассказывает, что глава кыргызов, происходивший из славян, прибыл в некую местность, располо-

[96] История Киргизской ССР. С. 423-424.
[97] Вопросы этнической истории. С. 35, 52-54.

женную между владениями кимаков и тогуз-гузов. Хан тогуз-гузов поссорился со своим племенем, поэтому гузы постепенно стали переходить к этому неверному. Он ко всем относился благосклонно и оказывал им милость, так что вскоре их собралось множество. Впоследствии тому племени, которое собралось около него, он дал имя кыргыз. Далее Гардизи отмечает, что "когда известие о нем пришло к славянам, многие из них пришли к нему своими семействами и имуществом, присоединились к другим и вступили с ними в родство, так что все слились в одно целое. Признаки славянского происхождения еще заметны в наружности кыргызов, именно, красные волосы и белая кожа".[98] Китайские источники, составленные в эпоху Танской династии, также сообщают, что енисейские кыргызы отличались высоким ростом, рыжими волосами, румяным лицом и голубыми глазами.[99] Аналогичное описание внешности кыргызов встречается и в донесении уйгурских лазутчиков о ситуации в северных регионах Центральной Азии, которое было составлено на тибетском языке предположительно в третьей четверти VIII в.[100]

Что касается намека Гардизи о славянском происхождении предводителя вновь объединенных кыргызов, то, по мнению венгерского ориенталиста К.Цегледи, здесь он пытается объяснить отличительные черты внешности пришлых, небольших групп енисейских кыргызов от других подвластных им племен кимакского и тогуз-огузского происхождения Алтая и Прииртышья.[101] В этой связи следует также отметить мнение татарского исследователя М.Закиева, который отмечает, что в арабских и персидских источниках раннего средневековья под термином «саклаб» («сакалиба») называются вообще вес род белокурых и рыжеволосых людей.[102]

Несомненно, вышеизложенное предание Гардизи о кыргызах носит явно легендарный характер, но в свете сообщений других источников все же представляет определенный интерес для исследования проблемы происхождения центральноазиатского компонента кыргызского народа. В этом предании, прежде всего, обращают на себя внимание весьма настойчивые мотивы о формировании кыргызской этнической общности внутри кимакского племенного союза и, одновременно, об этнических связях кыргызских племен с тогуз-гузами. Подобная этнополитическая ситуация в южной Сибири возникла только после второй половины IXв., когда произошло возвышение Кыргызского каганата, и его границы одновременно тесно соприкасались с

[98] Бартольд В.В. Извлечение из сочинения Гардизи. С.46-47.
[99] Бичурин И. Собрание сведений о народах Азии. Ч.I. С. 443.
[100] Bacot J. Reconnaissance en Haut Asie. P. 146; Moriyasu T. La nouvelle interpretation. P.171.
[101] Czegledy K. Gardizi on the history of Central Asia. P. 261-262
[102] Закиев М.Татары. С. 68-81

пределами кимаков и уйгуров (токуз-гузов).[103]

Как известно, в сочинениях средневековых мусульманских авторов под термином «тогуз-гузы» или «токуз-огузы» подразумевались средневековые уйгуры Центральной Азии, родоплеменной состав которых состоял из девяти племен.[104] Формирование могущественной конфедерации токуз-огузов под главенством уйгуров произошло в Монголии в середине VII в. после распада союза десяти племен теле, когда из этого союза вышли племена Сеяньто. По сведениям китайских источников, уйгуры являлись одним из крупных родоплеменных объединений древнетюркской конфедерации Толис, куда входили также *сир-тардушы, туба, курыканы, теленгуты, буку, байырку, тонгра, кун, сыгыр, айгыр и эдизы*. В свою очередь, сами уйгуры или токуз-окузы подразделялись на девять племен: *яглакар, утургар, кюрабир, бокасыкыр, авшар, казар, огуз, ямукар и айавир*.[105]

По свидетельству достоверных источников, первое расселение енисейских кыргызов среди кимакских племен связано с расширением созданного им в IX в. сильного каганата, западной границей которого стала северная часть Семиречья, а восточной – Приангарье.[106] Как отмечал еще В.В. Бартольд, кыргызы в эпоху своего кратковременного могущества несколько расширили свои владения в сторону юго-запада, где они на некоторое время стали соседями тогуз-гузов, карлуков, чигилей и тухсийцев на юге, а также кимаков на северо-западе.[107]

По заключению Д.Г. Савинова, наиболее вероятным местом, где кимаки могли оказаться севернее кыргызов, был степной Алтай, входивший в состав кимакско-кипчакского объединения. Следовательно, западные и северные склоны Горного Алтая служили, очевидно, политическими границами Кыргызского каганата с Кимакским государством, а также этническим барьером между кыргызами и кимаками.[108]

Наиболее краткие, но достоверные сведения об этом мы находим в сочинении "Китаб масалик ал-мамалик" ал-Истахри, составленного на арабском языке приблизительно в 930-933 гг., т.е. после возвышения Кыргызского каганата. По словам ал-Истахри, "…что касается хырхызов, то они живут между владениями тогуз-гузов, кимаков, океаном и землей хазладжей".[109]

[103] Бартольд В.В. Киргизы. С. 491.
[104] Более подробно об этом см.: Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы. С.113-115.
[105] См.:Hamilton J.R. Les Ouighours a l'epoque des Cinq dynasties. P.1-2; Faruk Sumer. Oğuzlar (Turkmenler). S. 30-34).
[106] Бартольд В.В. Киргизы. С. 487-488.
[107] Бартольд В.В. Киргизы. С. 492.
[108] Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири. С. 106.
[109] МИКК. С.16.

Более подробная информация о локализации кыргызов между владениями тогуз-гузов и кимаков содержится в сочинении анонимного персоязычного автора X в. "Худуд ал-алам". Описывая пределы области кыргызов, анонимный автор указывает, что "...на юге от нее – пределы тогуз-гузов и частично халлухов, на западе от нее – пределы расселения кимаков и (на севере) - необитаемые страны севера».[110] В других местах этого сочинения рассказывается о том, что отдельные группы кыргызов являются соседями чигилей и тухсийцев, которые были жителями Семиречья.[111]

Последнее сообщение "Худуд ал-алам" о кыргызах, по мнению В.В. Бартольда, относится не ко времени автора, а отражает этническую ситуацию северо-восточной части Средней Азии конца IX-нач. X вв.[112] Однако, известие Гардизи о происхождении кыргызов в результате их смешения с тогуз-гузами и кимаками, в какой-то мере, отражает реальную картину этнических процессов среди тюркоязычных племен южной Сибири и Центральной Азии, протекавших после установления господства над этим обширным регионом государства енисейских кыргызов. Очевидно, в данном случае речь идет о формировании новой этнической общности на Алтае и Прииртышье, которая сложилась в результате интеграции относительно небольших групп пришлых кыргызов с местными племенами кимакско-кипчакского и тогуз-огузского (уйгурского) происхождения.

Если после крушения Уйгурского каганата в 840 г. в северо-восточной Монголии и Туве не было серьезных политических препятствий для интеграции оставшихся частей тогуз-огузов (уйгуров) вокруг пришлых групп кыргызов, то на западных границах Кыргызского каганата еще некоторое время существовало достаточно сильное Государство кимаков. По свидетельству ал-Идриси, соперничество царя кимаков с карлуками и кыргызами, правители которых, тоже именовали себя каганами, и также претендовали на «уйгурское наследство», было весьма острым.[113] Однако, после гибели Кимакского государства в конце X или начале XI вв. в результате очередной мощной волны миграции племен в Великой степи, пришедшая в движение из-за давления на них со стороны киданей, часть кимакских племен Алтая и Прииртышья также попадает в зависимость от кыргызов.

По сведениям достоверных источников, какая-то часть кимаков под наз-

[110] МИКК. С.41.
[111] МИКК.С.43.Приведенные сообщения ал-Истахри и "Худуд ал-алам" подтверждаются и сведениями ал-Бируни, который также локализует кыргызов рядом с кимаками и тогуз-гузами. См.: Агаджанов.С.Г. Очерки. С. 84.
[112] Бартольд В.В. Киргизы. С.492.
[113] Кляшторный С.Г.,Султанов Т.И. Государства и народы. С.120.

ванием йемек продолжала жить на Иртыше еще в середине XI в.[114] К тому же по сообщению Рашид ад-Дина в XII в., в районе верхнего Иртыша в местности Йеке Алтай, где соприкасались границы расселения найманов и кыргызов, проживало близкородственное к кипчакам племя канглы.[115] Исходя из этого, еще академик В.В. Бартольд допускал вероятность изменения кыргызского языка под влиянием кипчакского языка именно в этот период. По этому поводу В.В. Бартольд пишет, что «влиянием тех же канглов, вероятно, следует объяснить факт, что кара-киргизское (кыргызское) наречие стоит гораздо ближе к киргиз-казацкому (казахскому), чем к языку енисейских тюрков ... и киргизы могли подвергнуться влиянию канглов еще до своего переселения в Семиречье».[116]

Таким образом, В.В. Бартольд, хотя и не знал сведений некоторых письменных источников и археологических материалов, обнаруженных после его смерти, тем не менее, он, верно предугадал итоги этнических процессов, протекавших в Юго-Западной Сибири после создания Кыргызского каганата.

Как показывает сопоставительный анализ сведений вышеперечисленных письменных источников с материалами археологических исследований, в течение двух-трех столетий – во второй половине IX-XI вв. в пределах Алтая и Прииртышья шел процесс взаимовлияния и интеграции кимакско-кипчакского и токуз-огузского круга племен с переселившимися сюда группами енисейских кыргызов.[117]

Говоря о взаимовлиянии между кимаками и кыргызами на Алтае и в Прииртышье, прежде всего, следует отметить результаты исследований группы казахских археологов, проведенные в этом регионе в 80-е годы прошлого столетия. Авторы коллективной монографии "Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС", определяя этнокультурную принадлежность памятников средневековых кочевников Прииртышья IX-X вв. отмечают, что вся сложность этнического состава кимакского политического объединения отразилась в разнообразии погребальных обрядов населения этого региона. В частности, установлено, что среди курганов могильника Зевакино с погребениями по обряду кремации (трупосожжения), бесспорно, имеются такие, в которых захоронены представители древнекыргызского общества, а некоторые объекты могильника Джартас указывают на существование в это время тесных контактов местного населения с енисейскими

[114] Кумеков Б.Е. Государство кимаков. С. 86-87, 129.
[115] Бартольд В.В. Рецензия на Аристова. С. 276-277. По мнению В.В.Бартольда, мусульманские авторы XII-начала XIII вв. употребляют слова *канглы* и *кыпчак* почти как синонимы.
[116] Там же. С. 276-277.
[117] История Киргизской ССР. С. 423-429.

кыргызами.[118] В данном случае речь идет о взаимовлиянии погребального обряда между местными кимакскими и пришлыми кыргызскими племенами, которые заняли здесь господствующее положение.

К аналогичному выводу пришла другая группа сибирских археологов, которая в последние годы исследовала ряд могильников Юго-Западного Алтая. Результаты исследования этой группы также показали, что в IX-X вв. енисейские кыргызы не только проникали в южные и западные районы Алтая, но и интенсивно смешивались с местными кимакскими и другими тюркоязычными племенами.[119]

В этой связи представляют значительный интерес также результаты исследований Д.Г. Савинова и некоторых сибирских археологов. Они ясно показывают, что во второй половине IX-первой половине X вв., когда Кыргызский каганат занимал территорию от Иртыша до Селенги и Большого Хингана, на Алтае появляется третий этап *курайской* культуры.

В это время отмечается интеграция культуры тюркских племен Алтая с культурой господствующего этноса – пришлых кыргызов, что демонстрируют многочисленные памятники, свидетельствующие о серьезных изменениях в материальной культуре местного населения, которые восприняли значительные элементы зооморфных и растительных орнаментов «кыргызского» стиля.[120] Как показывают археологические материалы, кыргызы в пределах середины IX-начала XI вв. последовательно осваивали горно-алтайские котловины и активно смешивались с местными телесскими племенами, а на Западном и Юго-Западном Алтае пришлые кыргызы в указанный период смешивались преимущественно кимакскими племенами.[121]

Историческая традиция, отражавшая значение и политическую роль енисейских кыргызов в процессе формирования новой этнической общности на Алтае и в Прииртышье ясно выражена в историческом труде османского автора XV в. Шукраллаха "Бехджат ат-таварих".[122] Османский автор использовал в своем труде и процитировал около 60 исторических и географических трудов. Однако, как показали исследования Г.Хазаи[123] и С.Г. Агаджанова[124], сведения Шукраллаха о расселении тюркских племен в X-XI вв. заимствованы из сочинения "Джами ал-хикаят" Ауфи, чья информация о тюрках в свою

[118] Археологические памятники. С. 243-246.
[119] Алехин Ю.И. Исследования. С. 190.
[120] Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири. С. 67; Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс памятников в долине р. Бийке; Тишкин А. Алтай в период раннего средневековья. С. 7.
[121] Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи. С. 269-270.
[122] Справочные данные об этом сочинении см.: Миклухо-Маклай Н.Д. Описание персидских и таджикских рукописей. С.84.
[123] Hazai G. Les manuscrits, conserveś à Sofia. P. 156-157.
[124] Агаджанов С.Г. Очерки. С.18.

очередь восходит к "Табаи ал-хайаван" ал-Марвази.

Вместе с тем, в "Бехджат ат-таварих" имеется ряд интересных дополнений, которые заимствованы автором из других, не дошедших до нас сочинений. Так, по сообщениям Шукраллаха местом обитания кыргызов является область, расположенная между кимаками и печенегами, однако кимаки обитают на севере этой области и их правителями являются кыргызы. Далее Шукраллах сообщает, что многие из кимаков являются огнепоклонниками, и они в год один или два дня держат пост. В этот день сжигают тела умерших и поминают покойников[125].

Впрочем, и в главном источнике "Бехджат ат-таварих" Шукраллаха, "Табаи ал-хайаван" ал-Марвази, также имеются определенные указания на то, что живущие в близком соседстве с кимаками три племени сжигают трупы умерших.[126] В своих комментариях к "Табаи ал-хайаван" В.Ф. Минорский, указывает, что, следовательно, эти племена также испытали влияние енисейских кыргызов, которые были огнепоклонниками.[127] Аналогичные сообщения содержатся также в «Нузхат ал-муштак» ал-Идриси, по информации которого отдельные группы кимаков поклонялись огню. У этих кимаков огонь считался священным, его почитали как очистителя и домашнего покровителя.[128]

Очевидно, что обряд трупосожжения, первоначально характерный только для енисейских кыргызов, после установления их политического господства над кимакско-кипчакскими и другими тюркоязычными племенами Алтая и Прииртышья стал распространяться и среди этих племен, что подтверждается также археологическими памятниками. Погребения с трупосожжениями открыты на могильниках Карболиха, ряде курганов группы могильников Гилево, Новофирсово и др. на Западном Алтае. Причем в одном из курганов находились три погребения: по обряду трупосожжения с кыргызским инвентарем, трупоположение с восточной ориентировкой и детское с сосудом типа «кыргызской вазы», на основании которых археологи говорят не только о проникновении енисейских кыргызов на Юго-Западный Алтай в IX-Xвв., но и об этническом смешении местного и кыргызского населения.[129]

В связи с проблемой этнокультурных ваимовлияний между кыргызами и кипчаками значительный интерес представляет также *восточно-казахстанский* вариант материальной культуры кыргызов. По определению Д.Г. Савинова, этот вариант культуры в территориальном отношении ограничивается главным образом в регионе Верхнего Прииртышья, а на юге достигает

[125] Бехджат ат-таварих. С 785. Л. $29^{б}$-$30^{а}$.
[126] Minorsky V. Marvazi on China, the Turks and India. P. 32.
[127] Minorsky V. Marvazi on China, the Turks and India. P. 108-109.
[128] Кумеков Б.Е.Государство кимаков. С.109.
[129] Алехин Ю.И. Исследование.С.190.

Джунгарское Алатау, на что указывают предметы сопроводительного инвентаря из погребений около города Текели.[130]

В этой связи следует отметить довольно интересное сообщение Рашид ад-Дина о местоположении летних и зимних ставок Арик-Буки–владетеля Северо-Западной Монголии и Саяно-Алтайского нагорья в 50-х годах XIII в. Он пишет, что «его летнее становище было на Алтае, а зимнее–в Теке и Кыргызе. Между ними (расстояние) в три дня пути». Поскольку здесь речь идет о северной части Монгольского Алтая, то зимняя ставка Арик-Буки должна быть локализована в 90-100 км от него («три дня пути»). Во всех случаях его зимняя ставка не могла быть в долине Енисея, а совпадение топонимов Теке и Текели однозначно указывает на область расселения части западной группировки кыргызов в регионе Прииртышья.

Как отмечалось выше, ареалу распространения *восточно-казахстанского* варианта культуры кыргызов соответствует территория области Каркар(а)хан, которая по сообщениям «Худуд ал-алам» принадлежит кимакам и жители ее напоминают по своим обычаям кыргызов.[131]

Один из первых исследователей «Маджму ат-таварих» известный ориенталист А.Т.Тагирджанов, интерпретируя рассказ о кипчакском происхождении отца Манаса Якуб-бека, отмечает, что настоящая версия эпоса сложилась среди западной ветви конфедерации кимакских племен-кипчаков, вошедших в состав кыргызов.[132] К сожалению, в этих рассказах «Маджму ат-таварих» не дается ясного представления о географическом расположении Каркары. Слово Каркара употребляется, то, как географическое название, то, как собственное имя отца Якуб-бека.[133]

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что географическими и этническими обозначениями *восточно-казахстанского* варианта материальной культуры кыргызов в письменных источниках являются: *Каркар(а)хан* в «Худуд ал-алам», *Гиргир* в «Нузхат ал-муштак» ал-Идриси и *Каркара* в «Маджму ат-таварих» Сайф ад-Дина Ахсикенди.

Таким образом, сведения аутентичных источников о тесных этнокультурных связях кыргызов и кимаков в X в. в пределах Прииртышья полностью подтверждаются с выводами археолога Д.Г. Савинова, который выделил *восточно-казахстанский* вариант материальной культуры кыргызов указанного периода в этом регионе.

Постепенно к концу X в., в результате изменения политической ситуации в регионе, наблюдается резкое сужение территории государства кыргызов.

[130] Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири. С. 93-94.
[131] МИКК. С. 37.
[132] «Собрание историй» Маджму ат-таварих. С.39.
[133] Там же.

Вероятно, именно тогда область Каркара(хан) полностью потеряла политические связи с кыргызами и поэтому в источниках монгольской эпохи при описании страны Кыргыз и Кэм-Кэмджиут никакой информации об этой области не встречается. Но, судя по материалам «Маджму ат-таварих» Сайф ад-Дина Ахсикенди, кипчакское население этого региона вплоть до XVI в. продолжало осозновать себя частью кыргызских племен. Такая устойчивая самоидентификация кыпчакских племен Джунгарии ускорила процессы их интеграции с кыргызскими племенами Прииртышья в эпоху распада государства Моголистан во второй половине XV-нач. XVI вв., когда произошла инфильтрация значительной части кыпчаков Каркары в состав родоплеменного объединения Булгачы (Ичкилик).

В этот же период, когда с выходом енисейских кыргызов на историческую арену Центральной Азии стали преобладать этнокультурные связи широтного направления, установились весьма тесные контакты кыргызов также с тогуз-огузскими или уйгурскими племенами Тувы, Монголии и Восточного Туркестана.

Как уже установлено, для расширения экспансии на просторах Центральной Азии кыргызские каганы после победы над уйгурами в 840г. последовательно переносили свои ставки от подножий Саянских гор в южном направлении сначала на южную сторону Танну-Ола, а затем в город Кемиджикет, который находился в центральной Туве.[134] Представляется, что вышеизложенная легенда Гардизи о приезде главаря кыргызов в регион расселения кимаков и тогуз-гузов является отголоском именно этих политических акций кыргызских каганов, которые во второй половине IXв. переносили свои ставки из Минусинской котловины в центральные районы Тувы, где преимущественно проживали тогуз-огузские(уйгурские) племена.

Как показывают сведения китайских источников, значительная часть уйгуров после падения своего государства в Монголии, спасаясь от преследования кыргызских войск, вынуждена была бежать в различные стороны. Основные пути миграции уйгуров после гибели Уйгурского каганата установлены в работах синолога А.Г. Малявкина, который обозначил несколько направлений их движения в середине IX в.: 1) северо-восточное – в район Забайкалье к племенам шивэй, а также в пределы, находившиеся под контролем киданей; 2) южное – к приграничным районам Китая; 3) юго-западное – в Восточный Туркестан и Джунгарию.[135]

Однако, некоторые группы уйгуров, нашедшие убежище в Забайкалье были насильно возвращены кыргызами обратно на их исконные территории.

[134] Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. С. 102.
[135] Более подробно об этом см.: Малявкин А.Г. К вопросу о расселении уйгуров. С. 29-35.

Об этом свидетельствует сообщение «Цзю Таншу» о событиях 848 года, когда министр кыргызов Або (Апа) во главе 70 000 войска атаковал шивэй и нанес им сильное поражение. Затем он собрал всех уйгуров, находившихся у шивэй, и вернул их на север от Гоби, т.е. на родину.[136] Очевидно, именно об этих уйгурах идет речь в работе Л.Р.Кызласова, который считает, что и после разгрома Уйгурского каганата кыргызами в середине IX в. на территории Тувы и Монголии продолжали жить потомки *он-уйгуров и сары-уйгуров*. Они, хотя и восприняли обычаи кыргызов, но сумели сохранить свои родовые имена (*ондар-уйгур, сарыглар* и т.д.).[137] Вероятно, аналогичная судьба постигла и другую группу уйгуров, которая, по сведениям Абулгази Бахадур-хана, после падения Уйгурского каганата бежала на северо-запад и поселилась в лесных районах Верхнего Иртыша.[138]

О существовании прямых этнокультурных связей тувинских родов ондар-уйгур и кара-уйгур с древними уйгурами свидетельствуют также этнографические материалы. Как показывают результаты исследования известного специалиста по этнографии народов Южной Сибири Л.П. Потапова, среди *ондар-уйгуров* сохранилось предание, что все хемчикские уйгуры произошли от общего предка-мальчика, привезенного в долину Хемчика. Этот мальчик во время какой-то кровопролитной войны спасся, спрятавшись на дереве, когда все остальные *уйгуры* были перебиты. А тувинцы центральных районов хранят предание об обитании *уйгуров* и в районе Чаа-Холя, и им же приписывают наскальные рисунки, выбитые на камнях близ Булун-Терека.[139]

В этом отношении представляет также большой интерес сообщение ал-Бируни о расселении в XI в. племен *каи* и *кунов* рядом с землями кыргызов, вероятно, в районе юго-западного Алтая.[140] Как известно, древнетюркское племя *кунов*, занимавшее почетное положение в конфедерации *теле* (токуз-огузов) после разгрома Уйгурского каганата в 840 г. сначала бежало на восток Монголии и попало в сферу влияния киданей, а племя *каи* также по крайней мере с начала VII в. входило в состав племенного союза *теле*. Когда эти племена были вытеснены из восточной Монголии киданями, и каким образом они оказались рядом с кыргызами Алтая, остается неясными.[141]

[136] Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров. С.30. По мнению М.Дромпа это событие произошло весной 848 года, и часть уйгуров смогла уйти в направлении Гансу, где сосредотачивалась другая группа уйгурских беженцев под предводительством Пан Тегина. Более подробно об этом см.: Drompp M.R. Tang China and the collapse of the Uighur Empire. P.156.

[137] Кызласов Л.Р. История Тувы. С.125.

[138] Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи. С. 279.

[139] Культура тувинцев. С. 63-64.

[140] Кляшторный С.Г.,Султанов Т.И. Государства и народы. С. 124.

[141] Там же.

По мнению С.Г.Кляшторного, в сочинении Махмуда ал-Кашгари *куны* упомянуты под другим названием-*ябаку*.[142] Очевидно, в результате тесных этнокультурных связей между кыргызами Алтая и телесско-уйгурскими племенами *каи* и *куны*, отдельные группы этих племен также вошли в состав алтайских кыргызов и впоследствии вместе с ними передвинулись на Тянь-Шань. Так название родового подразделения кыргызского племени саяк *кайдуулат,*[143] скорее всего, произошло в результате стяжения двух различных этнонимов *каи* и *дуглат*, что свидетельствует о смешении алтайского племени *каи* после его переселения в Моголистан с местным племенем *дуглат*. А следы племени кунов среди кыргызов Тянь-Шаня можно обнаружить в названии родового названия *жабагы* (ябаку).[144]

Поэтому намеки Гардизи о присоединении отколовшихся от своего правителя тогуз-огузов к предводителю кыргызов, в целом верны и отражают результаты этнических процессов на территории Тувы, Алтая и Приртышья в IX-X веках, когда пришлые небольшие группы енисейских кыргызов вступили в тесные контакты с оставшимися здесь частями алтае-телесских и тогуз-огузских (уйгурских) племен.

Для рассмотрения вопроса о некоторых аспектах взаимоотношений кыргызов с тогуз-огузскими племенами, мигрировавшими после 840 г. в Восточный Туркестан, следует отметить авторитетное заключение В.Ф. Минорского об этнониме тогуз-огуз. Он на основе детального исследования ряда арабских и персидских источников по истории Центральной Азии в X- XII вв., в том числе и рассматриваемого сочинения Гардизи, определил более точное содержание этнонима тогуз-огуз (тогуз-гуз, тугузгуз). По заключению В.Ф. Минорского, в сочинениях ряда мусульманских авторов X-XII вв. под тогуз-огузами подразумеваются уйгурские княжества Восточного Тянь-Шаня, созданные здесь бежавшими из Монголии уйгурами во второй половине IX в.[145]

Как явствует из сведений различных источников, северные пределы этих княжеств соприкасались с территорией кыргызских племен Алтая.[146] По

[142] Там же. С. 125. Более подробно об этнических связях алтайских кыргызов с ябаку смотрите ниже.

[143] Абрамзон С.М. Кыргыз. С. 680.

[144] Более подробно об этом см.: Мокеев А.М. К вопросу об этнических связях киргизов и карлуков.

[145] Hudud al-Alam. P.265, 283. О соотношении этнонимов тогуз-огуз и уйгур смотрите также: Якубовский А.Ю.Арабские и персидские источники. С. 423-433. О значении термина тогуз-огуз (токузогуз) и его соотношение с этнонимом уйгур по материалам китайских источников см.: Pulleyblank E.G. Some remarks on the Toquzoghuz problem. P. 35-42. Об этимологии этнонима огуз и миграции огузских племен на запад см.: Golden P. The migration of the Oğuz. P. 45-55.

[146] Бартольд В.В.Киргизы. С. 492.

мнению В.В. Бартольда, употребление этнонима тогуз-огуз в смысле «уйгур» в сочинениях некоторых восточных авторов X-XII вв. объясняется только книжными традициями и что у самих тюркоязычных племен, живших в то время в Восточном Туркестане, такого слова не было.[147]

Согласно сообщениям анонимного автора «Худуд ал-алам», который дает подробное описание пределов расселения тюркоязычных племен Центральной Азии «…на западе области (тогуз-гузов) – некоторая часть хырхызов и на север – также хырхызы, (они) селятся вдоль всех ее границ».[148] Несомненно, здесь под тогуз-гузами подразумеваются уйгуры, значительная часть которых после разгрома кыргызами их каганата в Монголии в 840 г. переселилась в Восточный Туркестан, и, заняв восточные отроги Тянь-Шаня, сумела создать здесь свое государство.[149]

По свидетельству сообщений различных источников, несмотря на былую вражду между уйгурами и кыргызами уже в начале X в., они жили в соседстве друг с другом и поддерживали тесные торгово-экономические связи. Из Кучи и Бешбалыка, принадлежавшим уйгурам, регулярно привозились различные товары в страну кыргызов. Транзитный торговый путь, соединяющий мусульманские страны запада с кыргызами также проходил через владения уйгуров.[150] Вероятно, все это создавало определенные условия и для расширения этнокультурных связей между уйгурами и кыргызских племен, которые проживали на Алтае и Прииртышье.

В этой связи представляет большой интерес текст сочинения буддийского содержания на уйгурском языке X в., впервые опубликованный французским востоковедом П.Пельо.[151] В этом памятнике уйгурского языка X в. зафиксировано слово кобуз (комуз), как название щипкового музыкального инструмента.[152] Насколько известно из сведений достоверных китайских источников, у древних енисейских кыргызов подобного щипкового инструмента вообще не было. По сведениям китайских хроник танской эпохи енисейские кыргызы из музыкальных инструментов имели барабан, флейты, свирели, дудки и плоские колокольцы.[153]

Это обстоятельство позволяет нам с большей долей вероятности предположить, что один из древних национальных музыкальных инструментов кыргызского народа комуз, по-видимому, был заимствован алтайскими

[147] Бартольд В.В. Двенадцать лекций. С. 56-58.
[148] МИКК. С. 40-41.
[149] Малявкин А.Г. Уйгурские государства. С. 116-124.
[150] Бартольд В.В.Киргизы. С. 492-493.
[151] Pelliot P. La version ouigour. P. 225-272; Новое издание этого сочинения см.: Manuscrits ouigoure de Touen Houang.
[152] Pelliot P. La version ouigoure. P. 258; Manuscrits ouigoure de Touen Houang. P. 89.
[153] Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири. С.59.

кыргызами именно у уйгуров Восточного Туркестана во второй половине IX в. или в X в. Весьма показательно, что комуз, как щипковый инструмент был зарегистрирован в XIX в. только у алтайцев и кыргызов Тянь-Шаня.[154]

В этом контексте следует также отметить авторитетное мнение известного исследователя этнографии кыргызского народа С.М. Абрамзона о том, что такие кыргызские этнонимы как бугу (“пугу”), байсу (“байси”), уйгур (“хойху”), абат (“апа”или“аба”), тердеш (“тардуш”), баргы (“паегу” или “баегу”), мундуз (“бюкдюз”) и тоолес (“теле”) генетически связаны с соответствующей этнической номенклатурой древнетюркских конфедераций племен теле и тогуз-огуз.[155] Некоторые из этих этнонимов С.М. Абрамзон сопоставляет с аналогичными этнонимами современных алтайцев и отмечает: “Древнее этническое родство предков алтайцев и киргизов подтверждается не только совпадениями этнонимов, но и многими этнографическими параллелями, относящимися к различным сторонам быта и мировоззрения этих народов”. На очевидную связь древнетюркских этнонимов тоолес и тардуш с аналогичными родоплеменными названиями кыргызов указывает и венгерский тюрколог К. Цегледи.[156]

С.М. Абрамзон и К. Цегледи не указывают конкретную историческую эпоху, когда могли иметь место тесные этнические контакты между токуз-гузами и кыргызами. Теперь же в свете вышеизложенных сообщений различных источников можно с уверенностью предполагать, что эти процессы наиболее интенсивно протекали именно во второй половине IX-XIвв. на территории Алтая, северной Монголии и Прииртышья.

К этому же важнейшему периоду этногенеза кыргызского народа, по-видимому, следует отнести сложение таких кыргызских родов и племен, как кипчак (“кыпчак”),[157] кангды (канглы), бугу (пугу),[158] татар (“татар”),[159] нойгут (“ойгут», или “ойгур”), ранее связанные с кимакско-кыпчакской и тогуз-огузской конфедерацией племен. Упомянутое здесь одно из крупных киргизских племен нойгут часто называется и ойгут. По-видимому, этот кыргызский этноним связан с названием одного из главных тогуз-огузских

[154] Виноградов В.С. Киргизское народное творчество. С.87-88.
[155] Абрамзон С.М. Киргизы. С.52-55.
[156] Czegledy K. On the numerical composition. P.278.
[157] По мнению С.М.Абрамзона, “киргизское племя кыпчак явно обнаруживает свою связь с племенами “алтайского происхождения” (См.: Абрамзон С.М. Киргизы. С.44-47).
[158] Кыргызский этноним бугу исследователи единодушно связывают с названием одного из телесских племен бугу. Более подробно об этимологии этнонима бугу в значении военного титула «главнокомандующий» у гуннов и толесов см.: Зуев Ю.А. Тамги лошадей. С.108.
[159] Кыргызский этноним “татыр” можно сопоставить с названием одного из кимакских племен татар, зафиксированный в сочинении Гардизи(См.: Бартольд В.В. Извлечения из сочинения Гардизи. С. 43).

племен – уйгуров, часть которых примкнула к кыргызам именно на Алтае в указанный период. По данным китайских источников эпохи Минской династии среди найманов Монгольского Алтая в XIII веке упоминается и этноним «ойгут». Этот этноним французский синолог Л. Амбис идентифицирует с этнонимом уйгур и реконструирует его следующим образом: ойгут›ойгур›уйгур.[160]

Все это свидетельствует о том, что в процессе смешения пришлых енисейских кыргызов с местными кимакско-кипчакскими и тогуз-огузскими племенами кыргызы адаптировались в новой среде. Очевидно, местное население Алтая и Прииртышья восприняло самоназвание господствующей племенной группы, т.е. кыргызов, которое с момента образования каганата превратилось в политоним. Сообщение Гардизи о том, что «тому племени, которое собралось вокруг него, он дал имя кыргыз» совершенно ясно свидетельствует о переносе этнонима «кыргыз» в иную этническую среду и превращение его в политоним.

Таким образом, еще до монгольского завоевания название «кыргыз» маркировало разнородную группу, главным образом кимакско-кипчакских и части тогуз-огузских племен Алтая и Прииртышья, создавших новую этническую общность вокруг пришлых енисейских кыргызов. Поэтому есть полное основание полагать, что далеким отзвуком начавшихся изменений на северо-восточной границе информационной ойкумены мусульманского мира является зафиксированная Гардизи легенда о кимакском и токуз-огузском вкладе в формирование новой кыргызской этнической общности на Иртышском рубеже Кыргызского каганата.

Роль и значение алтае-телесских племен в становлении кыргызского народа в концентрированной форме отразились в генеалогии кыргызского народа, где мифическим первопредком всех кыргызских племен Тянь-Шаня является Долон-бий.[161] Очевидно, этот антропоним тесно связан с названием тувинского племени долаан, которое в свою очередь восходит к названию древних племен теле.[162] В этом отношении определенный интерес представляет мнение С.М. Абрамзона о том, что небольшая этнографическая группа долонов в Восточном Туркестане является по происхождению кыргызами.[163]

В целом, как показывают результаты исследований Д.Г. Савинова, посвященные этнокультурным процессам, происходившим на всей территории енисейских кыргызов после их выхода на историческую арену Центральной Азии, в это время сама культура енисейских кыргызов претерпела

[160] Hambis L. Notes sur les trois tribus de l'Ienissei. P. 29.
[161] Абрамзон С.М.Киргизы. С. 37-38.
[162] Сердобов Н.А.Формирование тувинской нации. С. 86.
[163] Абрамзон С.М. Киргизы. С.40.

определенные изменения за счет адаптации к культурным особенностям местных племен. По мнению Д.Г. Савинова, именно *алтайский* и *восточно-казахстанский* варианты культуры енисейских кыргызов имеют непосредственное отношение к материальной культуре тянь-шаньских кыргызов.[164] Эти выводы Д.Г. Савинова практически полностью согласуются с данными письменных источников, истории кыргызского языка, этнографических и фольклорных материалов.

В процессе интеграции местных племен вокруг нового господствующего этноса сами пришлые кыргызы также воспринимали некоторые элементы культуры местных племен Алтая и Прииртышья. По заключению археологов, после XIв. кыргызские курганы с обрядом трупосожжения к западу от долины Енисея исчезают, и они вытесняются кимакско-кипчакскими захоронениями в грунтовых ямах и подбоях, часто с конем. Аналогичный процесс смены обряда археологически фиксируется и в Приобье, где пришлые кыргызские племена в XI в. полностью ассимилируются местным тюркским населением.[165]

Отголоски этих изменений в погребальном обряде кыргызов, населявших приалтайские степи в Обь-Иртышском междуречье зафиксированы в источнике начала XII в. «Табаи ал-хайван» ал-Марвази. В разделе о тюркских племенах этого сочинения сообщается: «К ним (тюркам) относятся также кыргызы – многочисленный народ, проживающий между летним востоком и севером; кимаки живут на севере, а ягма и карлуки на западных пределах кыргызов… Кыргызы обычно сжигали трупы умерших, считая, что огонь очищает от всяких грехов, однако это их старый обычай. После того, как они стали соседями мусульман, кыргызы перешли на захоронение умерших».[166]

По свидетельству археологических данных, в рассматриваемый период никакого изменения погребального обряда у енисейских кыргызов не произошло. Следовательно, сообщение ал-Марвази не может быть отнесено к енисейским кыргызам. В приведенном отрывке имеются два указания относительно мест обитания той группы кыргызов, чей погребальный обряд изменился. Во-первых, они были соседями ягма и карлуков, и, во-вторых, они жили южнее кимаков. Соседями ягма и карлуков и одновременно мусульманизированного Семиречья и Кашгарии могла быть только группа кыргызов, проживавшая в Северо-Восточном Казахстане.

Следы характерной для кимаков и кипчаков погребального обряда захоронения впоследствии были зафиксированы этнографами среди кыргызов Тянь-Шаня. По материалам этнографа Т.Д. Баялиевой кыргызы на поминках

[164] Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири. С.89-97; Его же. Археологические данные. С. 81-84.
[165] Троицкая Т.Н. Погребения с трупосожжением. С.121-130; История Киргизской ССР. С.426.
[166] История Киргизской ССР. С. 425.

резали лошадей, так как считается, что они пригодятся ему на том свете. Хвост же лошади покойного подрезают. По мнению исследователя, этот обряд, вероятно, генетически связан с более древним обычаем поминального жертвоприношения лошади покойного и вывешивания ее хвоста на могиле.[167] Известный исследователь эпоса «Манас» И.Б. Молдобаев отмечает, что в одном эпизоде эпоса правитель чирчикских кыргызов Кокетей на смертном одре своему сыну завещает, чтобы, когда будут его хоронить, подготовили жертвенного коня со всем снаряжением. По мнению И.Б. Молдобаева, в данном случае конь предназначался для погребения вместе с Кокетеем, т.е., чтобы он не разлучался с конем и на том свете.[168]

Археологи также отмечают сходство обряда погребений с конем и отдельных деталей погребального инвентаря на Тянь-Шане и в Иссык-Кульской долине с саяно-алтайскими материалами второй половины I тысячелетия н.э.[169] Известный археолог Я.А. Шер на основе анализа ряда археологических памятников Тянь-Шаня, связанных с погребением с конем, пришел к выводу, что они «...своими генетическими корнями уходят в культуру алтайско-орхонских тюрков. Все они объединяются общим происхождением и помогают уловить не только нити культурных взаимовлияний и этнических контактов, но и локализовать один из существенных компонентов в этногенезе киргизов Тянь-Шаня, которыми были алтайские тюрки».[170]

Следовательно, кимакско-кипчакский обычай захоронения шкуры коня или конского снаряжения рядом с телом покойника, приобретенный кыргызами на Алтае и Прииртышье, позднее, под влиянием исламских традиций на Тянь-Шане значительно трансформировался и постепенно приобрел чисто символический характер, выражавшийся в вывешивании шкуры или хвоста жертвенного коня на могиле покойного.

Значительное влияние кипчакской культуры алтайским кыргызам прослеживается и в предметах искусства современного кыргызского народа. В этом отношении определенный интерес представляют особенности кыргызского орнамента, который, сохраняя свои древние формы, является важным историческим источником. По заключению искусствоведа С.В. Иванова, в кыргызском орнаменте можно различить несколько комплексов мотивов, носящих более или менее устойчивый характер. Причем, первый комплекс, который следует считать основным, определяющим характер кыргызского искусства, С.В. Иванов условно называет кипчакским, поскольку он встречается у целого ряда народов, в состав которых входят кипчаки. По его

[167] Баялиева Т. Д. Доисламские верования. С. 95.
[168] Молдобаев И.Б. Эпос «Манас» как источник. С. 95.
[169] Табалдиев К. Курганы кочевых племен Тянь-Шаня. С. 93.
[170] Шер Я.А. Памятники алтайско-орхонских тюрок на Алтае. С. 158-166.

мнению, сложился он, видимо, в среде поздних кочевников, т.е. в X-XII вв.[171] Теперь представляется возможным предположить, что этот наиболее распространенный комплекс кыргызского орнамента сложился именно среди алтайских кыргызов в регионе Алтая и Прииртышья под влиянием кимакско-кипчакской культуры.

Наличие глубоких этногенетических связей между современными кыргызами и алтайцами получило подтверждение и в исследованиях музыковедов В. Виноградова и Ч.Т. Уметалиевой-Баялиевой. По мнению этих исследователей, народная музыка кыргызов и алтайцев семиступенна, диатонична.[172] Согласно выводам Ч.Т. Уметалиевой-Баялиевой, кыргызская музыка, основанная на диатонике, значительно отличается от музыки таких близкородственных народов как казахи, каракалпаки, ногайцы, башкиры и др., которая построена на пентатонике. В то же время музыкальная культура кыргызов генетически очень тесно связана с музыкой алтайцев Горного Алтая, которая, как и кыргызская музыка, строго диатонична.[173]

Тюркологи и этнографы также отмечают генетическое сходство традиционного календаря кыргызов, основанного на счете по Плеядам с аналогичным календарем горных алтайцев и барабинских татар Сибири.[174]

Вышеприведенные данные археологии, этнографии, искусства и свидетельства письменных источников подтверждаются также результатами исследования кыргызского языка. О существовании тесных генетических связей между кыргызским и алтайским языками подчеркивал еще академик В.В. Радлов. В этой связи он пишет, «что больше всего отличает кара-киргизов от казаков – это язык, который стоит гораздо ближе к алтайскому и имеет очень древние черты».[175] И по заключению современных лингвистов наиболее близкими по классификационным признакам являются кыргызский и горноалтайский языки, а характерные признаки, повторяющиеся в этих языках, возникли именно в тот период, когда часть предков современных кыргызов находилась на Алтае, и имела тесное соприкосновение с горноалтайскими племенами.[176]

Лингвисты также установили, что, когда енисейские кыргызы двинулись на Алтай, они вступали в тесные контакты с тюркскими племенами, носителей языка в основном кипчакского типа. По мнению известных тюркологов

[171] Иванов С.В. Киргизский орнамент. С. 59-65.
[172] Виноградов В. Киргизская народная музыка; С. 23. Уметалиева-Баялиева Ч.Т. Этногенез кыргызов. С. 94-95, 119,135-137, 208.
[173] Уметалиева-Баялиева Ч.Т. Этногенез кыргызов. С. 94-95, 119,135-137, 208.
[174] Bazin L. Les systemes cronologique. P. 522 .
[175] Радлов В.В. Из Сибири. С. 354.
[176] Батманов И.А. Некоторые лингвистические данные. С. 93.

Э. Тенишева и Б. Орузбаевой, в изменении древнекыргызского языка важную роль играли лабиализационные процессы, а поскольку они главным образом протекали на Алтае, то средний, алтайский период в превращении древнекыргызского языка в современный кыргызский надо считать основным.[177]

Именно на Алтае произошло формирование среднекыргызского языка, носители которого позже, в XV в. переселились на Тянь-Шань, где завершился процесс сложения нового кыргызского языка.[178] На новокыргызском языке на Тянь-Шане и завершилось создание эпоса «Манас», сложение которого началось гораздо раньше, очевидно, среди алтайских кыргызов. Согласно авторитетному заключению академиков В.М. Жирмунского и Э.Р. Тенишева, по звуковому составу само имя Манас соответствует эпическому имени Алпамыш, огузская версия которого восходит к X в., а алтайская версия (Алып-Манаш) – к VI-IXвв.[179]

И, наконец, следует отметить выводы известного исследователя этнографии кыргызов С.М. Абрамзона о том, что данные всего комплекса этнографических источников достаточно ясно показывают на огромную роль тюркоязычного населения Алтая и Прииртышья в процессе сложения центральноазиатского компонента современного кыргызского народа.[180]

Таким образом, к началу XIII в. в алтайских степях Обь-Иртышского междуречья и в предгорьях Тарбагатая Юго-Восточного Казахстана уже более 200 лет существовала группа кимакско-кипчакских и токуз-огузских (уйгурских) племен, которая интегрировалась вокруг пришлых енисейских кыргызов и восприняла самоназвание «кыргыз». Подобное явление, когда в количественном отношении небольшие пришлые группы завоевателей полностью ассимилировались среди завоеванных племен, было широко распространено среди кочевых народов Евразии в древности и средневековье. Так, по свидетельству ал-Омари после монгольского завоевания Дешт-и Кипчака татары (монголы) смешались и породнились с местными племенами до такой степени, что постепенно стали точно как кыпчаки, как – будто они одного рода.[181]

Эта новая этническая группа алтайских кыргызов унаследовала от енисейских кыргызов не только самоназвание, но и некоторые элементы материальной и духовной культуры. Одним из ключевых элементов духовной культуры является обший миф о происхождении народа, который закрепляется в

[177] Тенишев Э.Р. Древнекыргызский язык. С.28; Орузбаева Б. Из истории киргизского языка. С. 121.
[178] Тенишев Э.Р. К вопросу о происхождении киргизов и их языка. С.10,16.
[179] Жирмунский В.М. Введение в изучение эпоса «Манас». С.79; Тенишев Э.Р. Начальная пора формирования эпоса «Манас». С.4.
[180] Абрамзон С.М. Вопросы этногенеза киргизов. С. 34-38; Его же. Киргизы. С. 44-47, 52-55.
[181] Тизенгаузен В. Сборник материалов. С. 235.

исторической памяти и передается из поколения в поколение в форме генеалогии.

В этом отношении представляет большой интерес легенда о происхождении кыргызов, зафиксированная в китайской хронике «Юань ши» (XIV в.). Согласно этой легенде кыргызы «ведут свое происхождение с тех пор, как сорок девушек земли Хань (т.е. Китая) вступили в брак с мужчинами Усы, исходя из смысла чего, так и была названа эта (кыргызская) земля.[182] В связи с упоминанием о мужчинах Усы в «Юань ши» сообщается о народе усы, жившем на востоке от кыргызов. Говорится, что народ усы получил свое имя от реки Ус и поклоняется духу реки, приносит ему жертвы, считая его своим предком.[183] В связи с этим обращает на себя внимание аналогичная легенда кимаков относительно реки Иртыш. По сообщениям Гардизи, кимаки оказывают уважение этой реке, поклоняются ей и говорят: «река бог кимаков».[184] Следовательно, можно говорить об общности мифологии о происхождении кыргызов и кимаков от одного прародителя – духа реки, который в одном случае связывается с Иртышом, а в другом – с Усы (Июс). Представляется, что эти легенды о поклонении духу реки кыргызов и кимаков своими корнями восходят к древнейшим верованиям южносибирских племен эпохи неолита, которые почитали водяного духа, властителя водной стихии и приносили ему умилоствительные жертвы перед его изображением.[185]

Как отсюда видно, еще в XIV в. китайские хронисты зафиксировали несколько иной вариант, весьма распространенной среди современного кыргызского народа легенды о своем происхождении от сорока девушек, потомство которых по числу своих матерей стало называться народом кыргыз (кырк кыз).[186] Поскольку эта легенда приводится в связи с историей не только енисейских (Цяньчжоу-Кэм-Кэмджиут), но и алтайских кыргызов (Цзилицзисы-Кыргыз), то стало быть, мы здесь имеем дело с общей фольклорной традицией, как древних кыргызов Южной Сибири, так и современного кыргызского народа на Тянь-Шане, зафиксированной в XIV в. в китайской хронике «Юань ши». Следовательно, она является пока единственным свидетельством письменных источников об общности происхождения предков современного кыргызского народа и древних кыргызов Енисея и Алтая.

Что касается информации «Юань ши» о роли китайцев (хань) в проис-

[182] Кычанов Е.И. Сведения «Юань-Ши» о киргизах. С. 59.
[183] Сведения различных источников о народе Усы в связи с легендой о происхождении кыргызов подробно рассмотрены в специальной статье Л.Амбиса.См.: Hambis L. Notes sur les trois tribus de l'Ienissei.
[184] Более подробно об этом см.: Бартольд В.В. Извлечение из сочинения Гардизи. С.44.
[185] Более подробно об этом см.: Кызласов Л.Р.Древнейшея Хакасия. С. 236-237.
[186] Подробный анализ различных вариантов этой легенды см.: Абрамзон С.М. Киргизы. С. 288-289.

хождении кыргызов, то, по-видимому, она в какой-то степени отражает династийную генеалогию каганов и иналов енисейских кыргызов о своем родстве с фамилией китайского военачальника Ли-лина эпохи Хань. Как известно, в 99 году до н.э. Ли-лин попал в плен во время похода китайской армии против гуннов. Шаньюй Цзюйдихэу принял храброго китайца с почетом и женил его на своей дочери, а позднее Ли-лин от хуннов «получил во владение хягас».[187] Память о Ли-лине прочно сохранялась у енисейских кыргызов, даже в IX в. По данным китайских источников, енисейские кыргызы считали всех черноволосых людей с карими глазами потомками Ли-лина. Кыргызские каганы вели свою династию от Ли-лина и эта генеалогия официально признавалась Танским правительством.[188]

По-видимому, более древние легенды кыргызов о своем происхождении от сорока девушек были соответствующим образом обработаны авторами «Юань ши» с учетом сведений более ранних китайских хроник о кыргызах. Они были нацелены на укрепление власти династии Юань в Южной Сибири не только силой оружия, но и посредством воздействия на массы тюркоязычного населения региона, которое в домонгольскую эпоху находилась под властью государства енисейских кыргызов, соответствующих идеологических установок. Сомнительность китайского варианта этого генеалогического предания в части происхождения кыргызов от потомков сорока китайских (ханьских) женщин была выявлена уже Ю.Зуевым, который в более ранней редакции «Юань ши» обнаружил существенное разночтение этого рассказа, где вместо иероглифов «хань-ди» (ханьские, т.е. китайские земли) стоят «моди» (пустынные, степные земли).[189]

На алтайском этапе своей истории кыргызы активно взаимодействовали также с древнетюркскими племенами карлукского и басмылского происхождения.

1.3. Этнокультурные связи кыргызов с карлуками и басмылами в IX-XII вв.

Изучение ранних этапов этнической истории кыргызского народа невозможно рассматривать вне контекста этнокультурных контактов древнетюркских племен, проживавших в обширных пространствах Южной Сибири и Центральной Азии.

Одним из наиболее крупных племен древних тюрков, которые в течение

[187] Бичурин И. Собрание сведений. Ч.I. С. 50-51.
[188] Там же. С. 443.
[189] Более подробно об этом см.: Зуев Ю.А. Тамги лошадей. С. 104.

длительного времени поддерживали довольно тесные дружественные отношения с енисейскими и алтайскими кыргызами, были карлуки.[190] О роли политического союза между кыргызами и карлуками в установлении торговых контактов между Арабским халифатом и государством енисейских кыргызов в свое время писали В.В. Бартольд и А.Н.Бернштам.[191] С.В.Киселев считал, что карлукское население Западного Алтая и Черного Иртыша сыграло исключительно важную роль в развитии культуры древних киргизов. По его мнению, кыргызы Енисея заимствовали руническое письмо из Семиречья именно через карлуков.[192]

Проблема этнических связей кыргызов с карлуками в общих чертах была поставлена впервые С.М. Абрамзоном. Он отмечает, что «этнической средой, в которой формировались будущие киргизские племена, были главным образом алтайские тюрки, отчасти карлуки, уйгуры, а также другие тюркоязычные племена…».[193] Конкретизируя это положение, С.М. Абрамзон также отмечает совпадение отдельных этнонимов таджикистанских карлуков с кыргызскими, а именно: карлукским этнонимам «мажак» и «гилет» соответствуют киргизские этнонимы «мачак» и «килет».[194] Однако следует отметить, что в хронологическом отношении появление этих этнонимов в номенклатуре родоплеменного состава кыргызов могло иметь место, скорее всего, в XVII - сер. XVIIIвв., когда значительная часть кыргызских племен под давлением джунгаров вынуждена была откочевать в юго-западные районы Узбекистана и Таджикистана.[195]

Более ранние этапы этнических контактов между кыргызскими племенами и карлуками, которые имели место в VIII-XII вв. в пределах Западного Алтая и Прииртышья, до сих пор остаются вне поля зрения исследователей. Между тем сведения вновь открытых письменных источников по истории Центральной Азии и Южной Сибири VIII-XII вв. позволяют проследить некоторые аспекты этой весьма актуальной проблемы истории кыргызского народа.

Как известно, уже в ранний период истории союза карлукских племен источники сообщают об их территориальной и политической разобщенности. Одна часть карлуков уже во второй половине VI в. заняла территорию Тохаристана, а другая оказалась далеко на востоке, в горной местности Отукен,

[190] Общие сведения о карлуках см.: Шаниязов К. Узбеки-карлуки; Ecsedy Ildiko. A contribution to the history of karluks. P. 23-37.
[191] Бартольд В. В. Киргизы. С. 490; Бернштам А.Н. Эпоха возникновения. С.154-155.
[192] Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. С.610.
[193] Абрамзон С. М. Киргизы. С. 60.
[194] Там же. С. 42.
[195] История Киргизской ССР. С. 251.

расположенной в северо-западной части Тувы.[196] Правители карлукских племен носили титулы «джабгу» и «эльтебер». Определенные намеки на раздробленность карлукских племен содержатся в легендарной генеалогии о происхождении карлуков, зафиксированные в «Зайн ал-ахбар» Гардизи. В этой связи он отмечает, что «…в Туркестане много племен, происходивших от этого племени ябагу-халлух, но подробности о них не стали известными».[197]

В середине VIII в. карлуки приняли деятельное участие в крупнейших политических событиях, приведших Восточнотюркский каганат к падению, что положило конец целой эпохе в истории Центральной и Средней Азии. В 744 г. Восточнотюркский каганат был сокрушен союзом племен басмылов, уйгуров и карлуков. Вначале возвысились басмылы, вождь которых объявил себя каганом, но вскоре уйгуры и карлуки объединенными силами нанесли басмылам поражение. В результате в Центральной Азии возникло новое государство - Уйгурский каганат (744-840гг.).

В связи с этим событием вызывает интерес один из фактов тибетской рукописи из коллекции Пельо, где содержится донесение уйгурскому правителю специальной миссии из пяти человек, которая должна была составить подробный отчет о народах и государствах Севера[198]. Как установлено, информация этой миссии о положении дел на Севере относится ко второй половине VIII в.[199]

Описывая события, предшествовавшие возникновению Уйгурского каганата в Центральной Азии, составители упомянутого донесения сообщают: «На Севере отсюда есть пять племен Басме (басмылов). Последние, Хор (уйгуры) и Гарлог (карлуки), объединились между собой и разгромили государство кхаган (каган) правителя Буг-чхор (Кан-су). Кха-ган (каганом) стал глава племени Ба-мел (басмыл). Тогда Хор (уйгуры) и Гар-лог (карлуки) убили кха-ган (кагана) Ба-мел (басмылов), и племена Ба-смел (басмылов) рассеялись. Они (басмылы) превратились в маленькие племена: одно племя Гес-дум (кэштим) появилось на территории Ба-смел (басмылов), другое племя Ба-йар-бго (байырку) также стало на территории Ба-смел (басмылов); и еще одно племя Хи-дог-кас (азкиши?) появилось под главенством Йер-мийс-хир-кин (эл-йетмиш иркина?)».[200]

В этом исключительно интересном, но не во всех отношениях ясном

[196] Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С. 94.
[197] Бартольд В.В. Извлечение из сочинения Гардизи. С. 43.
[198] Более подробные сведения об этой рукописи и о ее содержании см.: Bacot J. Reconmaissance en Haute Asia. P. 137-153; Clauson G. A propos du manuscript Pelliot Tibetain. P. 11-24; Ligeti L. A propos du "Rapport sur les Rois demeurant dans le Nord". P. 166-189.
[199] Bacot J. Reconnaissance en Haute Asia Septentrionale. P. 137-153.
[200] Hambis L. Kastim et Ges-Dum. P. 313, 320.

сообщении обращает на себя внимание появление названия племени кэштим, как части прежней конфедерации басмылов. По сообщениям китайских источников известно, что после разгрома басмылов уйгурами и карлуками, земли и племена басмылов перешли к уйгурам.[201] Однако возникает вопрос,- а все ли племена басмылов подчинялись уйгурам? Во всяком случае, упоминание в более поздних источниках племени байырку в составе уйгурской (тогуз-огузской) конфедерации как будто показывает, что, в самом деле, племена басмылов перешли к уйгурам.

Но, очевидно, не все племена басмылов оказались под властью уйгуров, а некоторые из них, в том числе кэштимы, вошли в состав алтайских карлуков. Источник сообщает: «После сего (т.е. после уничтожения басмылов в 744 г.) Гэлолу (карлуки), обитавшие у алтайских гор, и Бэй-тьхин поставили себя Шеху (ябгу) и ежегодно приезжали ко Двору».[202] Иначе трудно объяснить сообщение анонимного персидского автора X в. «Худуд ал-алам» о том, что «Кесим (кэштим) – название другого народа, также из хырхызов, (они) поселяются на склонах гор, шатрах, добывают меха, мускус, рог хуту и другое. Это один из хырхызских народов, их речь ближе к халухской, а по одежде они напоминают кимаков».[203]

Из всего этого можно заключить, что одно из древнекыргызских племен кэштимы, хотя по своему происхождению связывается с басмылами, но до их включения в состав Кыргызского каганата испытало довольно сильное влияние со стороны карлуков Алтая.

Уйгуры после победы над восточными тюрками распространили свою власть на территории от Алтая до Маньчжурии, а в 758 г. подчинили себе земли енисейских кыргызов. Стремление карлуков к самостоятельности привело их к столкновению с каганатом уйгуров. В результате в 746 г. они под давлением своих бывших союзников переселились в Семиречье. Об этом событии ал-Марвази (XII в.) сообщает следующее: «прежней родиной (карлуков) была гора Тулис, которая является золотой горой. Карлуки были рабами тогуз-гузов (уйгуров), позже они восстали против них и откочевали в страну тюргешей, которых завоевали и захватили здесь власть».[204]

Затем в течение почти 100 лет, вплоть до падения Уйгурского каганата (840г.) продолжалась вражда между уйгурами и карлуками с краткими перерывами.[205] Однако, после разгрома Уйгурского каганата енисейскими кыргызами, часть уйгурских племен, спасаясь от преследования кыргызских

[201] Бичурин Н. Я. Собрание сведений. Т. 1. С. 347-348.
[202] Там же.
[203] МИКК. С. 42.
[204] Minorsky V. Marvazi on China the Turks and India.
[205] Czegledy K. Gardizi on Central Asia. P. 264-265.

отрядов, бежала именно к карлукам в сторону Алтая.[206]

По сведениям китайских и мусульманских источников, южные и юго-западные пределы государства енисейских кыргызов непосредственно соприкасались с северо-восточными границами страны карлуков в Семиречье. Анонимный автор «Худуд ал-алам», очерчивая границы расселения кыргызов, пишет: «на юге от нее – пределы тогуз-гузов и частично – халлухов, на западе от нее – пределы расселения кимаков». И ал-Марвази при определении границ Кыргызского каганата указывает, что карлуки живут в западных пределах кыргызских земель.[207]

Об общности границ между кыргызами и карлуками после возникновения Кыргызского каганата сообщает и «Тан шу».[208] В этом же источнике содержится более определенная информация о добрососедских отношениях между карлуками и кыргызами. В частности, карлуки сопровождали торговые караваны среднеазиатских и тибетских купцов в столицу Кыргызского государства, защищая их от нападения со стороны уйгуров.[209] Все эти свидетельства источников позволяют утверждать, что кыргызы непосредственно соприкасались с карлуками в IX-X вв., как в Семиречье, так и на Западном Алтае, откуда первоначально вышли предки карлуков, а длительные политические и этнокультурные контакты между ними привели, очевидно, к изменению этнического состава этих племен.

Во всяком случае, вышеприведенное сообщение «Худуд ал-алам» о схожести речи карлуков и одного из кыргызских племен кэштим, который проживал в горных отрогах Алтая, определенно фиксирует факт межэтнических контактов двух соседних народов. Очевидно, определенная часть восточной группировки карлукских племен все время оставалась в пределах Западного Алтая и вновь возродилась здесь в конце X-нач. XI вв. под названием ябаку.

Более определенные сведения о племени ябаку содержатся в «Диван-лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского (XI в.). По его сообщениям племя ябаку принадлежало к числу тех народов, которым автор приписывает не чисто тюркское происхождение, хотя подчеркивает, что они кроме своего языка знали и тюркский. К числу таких племен Махмуд Кашгарский причисляет, впрочем, и племя басмыл.[210]

Область расселения племени ябаку до сих пор остается не совсем ясной.

---

[206] Hamilton J.R. Les ouighours a l'epoque des cinq dynasties. P. 10; Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров. С. 27, 97.
[207] Minorsky V. Marvazi on China the Turks and India.
[208] Бичурин Н. Я. Собрание сведений. Т. 1. С. 354.
[209] Там же. С.347, 355.
[210] Mahmud al-Kaşgarı. Compendium of the Turkic dialects. Part I. P. 82.

Автор «Словаря тюркских наречий» включает ябаку в северную группу тюркских племен вместе с печенегами, кипчаками, огузами, йемеками, башгуртами, басмылами, кай, татарами и кыргызами. Судя по всему, территория племени ябаку располагалась рядом с землями татаров, кыргызов и басмылов. По мнению В.В. Бартольда ябаку жили западнее кыргызов[211].

Описывая события, связанные с племенем ябаку, Махмуд Кашгарский упоминает единственный топоним – Ямар как название большой реки, расположенной в области ябаку.[212] В.В. Бартольд в разных своих работах по-разному идентифицировал реку Ямар. Так, в работе «Двенадцать лекций по истории тюркских народов Средней Азии» он пишет: «Дальше к северу протекала река Ямар, вероятно, Эмиль в местности, где теперь город Чугучак, здесь жил народ ябаку».[213] А в «Истории турецко-монгольских народов» он уже иначе интерпретирует это сообщение Махмуда Кашгарского: «О реке Ямар говорится еще в другом месте, как о большой реке в степях народа ябаку; по-видимому, имеется в виду большая река, через которую переправлялись на судах; такой реки между Или и Иртышом нет; возможно, что такое название носила часть Иртыша».[214] И, наконец, в своей статье «Тюрки», опубликованной в «Энциклопедии ислама», он дает третий вариант возможной идентификации реки Ямар: «Ябаку жили по берегам большой реки Ямар, о местонахождении которой автор, по-видимому, не имел ясного представления; вероятно, это Обь (которую и сейчас татары называют Омар и Умор). Через реку Ямар во время войны с ябаку, под предводительством Бука-Будраджа и их союзниками басмылами переправилось мусульманское войско во главе с Арслан-Тегином».[215]

Для ясности приведем полностью рассказ Махмуда Кашгарского о походе караханидского правителя Арслан-Тегина против ябаку: «Бука–Большой дракон. Пословица: «йетти башлиг йел бука» – Семиглавный дракон. Это слово употребляется и как имя воинов; например, один из предводителей племени ябаку носил имя Бука-Будрадж. Когда Гази Арслан-Тегин отправился в поход против них с 40.000 войском мусульман, неверные под командованием Бука-Будраджа выставили огромное войско в количестве 700.000 человек. Махмуд (ал-Кашгари) говорит: «Я спросил у одного участника этой войны, каким образом неверные потерпели поражение, несмотря на громадное количество их войска». Тот ответил: «Мы также были изумлены этим, и сами расспрашивали (пленных) неверных: почему они обратились в

---

[211] Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов. С. 207.
[212] Mahmud al-Kaşgarı. Compendium of the Turkic dialects. Part. II. P. 161.
[213] Бартольд В.В. Двенадцать лекций. С. 85.
[214] Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов. С. 207.
[215] Бартольд В.В. Тюрки. С. 587.

бегство, несмотря на свое численное превосходство над нами». Те ответили: «Когда стали бить в барабаны и заиграли в трубы, мы у·идели прямо перед нами огромную зеленую гору, которая закрыла горизонт, и в ней множество ворот, каждые из которых были открыты настежь, откуда в нашу сторону летели искры огня. Мы были потрясены, и вы победили нас». Я сказал: «Это было одно из чудес пророка».[216]

Комментируя это сообщение, В.В. Бартольд справедливо отмечает, что поход состоялся сравнительно незадолго до составления «Диван лутат ат-тюрк», но все-таки вокруг этого события успел сложиться целый цикл легенд.[217] Согласно версии Б. Кочнева, выдвинутой на основе анализа нумизматических данных, победителем Бука-Будрача является караханидский царевич Арслан-тегин Ахмад ибн Мухаммад ибн Хасан, который совершил поход против неверных около 1048-1049г.[218] В то же время трудно согласиться с мнением В.В. Бартольда о том, что войско Арслан-Тегина переправилось через реку Ямар. В других местах своего труда Махмуд Кашгарский приводит еще несколько стихотворений, связанных с этим походом:

Знойное солнце распекает нас,
Надежный друг завистником стал.
(Враг) хотел перейти Иртыш,
Поэтому страшатся люди.[219]

Выступим под покровом ночи,
Переправимся через реку Ямар.
Попьем родниковой воды,
Пусть будет искрошен тщедушный враг.[220]

Из этого не совсем ясно, переправилось ли войско Арслан-Тегина через реку Ямар. Скорее всего, войско Ябаку переправилось через Иртыш и соединилось с отрядами своих союзников, басмылов и чомулов, после чего они совместно выступили против Караханидов. На это указывает содержание другого стихотворного предания, где рассказывается о выступлении басмылов и чомулов на стороне ябаку против кагана.[221]

Поэтому представляется более предпочтительным другое предположение В.В. Бартольда о том, что эти войны Караханидов с ябаку и их союзниками происходили в районе Чугучака на берегу реки Эмиль.[222] В самом деле, если бы войско Арслан-Тегина переправилось через Ямар, то в этом случае отряды басмылов и чомулов оказались бы отрезанными от Ябаку.

[216] Mahmud al-Kaşgarı. Compendium of the Turkic dialects. Part. II. P. 268.
[217] Бартольд В.В. Двенадцать лекций. С. 85.
[218] Кочнев Б. Нумизматическая история. С. 197-198.
[219] Mahmud al-Kaşgarı. Compendium of the Turkic dialects. Part. I. P. 170.
[220] Mahmud al-Kaşgarı. Compendium of the Turkic dialects. Part. I. P. 340.
[221] Mahmud al-Kaşgarı. Compendium of the Turkic dialects. Part. I. P. 344.

Теперь более подробно остановимся на вопросе о локализации области расселения племени ябаку. Этот вопрос, в свою очередь, непосредственно связан с проблемой идентификации реки Ямар, ибо в «Диван лугат ат-тюрк» сообщается, что Ямар – название большой реки в стране Ябаку. Поскольку Махмуд Кашгарский говорит о встречном походе войска Ябаку против Караханидов, которое собиралось переправиться через реку Иртыш, то, следовательно, их страна лежала на северо-востоке Иртыша. В круглой карте мира, приложенной к «Диван лугат ат-тюрк», река Ямар также расположена на северо-востоке Иртыша.[223]

Поэтому идентификации В.В. Бартольда реки Ямар с рекой Эмиль и неопределенной частью Иртыша теперь должны быть оставлены. В данном случае более предпочтительным представляется его отождествление реки Ямар с рекой Омар или Умор. Именно это последнее предположение В.В. Бартольда было принято впоследствии В.Ф.Минорским.[224]

Однако эта гипотеза В.В. Бартольда требует еще дополнительной аргументации. К тому же, если даже согласиться с этим мнением В.В. Бартольда, все равно остается неясным вопрос, вся ли река Обь в древности называлась Ямар, или только какая-то определенная ее часть. Обратимся к сведениям источников.

В монгольскую эпоху название реки Ямар упоминается в китайском источнике, где речь идет о кыргызах на Алтае. Это сочинение «Цин Чжен - лу», которое было составлено не позднее 1285 г. на основе перевода на китайский язык впоследствии утерянной монгольской рукописи, посвященной биографии Чингиз-хана. По авторитетному заключению П. Пельо и Л.Амбиса, эта утерянная монгольская рукопись частично была использована также при составлении «Сборника летописей» Рашид ад-Дина и «Юань ши».[225] Именно благодаря сведениям этих двух последних сочинений, а также «Сокровенного сказания» (1240 г.) стали известны некоторые подробности покорения кыргызов монголами.

Однако, при описании восстания кыргызов против монголов в 1218 г. в «Цин Чжен-лу» приводится одна любопытная деталь, которая отсутствует в соответствующих разделах «Сборника летописей», «Сокровенного сказания» и «Юань ши». Приведем текст «Цин Чжен-лу» в переводе Палладия

[222] Бартольд В.В. Двенадцать лекций. С. 104
[223] Mahmud al-Kaşgarı. Compendium of the Turkic dialects. Part. I. P. 82.
[224] Hudud al-Alam. P. 285.
[225] Histoire des campagnes de Gengis Khan. P. XП, XШ.

Кафарова: «Прежде род Тума возмутился. Чингис послал собрать войско у Киргис; Киргисы не послушались и тоже отложились. Посему Чингис велел старшему царевичу (Джучи) идти и усмирить, а Бухуа быть в авангарде; они преследовали Киргис до реки Имар и вернулись. Старший царевич, в главе войска, перешел вброд реку Кян и вниз по ней, покорил Кэргисы, Ханьхасы, Теляньу, Кэшидими, Хоин и Ирган роды».[226]

Упомянутая здесь река Имар, на наш взгляд, соответствует реке Ямар Махмуда Кашгарского. Реку с идентичным названием мы находим в несколько более позднем источнике – так называемой «Карта Рената-2». По заключению специалистов, эту карту калмаки перехватили у китайцев, когда они проводили военные действия в Восточном Туркестане в начале XVIIIв., и она была составлена, по всей вероятности, китайскими картографами при содействии европейских миссионеров – иезуитов в Китае. На этой карте река Катунь после впадения в нее реки Чуя называется Ябар.[227]

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что Ямар Махмуда Кашгарского, Имар «Цин Чжен-лу» и Ябар на «Карте Рената -2» одна и та же река. Таким образом, приведенные дополнительные сведения достоверных источников не только значительно усиливают аргументацию В.В. Бартольда об идентификации реки Ямар с рекой Обь, но позволяют внести существенное уточнение в этот вопрос. В частности, с учетом данных «Карты Рената- 2» можно уверенно идентифицировать Ямар Махмуда Кашгарского с верхней Обью – Катунь.

Все это имеет исключительно большое значение для более точной локализации области расселения племен Ябаку в XI в., а также для определения западных пределов Кыргызского княжества на Алтае в XI-XIII веках. В свете сообщений процитированных источников, теперь нет сомнения в том, что восточная, так называемая, Отюкенская группировка карлукских племен под названием Ябаку возродилась в XI в. в юго-западных районах Алтая и сыграла определенную роль в политической жизни Центральной Азии. Очевидно, областью расселения этого племени была верхняя Обь – бассейн реки Катунь. На востоке их территория непосредственно соприкасалась с землями алтайских кыргызов, а на западе и юго-западе они были соседями кипчаков, йемеков, басмылов и чомулов.

Непосредственная близость территории, общность языков и других сторон быта, а также подвижный образ жизни этих племен постепенно создавали благоприятную почву для усиления этнических и культурных контактов между ними, в результате чего со временем вырабатывались общие обычаи.

[226] Старинное китайское сказание о Чингисхане. С. 191.
[227] Baddeley J. Russia, Mongolia, China. Vol. I. P. CLXXVI.

Об этом красноречиво свидетельствует сообщение Махмуда Кашгарского о клятве кыргызов, ябаку и кипчаков: «Кыргызы, ябаку, кипчаки и другие племена, когда они заключают договор с кем-либо, кладут обнаженный меч перед ним и говорят так: «Пусть он входит синим и выйдет красным, т.е. окровавленным, если я нарушу этот договор». Это означает, что он будет убит железным мечом, поскольку железо отомстит в случае нарушения им своей клятвы. Следовательно, они железо считают предметом, обладающим сверхъестественной силой».[228]

Как известно, позднее, в монгольскую эпоху, ябаку, йемеки и некоторые другие тюркские племена, упомянутые в «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского, уже перестали существовать как самостоятельные этносоциальные организмы. По всей вероятности, в силу определенных исторических обстоятельств эти племена постепенно адаптировались среди более сильных в политическом отношении этнополитических объединений кыргызов, кипчаков, карлуков Семиречья, уйгуров Восточного Туркестана. Возможно, отдельные осколки этих племен частично ушли в юго-западном направлении в общем потоке миграций тюрко-монгольских племен, вызванного движением кара-китаев в начале XII в.

Как бы там ни было, представляется возможным обнаружить осколки племени ябаку среди населения Горного Алтая и кыргызов Тянь-Шаня. В родоплеменном составе южных алтайцев, зафиксированном в 1897г., встречается сеок с названием ябак,[229] а в составе кыргызского племени саруу, происхождение которого почти все исследователи единодушно связывают с Алтаем, обнаруживается подраздел жабагы.[230] Очевидно, эти родовые подразделения являются осколками некогда сильного племени ябаку-карлуков, что свидетельствует об участии карлуков в формировании центральноазиатского компонента в этногенезе кыргызского народа на Алтае.

В свете вышеизложенного сведения тибетского документа VIII века о распаде племенной конфедерации басмылов после создания Уйгурского каганата и возникновения на ее месте ряда новых племен, как-то кэштим и байырку представляет также определенный интерес история происхождения кыргызского племени басыз. Как справедливо отметил известный специалист по этнографии кыргызского народа С.М. Абрамзон, изучение этнической истории кыргызов, как и любой другой народности, может быть успешным только при условии, если будет установлено происхождение основных компонентов, вошедших в их состав. По отношению к кыргызам это особенно важно, – считал С.М. Абрамзон, – так как хронологические и географи-

[228] Mahmud al-Kaşgarı. Compendium of the Turkic dialects. Part. I. P. 82.
[229] Потапов Л. П. Этнический состав. С. 23.
[230] Сыдыков А.С. Родовое деление киргизов. С. 287.

ческие координаты, связанные с их именем, исключительно широки.[231]

За последние годы кыргызскими историками проделана определенная работа по выявлению этногенетических связей основных компонентов кыргызского народа с другими этносами, с которыми кыргызские племена соприкасались в различные этапы своей многовековой истории. В настоящее время основное внимание исследователей сосредоточено на выяснении тех этнических компонентов, которые составили центральноазиатское протоядро кыргызского народа, сформированное на Алтае, Прииртышье и сопредельных областях Центральной Азии во второй половине IX-XIV вв.[232]

В этой связи значительный интерес представляет проблема о происхождении кыргызского племени басыз. Впервые этноним басыз встречается в сочинении «Маджму ат-таварих», как название одного из кыргызских племен, которое вместе с племенами кушчу, мундуз, чонг багыш, саруу и кытай составляет Левое крыло – «Сол канат» дуальной этнополитической структуры кыргызского народа.[233]

В китайском источнике «Си юй чжи» («Описание западных земель»), составленном во второй половине XVIII в., племя басыз перечисляется среди северокыргызских племен, наряду с племенами саяк, сары багыш, кытай, кушчу, саруу, монолдор, солто, ават, мундуз, черик.[234]

По данным о родоплеменном составе кыргызских племен, относящимся ко второй половине XIX-начале XXв., племя басыз было расселено в нескольких уездах, территория которых входит ныне в состав Северного и Южного Кыргызстана.[235] В общем потоке миграции кыргызских племен в юго-западные районы Средней Азии, имевшем место в XVII – первой половине XVIII в., отдельные осколки племени басыз попали даже в северные районы Афганистана. Так, английские путешественники XIX в., среди катаганов провинции Кундуз, зафиксировали род басыз.[236]

Проблема о происхождении племени басыз в научной литературе впервые была поставлена Н.А. Аристовым, который утверждал, что "басыз является, быть может, осадком пребывания на Западном Тянь-Шане древних

[231] Абрамзон С.М. Киргизы. С.19.
[232] История Киргизской ССР; Вопросы этнической истории; Каратаев О.К. Кыргыздардын этномаданий тарыхынан; Маанаев Э.Ж., Каратаев О.К. Кыргыз элинин этникалык онугуусу; Каратаев О.К. Кыргыз этнонимдер создугу.
[233] Ромодин В.А. Некоторые источники по истории Ферганы. С.13; "Собрание историй" Маджму ат-таварих. С. 112-113.
[234] "Си юй чжи" ("Описание Западных земель"). С. 39.
[235] Абрамзон С.М. Этнический состав. С.78.
[236] Historical and political gazetteer of Afghanistan. Vol.1. P. 95; Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории. С. 244.

кочевников юечижийцев".[237] Однако эта гипотеза Н.А.Аристова, также как и ряд других его предположений о происхождении кыргызского и некоторых тюркоязычных народов, базируется не на точных исторических данных, а поставлена лишь на основании случайного звукового сходства в названиях различных народов и других собственных именах.[238]

Для выяснения вопроса о происхождении племени басыз большое значение представляют сообщения письменных источников и данные этнографии. Сопоставление вышеприведенных сведений "Маджму ат-таварих" и "Си юй чжи" показывает, что в историческом прошлом племя басыз имело тесные генеалогические и территориальные связи с такими кыргызскими племенами, как саруу, кушчу, мундуз, кытай, чонг багыш и сары багыш. Весьма показательно, что еще В.В. Радлов на основании собранных им полевых материалов среди алтайцев и кыргызов Тянь-Шаня установил некоторые родовые названия одинаковые, как для алтайцев, так и для кыргызов, к числу которых относятся мундуз, саруу и кушчу.[239]

Позже более глубокие и фундаментальные исследования С.М. Абрамзона и Л.П. Потапова убедительно показали, что формирование таких кыргызских племен, как кушчу, мундуз, саруу, сары багыш, чонг багыш и некоторых других, было связано в первую очередь с территорией Алтая и Прииртышья.[240] Таким образом, ряд кыргызских племен Левого крыла – "Сол канат" генеалогически и территориально связанные с племенем басыз – мундуз, саруу, кушчу и чонг багыш происходят из круга Алтайских и Прииртышских племен.

В свете этих историко-этнографических материалов более вероятным представляется алтайское происхождение племени басыз. Аргументацию идеи об алтайском происхождении племени басыз можно более конкретно обосновать, опираясь на сообщение ал-Марвази. Свой труд «Табаи ал-хайаван» («Природа животных») придворный врач Сельджукидов ал-Марвази написал около 1120г. Впервые этот источник был введен в научный обиход В.Ф. Минорским, который опубликовал главы о Китае, тюрках и Индии с английским переводом и подробными комментариями в 1942 г.[241] Основными источниками для труда ал-Марвази послужили сведения более ранних арабо-персидских авторов. Однако по заключению специалистов, «Табаи ал-хайаван» представляет большую историческую ценность при изучении истории тюркоязычных племен Центральной Азии и Южной

[237] Аристов Н.А. Опыт выяснения. С. 52.
[238] Бартольд В.В. Рецензия на Аристова. С. 267.
[239] Radloff.V.V. Observations sur les Kirghis. P. 316-320.
[240] Потапов. Л.П. Этнический состав; Абрамзон С.М. Киргизы.
[241] Minorsky V. Marvazi on China, the Turks and India.

Сибири благодаря оригинальным этнографическим сведениям о тюркских народах.[242]

В разделе о тюрках, описывая страны кимаков, ал-Марвази сообщает, что «на юго-западных пределах страны кимаков есть племя, которое называется البصرية=«Б.сри»(?). Это племя летом и зимой проживает в лесах и имеет независимого правителя».[243] В своих комментариях к тексту «Табаи ал-хайаван» В.Ф.Минорский определяет местопребывание этого загадочного племени в лесах Алтая.[244] Однако В.Ф.Минорский воздержался от сопоставления этнонима Б.сри с названием какого-либо конкретного племени и поставил вопросительный знак.

Теперь же в свете данных археологических и письменных источников о тесных этнокультурных взаимовлияниях между кыргызами и племенами карлукского и басмылского происхождения в IX-XI в регионе Алтая и Прииртышья представляется возможным реконструировать этноним البصرية=«Б.сри» как البصزية=«Басыз». В арабско-персидской средневековой исторической и географической литературе подобные случаи, когда переписчики рукописей, нечетко осмысляя термины иностранного происхождения, неправильно расставляли диакритические знаки и полностью лишали написание огласовок, встречается очень часто.[245]

Исходя из сопоставления изложенных выше материалов этнографии, кыргызской генеалогии, а также сообщения ал-Марвази о племени البصرية (б.сри) выдвигается гипотеза о происхождении кыргызского племени басыз из круга лесных племен Алтая, которые мигрировали туда после распада некогда могущественного союза племен басмылов.

Как и в случае с этнонимом «кыргыз», этноним «басыз» также состоит из двух частей: бас+ыз. Здесь суффикс-«ыз» является древнетюркским формантом множественного числа. Следовательно, этимология этого этнонима непосредственно связана с названием древнетюркского племени басмыл, и, скорее всего, басыз является редуцированной формой этнонима басмыл.[246]

Итак, благодаря свидетельствам письменных источников и памятников археологии, мы можем теперь более четко определить хронологические рамки этого периода развития южносибирского и центральноазиатского компонента в этногенезе кыргызского народа в пределах X-XII вв., а также географический ареал той этнокультурной области, где сложились *алтайский* и

[242] Кумеков Б.Е. Арабские и персидские источники по истории кыпчаков. С. 13.
[243] Minorsky V. Marvazi on China, the Turks and India. P. 32.
[244] Minorsky V. Marvazi on China, the Turks and India. P. 108-109.
[245] Кумеков Б.Е. Государство кимаков. С. 34
[246] Подробно об этимологии этнонима басмыл в значении человек или род смешанного происхождения см.: Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов. С. 207.

восточно-казахстанский варианты материальной культуры енисейских кыргызов.

К сожалению, история алтайской группировки кыргызов плохо документирована в письменных источниках. Сообщения о них в "Худуд ал-алам", "Зайн ал-ахбар" Гардизи, "Табаи ал-хайаван" ал-Марвази, "Тарих-и Джахангушай" Джувейни, "Сборник летописей" Рашид ад-Дина, китайской хронике "Юань ши", "Мукаддима-йи Зафар-нама" Шараф ад-Дина Али Йезди, "Мунтахаб ат-таварих-и Муини" Натанзи, а также в некоторых более поздних источниках носит фрагментарный и противоречивый характер. Только сопоставительный анализ сведений этих источников с материалами археологии, этнографии, кыргызского языка и фольклора позволяет проследить отдельные этапы их политической и этнической истории.

Как показывает анализ сведений "Табаи ал-хайаван" Марвази и "Тарих-и Джахангушай" Джувейни, в X-XII в., когда политическая обстановка в Центральной Азии была более или менее благоприятной, кыргызы Алтая и Прииртышья распространяли свои кочевья до северных склонов Восточного Тянь-Шаня. Но в связи с движением киданей на запад и возникновением государства кара-китаев в Семиречье в первой половине XII в., алтайские кыргызы были отрезаны от Восточного Туркестана.

1.4. Взаимоотношения алтайских кыргызов с киданями (кара-китаями) в X-XII вв.

Проблема взаимоотношений кыргызов с киданями, или как их называют мусульманские авторы кара-китаями, давно привлекает внимание исследователей истории кыргызского народа.[247] Эта тема становится наиболее актуальной в середине прошлого столетия в связи с изданием сводного варианта эпоса «Манас». Главный редактор издания, известный кыргызский тюрколог, профессор Б.М. Юнусалиев в своем введении подчеркивал особую роль кара-китаев в падении Кыргызского каганата в X в., что, по его мнению, послужило основной причиной начала сложения эпоса «Манас» среди кыргызов Алтая.[248] Результаты новейших исследований тюркологов также показали, что по фольклорным, историческим и лингвистическим данным начальная эпоха сложения эпоса «Манас» приходится вполне определенно на IX-X вв.[249]

[247] Более подробно о соотношении этнонимов «кидань», «китай» и «каракитай» в китайских, монгольских и мусульманских источниках см.: Джусаев К. О «черных китаях» и «кривом» государе. С. 12-19.
[248] Манас. Биринчи болук, I китеп. С.VIII-IX.
[249] Тенишев Э.Р. Начальная пора формирования эпоса «Манас». С. 3-10.

По мнению Б.М.Юнусалиева, первые сказители эпоса в условиях политической раздробленности начали воспевать подвиги кыргызских каганов и полководцев периода единого Кыргызского каганата. Они вселяли в народ надежду на то, что еще наступят времена, когда разрозненные кыргызские племена вновь соберутся вокруг единого правителя для борьбы против кара-китаев.

Следовательно, как будто бы нашествие киданей (кара-китаев) действительно имело судьбоносное значение в алтайский период истории кыргызского народа, и его трагические последствия нашли широкое отражение в эпосе «Манас».

Однако, сюжеты отдельных фрагментов эпоса «Манас», записанные в сочинении XVI века «Маджму ат-таварих» показывают, что здесь нашла отражение, главным образом, борьба народов Средней Азии против нашествия кара-китаев в XII веке, а не взаимоотношения кыргызов с кара-китаями на Алтае.[250]

Согласно легендам «Маджму ат-таварих», гузы Рума (Малой Азии) после долгих приключений направляются в Узгенд, где через некоторое время султан Санджар истребляет их за отказ платить налоги. Спасаются бегством лишь сорок гузов («кырк гуз»), потомками которых будто бы являются кыргызы. После походов Гурхана в Узгенд, Андижан, Касан и Ташкент, местные правители с разрешения Хорезмшаха Махмуда отправляют в Багдад посольство с просьбой направить им кого-нибудь из потомков пророка. Халиф посылает в Ходженд имама Ибрахима, который, став во главе кыргызов, назначает предводителей Правого и Левого крыла, а затем разбивает кара-китайское войско Гурхана около города Касан.[251] Очевидно, в этом рассказе «Маджму ат-таварих» нашли отражение отдаленные отзвуки драматических событий, имевших место в истории народов Средней Азии в середине XII в., когда войска кара-китаев около Самарканда нанесли сокрушительное поражение армии правителя Сельджукидов султану Санджару. Как известно, после этого султан Санджар действительно враждовал со своими подданными гузами и в течение некоторого времени даже находился в плену у гузов.[252]

Поэтому если вышеизложенное мнение тюркологов о начале сложения основных сюжетов эпоса «Манас» среди алтайских кыргызов в IX-X вв., в целом, не вызывают возражений, то предположение Б.М.Юнусалиева о том, что побудительными мотивами возникновения кыргызского эпоса стали

[250] "Собрание историй" Маджму ат-таварих. С. 22-23.
[251] Там же.
[252] События, связанные с завоеваниями кара-китаев в западных районах Средней Азии выходят за рамки нашего исследования. Более подробно об этом см.: Пиков Г.Г. Западные кидани.

именно столкновения кыргызов с кара-китаями на Алтае требует уточнения.

Исходя из этого, в настоящей главе мы попытаемся проанализировать противоречивые сообщения мусульманских авторов путем сопоставления сведений китайских источников относительно взаимоотношений киданей с алтайскими кыргызами в X-XII веках. Это позволит внести отдельные уточнения в хронологию и географию их столкновений, а также этническую принадлежность тех племен, которые в составе войск киданей вступали в конфликты с кыргызами Алтая.

Государство монголоязычных племен киданей возникло в Северном Китае в начале X века и в истории известно под названием династия Ляо (916-1125 гг.).[253] Еще на заре становления этого государства, в период правления первого императора Ляо Абаоцзи, кидани заняли территорию восточной Монголии, включая бывшую столицу Уйгурского каганата Орду-Балык на Орхоне в 924 году, где они, по-видимому, не встретили кыргызов.[254] На этом основании Л.Р.Кызласов считает, что кыргызы уже в конце IX века, т.е. гораздо раньше появления киданей, добровольно покинули центральную Монголию, предоставив эту территорию уйгурам и другим племенам.[255] Д.Г. Савинов со ссылкой на сведения китайских источников о даннических отношениях кыргызов с империей Ляо, допускает вероятность завоевания киданями территории Монголии и вытеснения оттуда кыргызов на север силой оружия.[256] Однако, при этом следует иметь ввиду, что средневековые китайские хроники визит посольства любого иностранного государства в Китай обычно оценивают как приношение дани императору Срединного государства и двусторонние дипломатические связи с другой страной характеризуют в контексте китаецентристской концепции даннических отношений с «варварами».

Сведения китайского источника «Ляо ши» действительно показывают, что после этого события кыргызы в 930, 952 и 975 годах отправляли посольства киданям в столицу государства Ляо. Но это говорит лишь о добрососедских отношениях между двумя государствами на ранних этапах становления империи Ляо на северо-востоке Китая. Если знатные кыргызы направляли своих детей для получения образования в столицу государства Ляо,[257] то кидани отправляли провинившихся членов правящего дома на ссылку в пре-

[253] Различные точки зрения исследователей о происхождении киданей и об их этнокультурных связях с другими тюрко-монгольскими народами см.: Викторова Л.Л. Монголы; Залкинд Е.М. Кидане и их этнические связи. С. 47-62.
[254] Wittfogel K.A. and Feng Chia-Sheng. History of Chinese society Liao; Пиков Г.Г. Западные кидани. С.72.
[255] Кызласов Л.Р. История Тувы. С. 95.
[256] Кляшторный С.Г.,Савинов Д.Г. Степные империи. С. 264.
[257] Кызласов Л.Р. История Тувы. С. 96.

делы Кыргызского каганата, очевидно на Прибайкалье.[258] Вот такое весьма интересное взаимовыгодное сотрудничество существовало между двумя соседними государствами.

Однако на стадии распада государства Ляо в первой четверти XII века и вынужденной миграции отдельных групп киданей в западном направлении под предводительством одного из царевичей правящей династии Елюй Даши, начинаются первые серьезные стычки между алтайскими кыргызами и киданями. Потому что кидани в поисках надежного приюта от преследующих их войск чжурчженей были вынуждены укрываться в стране кыргызов. В этой ситуации, очевидно, кыргызы дали решительный отпор непрошеным гостям и кидане вынуждены были откочевать дальше на запад в сторону Семиречья.

Однако из-за фрагментарности и отрывочности сведений источников о движении кара-китаев на запад в XII веке до сих пор проблема их взаимоотношений с кыргызами остается не совсем ясной. Известие о движении кара-китаев на запад и об их завоеваниях в западной части Средней Азии приводится во многих сочинениях, но о столкновениях между киданями, или, как их называли мусульманские историки кара-китаями, и кыргызами говорит только Джувейни. Этот рассказ вкратце изложен в работе В.В. Бартольда "Киргизы", однако еще не переведен полностью на русский язык. Поэтому ниже приводится полный перевод текста упомянутого рассказа Джувейни по самой старой рукописи его сочинения, которая хранится в Национальной библиотеке Франции[259].

«*Рассказ о правителях кара-китаев*. Их предводителей называют гурханами, то есть царем царей. Рассказывают, что когда Гурхан вышел из Китая, с ним было всего 80 человек, по другому преданию его сопровождала многочисленная свита. Когда они дошли до предела (области) кыргызов, то стали грабить имущества племен этой области. Тогда племена (кыргызов) дали им соответствующий отпор, и по этой причине они (кара-китаи) были вынуждены уйти дальше, и таким образом дошли до (берега реки) Эмил. Здесь они построили город, остатки которого сохранились до сих пор. В этой области к нему (Гурхану) присоединились многие тюркские племена, и постепенно вокруг него собралось около 40 тысяч семей. Тогда они выступили в поход, и пришли в пределы Баласагуна, которого монголы теперь называют Гуз-Балык.

Правитель этой области, хотя свою родословную генеалогию связывал с Афрасиабом, однако был царем слабым. Поэтому он не смог найти управу над племенами карлук и канглы, которые проживали там, но вышли из его

[258] Пиков Г.Г. Западные кидани. С. 17,78.
[259] Тарих-и Джахангушай. Supplement persan 205.

подчинения и занимались волчьим разбоем его имущества и скота. Когда этот правитель (Баласагуна) уведомился о могуществе и многочисленных победах Гурхана, а также об его огромной армии, он отправил ему послов с сообщением о том, что вследствие его бессилия и беспомощности подняли мятеж (предводители) племен канглы и карлук, и поэтому просит (Гурхана) прибыть в столицу своего государства. Он (правитель Баласагуна) хочет передать Гурхану управление над областями своего государства (Караханидов) и тем самым избавить себя от заботы этого мира.

Гурхан отправился в Баласагун и воссел на трон правителя, а также получил титул хана от потомка Афрасиаба, а ему самому присвоил титул Илиг-туркмен. После этого Гурхан отправил своих наместников (шихне) в (подвластные) области, расположенные от Кэм-Кэмчика до Барсхана и от Тараза до Тамгача. В стране установилось благоденствие, а скот стал тучным. Тогда Гурхан усмирил (предводителей племени) канглы, а затем отправил войско в Кашгар и Хотан и покорил их себе. После этого для отмщения за те обиды, которые были нанесены ему со стороны кыргызов, Гурхан отправил войско в пределы кыргызов. Он также покорил Бешбалык, оттуда его войско направилось в сторону Ферганы и Мавераннахра и эти страны также были подчинены».[260]

В этом рассказе Джувейни не приводится хронология описываемых событий. В.В. Бартольд на основе косвенных данных предположил, что первое столкновение кара-китаев с кыргызами произошло между 1121 и 1124 годами. Позже новосибирский специалист по истории западных киданей Г.Г. Пиков, со ссылкой на сообщения китайского источника «Бэй ши цзи» внес некоторые корректировки в эту датировку. По мнению Г.Г.Пикова, первое столкновение кара-китаев с кыргызами состоялось около 1132 года на южном Алтае, где они, встретив решительный отпор, вынуждены были уйти в пределы Турфанского княжества в Восточном Туркестане. Отсюда кара-китаи окольным путем двинулись в сторону реки Эмиль, где построили город, развалины которого сохранились, когда через этот район проезжал Джувейни в середине XIII в.[261]

Однако, как показывают сведения Ибн ал-Асира, уже в 522 году хиджры (1128г.) кара-китаи достигли пределов Кашгара, в связи с чем караханид Ахмад ибн ал-Хасан выступил с войском чтобы остановить их дальнейшее продвижение в глубь страны. Хотя во время этого сражения войско

[260] Тарих-и Джахангушай. Supplement persan 205. Л. 83[6]. По мнению синолога К.Джусаева, эта информация Джувейни позже в XIVв. была использована составителями «Ляо ши» при написании истории династии Западного Ляо или Государства каракитаев в Туркестане (См.:Джусаев К. О «черных китаях». С. 18-19).
[261] Пиков Г.Г. Западные кидании. С.76.

каракитаев потерпело поражение, однако позже после смерти Ахмада ибн ал-Хасана его место занял Гурхан.[262]

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что в «Бэй ши цзи» и «Китаб ал-камил фи-т-тарих» Ибн ал-Асира речь идет о двух различных волнах передвижения киданских племен на запад. Иначе трудно объяснить нестыковки в хронологии событий, связанных с передвижением киданей, зафиксированных в независимых друг от друга аутентичных источниках. В любом случае первое столкновение киданей с кыргызами на южном Алтае произошло не позже 1128г., когда Гурхан уже стоял у восточных границ Караханидского государства.

В своих комментариях к вышеизложенному рассказу Джувейни В.В. Бартольд воздержался идентифицировать географические названия, упомянутые в этом тексте, поскольку их произношение в использованной им рукописи было сомнительным.[263] Мы провели тщательное сличение текстов этого рассказа во всех списках сочинения Джувейни, которые хранятся в Национальной библиотеке Франции[264] и Института восточных рукописей РАН. Поэтому теперь с уверенностью можно сказать, что в сочинении Джувейни границы государства кара-китаев определяются от Кэм-Кэмчика до Барсхана и от Тараза до Тамгача.[265]

Рассматривая время и обстоятельства второго похода войск Гурхана против кыргызов, В.В. Бартольд отмечает, что второй поход войска Гурхана против кыргызов состоялся около 1136г. Вместе с тем он особо подчеркивает, что Джувейни говорит только о взятии кара-китаями Бешбалыка, уйгурского, а не кыргызского города. Далее он пишет, что "очевидно, киргизы принимали какое-то участие в событиях, происходивших в области уйгуров, но в чем заключалось это участие, из слов Джувейни не видно"[266]. Разумеется, В.В. Бартольд здесь имеет в виду только енисейских кыргызов.

О. Караев, Ю.С. Худяков и К. Джусаев полагают, что здесь речь идет о походе войска Гурхана против кыргызов, проживавших в пределах

[262] МИКК. С.65.
[263] Бартольд В.В. Киргизы. С. 502.
[264] Тарих-и Джахангушай. Supplement persan 205; Supplement persan 1375; Supplement persan 1556; Ancien fond persan 69; Supplement persan 1563; Supplement persan 206; С 1656. Следует отметить, что английский исследователь Дж.А.Бойл, который опубликовал «Тарих-и Джахангушай» в переводе на английский язык с соответствующими комментариями, топоним Тамгач читает как Йафанч и сопоставляет его с одноименным городом, расположенным около реки Или, упомянутый в сочинении Махмуда Кашгари (Juvaini. The History of the World-Conqueror. Vol.I. P.356).Однако в рукописи Национальной библиотеки Франции Supplement persan 205 этот топоним совершенно ясно читается как Тамгач (См.: Тарих-и Джахангушай. Supplement persan 205. Л. 83[6]).
[265] Тарих-и Джахангушай. Supplement persan. 205.
[266] Бартольд В.В. Киргизы. С. 503.

Восточного Туркестана.[267] Однако, как показывают сведения китайского источника «Ляо ши», Гурхан отправляя свое войско в поход, перед ним поставил конкретную задачу – реставрировать империю Ляо и отправил его из Куз-Ордо (Баласагун) в сторону Со-мо (монгольская степь),[268] что совершенно противоречит вышеизложенному предположению О. Караева и Ю.С. Худякова. Более того, и в цитированном рассказе Джувейни, поход против кыргызов был совершен для отмщения за те обиды, которые были нанесены кара-китаям во время их передвижения на запад, т.е. в результате первого столкновения кара-китаев с кыргызами. По заключению В.В. Бартольда первое их столкновение с кыргызами произошло не в Восточном Туркестане, а в пределах Западной Монголии.[269] Л.Р.Кызласов считает, что кыргызы напали на них в Монгольском Алтае, через который пролегал маршрут движения кара-китаев на запад.[270] Как явствует из содержания дневника посла Цзинской династии Вуку Суна, отправленного Чингис-хану в 1221г., Елюй Даши ушел в западном направлении именно через Алтай.[271] Поэтому с большей долей вероятности можно предполагать, что первое столкновение каракитаев с кыргызами произошло где-то в районе юго-западного Алтая.

Более подробный анализ обстоятельств повторного похода кара-китаев против кыргызов на основе сопоставительного изучения сведений мусульманских и китайских источников сделал Г.Г.Пиков, который характеризует это предприятие Гурхана как «восточная экспедиция». По мнению Г.Г. Пикова, восточная экспедиция 70-тысячной армии кара-китаев во главе с полководцем Сяо Валила, состоялась в 1134 году, и ее главной целью было восстановление империи Ляо, а задача наказание кыргызов должна была быть решена попутно. Как полагает автор новой монографии по истории кара-китаев М.Биран, восточная экспедиция Гурхана была организована под давлением его ближайшего окружения, которое мечтало о возвращении на родину.[272] Однако эта армия вернулась обратно, не встретив никакого врага, что позволяет предположить об уклонении алтайских кыргызов от столкновения с численно превосходящим войском кара-китаев.[273]

Разумеется, реставрация империи Ляо могла быть только далеко на востоке, а не в Восточном Туркестане. Чтобы достичь северо-востока Китая армия Гурхана никак не могла миновать территорию алтайских кыргызов. В

[267] Вопросы этнической истории. С. 38, 60; Джусаев К. О «черных китаях». С. 17-18.
[268] Wittfogel K.A. and Feng Chia-Sheng. History of Chinese society Liao. P. 638; Bretschneider E. Mediaeval researches. Vol. I. P. 216.
[269] Бартольд В.В. Двенадцать лекций. С.104.
[270] Кызласов Л.Р. История Тувы. С.131.
[271] Bretschneider E. Mediaeval researches. Vol. I. P. 28.
[272] Biran M. The Empire of the Qara Khitai. P. 40.
[273] Пиков Г.Г. Западные кидании. С. 78.

случае движения по южному маршруту она могла встретиться с чжурчженским военным заслоном, расположенным на южных отрогах Монгольского Алтая. Как показывают проанализированные Г.Г. Пиковым сообщения китайских источников, армия Сяо Валила не только не достигла поставленной цели, но даже не решила попутную задачу наказания кыргызов. Вот почему Джувейни говорит о походе кара-китайского войска против кыргызов, в результате которого оно покорило лишь Бешбалык.

Вышеизложенное дает нам основание полагать, что одна из задач второго похода войск Гурхана состояла именно в наказании кыргызов Алтая, которые поддерживали тесные торгово-экономические связи с Бешбалыком и были кровно заинтересованы в сохранении своего политического влияния в этом богатом регионе. Как показывает сообщение Джувейни о захвате кара-китаями города Бешбалыка, очевидно, алтайские кыргызы после этого события были надолго отрезаны от прямого выхода к рынкам Восточного Туркестана. В этом контексте представляет большой интерес следующий эпизод эпоса «Манас», где подчеркивается огромное значение торгово-экономических связей кыргызов Алтая с городами Восточного Туркестана:

«Алтайдын башын жайлаган,
Аксу менен Кучадан,
Ичерине чай алган.»
«Летовки (Манаса) находились в верховьях Алтая,
А из городов Аксу и Куча приобретали чай…»

Но окончательно кыргызы Алтая были отброшены далеко на северо-восток несколько позже, когда в середине XII в. найманы, по словам Рашид ад-Дина "разбили племя кыргызов".[274] Анализ сведений Рашид ад-Дина о границах между найманами и кыргызами в начале XIII в. показывает, что к этому времени найманы практически полностью вытеснили кыргызов из Монгольского Алтая, в результате чего южные пределы расселения кыргызских племен доходили, очевидно, только до реки Бухтарма, одного из притоков Иртыша.[275]

Как считается теперь надежно установленным, еще во время западного похода войска государства Ляо под командованием императора Абаоцзи в 924 году, киданские племена продвинулись вплоть до территории обитания «племен иртышских гор», то есть дошли до пределов расселения алтайских кыргызов. В результате, часть киданских племен закрепилась в районах Южного Алтая и попала под сильное влияние местного населения.[276] Оче-

[274] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. С. 135.
[275] Там же. С. 136-137.
[276] Пиков Г.Г. Западные кидани. С.72. Более подробно об обстоятельствах оккупации Монголии киданями в 924 г., когда они не встретили никакого сопротивления со стороны кыргызов см.: Drompp M.R. Breaking the Orkhon tradition. P. 398-399.

видно, среди киданских племен находились и найманы, которые постепенно превратились в серьезный военно-политический фактор в регионе Алтая.

В связи с движением некоторых монгольских племен на запад в 1041-1042 годах под давлением киданей, представляет большой интерес письмо несторианского епископа Средней Азии несторианскому католикосу в Багдаде. В послании отмечается о нашествии народа, разделявшегося на восемь родов. Принимая во внимание этимологию этнонима «найман» (по-монгольски «восемь»), В.В. Бартольд предположил, что в данном случае речь идет о найманах.[277] Следует отметить, что по сведениям китайских источников, в древности первое объединение киданских племен, которое подчинилось жуань-жуанам, носило нарицательное имя «восемь племен», что соответствует монгольскому числительному атрибутиву «найман». С другой стороны, и в период империи Ляо среди племен, находившихся в сфере влияния киданей, находились найманы.[278] Все это значительно усиливает аргументацию В.В. Бартольда о том, что некоторые центральноазиатские народы вполне могли назвать кара-китаев найманами или наоборот.[279]

И в позднейших вариантах эпоса «Манас» этноним «найман» постоянно встречается как название алтайского круга племен.[280] Упоминание в эпосе «Манас» племени найман в связи с Алтаем, по-видимому, не случайно. Так, к многочисленным родам южных алтайцев относится сеок найман, который в своем составе, также как и у кыргызов, имеет подразделы кара-найман и коко-найман.[281]

Поэтому есть основание предполагать, что рассказы в эпосе «Манас», связанные с кара-китаями, скорее всего, отражают отзвуки столкновений алтайских кыргызов в X-XII вв., главным образом, с найманами, которые рассматривались местными тюркскими племенами Алтая как часть киданей и в туземных наречиях назывались найманами. Вероятность обозначения найманов и тесно связанных с ним других монголоязычных племен юго-западных районов Алтая кара-китаями со стороны местного тюркоязычного населения усиливается сообщением короля Армении Гайтона, который совершил свое путешествие в Монголию в 1254-1255 гг. При описании маршрута движения на восток в его дневнике отмечается, что после переправы

[277] Бартольд В.В. Двенадцать лекций. С.104.
[278] Более подробно об этом см.: Wittfogel K.A. and Feng Chia-Sheng. History of Chinese society Liao. P. 85, 95-96
[279] О тесных отношениях между найманами и киданями см.: Викторова Л.Л. К вопросу о найманской теории. С. 150-155.
[280] Манас. Биринчи болук, I китеп. С. 69, 28.
[281] Потапов Л.П. Этнический состав. С. 39; С.М. Абрамзон. Этнические связи. С. 3.

реки Иртыш они вступили в страну найманов, а затем кара-китаев.[282] Как показано выше, собственно кидани только один раз прошли через эту местность, когда мигрировали на запад под предводительством Елюй Даши, и они здесь настолько долго не задерживались, чтобы Прииртышье и Монгольский Алтай стал называться «страной кара-китаев».

Следовательно, этот регион стал называться областью кара-китаев гораздо раньше последней волны миграции киданей на запад, имевшего место лишь в первой четверти XII в. Все это наводит на мысль, что под этнонимом кара-китаи в XII-XIII вв. тюркское население Алтая, включая кыргызов, подразумевало преимущественно найманов и родственных им других монгольских племен, которые переселились сюда с востока еще в X в., когда началась первая волна миграции киданей в западном направлении.

Исходя из этого, можно предположить, что кыргызы Алтая и Прииртышья долгое время враждовали не столько киданями, сколько одним из монголоязычных племен найманов, которые на раннем этапе движения киданей на запад присоединились к ним и постепенно закрепились в регионе Монгольского Алтая.

Как явствует из вышеизложенных материалов, накануне монгольского нашествия кыргызские племена длительное время проживали на Алтае и в Прииртышье в тесном контакте с племенем найман.[283] Подробное описание границ расселения найманов и об их взаимоотношениях с кыргызами приводится в "Джами ат-таварих" Рашид ад-Дина. Согласно Рашид ад-Дину, ранее эпохи Чингиз-хана, когда государями найманов были Наркыш-Таян и Эниат-каан, они разбили племя кыргызов.[284] Однако Рашид ад-Дин ничего не сообщает о последствиях этой войны между кыргызами и найманами. Но, судя по другим сведениям, Рашид ад-Дина, относящимися к расселению найманов уже во время Чингиз-хана, можно полагать, что в результате упомянутого поражения кыргызские племена были вытеснены из Монгольского Алтая и Прииртышья далеко на северо-восток, в пределы Горного Алтая.

По сведениям ал-Марвази, в начале 30-х годов XI века под нарастающим давлением кара-китаев с востока, началась новая волна миграции кочевых племен Центральной Азии на запад. Среди племен, пришедших в движение из-за натиска кара-китаев, упоминаются куны, каи и шары (сары или сарүү). Причем в результате этих миграций шары (сары) вытеснили из Прииссыкулья и Таласской долины туркмен[285] и сами поселились на территории

[282] Bretschneider E. Mediaeval researches. Vol. I. P. 167.
[283] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. С. 136-137.
[284] Там же. С. 135-136.
[285] ал-Марвази и Махмуд Кашгари туркменами называют исламизированных карлуков и огузов-сельджуков. См.: Кляшторный С.Г.,Султанов Т.И. Государства и народы. С. 124.

современного Кыргызстана.[286] В целом, в течение последующих восьмидесяти лет пестрый конгломерат племен тюрко-монгольского происхождения, примкнувший к киданям, стал называться китаями по названию племени гегемона, и в монгольскую эпоху они вошли в состав не только кыргызов, но и узбеков, казахов, ногаев и т.д.[287] Известный синолог Е.И. Кычанов, со ссылкой на труды китайского ученого Хан Жулина и немецкого востоковеда П. Рачневского склонен рассматривать монгольское племя найман как часть древних кыргызов. Не отрицая роль найманов в становлении центрально-азиатского компонента кыргызского народа на Алтае, мы считаем, что это предположение Е.И. Кычанова еще требует дополнительной аргументации.[288]

Представляется, что происхождение кыргызских племен Левого крыла – кытай, а также Правого крыла – найман непосредственно связано с племенами кара-китайского происхождения. Исходя из вышеизложенного, можно уточнить также хронологию вхождения осколков племени найман в состав кыргызского народа. Если раньше бытовало мнение о присоединении найманов к кыргызам только в монгольский период, то теперь с большей долей вероятности можно отнести эту дату к киданьской (кара-китайской) эпохе в истории народов Центральной Азии.

Такова была реальная этнополитическая ситуация в Центральной Азии и Южной Сибири в предмонгольскую эпоху, которая заставила кыргызов Алтая и Прииртышья надолго лишиться возможности непосредственного выхода к рынкам городов Восточного Туркестана. Тяжелые материальные и людские потери, понесенные им в ходе войн с найманами и кара-китаями, ухудшение хозяйственно-экономической жизни в результате нарушения торгово-экономических связей с оседло-земледельческими районами Восточного Туркестана способствовали ослаблению княжества Кыргыз на Алтае и Прииртышье, которое в начале XIIIв., как и другие владения кыргызов в Южной Сибири и Прибайкалье, было покорено монголами.[289]

[286] Minorsky V. Marvazi on China, the Turks and India. P. 30, 100-102. В.Минорский как и В.Бартольд, исходя из этимологии этнонима «сары» (в значении белокурый, половый) считает его одним из вариантов этнонима «кыпчак». Более подробно об этимологии этнонима «шары» и обстоятельствах передвижения на запад восточнотюркских племен каи, куны и шары, некогда входивших в племенную конфедерацию теле см.: Кляшторный С.Г.,Султанов Т.И. Государства и народы. С. 124-127.
[287] Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья. С. 8,16; Кереитов Р.Х. К истории. С. 10.
[288] Более подробно об этом см.: Кычанов Е.И.История династии Юань о киргизах. С. 237-240.
[289] Бартольд В.В. Киргизы. С. 504-507.

1.5. Взаимоотношения кыргызов с монголами в XIII в.

В изучении этнополитической истории Южной Сибири начала XIIIв. важное место занимает вопрос о покорении Чингиз-ханом кыргызов и лесных народов Южной Сибири. Однако проблемы взаимоотношений между монголами и кыргызами указанного периода в научной литературе остаются еще недостаточно разработанными в силу фрагментарности и противоречивости сведений источников относительно хронологии и характера покорения кыргызов Чингиз-ханом. К тому же изучение этого вопроса в исторических трудах до сих пор основывается лишь на сведениях «Сокровенного сказания», «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина и «Юань ши»[290] и остается дискуссионным. Высказываются совершенно противоположные мнения о характере взаимоотношений кыргызов и монголов.

Так, Л.Р. Кызласов утверждает, что исторической заслугой кыргызского государства является не только принятие на себя первого удара монголов, но и сопротивление на протяжении нескольких десятков лет продвижению улуса Джучи далее на запад – на Восточную Европу, на Русь.[291] Его оппонент Ю.С. Худяков вообще исключает борьбу кыргызов против агрессии монголов, и все дело сводит к «выражению покорности» кыргызских правителей Чингиз-хану[292].

Между тем, в сочинении начала XV в. «Мукаддима-йи Зафар-нама» Шараф ад-Дина Али Йезди имеются интересные сообщения о походах монголов в страну кыргызов в начале XIII в. Эти новые сообщения существенно дополняют сведения упомянутых источников по этому вопросу и позволяют воссоздать более полную картину взаимоотношений кыргызов с монголами в первой четверти XIII в, а также выяснить причины отдельных походов войск Чингиз-хана против кыргызов.

Но прежде чем приступить к изложению сообщений «Мукаддима-йи Зафар-нама» о кыргызах, следует вкратце остановиться на вопросе о политическом положении государства кыргызов к началу XIII в.

Согласно Рашид ад-Дину, ко времени возвышения Чингиз-хана некогда могущественное государство енисейских кыргызов уже не существовало, от него сохранились лишь небольшие, в политическом отношении самостоятельные, фактически независимые друг от друга княжества, возглавляемые

[290] Эта проблема в разное время с различной степенью полноты рассматривалась в следующих работах: D`Ohsson S. Histoire des mongols. T.1. P. 101-104, 156-157; Бартольд В. В. Киргизы. С. 505-508; История Сибири. Т. I. С. 302-303; Кызласов Р. Л. История Тувы. С.131-138; Его же. История Южной Сибири. С. 162-165; Худяков Ю. С. Кыргызы на Енисее. С. 72-75.
[291] Кызласов Л. Р. История Южной Сибири. С. 165.
[292] Худяков Ю. С. Кыргызы на Енисее. С. 73.

суверенными правителями, которые, как правило, носили титул *инал*. Единого правителя – *кагана* – уже не было. Как отмечалось выше, в географическом отношении область Кыргыз и Кэм-Кэмджиут представляла собой обширный регион, охватывающий Саяно-Алтайское нагорье, Минусинскую котловину и Прибайкалье. В отношении административно-государственном она состояла из более мелких областей, управляемых самостоятельными правителями, вероятно, носившими титулы *тегин* и *инал*. Поэтому, надо полагать, Рашид ад-Дин под термином *Кыргыз и Кэм-Кэмджиут* подразумевает не область, а обширную страну, разделенную на самостоятельные княжества. Там проживали различные по своему происхождению, но связанные общей политической традицией со времен возвышения государства древних енисейских кыргызов племена. На это совершенно ясно указывают сведения как самого Рашид ад-Дина, так «Худуд ал-алам» и «Юань ши».[293]

Этих княжеств было, по крайней мере, пять – Кыргыз (Цзилицзисы), Кэм-Кэмджиут (Цяньчжоу), Алакчин, Баргуджин-Токум (Анкела) и Каркара. Подобная административно-государственная система отражала довольно пестрый этнический состав, а также уровень социально-экономического развития отдельных областей. Насколько позволяют судить сведения «Сокровенного сказания», Рашид ад-Дина и «Юань ши» в рассматриваемый период, в пределах страны Кыргыз и Кэм-Кэмджиут, кроме кыргызов, проживали и другие племена как *тоёлёс, теленгут, тас, байджигит, кабканас, канкас, тумат, булагачин, кэрэмучин, урасут, кэштими, кори, баргу, байаут и др*[294].

Часть этих племен была монгольского происхождения. Как показывают вышеприведенные сообщения Рашид ад-Дина, таковыми были, очевидно, племена кори, баргу, тумат и байаут. В другом месте своего сочинения он отмечает, что такие племена, как *урасут, теленгут и кэштими,* проживавшие в пределах страны кыргызов были подобны монголам.[295] Это подтверждается информацией «Юань ши», где сказано, что язык зависимых от кыргызов племен Прибайкалья (Анкела), соответствующих Баргуджин-Токуму Рашид ад-Дина, сильно отличался от языка цзилицзисы (кыргызов).[296] Поэтому есть основание предполагать, что смешение енисейских кыргызов с монгольскими племенами началось ещё до завоевания Чингиз-ханом Прибайкалья и Саяно-Алтайского нагорья в начале XIII века.

[293] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. С. 121-122, 150; Кычанов Е.И. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов. С. 59-60.
[294] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. С. 121-124, 150; Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 174-175; Кычанов Е.И. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов. С. 60; Hambis L. Notes sur trios tribus de l`Lenissei. P. 25-30.
[295] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. С. 122.
[296] Кычанов Е. И. Сведения в «Юань-Ши» о переселениях киргизов. С. 60.

Несмотря на отсутствие политического единства и утерю кыргызами господствующего положения по всей стране, как это было в середине IX-нач. X вв., обширный регион Прибайкалья и Саяно-Алтайского нагорья соседи по традиции ещё называли Кыргыз и Кэм-Кэмджиут.

В области баргутов, которая являлась самой восточной частью страны кыргызов, находили убежище многие соперники Чингиз-хана[297], что послужило одной из причин усиления напряженности между кыргызами и монголами в начале XIII в.

Но агрессию со стороны наиболее могущественных монгольских племен – найманов – западные кыргызы испытали ещё во второй половине XII века. По сообщению Рашид ад-Дина, найманы разгромили кыргызов во время Эниат-хана.[298] Далее Рашид ад-Дин, при описании границ расселения найманов отмечает, что «...одна сторона их территории Ирдыш-Мурэн, который есть река Иртыш, горы, лежащие между той рекой и областью киргизов и соприкасающиеся с пределами той страны до местностей земель Могулистана...».[299] Отсюда становится ясно, что кыргызы после упомянутого поражения были отброшены далеко на северо-восток от Монгольского Алтая и верховий Иртыша.

Здесь следует отметить одно не совсем точное сообщение Рашид ад-Дина о якобы имевшем место бегстве найманского правителя Буюрук-хана в пределы области Кэм-Кэмджиута после его поражения Чингиз-ханом в сражении, состоявшемся на берегу Черного Иртыша в 1199 году.[300] На основе изучения этого сообщения в сопоставлении с данными «Сокровенного сказания» и «Шэн-у цин-чжен лу» П. Пельо и Л. Амбис убедительно показали, что Рашид ад-Дин или его переписчики в данном случае перепутали бегство правителя меркитов Токто-беки в область Кэм-Кэмджиут после его поражения Чингиз-ханом в 1206 г.[301] К сожалению, это ошибочное указание Рашид ад-Дина, которое ввело в заблуждение ещё В. В. Бартольда[302], до сих пор отдельными историками цитируется как достоверное известие[303] и вносит путаницу в исследование рассматриваемой проблемы.

Напряженность отношений между монголами и кыргызами росла по мере укрепления среди монгольских племен власти Тэмучина, который был

---

[297] Там же.
[298] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. С. 135.
[299] Там же, с. 137.
[300] Там же, с. 112.
[301] Histoire des campagnes de Gengis Khan. P. 316-317. По мнению П. Пельо и Л. Амбиса, чтобы добраться до области Кэм-Кэмджиут, Буюрук-хан должен был следовать по территории владений своего брата Таян-хана, с которым он в это время враждовал.
[302] Бартольд В. В. Киргизы. С. 505.
[303] Кызласов Л. Р. История Тувы. С. 131.

провозглашен в 1206 г. на всеобщем курултае Чингиз-ханом. Несмотря на политическую раздробленность страны кыргызов и отсутствие сильной централизованной власти кагана, кыргызские княжества все же представляли определенную опасность для молодого государства Чингиз-хана. К тому же, как уже отмечалось, многие внутренние враги Чингиз-хана скрывались в различных уголках области кыргызов, что не могло не сказаться на дальнейшем обострении отношений между государством монголов и кыргызскими княжествами.

Но до окончательного утверждения власти над всеми монгольскими племенами Чингиз-хан не стал реагировать на недружественные акции со стороны кыргызских князей-иналов, выразившиеся в предоставлении политического убежища его врагам. По всей вероятности, Чингиз-хан ждал подходящего момента для начала широкой военной кампании против киргизских княжеств.

Такой момент наступил вскоре после провозглашения Чингиз-хана главой всех монгольских племен. Формальным поводом для похода монгольских войск на кыргызские области послужило бегство в Кэм-Кэмджиут предводителя меркитов Токто-беки, который в союзе с найманским Кушлуком активно боролся против Чингиз-хана. Обстоятельства бегства Токто-беки к кыргызам по-разному излагаются в «Тарих-и Джахангушай» Джувейни[304] «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина,[305] «Юань ши»[306] и в «Мукаддима» Шараф ад-Дина Али Йезди.[307] Авторы «Тарих-и Джахангушай» и «Юань ши» без указания конкретной даты единодушно отмечают, что Токто-беки ушел именно в сторону Кэм-Кэмджиута.[308]

Следует отметить, что у Джувейни предводитель меркитов называется Ток-Тоганом, а не Токто-беки. Но как установлено ещё П. Пельо, Джувейни перепутал имена Токто-Беки с именем его сына Кул-Тогана. В труде Джувейни отсутствует точная дата этого события, но предположительно оно имело место в 1218 г., в связи с чем, состоялся поход Джучи в область Кэм-Кэмджиут. Однако поход Джучи в 1218 г. в области Кэм-Кэмджиут и Кыргыз состоялся совершенно по другой причине – из-за поддержки кыргызами восстания туматов. Как явствует из сообщений Рашид-ад-Дина, Токто-беки был убит Чингиз-ханом ещё в 1208 г. во время сражения его войск с отрядами Токто-беки на берегу реки Иртыш. Поэтому, несомненно, здесь речь идет о более ранних событиях, имевших место, по крайней мере, до 1208 г. Рашид ад-Дин и Шараф ад-Дин Али Йезди ничего не сообщают об уходе Токто-беки

---

[304] Juvaini. The history of the World-conqueror. T. 1. P. 69.
[305] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн.2. С. 150-51.
[306] Цит. по: Бартольд В. В. Киргизы. С. 505.
[307] Мукаддима-йи Зафар-нама. С. 393. Л. 33а; Supplement Persan 1611/II. Л.71б.
[308] Бартольд В. В. Киргизы. С. 505; Juvaini. The history of the World-conqueror. T. I. P. 69.

в Кэм-Кэмджиут. Согласно Рашид ад-Дину, он скрылся в местности Ирдыш на границе области найманов[309].

Точная дата этого события также остается не совсем ясной. По предположению В.В. Бартольда, оно имело место весной 1207 г., после чего в том же году Чингиз-хан отправил послов к кыргызам с требованием покорности[310].

На самом деле, как явствует из сообщений Рашид ад-Дина и Шараф ад-Дина Али Йезди,[311] Токто-беки вынужден был бежать от преследования Чингиз-хана весной 1206 г., когда тот разгромил и убил одного из своих главных врагов – найманского Буюрук-хана в местности Улуг-так.[312] По словам Рашид ад-Дина, бывшие при нем его племянник Кушлук и союзник найманов Токто-беки, убежали в сторону Иртыша,[313] а по данным «Сокровенного сказания», Токто-беки был убит в этом сражении, и его сыновья бежали в страну кипчаков и канглы.[314]

Поэтому вряд ли можно допустить, что со времени бегства Токто-беки и до его приезда в пределы областей Кэм-Кэмджиута и Кыргыз прошел целый год. Просто для подготовки похода в страну кыргызов Чингиз-хану потребовалось определенное время. К тому же ранее монголам пришлось вторично завоевать государство Тангут,[315] которое представляло более серьезную опасность, чем разрозненные кыргызские княжества. Только после усмирения тангутов настала пора покорить кыргызов, что имело место уже в 1207 г., т. е. через год после бегства Токто-беки к кыргызам.

По сведениям Рашид ад-Дина, кыргызы выразили покорность Чингиз-хану в результате дипломатических переговоров: «В этом же, упомянутом году зайца (1207г.) Чингиз-хан отправил к киргизским эмирам и начальникам (хаким) двух послов, имя одного из них Алтан, а другого Бура. Сначала они прибыли в область, название которой Еди-Орун, а тамошнего эмира называли Урус-инал. Оба эти эмира оказали полный почет упомянутым послам и, отправив обратно вместе с ними своих двух послов, имя одного из которых

[309] Рашид-ад-Дин. Сборник. летописей. Т. I. Кн.2. С. 151.
[310] Бартольд В. В. Киргизы. С. 505.
[311] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн.2. С. 150; Мукаддима-ий Зафар-нама С 393. Л. 33а; Supplement Persan 1611/II. Л. 271 б.
[312] Более подробно об этом событии см.: Histoire des campagnes de Gengis Khan. P. 294-381.
[313] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн.2. С. 150-151.
[314] Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 151. В этом рассказе «Сокровенного сказания» две разные походы Чингиз-хана против найманов и меркитов, имевших место в 1206 г. и 1208 г., объединены в один поход, который якобы состоялся в 1205 году. Поэтому в данном случае информация «Сокровенного сказания» об убийстве Токто-беки ещё в 1205 г. является ошибочной и не заслуживает доверия.
[315] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей.Т. I. Кн.2. С. 151.

Илик-Тимур, а другого – Аткирак, с белым соколом и подчинились Чингиз-хану»[316].

Но сопоставление сведений «Сборника летописей», «Сокровенного сказания» и «Мукаддима» позволяет говорить о несколько ином характере покорения киргизов. В частности, в «Сокровенном сказании» упоминается, что в том же, 1207 г. (соответствующем году зайца) Чингиз-хан отправил своего старшего сына «Чжочи с войском правого крыла к лесным народам. Подчинив, ойратов, бурятов, баргутов, урасутов, хабханасов, ханхасов и тубасов, Чжочи подступил к тумен-киргизам. Тогда к Чжочи явились киргизские нойоны Еди, Инал, Алдиер и Олебек-дигин. Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами-шинхот, белыми же меринами и черными соболями». Далее сообщается, что Джучи, таким образом, покорил все лесные народы такие, как шибир, кесдим, байат, тухас, тенлек, тоёлёс, тас и бачжиги. Предводителей этих лесных народов, а также тысячников и темников кыргызов Джучи взял с собой и представил Чингиз-хану[317].

Согласно сообщениям «Мукаддима», в страну кыргызов отправился во главе монгольского войска сам Чингиз-хан сразу же после покорения государства Тангут. Кыргызские князья вынуждены были выразить покорность только после кровопролитного сражения, когда убедились, что их силы явно недостаточны для отражения агрессии монголов.[318] Поэтому, как и в ряде других случаев, эта информация «Сокровенного сказания» не совсем точна. Это видно хотя бы из приведенного факта покорения племен урасут, теленгут, кесдим (кештим, или куштеми) и других лесных племен страны кыргызов только в результате похода Джучи, состоявшемся в 1218 г., о котором сообщает Рашид-ад-Дин. Поэтому в данном случае нам представляется более достоверными сведения Рашид-ад-Дина и Шараф-ад-Дина Али Йезди о том, что в 1207 г. монгольские войска под предводительством самого Чингиз-хана сначала покорили государство Тангут и оттуда сразу направились в страну кыргызов.

Косвенные указания на то, что в этом походе участвовал сам Чингиз-хан, и покорение кыргызских князей носило отнюдь не добровольный характер, а поддерживалось угрозой применения силы, приводятся также в другом месте сочинения Рашид ад-Дина: «В год дракона, начинающийся с месяца раджаба 604 г. х. (январь-февраль 1208 г.), когда Чингиз-хан вернулся после завоевания областей Тангут и кыргызов, и эмиры этих областей ему подчинились, – он расположился в своих жилищах (ханаха)».[319] Анализ соответствующих

[316] Там же.
[317] Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 174-175.
[318] Мукаддима-йи Зафар-нама С 393. Л. 33а; Supplement Persan 1611/II. Л. 27б.
[319] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн.2. С. 151.

сведений «Юань ши» также ясно показывает, что монголы покорили кыргызов силой в результате военного похода войск Джучи против лесных народов.[320]

Как видно, подчинение кыргызов монголам произошло в результате силового давления, перед лицом угрозы полного разгрома. Дипломатические усилия Чингиз-хана в данном случае вряд ли достигли бы цели без применения силы. Поэтому в данном случае нельзя не согласиться с утверждением Ю.С. Худякова, что добровольное подчинение кыргызов Чингиз-хану диктовалось сложившейся политической ситуацией, соотношением сил обеих сторон; это было вынужденным шагом, предотвратившим в XIII веке повальное истребление населения Енисея.[321]

Таким образом, как свидетельствуют источники, «выражение покорности» произошло не совсем добровольно. В географическом же отношении речь идет не только о территории Енисея (Кэм-Кэмджиут), а обо всей стране кыргызов, включая Прибайкалье (Баргуджин-Токум, где обитали племена баргут, бурят, тумат и др.) и Алтай (место проживания племен кештим, урасут, теленгут, тоёлёс и собственно кыргызов).

Судя по рассказам Рашид ад-Дина, и «Сокровенного сказания», ко времени возвышения Чингиз-хана в кыргызских княжествах было два инала - Урус-инал и Еди-инал, которые, очевидно, управляли соответственно западными областями страны – Кыргыз и Кэм-Кэмджиут, а восточная область Баргуджин-Токум, по-видимому, управлялась князьями ниже рангом – с титулом тегин (наследниками иналов). Но реальная власть на местах фактически принадлежала предводителям отдельных племен, которые самостоятельно решали не только внутренние проблемы, но обладали суверенитетом и в осуществлении внешней политики.

Так, предводитель племени тумат из области Баргуджин-Токум Тайтула-Сокар, сначала самостоятельно принял решение подчиниться Чингиз-хану, а затем через несколько лет, в 1217 г. (соответствующем году быка), сам же поднял восстание против монголов.[322] Западнокыргызские княжества поддержали его восстание только через год, в 1218 г., в связи с чем против кыргызов выступил Джучи. Об этом событии повествует Рашид ад-Дин: «В год барса (1218), когда восстало одно из племен тумат, сидевшее в Баргуджин-Токуме и Байлуке, для его покорения (монголы) из-за того, что оно было поблизости от кыргызов, потребовали от кыргызов войско (чарик); те не дали и восстали. Чингиз-хан послал к ним своего сына Джочи с войском. Курлун был их (кыргызов) предводитель, у монголов эмир, по имени Нока, отправился в

[320] Кычанов Е.И.История династии Юань о киргизах. С. 238.
[321] Худяков Ю. С. Кыргызы на Енисее. С. 74.
[322] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн.1. С. 122.

передовом отряде; он обратил в бегство кыргызов и вернулся назад от восьмой реки. Когда подошел Джочи, лед уже сковал реку Кэм-Кэмджиут. Он прошел по льду и, подчинив кыргызов, вернулся назад»[323].

Как свидетельствует источник, восстание туматов поддержали те кыргызы, которые проживали в непосредственной от них близости в области Кэм-Кэмджиут, где вместо Еди-инала правителем был уже некий Курлун, князь без титула. При описании событий следующего, 1219 года, в западно-кыргызском княжестве на Алтае, автор «Мукаддима» Шараф ад-Дин Али Йезди также упоминает Уруса без титула инал.[324] Это свидетельствует о том, что после присоединения кыргызских княжеств к государству Чингиз-хана, монголы ликвидировали здесь институт иналов и тегинов, олицетворявших власть прежних суверенных правителей, генеалогически связанных с традицией института древнекыргызских каганов.

Но, несмотря на это, западные кыргызы, проживавшие в регионе Алтая еще продолжали оказывать сопротивление монголам. Об этом свидетельствуют сообщения «Мукаддима» Шараф ад-Дина Али Йезди и «Шаджарат ал-атрак».[325] Начало этого рассказа в «Мукаддима» по своему содержанию совпадает с сообщением «Тарих-и Джахангушай» Джувейни о выступлении войск Чингиз-хана против Хорезмшаха.[326] Так, согласно «Мукаддима», в 615г.х., соответствующему году зайца (1219 г.) Чингиз-хан стал готовиться к походу в Хорезм. Как известно, перед этим он провел лето на берегах Иртыша.[327] Когда он прибыл в северную часть Семиречья, к нему присоединились со своими отрядами правитель Кайалыка Арслан-хан и правитель Алмалыка Сыгнак-тегин, а также уйгурский идикут Баурчик из Бешбалыка.[328]

Дальнейший рассказ в «Мукаддима» существенно отличается от аналогичного повествования в «Тарих-и Джахангушай»: «Однако войско кыргызов оказало противодействие и отказалось участвовать в походе (монголов в Хорезм). Чингиз-хан отправил против кыргызов огромное войско.

Маснави:

Шахзаде Джучи, – сказал Шах,
Отправляйся с войском против кыргызов,
Покоренной сделай эту страну,
Уничтожай злосчастных мятежников!
Джучи-оглан по приказу выступил,

[323] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн.1. С. 151.
[324] Мукаддима-йи Зафар-нама С 393. Л.47а; Supplement persan 1611/П. Л. 28а.
[325] Шаджарат ал-атрак. Л. 70б; The Shajarat ul atrak. P. 125.
[326] Juvaini. The history of the World-conqueror. T.1. P. 81-82.
[327] Бартольд В. В. История Туркестана. С. 141.
[328] Бартольд В. В. История Туркестана. С. 141.

За ним последовало огромное войско,
Река Кыргыз была покрыта льдом,
Шах переправился через ледяной покров.

Затем Джучи это владение (кыргызов) обнаружил в лесах и большую часть кыргызов уничтожил, а их правителя Урасута покорил. После этого Джучи возвратился оттуда и присоединился к Чингиз-хану»[329].

Несомненно, здесь сообщается о другом восстании алтайских кыргызов, находящихся под властью Урус-инала, причиной которого был отказ от участия в походе Чингиз-хана в Среднюю Азию. Трудно сказать, какую реку подразумевает автор в данном случае под названием Кыргыз. Но вряд ли здесь имеется в виду Енисей, ибо средневековые авторы, как правило, называли его Кэм-Кэмчиком[330]. Поскольку здесь речь идет о территории, лежащей в непосредственной близости от северной части Семиречья, то надо полагать, что эта река находилась где-то на Алтае. По всей вероятности, автор «Мукаддима» рекой Кыргыз называет один из притоков Оби – Катунь или Бий.

Сообщение «Мукаддима» о том, что эти кыргызы проживали в лесных районах, вызывает большой интерес в связи со сведениями автора XVI в. Мухаммеда Хайдара о кыргызах Моголистана, которых он называет «лесными львами» Моголистана. Известно, что часть Прииртышья позднее входила в состав государства Моголистан. К сожалению, это важное сообщение «Мукаддима» не находит подтверждения в трудах Джувейни, Рашид ад-Дина и китайских летописцев. Ничего не сообщается о восстаниях кыргызов в 1218-1219 гг. и в «Сокровенном сказании». Как уже отмечалось, более краткая редакция этого рассказа встречается только в источнике начала XVI в. «Шаджарат ал-атрак».

Но на основании косвенных данных ряда синхронных источников, все же можно твердо предположить, что изложенное в «Мукаддима» восстание кыргызов осенью 1219 г., в ходе подготовки похода монголов в Среднюю Азию, действительно имело место. На это указывает, во-первых, то обстоятельство, что монгольские войска подошли к Отрару только в самом конце 1219 г.[331], что могло быть связано с вынужденным новым походом Джучи против кыргызов Алтая из-за их отказа от участия в предстоящей военной кампании Чингиз-хана на запад; во-вторых, ни в обстоятельном труде Рашид ад-Дина «Сборник летописей», ни в специальной работе

[329] Мукаддима-йи Зафар-нама С. 393. Л. 47а; Supplement persan 1611/П. Л. 28а; Шаджарат ал-атрак. Л. 70 б.
[330] Hambis L. Notes sur Käm. P. 287-293.
[331] Бартольд В. В. История Туркестана. С. 141.

анонимного автора «Му'изз аль-ансаб фи шаджарат салатин-и могул», посвященной генеалогии чингизидов, тимуридов и их более или менее известных военачальников,[332] мы практически не встречаем имен монгольских эмиров кыргызского происхождения.

Все это свидетельствует о том, что кыргызские военачальники, в отличие от правителей уйгуров, карлуков и других вассалов Чингиз-хана, за редким исключением, не принимали участия в походе монгольских войск на Среднюю Азию в 1219 г., за что сами были жестоко наказаны со стороны Джучи.

Естественно, нельзя охарактеризовать эти разрозненные восстания кыргызов 1218-1219 гг. против монголов как фактор, задерживавший продвижение улуса Джучи на Русь и на Восточную Европу, но столь же неправомерно свести суть сложных и порой драматических взаимоотношений кыргызов с монголами в начале XIII в. к обычному «выражению покорности». Для нас важным представляется не политическая оценка этих далеких от нас исторических событий, а их последствия.

О дальнейшей судьбе кыргызов Алтая и Енисея мы узнаем из отрывочных и кратких сведений «Юань ши». Так, в 1269 г. был издан императорский указ Юаньской династии, согласно которому в области Кыргыз, Ханьхэна, Цяньчжоу и Иланьчжоу был отправлен Лю Хао-ли в качестве судьи. Тогда же в этих округах были построены продовольственные склады и зернохранилища, устроены почтовые станции, чтобы обеспечить коммуникацию данных районов с метрополией.

Судя по отрывочным материалам «Юань ши», кыргызы принимали активное участие во внутриполитической борьбе монгольских царевичей Хубилая и Арик-Буги за власть. После поражения Арик-Буги в 1264 г., против Хубилая восстал внук Угэдея Хайду. Несмотря на то, что основные районы, заселенные кыргызами, были под контролем Хайду, определанная часть кыргызов воевала на стороне Хубилая против Хайду. Об этом свидетельствует сообщение «Юань ши», согласно котрому в 80-х годах XIII века в помощь войскам, сражавшимся с Хайду, был выслан отряд кыргызов. Однако этот же источник сообщает о восстании кыргызов, имевшем место в 1275-1276 гг. После подавления восстания часть кыргызов была отселена в Маньчжурию. В то же время сообщается о проживании другой группы кыргызов в районе столицы Монгольской империи города Каракорума.

В 1293г. еще одна группа кыргызов была переселена в Маньчжурию, а в 1295гг. большая группа кыргызов, проживавшая в Горном Алтае (горы Цзиньшань) была выслана в провинцию Шандунь. Таким образом, сведения

[332] Му'изз аль-ансаб фи шаджарат салатин. Ancien fond persan 67.

«Юань ши» также подтверждают, что в монгольскую эпоху часть кыргызов проживала на Алтае.

Как показывают вышеприведенные сведения «Юань ши», кыргызы представляли серьезную угрозу безопасности Юаньской династии на северных и северо-западных границах империи, в связи с чем, в результате карательных операций войск Хубилая енисейские и алтайские кыргызы были разделены и рассосредоточены путем переселения их в северо-восточные районы Монголии и Маньчжурии. Предполагается, что впоследствии эти группы кыргызов были ассимилированы численно преобладающим местным населением указанных районов и влились в состав монгольского и китайского народов.[333]

По-видимому, именно эти трагические страницы в истории кыргызов в художественно обобщенном виде описываются в эпосе «Манас» следующим образом:

«…Бироо кетти Алтайга,
Бироо кетти Кангайга,
Бироо кетти Эренге,
Бироо тушуп кетти теренге…»

«…Некоторые (из кыргызов) ушли на Алтай,
Другие ушли на Хангай,
Третьи ушли в Иран,
А одни пропали без вести…»

Представляется, что именно такая последовательно враждебная политика Юаньской династии в отношении кыргызов, направленная на истребление этого бунтарского народа путем планомерной депортации значительных групп кыргызского населения Саяно-Алтая в отдаленные части Монгольской империи, заставила кыргызов Алтая ориентироваться на государство Хайду, а после его распада в первой половине XIV в. на государство Моголистан.

В целом после покорения кыргызов монголами изменился не только статус кыргызских княжеств, но и была преобразована государственно-административная система кыргызского общества в соответствии с военно-политическими интересами государства Чингиз-хана. Такая мера надолго задержала процессы дальнейшей консолидации кыргызских племен на всей территории страны кыргызов, а в ее восточной части – в Баргуджин-Токуме, потерявшие свое господствующее положение небольшие группы кыргызских племен постепенно полностью ассимилировались с численно преобладающими монгольскими племенами. В этом отношении следует отметить заключение известного хакасского исследователя В.Я.Бутанаева о том, что род хурхуд, обитающий ныне среди бурятов по р. Ангара и р. Иркут, представляет собой потомков, поселившихся здесь в IX-X вв. енисейских кыргызов.[334]

[333] Более подробно о взаимоотношениях енисейских и алтайских кыргызов с монголами во второй пол. XIII века см.: Кычанов Е.И.«История династии Юань» о киргизах. С. 237-240.

В условиях отсутствия собственной структуры организованной власти возрождение кыргызского этноса на своей исконной территории – Минусинской котловине – было задержано. Дальнейшее развитие кыргызского этноса, однако, продолжалось в пределах Алтая и Прииртышья. Хотя и здесь значительная часть населения была уничтожена и уведена в плен, а оставшиеся племена были оттеснены в горно-лесные районы, по-видимому, им удалось сохранить прежний быт и в какой-то степени прежнюю этнополитическую структуру.

Таким образом, несмотря на утерю кыргызами политической независимости и государственной структуры, они сумели сохранить свое самоназвание *кыргыз,* которое в этих сложных условиях сыграло важную роль для консолидации не только кыргызских, но и родственных им тюркоязычных племен Алтая и Прииртышья.

1.6. Взаимоотношения алтайских кыргызов с ойратами в XIV-перв.пол. XV вв.

Этноним *«ойрат»* в этнической номенклатуре народов Южной Сибири впервые появляется лишь в эпоху Чингис-хана, как название одного из лесных племен региона Саяно-Алтая. Согласно сведениям различных источников, предводитель ойратов Хутука-беки активно помогал монголам в покорении лесных племен этого региона, за что удостоился особых почестей со стороны Чингис-хана. В частности, один из сыновей Хутука-беки женился на дочери Чингис-хана, а его другой сын взял в жены внучку Чингис-хана. В то же время один из внуков Чингис-хана Мункэ взял в жены дочь предводителя ойратов. В результате многие представители ойратской знати заняли ответственные посты в государственной и военной иерархии Монгольской империи и пользовались благосклонностью самого Чингис-хана. Эти брачные узы, связавшие Хутука-беки с Золотым родом Чингис-хана подняли статус ойратской знати, которая заняла привилегированное положение в Монгольской империи. Позже некоторые ойратские князья стали возводить свою

[334] Бутанаев В.Я. Хакасы из провинции Хэйлунцзян. С. 16.

генеалогию до Хасара, брата самого Чингис-хана.[335] Все это впоследствии дало повод ойратской аристократии предъявить амбициозные претензии на власть над всеми тюрко-монгольскими народами Южной Сибири и Монголии. Поэтому тесно связанные с начала XIII в. с политической жизнью Монгольской империи ойраты после ее крушения заняли не только ведущее положение в Монголии, но даже предприняли попытки ее возрождения.

Государственное объединение ойратов впервые вышло на политическую арену Южной Сибири после падения империи Юань и изгнания монгольских племен из Китая во второй половине XIV века.[336] Оно представляло собой конгломерат монголоязычных и тюркоязычных племен Саяно-Алтайского региона и первоначально состояло из четырех племен, которое по-монгольски называлось «дорбен ойрат» (четыре ойрата). Как показывают сведения источников, среди первых четырех племен, создавших государство ойратов, находились и кыргызы. По сообщениям написанной в 1662 г. монгольской хроники "Эрдэнийин Тобчи" Саган Сецена, первоначально в ойратский союз наряду с племенами огелед, багатуд и хойд входило также племя кергуд,[337] которое, по мнению ряда исследователей, является монгольским названием кыргызов («кергуд» – форма множественного числа этнонима «кыргыз» в монгольском языке).[338] Поэтому в китайских хрониках кыргызы этой эпохи обозначаются двойным наименованием «вэйлато кэлагутэ» или «вэйлате цилагуте», что означает «ойратские кыргызы».[339] Поскольку каждое племя ойратского союза управлялось своим суверенным предводителем, во главе кыргызов стоял некий предводитель без титула Эрхе.[340]

В конце XIV в. власть над этим союзом четырех ойратских племен уже находилась в руках Угечи-кашка[341] из племени кыргыз, который в 1399 г., убив наследника монгольских ханов Элбека, подчинил себе не только ойратов, но и значительную часть монголов и начал управлять в качестве суверенного правителя в городе Каракоруме.[342] Кыргызский синолог Т.Бейшеналиев на основе сопоставительного анализа сведений китайской хроники «Мин ши» и монгольских исторических сочинений пришел к выводу о том, что упомянутые в этих источниках Монке-Темир, Гуйличи и Угечи-кашка одно и тоже лицо. Собственным именем этого политического деятеля

[335] Козин С.А. Ойратская историческая песнь. С. 91-92.
[336] Более подробно о роли ойратов в Монгольской империи см.: Санчиров В.П. Ойраты. С.158-189.
[337] The mongol chronicle Altan Tobci. P. 161. not.5.
[338] Pelliot P. Notes critiques. P. 6, not. 66; Hambis L. La Haute-Asie. P. 75.
[339] Бейшеналиев Т.О. «Циньдин мэнгу юаньлюэ» об ойратском улусе. С. 22-25.
[340] Там же.
[341] О термине *угечи* (в смысле Волопас) см.: Pelliot P. Notes sur l'Histoire de la Horde d'Or. P. 36.
[342] Hambis L. Documents. P. 185.

было Монке-Темир, однако из-за того, что он не был знатного происхождения, ойратские и китайские хронисты называли его уничижительным именем Угечи-кашка («Волопас»).[343]

Отзвуки этих отдаленных событий, связанных с кратковременным господством кыргызов над ойратским союзом нашли отражение в географическом сочинении персидского автора XVIIв. Мухаммад-Садика Исфахани (1609-1651гг.) «Шахид-и садик». В этом сочинении говорится о двух разных группах кыргызов, одна из которых проживает в недоступных горах Туркестана и считает своими предками сорок девушек, а другая обитает около Каракорума, который является ее столицей.[344]

Как видно из титула правителя кыргызов Алтая, вошедших в состав ойратского союза, древний, традиционный титул кыргызских владетелей Саяно-Алтайского нагорья эпохи Чингис-хана *инал* теперь полностью исчезает и появляется совершенно новый титул – *кашка*. Это свидетельствует о полном истреблении прежней политической элиты кыргызов, прямых потомков каганов эпохи «кыргызского великодержавия», в период жестоких репрессий со стороны монголов в отношении непокорных кыргызских племен Енисея и Алтая в период внутриполитической борьбы за власть между Хубилаем и Хайду в конце XIII в.[345]

Однако вскоре Угечи-кашка был убит, а попытки его сына Эсэху (умер в 1425 г.) распространить свою власть над всеми монгольскими племенами не увенчались успехом.[346] Насколько известно, после смерти Эсеху упоминаний о племени кыргыз среди ойратских племен в источниках не встречается. Однако о существовании тесных политических и этнических связей кыргызов с ойратами в отдаленном прошлом сохранилась память в относительно поздних народных преданиях самих ойратов и кыргызов. Так, в одном предании, записанном в XVII в. среди калмаков Сибири С.У. Ремезовым, сообщается, что ойраты и кыргызы в эпоху Чингиз-хана жили по соседству.[347] Согласно другому преданию, которое было записано в Джунгарии в начале XVIII в. пленным шведским офицером Ренатом, кыргызы были одним из народов, в прошлом входивших в состав союза четырех ойратов (дорбен

[343] Бейшеналиев Т. Кыргыз ханы. С. 78-84.
[344] The geographical works of Sadic Isfahani. P. 39.
[345] Насколько известно, термин *кашка* является словом кыргызского происхождения и означает белое пятно на лице у животных. В качестве названия социальной категории людей этот термин применяется в отношении выделившегося из народа лидера, благодаря своим харизматическим качествам. О термине *кашка* см.: Бартольд.В.В. Киргизы. С. 517 и примечание 12. В эпосе «Манас» термин *кашка* часто употребляется как эпитет Манаса.
[346] Hambis L. La Haute-Asie. P. 74; Подробно об этих событиях см.: Петров К.И.. К истории движения.
[347] Гольденберг Л.А. Статья С.У. Ремезова. С. 230.

ойрат).[348]

И в кыргызском героическом эпосе «Манас» этноним *«ойрот»* часто встречается в значении «все люди» и «весь народ», о чем свидетельствуют следующий отрывок эпоса:

Оёндор курош салганы, Резко дергая друг друга,
Ойдо, дондо булкушуп, Борются два богатыря,
Ойрот журт айран калганы. Стойкости которых удивлен весь народ.

Очевидно, это значение этнонима «ойрот» в эпосе «Манас» появилось в те давние времена, когда алтайские кыргызы в течение некоторого времени входили в союз ойратских племен.[349] Думается, что это значение слова «ойрот» в эпосе «Манас» будет интересным при дальнейших исследованиях этимологии этнонима «ойрат», которая до сих пор остается спорной и нерешенной.[350]

Поэтому участие алтайских кыргызов в союзе ойратских племен на раннем этапе его становления не вызывает сомнение, однако причины и время их выхода из этого объединения до сих пор остаются неясными.

Один из первых исследователей истории кыргызско-ойратских отношений покойный К.И.Петров считает, что господство кыргызов над ойратским союзом прекратилось уже после смерти Эсэху-хана в 1425 году. Тем не менее, еще в течение определенного времени, по крайней мере, до середины XV в. алтайские кыргызы принимали активное участие во внутриполитических событиях ойратского союза. В частности, когда шла острая борьба за власть над ойратским союзом между Эсен-тайши и Акбарчи в 1451-1452 годах, кыргызы поддерживали Акбарчи. Но после поражения Акбарчи и бегства его сына Харгацуга в Дешт-и Кыпчак (в монгольских источниках – Токмак), Эсен-тайши подверг жестоким гонениям всех сторонников Акбарчи, включая кыргызов.

По мнению К.И.Петрова поход Эсен-тайши на Тянь-Шань в середине XVв. непосредственно связан с преследованием сторонников Акбарчи и кыргызов, однако окончательное переселение алтайских кыргызов на Тянь-Шань произошло через двадцать лет, когда состоялось массовое вторжение ойратов в Моголистан в 1470-1473 годах. Впрочем, это вторжение ойратов не преследовало военных целей, а было вынужденной мерой, когда в результате разгрома ойратского союза со стороны восточных монголов, некоторая часть

[348] Baddeley J. Russia, Mongolia, China. Vol.I. P. CLXXVIII.
[349] Подробно о киргизско-ойратских связях см.: Петров К.И. К истории движения.
[350] Подборку сведений по этому вопросу см.: Pelliot P. Notes critiques. P. 4; Бейшеналиев Т.О. «Циньдин мэнгу юаньлюэ».

ойратов на несколько лет укрывалась в Моголистане. Автор «Тарих-и Рашиди» Мухаммед Хайдар называет предводителя этих ойратов Амасанджи-тайши, а его подданных калмаками.[351]

В свое время академик В.В. Бартольд окончательное переселение кыргызов на Тянь-Шань также связывал именно с этим событием. К.И. Петров со ссылкой на материалы еще неопубликованного варианта эпоса «Манас» сумел в определенной степени усилить аргументы В.В. Бартольда относительно обстоятельств и хронологии передвижения алтайских кыргызов на Тянь-Шань. Так, в упомянутом тексте эпоса говорится, что давно, во времена Ногая, кыргызы были господами над калмаками, но после смерти Ногая Эсен-хан собрав пятьдесят тысяч войска, разгромил и рассеял кыргызов. Тогда кыргызы вынуждены были переселиться с Алтая на Ала-Тоо.[352]

Следует отметить, что практически с самого начала создания ойратского союза племен, одним из главных направлений его внешней политики было установление политического контроля над Хамийским округом в Восточном Туркестане, через который проходил торговый путь из Китая в западные страны. Однако для достижения этой стратегической задачи ойраты вынуждены были вести продолжительные и изнурительные войны с государством Моголистан, правители которого считали Хамийский округ неотъемлемой частью своей страны.

Начало этой затяжной войны приходится на период правления в Моголистане Вейс-хана (1418-1421, 1425-1428) который из 61 битв с калмаками вышел победителем только в одной. Два раза он попал в плен калмакам и для освобождения от неволи был вынужден отдать за Эсен-тайши свою сестру Мактым-ханым. Здесь необходимо разъяснить информацию Мухаммед Хайдара о том, что соперника Вейс-хана называли Эсен-тайши. Однако, как уже отметили Э.Бретшнейдер и П.Пельо, исторический Эсен-тайши родился в 1417 году и пришел к власти над Ойратским союзом только после смерти своего отца Тогон-тайши в 1438 году. Следовательно, Вейс-хан никак не мог воевать с Эсен-тайши, а его соперником был, скорее всего, вышеупомянутый Эсеху-хан. Очевидно, ко времени написания «Тарих-и Рашиди» вокруг этих событий уже сложились легенды о жестоких набегах войск Эсен-тайши в Моголистан, и в памяти могольских историков все исторические события, связанные с калмаками и произошедшие в первой половине XV в., были объединены вокруг Вейс-хана и Эсен-тайши.[353]

По сведениям Мухаммада Хайдара эти сражения происходили в преде-

[351] Ахмедов Б.А. К изучению. С.33.
[352] Петров К.И. Очерки феодальных отношений у киргизов. С.36-37.
[353] Более подробно об этом, а также о генеалогии ойратских правителей см.: Pelliot P. Notes critiques. P.14-15.

лах Моголистана в районе реки Или, что свидетельствует об оккупации калмаками восточных областей страны, включая Хамийский округ уже в первой четверти XVв. Более того, калмаки в своих набегах уже в то время доходили до Иссык-Куля, а чуть позже проникли даже в Присырдарьинские города.

Последние, активные военные действия калмаков в XV в. в этом регионе имели место в 1457 году, когда калмакское войско под предводительством Уз-Тимура-тайши разбило узбеков в местности Нуртукай, расположенной на берегу реки Сыр-Дарья. Предводитель кочевых узбеков Абул-Хайр-хан с остатками своего улуса вынужден был отступить и укрыться за стенами крепости Сыгнак.[354] Однако после смерти Эсен-тайши в 1455г. ойратский союз фактически распался, и калмаки в течение двух последующих столетий не играли сколько-нибудь серьезной роли ни в Монголии, ни в Средней Азии.

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что алтайские кыргызы на начальном этапе становления ойратского союза племен приняли активное участие в политических событиях в западной Монголии в конце XIV - в первой четверти XV вв., и в середине XV века под давлением своих бывших союзников – калмаков были вынуждены мигрировать из Алтая и Прииртышья на Тянь-Шань.

1.7. Взаимоотношения алтайских кыргызов с Ак-Ордой в XIV-XV вв.

Как отмечалось выше, после уничтожения кыргызских княжеств в Минусинской котловине и на Алтае во время монгольских завоеваний правители Юаньской династии в целях умиротворения кыргызов стали проводить политику насильственной депортации енисейских и алтайских кыргызов в отдаленные районы монгольской империи. Однако значительная часть алтайских кыргызов все же оставалась на своей прежней территории под властью Хайду. Впоследствии в середине XIV в. все северо-восточные владения государства Хайду, в том числе земли алтайских кыргызов, вошли в состав Моголистана.

Северные границы Моголистана не могут быть установлены вполне достоверно. Мирза Мухаммед Хайдар, описывая границы Моголистана, замечает, что «сейчас их никто не знает», и, фиксируя с большей или меньшей точностью южные границы страны, дважды повторяет, что остальных границ он «не видел». Тем не менее, Мухаммед Хайдар определенно включает в

[354] Ахмедов Б.А. К изучению. С. 32.

состав Моголистана Прииртышье и пишет о большой протяженности территории – «в ширину и в длину составляет путь в семь-восемь месяцев».

Единственное сообщение письменных источников о северной могулистанской периферии, где тогда проживали основные кыргызские племена, относится к 1390 г., когда войска Тимура, преследуя эмира Камар ад-дина, вышли к Иртышу.[355]

В течение долгого времени алтайские кыргызы обозначались мусульманскими авторами XIV-XV вв. преимущественно общими политонимами «моголы» или «чагатаи», что весьма затрудняет изучение их этнической истории. Объединение Моголистана под властью чагатаидских ханов, превращение городов Восточного Туркестана в административный, торговый и политический центры страны, способствовали развитию экономических, политических и культурных связей между отдельными могольскими племенами. В этих условиях, как справедливо отмечал В.П. Юдин, на базе местных тюркоязычных племен шел процесс образования новой этнической общности на территории Моголистана.[356]

Однако, в силу значительной отдаленности местопребывания кыргызских племенных объединений от центральных районов Моголистана, ассимиляционное воздействие крупных могольских племен в отношении кыргызов проявлялось крайне неэффективно. Впоследствии процесс консолидации могольских племен был приостановлен разорительными, непрерывными походами Тимура и тимуридов в Моголистан, а также ослаблением политического единства государства в результате усиления центробежных тенденций удельных феодальных владетелей. Нашествие Тимура и его наследников во второй половине XIV-начале XV в. в Моголистан и вызванное этим обострение междоусобной феодальной борьбы, сопровождавшееся истреблением целых родоплеменных объединений, привело к уходу многих могольских племен в Дашт-и Кипчак, Мавераннахр, Хорасан и даже в Монголию.[357]

Таким образом, происходят новые перегруппировки могольских племен. Прежние могущественные племена (дуглаты, канглы, бекчик и др.) теряют былое значение, тогда как некоторые родоплеменные объединения, ранее игравшие второстепенную роль в политической жизни страны, теперь выдвигаются на первый план.

Именно к этому периоду относится усиление кыргызских родоплеменных объединений, вокруг которых стала консолидироваться и часть могольских племен. Одновременно с ростом влияния внутри страны активизируются внешнеполитические акции правителей кыргызских племен Алтая и

[355] Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. С. 83.
[356] Юдин В.П. О родоплеменном составе могулов. С. 61.
[357] Юдин В.П. О родоплеменном составе могулов. С. 60.

Прииртышья. В частности, в источниках нашли отражение некоторые стороны взаимоотношений кыргызов с государством Ак-Орда. В кратком введении четвертой части шестого тома "Бахр ал-асрар" Махмуда ибн Вали, где излагается история потомков Джучи в Дашт-и Кипчаке в связи с событиями, происшедшими после смерти Тимура и Токтамыша, рассказывается о нападениях кыргызов на Ак-Орду.

Следовательно, в это время алтайские кыргызы являлись близкими соседями государства Ак-Орда, которое в районе Прииртышья непосредственно соприкасалось с пределами расселения кыргызских племен. Об общности этнической, политической и культурной традиции населения юго-западного Алтая и восточного Дашт-и Кипчака указанного периода свидетельствуют широкий круг материалов, рассмотренных в работе известного исследователья Алтая Л.П. Потапова. В этой связи он пришел к выводу о том, что алтайские племена, входившие в восточную часть Джучиева улуса, жили общей культурно-бытовой жизнью с соседними кипчакскими племенами Белой Орды.[358]

Незадолго до Куликовской битвы часть владений монгольской империи, завещанная Чингисханом его старшему сыну Джучи (улуси Джучи), была разделена на Золотую Орду со столицей в Сарай-Берке и Белую Орду (Ак-Орда) со столицей в Сыгнаке. С конца XIV в. земли Ак-Орды назывались также Узбекским улусом. Ак-Орда возникла и оформилась как самостоятельное государство в условиях усиления позиций местной тюркской и тюркизированной знати. Она была населена тюркоязычными племенами, издавна обитавшими в степях Казахстана, а также переместившимися сюда во время завоевательных походов Чингисхана из Монголии и Южной Сибири племенами. Среди последних были тюркские и тюркизированные монгольские племена. Здесь обитали кыпчаки, найманы, уйсуны (уйшуны), аргыны, карлуки, кереиты, канглы, конграты, мангыты и многие др.

Однако, в связи с противоречивыми сведениями русских летописей и мусульманских авторов относительно Ак-Орды и Кок-Орды, в научной литературе до сих пор продолжается дискуссия по проблеме локализации этих самостоятельных государственных образований, возникших на территории бывшего улуса Джучи. Не вдаваясь в детали этой запутанной научной проблемы, следует только отметить, что в данном контексте «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали термин Ак-Орда однозначно оказывается отнесенным к территории современного Казахстана, т.е. к территории прежнего улуса Шибана. [359]

[358] Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. С. 151.
[359] Более подробно об этом см.: Федоров-Давыдов Г.А. «Аноним Искандара». С. 224-230.

Как известно, в 1407г. престол Золотой Орды достался Пулад-хану, сыну Тимур-Кутлук-хана.[360] «Во время его правления, – сообщает Махмуд ибн Вали, – потомки Тукай-Тимур-хана, которые в период войны Тимура против Токтамыша бежали в пределы Франкистана (Европы), вернулись в свой наследственный юрт Хаджитархан (Астрахан), доставшийся их предкам от самого Бату-хана. Таким же образом, из окрестностей (аз хавали) страны кыргызов, в сторону своего (прежнего) местопребывания двинулись Шейбаниды, и остановились на берегу реки Итиль».[361]

Далее Махмуд ибн Вали рассказывает, что когда Пулад-хан установил свою власть в стране, он решил наказать кыргызские племена (аквам-и кыргыз), которые совершали набеги в пограничные районы Ак-Орды. Однако, Шейбаниды по той причине, что во время нашествия Тимура бежали к кыргызам и пользовались их покровительством, отказались принять участие в походе Пулад-хана. Несмотря на это, Пулад-хан сам отправился против кыргызов и очистил от них окрестности Ак-Орды.[362] В этих же рассказах Махмуд ибн Вали сообщает, что Ак-Орда находилась в восточной части Дашт-и Кипчака и соприкасалась с землями кыргызов[363].

Как явствует из приведенных сведений, в конце XIV - начале XVвв. область, где проживали кыргызские племена, непосредственно прилегала к восточным границам Дашт-и Кипчака и служила убежищем для джучидских царевичей, бежавших от преследований Тимура. Это подтверждается также сообщением из «Мунтахаб ат-таварих-и Муини» Муин ад-Дина Натанзи о том, что один из ханов восточной ветви потомков Джучи, правивших в низовьях Сыр-Дарьи Мубарак-Ходжа (XIV в.) был изгнан из своего ханства и блуждал два года и шесть месяцев в стране кыргызов и на Алтае.[364] В другом месте Муин ад-Дин Натанзи, рассказывая об обстоятельствах перераспределения границ Ак-Орды и Кок-Орды после междоусобной войны между Ногаем и Токтаем, сообщает, что пределы Ак-Орды, доставшиеся потомкам Ногая со стороны Улуг-Тага, Сенгир-Агача и Кара-Тала достигали до Туласа[365].

В.Ф. Минорский в своих комментариях к "Худуд-ал-алам", горы Тулас сопоставил с горами Алтая, находящимися в районе истоков Иртыша, где они соединяются с возвышенностями, расположенными к западу от Иртыша.[366] В

[360] Босворт К.Э. Мусульманские династии. С. 204.
[361] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 25б, 26а.
[362] Бахр ал-асрар ФВ-337. Л. 26а.
[363] Бахр ал-асрар ФВ-337. Л. 27а, 28б.
[364] Мунтахаб ат-таварих-и Муини. С. 89; Бартольд В.В. Киргизы. С. 509.
[365] Мунтахаб ат-таварих-и Муини. С. 81.
[366] Hudud al-alam. P. 196.

этой связи следует также отметить, что в 1389 году войска Тимура, преследуя, Камар ад-Дина, достигли реки Иртыш. Передовые отряды Тимура вслед за убегавшими врагами переправились через реку Иртыш на плотах и лодках и оставались на другом берегу несколько дней, пока не уведомились, что Камар ад-Дин скрылся в области Тулас, в чьих лесах водится соболь и горностай[367].

Сопоставление вышеизложенных сообщений Махмуда ибн Вали и Муин ад-Дина Натанзи, в свете указаний В.Ф. Минорского относительно локализации Туласа, дает твердое основание полагать, что на рубеже XIV-XVвв. алтайские кыргызы населяли обширную территорию, расположенную в Прииртышье и на Юго-Западном Алтае. Эта территория алтайских кыргызов непосредственно соприкасалась с пределами Ак-Орды, и служила убежищем не только для джучидов - шейбанидов, но и отдельных правителей могольских племен, которые уходили в страну кыргызов, спасаясь от преследований войск Тимура.

Впрочем, сведения Махмуда ибн Вали о походе Пулад-хана против кыргызских племен в определенной степени подтверждаются и легендарными преданиями о кыргызском герое Манасе, записанными в сочинении "Маджму ат-таварих". В этих преданиях, наряду с эпизодами о сражениях Манаса с предводителем калмаков Джолоем, немалое место уделено борьбе Манаса и его союзника Токтамыша с Фулад-огланом, сыном Тимур-Малика, которого мангыты провозгласили своим ханом.[368] По-видимому, в этих преданиях "Маджму ат-таварих" нашли отражение походы и других ханов Дашт-и Кипчака против кыргызов, ибо согласно сообщениям Махмуда ибн Вали, другой правитель Ак-Орды Чекире-хан также совершал походы в 1417г. против кыргызов, которые еще продолжали беспокоить пределы своего государства.[369]

Нет сомнения в том, что в этих источниках речь идет о кыргызских племенах, проживавших в северо-восточных районах Моголистана, расположенных в верховьях Иртыша и на Алтае. Известно, что в "Маджму ат-таварих" эти районы Моголистана называется Шамал-и Джете, т. е. северный Моголистан, а его население именуется алтай-могол, т.е. алтайскими могалами.[370] Следовательно, в XIV-XV вв. значительная часть алтайских кыргызов проживала в Моголистане, населяя ее наименее доступные для неприятеля горно-лесные районы. «Киргизам, – пишет самый осведомленный из историков Моголистана Мухаммед Хайдар, – принадлежит значительная часть лесных районов Моголистана».[371] В другом месте своего сочинения он называет кыргызов «лесными львами Моголистана».

[367] МИКК. С. 144.
[368] Собрание историй «Маджму ат-таварих». Л., 1960. Л. 40 б, 41 аб, 43 аб, 44 аб В этом контексте под этнонимом «мангыт" подразумеваются ногайцы.
[369] Бахр ал-асрар. ФВ-337. Л.28а.
[370] Собрание историй «Маджму ат-таварих». Л.57аб.

Тесные политические и этнокультурные связи алтайских кыргызов с населением Ак-Орды в рассматриваемый период впоследствии нашли широкое отражение в эпосе «Манас». Так согласно материалам варианта эпоса, записанного В.В. Радловым, сам Манас принадлежал к роду сарыногой, а его отец – Джакып являлся сыном хана Ногоя. По мнению первого исследователя эпоса «Манас» Ч.Ч. Валиханова, героические поэмы кыргызов, в том числе и «Манас», слагались в XIV-XVIвв., и они рассказывают о деяниях исторических личностей эпохи могущества Золотой Орды.[372] В этой связи следует отметить и совпадение имен некоторых сподвижников Манаса и Токтамыша. Так, в татарском народном эпосе «Идегей» среди витязей эпического Токтамыша перечисляются сын Акбалтыра Уак, сын Монжыра Чубак и предводитель аргынов Кара-Ходжа.[373] А в эпосе «Манас» ближайшими ратниками Манаса являются Чубак сын Акбалты, Кара-Ходжа из племени аргынов, а Уак или Абак является названием союзного кыргызам племени. Весьма примечательно, что в упомянутом татарском эпосе юртом Токтамыша является огромная территория, охватывающая пространства от рек Идел (Волга) и Жаек (Яик) до Иртеша (Иртыш) и Чулманн (Чулышман), восточные пределы которого совпадают с этнической территорией алтайских кыргызов.

Хотя горно-лесные районы Алтая являлись более надежным убежищем на случай нападения сильнейшего противника, чем открытые долины Семиречья или Восточного Туркестана (показательно направление отступления Камар ад-дина), однако, они резко ограничивали хозяйственный потенциал кыргызских племен, утративших свои богатые пастбища в Прииртышье и Джунгарии и вынужденных сокращать скотоводческое хозяйство. В этих условиях неизбежной была частичная хозяйственная деградация моголистанских кыргызов. Очевидно, положение казалось особенно нетерпимым для племенной верхушки кыргызов, заметно проигрывавшей в богатстве и престиже в сравнении с племенной знатью других могольских племен. Участие в среднеазиатских походах моголов на города Средней Азии и набеги на пограничные владения более богатых и сильных соседей не могли обеспечить постоянного притока необходимых жизненных средств, прежде всего зерна, тканей, а также предметов роскоши, к захвату которых стремилась племенная верхушка.

Резкую обособленность кыргызов среди других племен Моголистана

[371] Тарих-и Рашиди № 1430. Л.105а.
[372] Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. С. 284.
[373] Идегей. Татар халык дастаны. С. 46.

подчеркивает и Мухаммед Хайдар. Он отмечает, что кыргызы не подчинялись чагатаидским ханам и не приняли ислам. Как бы осторожно не относиться к этой характеристике, очевидно, что для правителей Моголистана и поддерживавшей их аристократии из наиболее могущественных племен, кыргызы были наименее покорной и наиболее беспокойной частью населения страны. Поэтому могольские ханы были особенно безжалостны в репрессиях против кыргызских племен.[374]

Как показывают вышеизложенные сообщения источников о взаимоотношениях кыргызов с Ак-Ордой, именно чрезвычайно стесненные возможности ведения скотоводческого хозяйства, войны с другими, более сильными племенами, делали жизнь кыргызов особенно трудной и опасной, побуждали их к поискам выхода из неблагоприятной для них хозяйственной и военно-политической ситуации.

Как показывают сведения источников, пределы расселения кыргызских племен изменялись в зависимости от политической ситуации в регионе, и в случаях возникновения опасности со стороны запада они быстро откочевывали в труднодоступные, лесные районы Алтая, и наоборот, когда создавалась более благоприятная обстановка, их кочевья достигали до озера Балхаш. В условиях подвижного кочевого хозяйства подобные явления были не исключением, а правилом. Поэтому установить строго фиксированные границы расселения кыргызских племен не представляется возможным.

В связи с проблемой локализации алтайских кыргызов в рассматриваемый период, определенный интерес вызывают представления самого народа о своей прародине на Алтае и Прииртышье, которые нашли широкое отражение в исторических преданиях и в эпосе "Манас". Так, по преданиям, собранным среди кыргызов Тянь-Шаня в середине XIX в. Ч.Ч. Валихановым, Манас прежде кочевал в равнине около озера Зайсан и оставил свое имя в названии какого-то урочища.[375] Известный путешественник Г. Потанин в своих дневниках о поездке по восточному Тарбагатаю летом 1864 г. отмечает, что к западу от Кызыл-Чилика в Тарбагатае находится проход Манастын-асу (перевал Манаса).[376] По другим преданиям, широко распространенным среди кыргызов Синцзяна, легендарный предок кыргызов Кыргызбай в древности кочевал на западных отрогах Алтая и на берегу большой реки Иртыш, откуда он впоследствии переселился на Тянь-Шань.[377] В различных вариантах эпоса "Манас" Алтай и Прииртышье рассматривается как прародина кыргызов, где родился и сам герой Манас, который позже

[374] Тарих-и Рашиди № 1430. Л.85а, 73б.
[375] Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. С. 289.
[376] Поездка по восточному Тарбагатаю. С. 504.
[377] Байтур А. Кыргыз тарихи лексиялары. С. 35-38.

переселил свой народ на Ала-Тоо.

Как известно, у первобытных народов изменение племенной территории постепенно вело и к изменениям в идеологии. Первоначально люди рассматривали свое новое местообитание как временное и локализовали свою "настоящую" племенную территорию там, где проходили пути их мифических предков. Они мечтали вернуться на родину и чувствовали духовные связи с ней, которые укреплялись мифологическими представлениями.[378] Такая неизбывная мечта вернуться на старую "настоящую" родину отражена в одном из интереснейших эпизодов эпоса "Манас" "Тризна по Кокотой-хану", записанном еще Ч.Ч. Валихановым.[379] Там описывается тризна, посвященная годовщине смерти Кокотой-хана, которую кыргызы Ала-Тоо решили устроить на своей прежней родине - на восточной стороне реки Черного Иртыша, куда были приглашены все старые соседи кыргызских племен.[380]

Именно в этом рассказе содержится ценная информация относительно локализации алтайских кыргызов. По представлениям самого народа, древняя родина кыргызских племен до их переселения на Тянь-Шань находилась на восточной стороне реки Черного Иртыша (Кара Иртыш), что указывает на обширный регион, включающий в себя северную часть Монгольского Алтая и южные отроги Горного Алтая, а на востоке озеро Кыргыз-Нур. Эта информация позволяет уточнить географические рамки топонима Алтай в эпосе «Манас», что имеет большое значение в изучении этнической истории кыргызского народа.

Очевидно, алтайские кыргызы под давлением ойратов с востока уже в первой половине XV в. стали передвигаться в южные и западные районы Моголистана. До того периферийные и относительно слабые кыргызские племена, сохранив свои силы в период нашествия Тимура и тимуридов, теперь нахлынули в центральные районы Моголистана, и после ослабления дуглатов и других основных могольских племен получили возможность занять богатые пастбищами горно-лесные районы Семиречья и Тянь-Шаня.

Вероятно, одной из основных причин переселения кыргызов на Тянь-Шань можно считать стремление правителей кыргызских родоплеменных объединений к установлению непосредственных и прочных контактов с

[378] Шнирельман В.А. Протоэтнос охотников и собирателей. С. 87.
[379] Подробно о рукописи Ч.Ч.Валиханова «Тризна по Кокотей-хану» см.: The memorial feast for Kokotoy-khan.
[380] «С калмыками, покрывающими Алтай, буду вместе кочевать, с калмыками, наполняющими Китай, вместе буду с улусами стоять… И оттуда поднимусь; подкую серебряною подковою белую лошадь, по течению реки пойду, по течению верхнего Иртыша, днем и ночью буду идти…Как сказано-так и сделано… Стал, наконец он на верхнем Иртыше». Полный текст «Поминки по Кокетей-хану» см.: Валиханов Ч.Ч. Смерть Кукотой-хана. С. 90-100; The memorial feast for Kokotoy-khan.

оседло-земледельческими районами Восточного Туркестана и Средней Азии. Участие в среднеазиатских походах моголов на города Средней Азии и эпизодические набеги на пограничные владения Восточного Туркестана не могли обеспечить постоянного притока необходимых жизненных средств, прежде всего зерна, тканей, а также предметов роскоши, к захвату которых стремилась племенная верхушка.

Такая возможность открылась перед кыргызскими вождями во второй половине XV в., когда государственная структура Моголистана пришла в окончательное расстройство в ходе межплеменных и междоусобных войн, а также опустошительных вторжений войска калмаков Джунгарии.[381] Именно тогда основная масса кыргызских племен окончательно покинула Алтай и Прииртышье ради богатых пастбищ Центрального Тянь-Шаня, откуда они могли контролировать также значительную часть Великого Шелкового пути.

Попытка избавиться от своего статуса периферийного родоплеменного объединения в системе этнополитической структуры Моголистана явно выражена и в эпосе «Манас». В рассказе «О переселении кыргызов из Алтая на Ала-Тоо», Манас среди других причин, побудивших его покинуть Алтай, называет и крайнюю отдаленность Алтая от Средней Азии:

Я не стану вас принуждать
Алтай – земля ваших отцов,
Отправиться в Андижан
Разрешение дайте нам!
Алтайские земли на краю земли,
Пока проклятые китаи есть,
Они всегда открыты для врага[382].

Как явствует отсюда, угроза нападения со стороны калмаков и других монголоязычных племен, которые в эпосе называются китаями, с востока не была единственной причиной переселения кыргызов на Тянь-Шань.

Однако, как свидетельствуют сообщения китайского хроники «Мин ши», отдельные группы алтайских кыргызов во второй половине XV в. ушли вместе с ойратами в южном направлении и закрепились в районе озера Барскуль (Баркуль), расположенного на самых юго-восточных отрогах Тянь-Шаня. Так, в главе 328 «Мин ши», где излагается история ойратских племен в конце XV в. сообщается, что некий князь бурутов (ойратское название кыргызов) поставил свою ставку на берегу озера Барскуль.[383]

Далее в связи с событиями, происшедшими в этом регионе в 1518 г., авторы «Мин ши» пишут, что правитель Турфана напал на китайскую

[381] Тарих-и Абу-л-Хайр-хан С 478. Л.237а-239а; Тарих-и Рашиди В 648. Л.48б.
[382] Манас. Киргизский героический эпос. С. 446-447.
[383] Hambis L. Documents. P. 105-106.

провинцию Су Чжоу. Тогда китайский чиновник Чэн Кючоу, который отвечал за обеспечение безопасности этой провинции, дал шелковые материи князю бурутов (кыргызов), чтобы он, воспользовавшись отсутствием правителя Турфана, внезапно атаковал города Турфанского княжества. В результате нападения войска бурутского князя турфанцы потеряли убитыми около десяти тысяч человек, и поэтому правитель Турфана вынужден был заключить с ним мирный договор.

Затем, при изложении событий 1530 г. в источнике говорится о том, что постепенно правитель Турфана стал усиливаться, и он разгромил те ойратские племена, которые постоянно нападали на его владения. Тогда ойраты были вынуждены искать убежище в Китае. Вслед за этим правитель Хамийского округа также совершил нападение на владение бурутов около Барскуля и разграбил их скот и имущество. В этих условиях оттесненный с насиженных территорий князь бурутов (кыргызов), следуя примеру правителей соседних ойратских племен, обратился к Минскому двору с просьбой принять в китайское подданство. Однако императорский двор отказал ему в его просьбе, и он был выдворен из пределов Китая.[384]

Здесь, несомненно, речь идет о совершенно другой обособленной группе кыргызов, которая пришла в район Барскуля с Алтая во второй половине XV в., когда началась новая волна миграции кыргызских племен в направлении Тянь-Шаня. Мы не располагаем сведениями о дальнейшей судьбе этой группы кыргызов или как их называет китайский источник, «бурутов». Но с большей долей вероятности можно полагать, что они после вышеописанных событий поселились в западной части озера Лобнор.

Дело в том, что по определению лингвистов, язык лобнорцев заключает в себе образцы кыргызского языка среднего алтайского периода, в котором отсутствуют долгие гласные. Исходя из этого, известные тюркологи С.Е. Малов и Э.Р. Тенишев считают, что современные лобнорцы выделились именно из конгломерата кыргызско-алтайских племен и переселились на юг – в район Турфана, откуда они ушли в сторону озера Лобнор.[385]

В свете вышеизложенных сведений «Мин ши» представляется, что мы наконец-то получили какое-то подтверждение гипотезе, выдвинутой ранее исследователями кыргызского языка.

Возвращаясь к проблеме миграции кыргызских племен в западном направлении, следует отметить, что насколько позволяют судить материалы персоязычных источников тимуридской эпохи, очевидно, некоторые группы алтайских кыргызов передвинулись в северо-восточные районы Семиречья

[384] Hambis L. Documents. P. 105.
[385] Малов С.Е. Лобнорский язык. С. 5; Тенишев Э.Р. Древнекыргызский язык. С. 18.

гораздо раньше и начали играть активную роль в политической жизни Моголистана уже во второй половине XIV века. Эта группировка кыргызов в источниках называется Булгачы. Поэтому для правильного понимания этнических процессов, протекавших в Моголистане в XIV-XV вв., которые сыграли большую роль в формировании современного кыргызского народа, определенное значение имеет выяснение происхождения одного из наиболее крупного родоплеменного объединения Ичкилик (Булгачи).

По заключению В.П. Юдина, в этот период Центральный Тянь-Шань и прилегающие к нему районы были важным центром этнических взаимопроникновений, и родоплеменной состав кыргызского народа удовлетворительным образом может быть объяснен только с учетом этнической истории Моголистана.[386] Поэтому к вопросу происхождения Булгачи, в свое время, уделяли большое внимание К.И. Петров, С.М. Абрамзон, В.П. Юдин и О.К. Караев.[387] Несмотря на это, некоторые очень важные аспекты изучения проблемы происхождения родоплеменного обьединения Булгачи остаются до сих пор спорными.

Как известно, хронологически наиболее раннее упоминание Булгачи в источниках встречается в сочинении начала XV в. «Зафар-наме» Низам ад-Дина Шами при описании одного из походов Тимура в Моголистан, состоявшегося в 1388 г. Известно, что Шами в своем сочинении не употребляет этнического названия «кыргыз» и географического названия «Кыргызстан», а пишет только о моголах и Моголистане. Он, как и другие мусульманские авторы XIV-XV вв., объединял под именем «могол» не только собственно монголов, но также и другие народы, жившие на территории Моголистана, среди которых, несомненно, находились и другие племена, вошедшие впоследствие в состав кыргызского народа.[388] Согласно Низам ад-Дину Шами в местности Бикут, расположенной, вероятно, недалеко от реки Или, войско Тимура вступило в сражение с армией племени Булгачи в количестве 20 тысяч человек и разгромило ее полностью.[389]

В комментариях к переводу соответствующего текста «Зафар-наме» известный востоковед О.Ф. Акимушкин писал, что племя Бул(а)гачин упомянуто у Рашид ад-Дина как причисляемое к монголам, но прежде не называвшееся монгольским.[390] Тем самым О.Ф. Акимушкин впервые поставил вопрос о

[386] Юдин В.П. О родоплеменном составе могулов. С. 65.
[387] Абрамзон С.М. Киргизы; Петров К.И. Очерки феодальных отношений киргизов; Петров К.И. К истории движения; Юдин В.П. О родоплеменном составе могулов; Караев О.К. Чагатайский улус.
[388] МИКК. С. 101-102.
[389] Там же. С. 108-109
[390] Там же. С. 109.

тождественности племени Булгачи Моголистана тимуридской эпохи с Бул(а)гачин, которое в эпоху Чингиз-хана проживало в местности Баргуджин-Токум вместе с племенем Керемучин «у самого края страны киргизов».

Комментируя это же сообщение Низам ад-Дина Шами, К.И. Петров также идентифицировал племя Булгачи с племенем Бул(а)гачин монгольской эпохи из Баргуджин-Токума и утверждал, что отсюда вышло основное ядро группы Ичкилик тянь-шаньских кыргызов.[391] Позже данная гипотеза К.И. Петрова была поставлена под сомнение в фундаментальном труде С.М. Абрамзона. Однако, С.М. Абрамзон, в качестве аргументации против мнения К.И.Петрова, только лишь отметил, что имя Булгачи возникло на тюркоязычной основе.[392] Известный кыргызский историк О.Караев в своей работе «Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан», касаясь этой проблемы, поддержал позицию С.М. Абрамзона, не приведя конкретных дополнительных аргументов.[393]

Что касается семантики этнонима «Булгачи», то в некоторых генеалогических преданиях – санжыра о происхождении кыргызского народа она связывается со словом «булгарчы» – «скорняк» т.е. группа людей, которые занимаются обработкой шкур и изготовлением кожаных предметов.[394] Это обьяснение построено исключительно на принципах народной этимологии и никак не отражает истинное значение этнонима «Булгачи», следовательно, оно не представляет научного интереса.

Современное состояние изученности источников по истории кыргызского народа и истории тюркских языков позволяет нам внести необходимые коррективы и уточнения в позиции вышеупомянутых ученых и предложить новую версию семантики этнонима Булгачи и происхождения родоплеменного обьединения Булгачи.

Как известно из сообщений других сочинений тимуридской эпохи и «Тарих-и Рашиди» Мухамад Хайдара (XVIв.), племя Булгачи во второй половине XIV в. кочевало в северо-восточных районах Моголистана. Их предводители принимали активное участие в политической жизни Моголистана, а часть этого племени позднее бежала от преследований Эсен-Букихана в Дашт-и Кипчак под покровительство Абулхайр-хана. По словам Мухаммада Хайдара, Булгачи принадлежало к числу могольских племен.[395]

В сочинении XVI в. «Маджму ат-таварих» Сайф ад-Дина Ахсикенти, где

[391] Петров К.И. Очерки феодальных отношений киргизов. С.136, 138; Петров К.И.. К истории движения. С. 20, 181-182.
[392] Абрамзон С.М. Киргизы. С. 37.
[393] Караев О.К. Чагатайский улус. С. 127.
[394] Эсенкул Торокан уулу. Кыргыздардын кыскача санжырасы. С. 7.
[395] Юдин В.П. О родоплеменном составе могулов. С. 55.

содержится много интересных сведений по этнографии кыргызских и других тюркских племен, встречается личное имя Салвас-бек Булгачи, который будто бы приходится братом легендарного Отуз-Огула и отцом-прародителем кыргызских племен Бостон, Теит, Джоо-кесек, Доолос, Кыдырша и Кангды.[396] В персоязычном сочинении «Хроника» Шах-Махмуда Чураса, написанном в XVII в. в Восточном Туркестане, рассказывается об участии родоплеменного объединения Булгачи в политических событиях этого региона в первой половине XVII в. Причем, согласно сведениям Шах-Махмуда Чураса, объединение Булгачи являлось частью кыргызов и включало в себе такие кыргызские племена, как Кангды, Чон-багыш, Кыпчак и Найман.[397] Перечисленные здесь племена позже составляли крупное родоплеменное объединение кыргызского народа под названием Ичкилик.

Теперь, в свете вышеизложенных сведений источников, перейдем к рассмотрению позиций упомянутых ученых о происхождении племени Булгачи. Первая позиция К.И.Петрова о тождественности моголистанского племени Булгачи с племенем Бул(а)гачин монгольской эпохи Прибайкалья основана лишь на сходстве в названиях этих двух совершенно различных племен. Подобный метод определения этнических корней кыргызского народа, который базируется не на точных исторических данных, а построен лишь на основании звукового сходства в названиях различных народов и других собственных именах, был отвергнут еще академиком В.В. Бартольдом.[398]

В самом деле, в сочинениях Рашид ад-Дина и Низам ад-Дина Шами речь идет о совершенно различных племенах, где в первом случае называются Бул(а)гачин, а во втором – Булгачи.

Во-первых, в сочинении Рашида ад-Дина рассказывается о племени Бул(а)гачин, проживавшего в начале XIII века в лесах Прибайкалья, которое, очевидно, вело охотничий образ жизни. Дело в том, что в данном случае упомянутое Рашид ад-Дином название племени Бул(а)гачин, скорее всего, связано с названием «булгун» – соболь[399] и буквально означает «соболевщики», т.е. охотники за соболями и другими дикими зверями, шкуры которых высоко ценились на Великом Шелковом Пути. В этом отношении весьма показательно упоминание рядом с Булагачин другого охотничьего племени Кэрэмучин, название которого буквально означает «охотники на зайцев».

Во-вторых, в сочинениях Низам ад-Дина Шами и Мухаммада Хайдара рассказывается о крупном родоплеменном объединении Булгачи, которое

[396] МИКК. С. 207.
[397] Хроника. С. 223, 311-312.
[398] Бартольд В.В. Рецензия на Аристова. С. 267.
[399] Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV, ч. 1. С. 1849; Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. С. 158.

согласно данным Мухаммада Хайдара и по определению самого К.И. Петрова вело кочевой образ жизни и занималось скотоводством.[400]

В-третьих, как уже установлено в трудах С.М. Абрамзона и Б.М. Юнусалиева, кыргызские племена, входящие в состав объединения Ичкилик (т.е. Булгачи), генеалогически и лингвистически тесно связаны с регионом Прииртышья и Алтая, а не Прибайкалья.[401]

Поэтому есть основание утверждать, что название Булгачи было, скорее всего, экзоэтнонимом, который употреблялся правителями Моголистана с определенным политическим оттенком для обозначения объединения кыргызских племен, известное позднее под названием Ичкилик.

Для выяснения истинного смысла названия Булгачи обратимся к характеристике автора «Тарих-и Рашиди» Мухаммада Хайдара, данной кыргызам. Подчеркивая резкую обособленность кыргызов среди других племен Моголистана, Мухаммад Хайдар пишет, что «кыргызы не подчинились чагатаидским ханам и не приняли ислам». А в другом месте своего сочинения он отмечает, что «кыргызы являлись зачинателями всех смут в Моголистане».[402]

Представляется, что, именно в этой характеристике кыргызов, данной Мухаммадом Хайдаром и заложена этимология имени Булгачи в смысле «зачиншики смуты», «мятежники». В действительности, основа глагола «булга» в тюркских языках означает «мутить», «перемешивать», а в переносном смысле – «возбуждать недовольство», «сеять смуту».[403] Так еще в древнетюркских орхонских памятниках встречается выражение «ičrä ben bulγajïn»-«внутри (государства) я подниму смуту», т.е. здесь слово «*булга*» употребляется именно в значении «поднимать восстание», «сеять смуту».[404] В «Дивани лугат-ат тюрк» Махмуда Кашгарского (XI в.) одним из основных значений слово «*булга*» также является «смута»: «*el bulγandi*»-«в народе начались смуты».[405]

В древнетюркскую эпоху и в рассматриваемый нами период подобная практика именовать отколовшихся группировок от основной массы тюркских племен нарицательным названием была широко распространена в степи. Так, название возникшего в середине V в. в Приазовье и Западном Кавказе племенного союза болгар в результате распада или разделения более раннего

[400] Петров К.И. Очерки феодальных отношений киргизов. С. 140.
[401] Абрамзон С.М. Киргизы. С. 36-38; Юнусалиев Б.М. К вопросу о формировании общенародного киргизского языка. С. 25-26, 42.
[402] Мирза Мухаммад Хайдар. Та'рих-и Рашиди. С. 184.
[403] Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV, ч. 1. С. 1848-1849; Севортян Э.В.. Этимологический словарь тюркских языков. С. 253-257.
[404] Древнетюркский словарь. С. 122; Clauson Gerard. An etymological dictionary. P. 336.
[405] Divanü lûgat-it-türk tercümesi. S. 238.

объединения огурских племен тоже означает буквально «мятежники», «отколовшиеся».[406] Аналогичным образом, отколовшиеся в середине XV в. от Золотой Орды племена, которые под предводительством Джанибек-хана и Гирей-хана ушли в Моголистан под покровительство Эсен-Буги-хана, также именовали «казак» в значении «вольница», «отколовшиеся». Впоследствии этот социальный термин постепенно превратился в этноним «казак» в качестве самоназвания современного казахского народа.[407]

Резюмируя вышеизложенное можно отметить, что основу этнонима Булгачи составляет древнетюркское слово «булга» – «мутить» (в переносном значении «поднять смуту»). Следовательно, племя Булгачи Моголистана тимуридской эпохи не имеет отношения к племени Бул(а)гачин Прибайкалья эпохи Чингиз-хана, и гипотеза К.И. Петрова о генетических связях объединения Ичкилик кыргызского народа с охотничьими, лесными племенами Прибайкалья начала XIII века лишена основания и была выдвинута без учета реальных этнических и историко-культурных связей племен объединения Ичкилик кыргызского народа с регионом Прииртышья и Алтая X-XIIIвв.

Политическая характеристика Мухаммада Хайдара кыргызов Моголистана XVI в., как «непокорных» и «смутьянов», и семантика этнонима булгачи – «мятежники» и «непокорные» полностью совпадают. Это позволяет нам утверждать, что в XIV-XV вв. одно из крупных родоплеменных объединений кыргызов Ичкилик со стороны правителей Моголистана называлось нарицательным именем булгачи из-за их бунтарского и непокорного нрава. Позднее, в конце XV-нач.XVI вв., в период распада государства Моголистан родоплеменное объединение Булгачи возродилось под собственным исконным названием кыргыз, о чем достаточно ясно свидетельствуют сведения «Маджму ат-таварих» Сайф ад-Дина Ахсикенди и «Хроники» Шах-Махмуда Чураса.

Таким образом, можно отметить, что значительная часть кыргызских племен, составляющая группировку Ичкилик, проживала в регионе Семиречья по крайней мере со второй половины XIVв. и играла важную роль в политической жизни государства Моголистан, правители которого презрительно называли их экзоэтнонимом «булгачи». Можно допустить, что эта группировка кыргызских племен продвинулась в Семиречье из соседнего региона Алтая и Прииртышья в конце XIII в., во время междусобной борьбы за власть среди монгольских правителей, когда кыргызское население Саяно-Алтая подвергалось жестоким репрессиям со стороны Юаньской династии за его сочувствие правителю Чагатайского Улуса Хайду, и часть кыргызов

[406] С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов. Государства и народы. С. 148.
[407] Там же. С. 248-255.

Алтая была насильно депортирована в Манчжурию.[408]

В этой связи значительный интерес представляет также проблема о происхождении одного из крупных кыргызских племен родоплеменного обьединения Ичкилик – теит. Впервые этноним теит встречается в "Маджму ат-таварих" Сайф ад-Дина Ахсиценти, как самостоятельное кыргызское племя в составе объединения Булгачи (позднее Ичкилик).[409] Теит упоминается также в эпосе "Манас" среди кыргызских племен, принимавших участие в "Великом походе"[410]. По данным Французского исследователя Р. Дора[411] в новейшее время теиты занимали господствующее положение среди кыргызов афганского Памира, где, между прочим, проживают вместе с ними и представители племени найман.[412]

Впервые к вопросу о происхождения этого племени обратился Г.Е. Грумм-Грижимайло, который утверждал, что «многочисленный род таит, входящий ныне в отдел Ичкилик, должен считаться осколком большого арабского племени тай, в VIII в. осевшего в Туркестане".[413] Однако в другом месте своей рецензии на работу В.В. Бартольда о кыргызах он пишет, что род таит, включающий такую молодую кость, как кызыл-баш, должен был сложиться и войти в состав тянь-шаньских кыргызов не ранее XVI в.[414] Эти довольно противоречивые и безосновательные суждения Г.Е. Грумм-Грижимайло не получили дальнейшего развития со стороны других исследователей.

Несколько иное мнение о происхождении племени теит высказал С.М. Абрамзон. Исходя из общности ураана – боевого клича кыргызских племен теит и уйгур, он указывает на их близкое родство[415]. Однако, С.М. Абрамзон позднее к этому вопросу больше не возвращался и дополнительных аргументов для подкрепления этого предположения не приводил.

Обращает на себя внимание тот факт, что племя теит во всех зафиксированных сводках о родоплеменном составе кыргызов постоянно фигурирует среди племен, входящих в объединение Булгачи (Ичкилик). По заключению исследователей кыргызского языка, по некоторым признакам ичкиликские говоры отличаются от всех других говоров кыргызского языка, и эти особенности являются одной из древних черт кыргызского языка, возникшей

[408] Материалы по истории кыргызов. С. 55-59.
[409] Ромодин В.А. Некоторые источники по истории Ферганы. С.13; "Собрание историй" Маджму ат-Таварих. С. 112.
[410] Манас. Биринчи болук, 2 китеп. С. 137.
[411] Винников Я.Р. Родо-племенной состав. С. 163.
[412] Dor R. Contribution ã l`étude des Kirghiz. P. 79.
[413] Грумм-Грижимайло Г.Е. Киргизы. С. 181.
[414] Грумм-Грижимайло Г.Е. Киргизы. С. 180.
[415] Абрамзон С.М. Киргизы. С. 43.

на Алтае.[416] Здесь для нас особое значение представляют выводы языковедов о генетических связях говора ичкиликов с горно-алтайским языком. В частности, они заставляют нас искать истоки происхождения племени теит также на Алтае.

В этой связи вызывает большой интерес следующее сообщение Рашид ад-Дина о родственном найманами племени тикин: «Из племен близких к найманам и юрты коих соприкасались с ними, было племя тикин. У него был государем Кадыр-Буюрук; Кадыр (по-арабски) означает "великий" и "могущественный". Так как монголы не знают этого имени, они говорят Каджир-хан... Царство этого Кадыр-Буюрук-хана и его предков было больше, чем государство Он-хана, Таян-хана и других царей кераитов и найманов, и они были славнее и почтеннее их. По прошествии некоторого времени упомянутые государи стали сильнее, чем они. Чингиз-хан присоединил то племя тикин к племени онгут, и они (с тех пор) совместно кочевали. Он брал для своего рода девушек племени тикин и давал (их) также эмирам (племени) онгут. Их девушки и найманские известны красотою и грацией»[417].

Как явствует отсюда, племя тикин было некогда довольно сильным и самостоятельным племенем, и, очевидно, оно в предмонгольскую эпоху уже находилось в зависимости от найманов, которые в это время были более могущественными и многочисленными, чем тикин. К тому же Рашид ад-Дин излагает историю племени тикин в третьем разделе первого тома своей работы, где речь идет о тюркских племенах, которые раньше имели своих государей, но у которых с монгольскими племенами большой связи и родства не было.

Следовательно, племя тикин до образования государства монголов принадлежало к числу племен алтайских тюрков и проживало, очевидно, в пределах Монгольского Алтая, где позднее расселились найманы, вытеснив оттуда кыргызские племена на север.

На тюркское происхождение этого племени указывает и этноним «тикин», который, по всей вероятности, совпадает с общеизвестным древнетюркским титулом «тегин». Как уже установлено известным французским востоковедом П. Пельо, титул «тегин» первоначально, вероятно, аварского происхождения, впервые как титул правителей появляется у эфталитов, а затем, с конца VII века стал широко распространяться среди тюркских племен Центральной и Средней Азии.[418] По заключению П. Пельо, формой множественного числа титула «тегин» является «тегит». Впрочем, П. Пельо

[416] Батманов И.А. Некоторые лингвистические данные. С. 100-101.
[417] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т.I. Кн.1. С. 139-140.
[418] Pelliot P. L`origine de T`ou-Kue. P. 687-689; Pelliot P. Neuf notes sur des questions d` L'Asie Centrale. P. 250; Histoire des campagnes de Gengis Khan. P. 176.

термин «тегин» считает производным от слова «тигин».[419]

Исходя из этого лингвистического обоснования П. Пельо происхождения формы множественного числа древнетюркского титула «тегин», можно предположить, что кыргызский этноним «тейит» также является формой множественного числа упомянутого этнонима тикин> тегин> тегит> тейит. Хорошо известно, что в кыргызском языке согласные *г* и *к*, иногда, в результате стяжения переходят к краткому гласному *й*. Например: таг+ата= тайата, таг+аке= тайаке, ток+от= тойут и т.д. Кроме того, в этнической номенклатуре кыргызских племен также часто встречаются этнонимы с окончанием на «ат», «ут», «ит», которые, как известно, являются формантами множественного числа в монгольском языке (ср.: нойгут, ават, керейит, меркит и т.п.).[420]

Все эти аргументы позволяют с большей долей вероятности предположить, что происхождение кыргызского племени теит, очевидно связано с древнетюркским племенем тикин, хронологически первое и единственное упоминание о котором содержится в "Джами ат-таварих" Рашид ад-Дина рядом с племенем найман.

Как явствует из вышеизложенного текста источника, Рашид ад-Дин не дает, однако, определенных указаний на локализацию места расселения племени тикин в домонгольский период. Но его утверждение о том, что юрты племени тикин близко соприкасались с кочевьями найманов, показывает, что оно также проживало в пределах Монгольского Алтая, где, по-видимому, контактировало с кыргызскими племенами, которые также являлись соседями найманов в этой области.

Как видно из сообщения Рашид ад-Дина, племя тикин после покорения Чингиз-ханом было присоединено к племени онгут, которое по свидетельству достоверных источников во второй половине XIII-XIV вв. проживало в соседстве со страной тангутов и было хорошо известно на Западе как последователи религии христианства в Центральной Азии.[421] Поэтому время вхождения части племени тикин также как и осколка близкого им племени найман, в состав кыргызских племен с уверенностью можно отнести к X-XIIвв. Тогда алтайские кыргызы еще играли заметную роль в истории Центральной Азии, поддерживая торгово-экономические связи с Восточным Туркестаном и Тибетом именно через Монгольский Алтай, откуда они были окончательно вытеснены найманами только во второй половине XIIв.[422]

[419] Histoire des campagnes Gengis Khan. P. 176.
[420] Устная консультация тюрколога Ч.К.Дыйкановой, за что приношу ей свою глубокую признательность.
[421] Pelliot P.Chrétiens d`Asie Centrale. P.632-635.
[422] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. С. 135.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сделать вывод, что происхождение кыргызского племени теит непосредственно связано с древнетюркским племенем тикин, которое в предмонгольскую и монгольскую эпоху историками рассматривалось уже как часть найманов. Рассмотренные материалы показывают, что часть племени тикин, также как и небольшой группы найманов, вошла в состав алтайских кыргызов, по-видимому, не позднее начала XIII в. и с тех пор совместно с найманами составляло одно из крупных родоплеменных объединений кыргызов Булгачи (Ичкилик).

Все это свидетельствует о том, что предки современного кыргызского народа центральноазиатского происхождения генетически связаны с тюркоязычным населением кимакско-кипчакского, тогуз-огузского и карлукского происхождения, которое как особая этническая общность сформировалась в X-XII вв. в регионе Алтая и Прииртышья в результате смешения с кыргызами Минусинской котловины. Именно эти алтайские кыргызы в эпоху Монгольской империи в силу ряда политических и экономических причин стали мигрировать в Семиречье и в процессе падения государства Моголистан в конце XV - нач.XVI вв. полностью овладели территорией Тянь-Шаня. Этническое смешение могольских племен с кыргызами произошло в сравнительно короткий исторический срок, ибо в условиях подвижного полукочевого хозяйства быстро развивались этнокультурные связи между отдельными районами Кыргызстана. Вскоре этноним «кыргыз» стал общим для всех племен Кыргызстана.

ГЛАВА 2. КЫРГЫЗЫ НА ТЯНЬ-ШАНЕ

2.1. Перемещение алтайских кыргызов на Тянь-Шань и создание дуальной этнополитической организации в XV-сер. XVIII вв.

XVI-первая половина XVIII вв. является важнейшим этапом самостоятельного политического и этнического развития кыргызской народности, оказавшим огромное влияние на судьбу народа в последующие столетия на его исконно этнической территории. Важность этого периода истории Кыргызстана определяется тем, что во второй половине XV века в процессе распада государства Моголистан кыргызские племена, ранее занимавшие периферийные, северо-восточные районы этого государства переместились на свою нынешнюю родину и вновь вышли на историческую арену Центральной Азии как самостоятельный этнос. В результате в конце XV в. кыргызские племена сумели занять богатые пастбищами районы Притяньшанья и получили возможность прямого выхода к оседло-земледельческим центрам Восточного Туркестана и Ферганы.

К сожалению, в персоязычных и тюркоязычных источниках Средней Азии и Восточного Туркестана XV-XVIвв. отсутствует информация о времени и обстоятельствах переселения кыргызов на Тянь-Шань. Приблизительное время этого переселения может быть установлено только на основании сообщения китайского источника «*Си юйчжи*» («Описание западных земель»), составление которого завершилось в 70-е годы XVIII в.[423] «Поскольку народ из-за тесноты не мог разместиться, – сообщают цинские чиновники, воспроизводя рассказы кыргызских старейшин, – подняли воинов на завоевание окраин. Они все простолюдины, не выдержали отпора, и пришли в смятение от трудностей и опасностей и разбежались в разные стороны. Сейчас уже прошло более 330 лет с тех пор, как они бежали от беспорядков и в горах (Тянь-Шаня) нашли приют».[424]

---

[423] Цитированные здесь фрагменты китайской рукописи «*Си юйчжи*» («Описание западных земель»), составленной около 1763-1770 гг., перевела на русский язык и любезно предоставила в мое распоряжение покойная Г. П. Супруненко. Рукопись этого сочинения хранится в Гос. библ. России им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Фонд 274, № 292[444]. Далее: «Си юйчжи».

[424] «Си юйчжи». С. 19.

Как видно из текста цитируемого источника, хронологические рамки событий, связанных с перемещением кыргызов из отдаленных лесных районов Моголистана в Притяньшанье, относятся приблизительно ко второй половине XVв.

Весьма показательно, что, по сведениям известного знатока кыргызской генеалогии и автора «*Кыргыз тарыхы*» («История кыргызов») Белека Солтоноева, примерно к середине XV в. относится также рождение легендарного родоначальника кыргызских племен *Онг канат* («Правое крыло») Тагай-бия. Со ссылкой на сведения недошедшего до нас сочинения «Джаваб-нама», составленного в 1825-1830 гг., Белек Солтоноев пишет, что Тагай-бий родился около 1460-1470 гг. в местности Сары-Бел, недалеко от города Ош.[425] Белек Солтоноев идентифицирует Тагай-бия с известным предводителем северокыргызских племен XVI в. Мухаммед-кыргызом, деятельность которого освещена в «*Тарих-и Рашиди*» Мухаммеда -Хайдара.[426]

Таким образом, зафиксированные в независимых друг от друга источниках – «*Си юйчжи*» и «*Джаваб-нама*» – генеалогические предания самих кыргызов единогласно указывают на вторую половину XV в., как важнейший этап в истории кыргызского народа на территории Тянь-Шаня.

Сама по себе эта крупная политическая акция, связанная с необходимостью освоения и подчинения новых земель, расселение на этих землях и коллективная защита вновь обретенной территории, с одной стороны, вели к более яркому выявлению ощущения этнического единства, а с другой - требовали создания действенной этнополитической структуры и военной организации. О возникновении такой этнополитической ситуации среди кыргызских племен Тянь-Шаня во второй половине XV в. сообщается в «*Си юйчжи*»: «Когда они (кыргызы) впервые проникли в горы (Тянь-Шаня), не позволяли соединенным отрядам распыляться, а в соответствии с обстановкой пользовались пастбищами в горных долинах, куда проникли первоначально. Специально выделили места кочевий, и по местам кочевий и названиям гор именовали каждое племя».[427]

И решающим моментом в процессе формирования кыргызского народа явилось создание на Тянь-Шане унаследованной от гуннов и древних тюрков дуальной этнополитической организации – *Онг канат* («Правое крыло») и *Сол канат* («Левое крыло»). С возникновением этой этнополитической структуры связано восхождение этнической истории собственно кыргызских родоплеменных объединений, а также местных древнетюркских и могольских племен к новой фазе – фазе образования кыргызской народности.

[425] Солтоноев Б. Кыргыз-казак тарыхы. С. 118.
[426] Тарих-и Рашиди В 648. Л. 75а., 79аб, 170а, 189аб, 190.
[427] «Си юйчжи». С. 21.

О времени создания подобной дуальной системы у кыргызов сообщается в упомянутом китайском сочинении, составленном в 70-е годы XVIII в.: «Постепенно население увеличилось, всем охоты не хватало, и по этой причине среди них поднялась борьба за землю. Недостаток в одежде породил привычку к грабежу проезжающих. От разладов никто пользы не добился. 220 с лишним лет тому назад они сообща вели мирные переговоры и разделили население на равные части. Выделили два подразделения, выбрали из богатых двух предводителей, каждому указали владения: земли, реки, горы. Разделились на две ветви – северную и южную. Южная ветвь называлась Отуз-Огул (То-го-со-хо-лэ), Северная – Кыргыз (Кэ-эр-гэ-ци-сы). Наименованием ветви является название изначально главного племени. Каждая делилась внутри на ветви».[428]

Хронологические указания о создании такой дуальной системы у кыргызов, полученные маньчжурскими чиновниками Восточного Туркестана после опроса кыргызских старейшин и знатоков генеалогии, могут быть отнесены к первой половине XVI века. Они свидетельствуют о начале важнейшего этапа этнической и социально-политической истории кыргызских племенных объединений, организованных теперь не только по принципу кровнородственных связей, но и в рамках более жесткой структуры территориально-политической организации.

Другое предание о происхождении кыргызов и возникновении у них дуальной организации зафиксировано в анонимном сочинении под названием «Шаджарат ал-атрак», представляющем собой переработку недошедшей до нас рукописи «*Тарихи-и арба-и улус*», обычно приписываемой Улугбеку. По мнению ряда специалистов, в настоящем виде, как оно дошло до нас, «*Шаджарат ал-атрак*» было составлено в начале XVI века при Шейбанидах.[429]

При изложении легендарной истории тюрко-монгольских племен автор «*Шаджарат ал-атрак*» рассказывает следующее предание: Через тысячу лет после смерти Огуз-хана, во время правления Ильхана ибн Тенгиз-хана, Шах Афридун-Тур ибн Фаридун с многочисленными войсками отправился в Мавераннахр и Туркестан. Тогда Суюнч-хан, который был восьмым правителем татар, воспользовавшись удачным моментом для отмщения потомкам Огуз-хана, соединился с Туром ибн Фаридуном, и они совместно напали на Ильхана. В жестоком сражении моголы были разгромлены и полностью уничтожены, живыми остались только сын Ильхана Кыян и его племянник

[428] «Си юйчжи», С. 21.
[429] СМИЗО. С. 202-209. Я пользовался фотокопией рукописи «Шаджарат ал-атрак» ADD 26190 из Лондонской библиотеки British Museum, любезно предоставленной мне покойным Б. А. Ахмедовым.

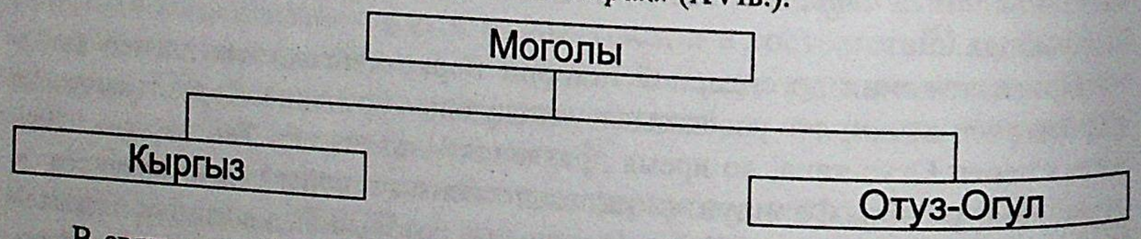
Нокуз, а также две женщины, которые скрылись в горах Эркене-Кун. Позже от их потомства произошли монголы (Кыят и Дарлекин).

«По другим рассказам, – продолжает анонимный автор, - во время поражения народа моголов, сорок девушек бежали в одном направлении и тридцать юношей бежали в другом направлении. От потомков тех сорока девушек произошли кыргызы; а от потомков тридцати юношей отуз-огулы произошли».[430]

Легенда о поражении моголов во главе с Ильханом от войска Шаха-Афридуна Тура и татарского правителя Суюнч-хана, с разной степенью полноты приводится почти во всех трудах мусульманских авторов по всеобщей истории. Однако упомянутую легенду о происхождении кыргызов и делении их на две ветви – Кыргыз и Отуз-Огул – мы находим только в «*Шаджарат ал-атрак*».[431] Очевидно, это связано с тем, что время написания «Шаджарат ал-атрак» хронологически совпадает с эпохой появления кыргызской народности на Тянь-Шане во второй половине XV-нач. XVI вв, в рамках дуальной этнополитической структуры: *Онг канат* («Правое крыло») и *Сол канат* («Левое крыло»).

Таким образом, если китайский источник фиксирует реальное деление родоплеменной структуры кыргызов на *Кыргыз* и *Отуз-Огул*, то анонимный автор «*Шаджарат ал-атрак*» пытается объяснить, каким образом и когда произошло подобное деление. Очевидно, при этом была принята за основу народная этимология этнонима «*кыргыз*» – «*сорок девушек*», которая была весьма распространена среди кыргызского народа.

Генеалогия кыргызских племен по сведениям
«*Шаджарат аль-атрак*» (XVIв.).

В связи с проблемой создания дуальной этнополитической организации у кыргызов следует отметить и сообщение Сайф ад-Дина Ахсикенди, автора

[430] «Шаджарат ал-атрак». Л. 25а; Shajarat ul-atrak. P. 39-40.
[431] Эта легенда отсутствует даже в «Мукаддима-йи Зафар-нама», откуда заимствованы почти все рассказы «Шаджарат ал-атрак» по легендарной истории тюрко-монгольских племен. Как бы то ни было, эти указания «Шаджарат ал-атрак» и «Си юй чжи» о разделении кыргызов на две части - *Кыргыз* и *Отуз-Огул* - фиксируют важнейший этап в развитии этнической и социальной организации кыргызского общества, а именно возрождение на Тянь-Шане дуальной этнополитической структуры кыргызских племен не позднее начала XVIв.

«*Маджму ат-таварих*», о делении кыргызов на два крыла – *Онг* («Правое крыло») и *Сол* («Левое крыло»). Это сочинение написано на таджикском языке предположительно в XVI веке в области Ферганы; но пока известные три рукописи этого сочинения по почерку и другим внешним признакам датируются концом XVIII-нач. XX вв.[432]

В «Маджму ат-таварих», где исторические факты и даты переплетены с легендами и вымыслом, возникновение *Онг* («Правого крыла») и *Сол* («Левого крыла») связывается с борьбой кыргызов Андижана против кара-китаев в XII в., а создание этой дуальной организации приписывается прибывшему из Багдада Имаму Ибрахиму. «Имам пошел и овладел Минг-Джубой, сделал (эту область) мусульманской, отдал Минг-Джубу Лур-хану, а Андуган – Лур-бузургу; правому крылу дал название онг, левому – сол. Создание у кыргызов правого и левого крыла было делом Имама Ибрахима Султан Заранджиша. (Это) было в 521г.х. (1127), когда имам Ибрахим Султан Заранджиш завоевал Касан».[433]

Комментируя цитированное сообщение «*Маджму ат-таварих*», известный востоковед В.А. Ромодин писал, что «принимать на веру это сообщение и его датировку (1127 г.), конечно, нельзя, оно нуждается в дальнейшей проверке по другим источникам».[434]

Поэтому в этом сообщении «*Маджму ат-таварих*» существенное значение представляет только сам факт наличия у кыргызов в XVI в. дуальной этнополитической организации. Что касается хронологических указаний Сайф ад-Дина Ахсикенди относительно времени возникновения такой организации, то они, в свете рассмотренных выше сведений более достоверного источника – «*Си юйчжи*», представляются теперь весьма сомнительными. Очевидно, автор «*Маджму ат-таварих*» преднамеренно приписывает это чрезвычайно важное в жизни кыргызского общества событие одному из генеалогических предков суфийских шейхов Касана Имаму Ибрахиму Заранджишу с целью упрочения позиции суфийских шейхов Ферганы среди кыргызских племен.

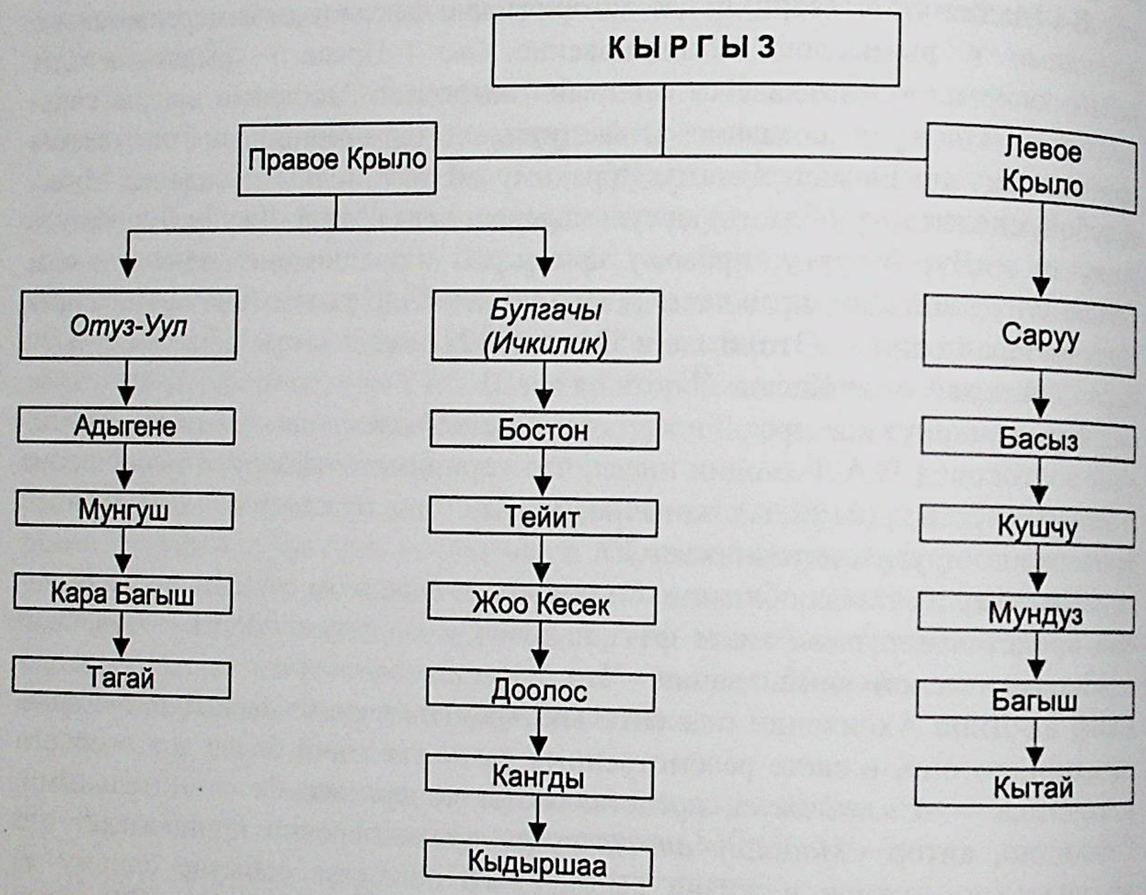
К тому же дуальная структура является характерной формой социально-политической и этнической организации кочевых народов Центральной Азии, и она появилась гораздо раньше исламской религии. Возникнув в глубокой древности, эта система вскоре превратилась в постоянный военно-административный принцип этнополитической организации формировавших-ся народностей кочевников Центральной Азии.

Впервые проявившись в законченной форме на первых же этапах

[432] МИКК. С. 200.
[433] МИКК. С. 206.
[434] МИКК. С. 202.

образования империи гуннов в III-II вв. д.н.э., дуальная этническая структура наиболее полное развитие получила в тюркских и уйгурских каганатах.[435]

Генеалогия кыргызских племен по сведениям «*Маджму ат-таварих*» (XVIв.).

Особенно ярко все элементы этой структуры проявились в Западнотюркском и Тюргешском каганатах, а легендарные сказания огузов приписывают создание дуальной системы прародителю западнотюркских племен Огуз-хану, разделившему громадный огузский эль на два крыла – учуков и бузуков.[436]

Так или иначе, дуальная этнополитическая организация имела прочные корни в социально-политической и этнической истории тюркоязычных племен Центральной Азии и проявлялась в большинстве случаев вместе с созданием новой государственной общности, с появлением новой господствующей

[435] Кляшторный С.Г. Гуннская держава. С. 177.
[436] История Киргизской ССР. 1984. С. 433.

этнополитической группировки.[437]

Обращает на себя внимание почти одновременное появление в сочинениях среднеазиатских авторов XVI в. – «*Шаджарат ал-атрак*» и «*Маджму ат-таварих*» - легендарных преданий о возникновении у кыргызов реально существующей в это время дуальной организации (Кыргыз и Отуз-Огул, или *Онг* и *Сол*). Очевидно, авторы этих сочинений пытались в доступной форме объяснить жителям западных областей Средней Азии о происхождении сравнительно новой этнополитической общности – кыргызского народа, который в этот период начал играть активную роль в политической жизни региона.

Разумеется, процесс разделения кыргызских племен на два «крыла» начался в результате действий определенных экономических, политических, этнических, демографических и географических факторов. В плане этническом создание дуальной организации диктовалось необходимостью консолидации всего населения Кыргызстана под властью кыргызских племен. О существовании определенного демографического фактора есть сообщение в упомянутом китайском источнике, где подчеркивается, что постепенно население увеличилось, всем охоты не хватало, и по этой причине среди них поднялась борьба за землю. Несомненно, этот фактор создавал определенную напряженность внутри еще аморфного общества и также требовал создания соответствующей организации, способной своевременно уладить возникающие внутренние конфликты.

С другой стороны, политическая самостоятельность Кыргызстана, определившаяся после падения государства Моголистан в начале XVI в., способствовала дальнейшему развитию внутренних хозяйственно-экономических и этнических связей. Вместе с тем, связи между северными и южными районами, разделенными мощными отрогами Тянь-Шаня, развивались гораздо медленнее, чем связи внутри этих двух областей. В то же время родоплеменные объединения, входящие в «Правое крыло», в большей степени тяготели к городам Восточного Туркестана, тогда как племена «Левого крыла» экономически были тесно связаны с оседлыми районами Ферганской долины.

О разделении кыргызских племен на *Онг канат* («Правое крыло») и *Сол канат* («Левое крыло»), исходя из географического фактора, указывают и сообщения Белека Солтоноева. «Северные и южные кыргызы разделились на две ветви (во времена Тагай-бия). Границей между ними стали горы Ала-Тоо (Тянь-Шаня). Тем племенам, которые проживали на правой стороне (северных склонах Ала-Тоо), дали название *Онг,* а племенам, проживавшим

[437] Более подробно о дуальной этнополитической организации кыргызов см.: Мокеев А.М. Дуальная этнополитическая организация кыргызов. С. 258-272; Его же. Этапы этнической истории.

на левой стороне (южных склонах Ала-Тоо), дали название *Сол,* - пишет автор «Истории киргизов» со ссылкой на исторические предания кыргызского народа.[438]

Однако, как показывают сведения «*Си юйчжи*», существование дуальной этнополитической организации отнюдь не мешало переходу представителей «Правого крыла» в «Левое крыло», и наоборот. «На этой линии в северных горах есть южные ветви, – фиксирует этот китайский источник, – в южных горах есть северные ветви. Причина в том, что после того, как они с самого начала разделились на ветви, не прекращали грабить уйгурских купцов и (виновники) скрывались от расплаты, а управляющие (племенами) старейшины расследовали и брали (их) под арест. Своеволие к перемене места со временем стало привычкой, и (откочевавшие роды) не возвращались на первоначальные места. Ныне живут смешанно».[439]

Таким образом, хотя эти два территориально-политических объединения первоначально соответствовали традиционному делению кыргызских племен на два «крыла», но уже в середине XVIII в. родоплеменной состав кыргызов был довольно пестрым и мало соответствовал генеалогическим канонам. Все это позволяет утверждать, что в длительном процессе освоения вновь обретенной этнической территории, традиционное деление на Правое и Левое крыло начинает терять свое первоначальное значение.

В этом процессе в результате непрерывных миграций племен и родов на новые территории и их смешения с местными племенами постепенно на первый план выходит географический фактор, на основе которого начинается формирование региональной идентификации. В упомянутом китайском источнике отсутствует какая либо информация о разделении кыргызов на Правое и Левое крыло, а вместо этого сообщается только о существовании Северной и Южной ветвей. Это наводит на мысль, что разделение кыргызских племен в середине XVIII века уже не соответствовало старым генеалогическим традициям военно-политической организации и, исходя из географических особенностей страны, оно приобрело ярко выраженный региональный характер.

Согласно сведениям «*Си юйчжи*», Северная ветвь – *Кыргыз* занимала в основном территорию Северного Кыргызстана и Восточного Туркестана, и включала в себя следующие родоплеменные объединения: саяк, сары багыш, кытай, кушчу, саруу, монолдор, солто, ават, мундуз, басыз, черик. В Южную ветвь – *Отуз-Огул* входили родоплеменные объединения, проживавшие в горных районах Южного Кыргызстана и Ферганской долины. К их числу относились кыпчак, каратегин, багыш, адигине, берю, найман, жору, тёёлёс».[440]

[438] Солтоноев Б. Кыргыз-казак тарыхы. С. 123.
[439] «Си юйчжи». С. 38.

Как отсюда явствует, Северная ветвь состояла из комбинации некоторых крупных племен Правого и Левого крыла, тогда как Южная ветвь охватывала основную часть племен Правого крыла из подразделений Отуз-Уул и Ичкилик.

Дуальная этнополитическая организация требовала создания действенной политической структуры управления. Судя по сообщениям источников, политическое устройство кыргызского общества совершенно отличалось от политической системы государства Моголистан, и оно, очевидно, создавалось вновь с учетом особенностей социальной организации кыргызских родоплеменных объединений.

Каждое «крыло» из числа старших биев своих родоплеменных объединений ежегодно избирало верховного бия *(чон бий),* который занимался общим управлением делами всех племен соответствующего крыла.[441]

Но фактически *чон бий,* не располагавший значительной и постоянной силой, не имел реальной власти над старшими биями – правителями родоплеменных объединений. Следовательно, эта должность верховного бия носила формальный характер и служила символом единства всех племен конкретного крыла. В исторических преданиях народа и китайских источниках сохранились имена отдельных кыргызских деятелей, которые в преданиях называются то ханами, то биями, а в источниках – *чонг бий.* Белек Солтоноев в своем труде к их числу относит Тагай-бия, Кокум-бия, Кудаян-хана, Кошой-бия и Маматкулу-бия.[442] По сведениям аутентичного китайского источника, в середине XVIII в., когда кыргызские родоначальники впервые установили прямые контакты с цинскими властями в Восточном Туркестане, *чонг бием* «правого крыла» являлся предводитель племени саяк Маматкулу-бий, а *чонг бием* «левого крыла» являлся родоначальник племени кытай Каработо-бий.[443]

Каждое родоплеменное объединение, во главе которого стоял старший бий *(улук бий),* представляло собой самостоятельную административно-политическую единицу и обязательно имело свою тамгу, а также свой боевой клич – *уран.*[444] В состав родоплеменного объединения входили связанные между собой, не столько действительным, сколько мнимым родством многочисленные роды и родовые подразделения. Они управлялись *акалакчин биями,* которые находились, в подчинении *улук бия.*[445]

[440] «Си юйчжи». С. 39.
[441] Imbault - Huart C. Recueil de documents. P. 152.
[442] Солтоноев Б. Кыргыз-казак тарыхы. С. 121, 148, 163, 186-187, 192-196.
[443] Пиндин Чжунгээр Фанлюэ. С.102; Imbault-Huart C. Recueil de documents. P. 153.
[444] История Киргизской ССР. С. 465.
[445] Там же.

Как явствует из номенклатуры титулов родоначальников, кыргызы в рассматриваемый период продолжали использовать традицию социальной организации алтайских кыргызов, которая своими корнями восходит к традиции социально-политической структуры государства енисейских кыргызов. Как известно, академик В.В. Бартольд считал, что термин *бий* является очень поздним видоизменением древнетюркского термина *бек* и не встречается нигде раньше XVв.[446] Однако новейшие исследования французского синолога Луи Амбиса и российского синолога Е.И.Кычанова показывают, что термин *бий* широко употреблялся в титулатуре правителей енисейских кыргызов еще в VIIв. нашей эры.

В сочинении турецкого автора Сейфи, написанном в 1582 г., сообщается, что кыргызы по отношению к своим бекам использовали титул *кашка*.[447] Как отмечено выше, этот термин возник среди алтайских кыргызов предположительно в XIVв., когда кыргызы входили в состав Ойратского союза племен. К этому же периоду относится, очевидно, возникновение термина *акалакчин бий*. Однако в других источниках, составленных в XVIв. и последующих столетиях, нет никаких известий относительно употребления тяньшанскими кыргызами термина *кашка* в значении *бек* или *бий*. Этот титул, по-видимому, еще в конце XVIв. был окончательно заменен титулом *бий* и сохранился только в произведениях устного народного творчества в значении «предводитель», «военачальник».[448] Следовательно, термин *бий*, встречающийся в качестве титула высших правителей тянь-шаньских кыргызов рассматриваемого периода тесно связан с политической культурой государства енисейских кыргызов, а другие термины, как *кашка* и *акалакчин*, связаны с социальной организацией кыргызов Алтая и Джунгарии XIV-XVвв., когда они входили в состав Ойратского союза племен.

В связи с проблемой этнокультурных связей тянь-шаньских кыргызов с алтайскими и енисейскими кыргызами, значительный интерес представляет существование в геналогических преданиях тянь-шаньских кыргызов древних терминов *ажо* и *инал* в несколько искаженном виде. Достаточно хорошо известно, что правители енисейских и алтайских кыргызов носили титул «инал» вплоть до начала XIII в., когда Минусинская котловина была завоевана монголами. По сведениям китайских хроник, в VIII-IX вв. правитель енисейских кыргызов именовался «ажо» («аже»).

Среди исследователей нет единого мнения о значении этого кыргызского слова, переданного в китайской форме. Известный российский синолог С.Е. Яхонтов считает, что термин «ажо» («аже») является китайской транс-

[446] Бартольд В.В. Двенадцать лекций. С. 36.
[447] Бартольд В.В. Киргизы. С. 517.
[448] История Киргизской ССР. С. 467.

литерацией древнекыргызского титула «инал». Другой известный российский археолог Ю.С. Худяков полагает, что «ажо» («аже») является китайской формой названия племени «аз» или «ач», которое будто бы составляло элитарную часть енисейских кыргызов.[449] Казахстанский академик А. Маргулан указывал, что в более древнее время слово «ажу» имело значение отца, главы большой патриархальной семьи и впоследствии, с образованием государства, приобретает более широкое значение и становится титулом правителя государства.[450]

В этой связи вызывает определенный интерес один весьма загадочный эпизод из генеалогии о происхождении основных подразделений кыргызских племен «Правого крыла». В этом эпизоде наряду с Адигине, Тагай и Монгуш в качестве прародителя таких кыргызских племен, как монолдор и конурат, упоминается некая матрона «Наал эже», которая будто бы приходится старшей сестрой Адигине и Тагая.[451] Здесь явно прослеживается попытка объяснения значения словосочетания «Наал эже» как «Сестра Наал» путем народной этимологии. Представляется, что под этим фантомом «Наал эже» («Сестра Наал) скрываются древние титулы енисейских кыргызов «инал» и «аже», которые сохранились в памяти тяньшанских кыргызов в качестве мифических прародителей указанных кыргызских племен. Но вследствие хронологической и географической отдаленности событий позже первоначальное значение этих титулов было забыто, а позже для популярного объяснения современникам была придумана красивая народная легенда о Наал эже на основе народной этимологии.

Как справедливо отмечал А. Маргулан, термин «аже» в древности означал «отец», «предок». В самом деле, в орхонской надписи Кюль Тегина термин «аже» встречается именно в значении «предок»: «*kişi oglinta üza eçüm apam Bumın qagan İstami qagan olurmuş*» («Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын каган и Истеми каган»).[452]

Исходя из этого, я предлагаю объяснить значение словосочетания «Наал эже» из генеалогии кыргызских племен «Правого крыла» как «Инал Аже» («Предок Инал», «Отец Инал») и оставить народную этимологию о мифической сестре Наал, как не имеющую исторического основания.

Таким образом, можно отметить наличие некоторых фактов, которые свидетельствуют о преемственности политической культуры тянь-шаньских кыргызов с енисейскими кыргызами. Если в случае с титулом «бий» прослеживается преемственная связь политических традиций тяньшанских

[449] Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. С.72.
[450] Маргулан А.Выступление. С.181.
[451] Каратаев О. Кыргыздардын этномаданий тарыхынан. С. 115.
[452] Древнетюркский словарь. С.162.; Clauson G. An Etymological Dictionary. P. 20.

кыргызов с енисейскими и алтайскими кыргызами, то в случае с «инал» и «аже» наблюдается трансформация этих титулов в личное имя мифической прародительницы Наал эже, неотъемлемого персонажа генеалогических преданий кыргызских племен «Правого крыла».[453]

Постепенно под влиянием традиций политической культуры местных древних племен Тянь-Шаня стали претерпевать изменения некоторые институты политической организации собственно кыргызских племен, которые в новых условиях неизбежно должны были реорганизоваться в соответствии с требованиями более жесткой и иерархической структуры власти.

Гораздо более значительное изменение претерпел этнический состав кыргызов в процессе взаимодействия с местными племенами Тянь-Шаня. Несомненно, в связи с нашествием монголов и установлением их господства погибли многие достижения культуры и экономики древнетюркских племен Притяньшанья – потомков тюркоязычного населения Караханидской эпохи, впитавшего в себя еще более древние традиции ираноязычных племен.[454] Значительная часть местного населения была уничтожена или угнана в рабство. Но все же уцелела определенная часть коренного тюркоязычного населения, сохранявшая прежние хозяйственные навыки и быт. Упоминаются в источниках и тюркские скотоводческие племена, не покидавшие родных кочевий. Однако в монгольскую эпоху все они стали именоваться общим этнонимом *могол*.

По сообщению Рашид ад-Дина, многие из них оказались в составе господствующих племенных союзов монголов. «Вследствие благоденствия Чингиз-хана и его рода, поскольку они суть моголы, – пишет Рашид ад-Дин, - (разные) тюркские племена из-за самовосхваления называют себя (тоже) моголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого племени».[455] К числу таких тюркоязычных племен, которые, приспосабливаясь к новым политическим условиям, постепенно стали называть себя моголами, Рашид ад-Дин относит уйгуров, кыпчаков, туркмен, халаджей и карлуков.

Хотя в той же ситуации другие группы перечисленных этнических объединений сумели сохранить свои прежние самоназвания. Так на Восточном Тянь-Шане вновь появились племена чигиль-моголов,[456] что свидетельствует о сохранении какой-то части одного из самых крупных союзов тюркских племен карлукской и караханидской эпохи.[457]

[453] Более подробно об этом см.: Мокеев А.М. К вопросу о преемственности политических традиций.
[454] История Киргизской ССР. С. 434-435.
[455] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. I. С. 77, 102.
[456] Hambis L. Documents. P. 98, 103.
[457] Имя одного из влиятельных кыргызских вельмож - Чигиль-бия, зафиксированное в сочинении «Тарих-и Кашгар» в связи с событиями в Восточном Туркестане в XVII в., свидетельствует об определенных генеалогических связях чигиль-моголов с кыргызскими племенами (См.: МИКК. С. 222).

Некоторые древние племена в условиях господства монголов стали называться именами знатных людей из их среды, занявших видное место в могольской политической иерархии. Так, по сведениям достоверных источников, какие-то группы племени канглы стали называться *бекчик* по имени правителя Бекчика, жившего в первой половине XV в.[458]

Однако после распада государства Моголистан и перемещения на Тянь-Шань из Алтая и Прииртышья кыргызских племен, бекчики вновь возродились как канглы и вошли в состав кыргызского и казахского народов соответственно под названиями *кангды* и *канглы*.

Освободившись от политического господства моголов, древнее население Семиречья и Тянь-Шаня в сравнительно короткий исторический срок включилось в дуальную этнополитическую структуру, созданную кыргызами, восприняло общее этническое наименование и в свою очередь внесло в первоначальный родоплеменной состав Правого крыла и Левого крыла немалые изменения.

Вплоть до недавнего прошлого среди кыргызских племен и родов упоминались и те, что в своих наименованиях сохраняли этническую номенклатуру тюркского населения Притяньшанья домонгольского времени. К их числу следует отнести следующие племена и родовые подразделения кыргызов: бичине (печенег), жедигер (игдер), ават (ива), оргу (аргу), сокулук (сугдак-согдиец), тердеш (тардуш), бостон (ср. карлукский этноним *бистан)*, мачак (ср. карлукское родовое название *мажак)*, килет (ср. карлукский этноним *гилат)*, жабагы (ябагу-карлук), кангды, азык (азы - ветвь тюргешей), кытай, черик (чарук) и др.[459]

В дуальную этнополитическую структуру кыргызов влилась и значительная часть могольских племен. В период окончательного распада государства Моголистан те могольские племена, которые больше тяготели к оседло-земледельческой культуре Восточного Туркестана и признавали власть чагатаидских ханов, еще долго сохраняли название могол и заняли господствующее положение в так называемом Могольском государстве в Восточном Туркестане.

Другие могольские родоплеменные объединения, которые вели преимущественно скотоводческое хозяйство, отчасти вошли в состав кочевых племен узбеков и казахов, а отчасти влились в этнополитическую структуру

[458] История Киргизской ССР. С. 434-435.
[459] Более подробно об этих идентификациях см.: История Киргизской ССР. С. 435-437.

кыргызской народности.[460] Сопоставление генеалогических преданий моголов и кыргызов, зафиксированных в «Маджму ат-таварих», показывает о значительное сходство генеалогий Ахмада Могола и Ак-Огула, т. е. легендарного предка кыргызских племен «Правого крыла».[461]

Отсюда становится ясно, что первоначально могольские племена, интегрировавшиеся в состав кыргызского народа, вошли в основном в «Правое крыло». В связи с этим следует отметить еще одно весьма интересное сообщение «Маджму ат-таварих». В одном рассказе, где излагается эпизод борьбы Якуб-бека и его сына Манаса совместно с моголами против калмаков, сообщается: «Онг-хан, взяв, могольский кошун и левый кошун, двинулся на Чонгчи. Онг-хан к Кара-Кишлаку подошел. Чонгчи, выйдя из Кара-Кишлака, выстроил ряды, (однако) Чонгчи обратился в бегство. Онг-хан сколько-то калмаков убил, Кара-Кишлак Якуб-беку отдал, сам в Ташкент приехал».[462]

Здесь под термином «Левый кошун» («Кошун-и Сол») подразумеваются племена «Левого крыла» кыргызских племен. В целом, как видно из приведенного текста «Маджму ат-таварих», «Правый кошун», т. е. войска «Правого крыла» кыргызов, назывался также могольским кошуном, «Левый кошун» могольским не назывался.

В этом отношении значительный интерес представляет следующее сообщение автора «Тарих-и Рашиди» Мухаммед-Хайдара: «...хотя киргизы тоже из могольских племен, но в связи с тем, что они поднимали часто восстания против (могольских) ханов, они отделились от моголов».[463]

Эта информация «Тарих-и Рашиди» свидетельствует, что кыргызские племена Прииртышья и Алтая и территориально, и генеалогически были тесно связаны с другими могольскими племенами в период существования государства Моголистан. Очевидно, именно эти глубокие генеалогические связи кыргызских и могольских племен в значительной мере способствовали ускорению интеграции могольских племен в рамках дуальной этнополитической организации кыргызского общества.

Исследователи включают в число явно могольских и общие с могольскими компоненты в составе кыргызов следующие этнонимы: баарын, барак, дуулат, кайдуулат, керейит, кушчу, монгол, монголдор, баргы, нойгут, меркит, булгачы, узунджете, тумендже те.[464]

Этническое смешение местных древнетюркских и могольских племен с кыргызами произошло в сравнительно короткий исторический срок, ибо в

[460] История Киргизской ССР. С. 433-434.
[461] МИКК. С. 207-209.
[462] Маджму ат-таварих. В 667. Л. 53а.
[463] Мирза Мухаммад-Хайдар. Тарих-и Рашиди. С. 184.
[464] История Киргизской ССР. С. 434.

условиях подвижного полукочевого хозяйства быстро развивались этнокультурные связи между отдельными районами Кыргызстана. Вскоре, этноним «кыргыз» стал общим наименованием для всех племен Кыргызстана. Во второй половине XV-начале XVI вв. на Тянь-Шане начался процесс формирования кыргызской народности со своей территорией, языком, известной экономической и культурной общностью, чему способствовал ряд факторов.

До сих пор в научной литературе почти не затрагивался вопрос о консолидирующих факторах в ходе формирования кыргызской народности на Тянь-Шане. Между тем, в процессе сложения кыргызского народа на Тянь-Шане определенную роль сыграли своеобразная социально-политическая организация кыргызского общества и другие консолидирующие факторы.

Согласно теории этноса, в объективной реальности этнос не существует вне социальных институтов, выступающих в роли его структурообразующей формы. Притом эту роль могут выполнять самые различные социальные общности: от семьи до государства.[465] Наличие собственной структуры организованной власти как необходимый и обязательный признак этнической общности рассматривает и большинство других исследователей этнографической науки.[466]

В этой связи трудно переоценить роль рассмотренной выше дуальной этнополитической организации *Онг канат* («Правое крыло») и *Сол канат* («Левое крыло») кыргызских племен, которая, будучи специфической формой государственного устройства кыргызского общества, служила ядром этнической консолидации. В процессе интеграции местных древнетюркских и могольских племен в рамках этой дуальной этнополитической структуры постепенно созревало этническое самосознание последних, что нашло отражение в новых вариантах племенных и общекыргызских генеалогических преданий и в двойных наименованиях ряда родоплеменных объединений (кыргыз-кыпчак, кыргыз-кытай, отуз-уул-кушчу и др). Так например, в сочинении первой пол. XVIII в. «Хидайат-наме» Мир-Халь ад-Дина Яркенди, в связи с событиями в Восточном Туркестане в конце XVIIв., среди других кыргызских деятелей упоминается Кушкулак-бий-отуз-огул из племени кушчи.[467]

Это свидетельствует о том, что процесс формирования надплеменной идентификации кыргызских племен в рамках дуальной этнополитической организации отнюдь не означал полной утраты прежней родоплеменной идентификации. Обычно, когда представители Левого крыла переходили в состав Правого крыла или наоборот, они наряду с новой надплеменной

[465] Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. С. 38-39.
[466] Куббелъ Л.Е. Этнические общности. С.126.
[467] Салахетдинова М.А. Сообщения о киргизах в «Хидайат-наме». С.139.

идентификацией продолжали носить и свое племенное название. Это явление было, очевидно, настолько распространено, что было заметным даже для внешних наблюдателей.

Определенную роль в консолидации пришлых и местных компонентов в единую народность сыграла религия ислама, распространение которой всячески поддерживалось правящей верхушкой кыргызского общества для обоснования и укрепления своей власти над всеми племенами Притяньшанья.

Как показывают достаточно подробные сведения агиографических сочинений, составленных в Восточном Туркестане и Фергане в XVI - XVIII вв., – «*Зийа ал-кулуб*», «*Джалис ал-муштакин*», «*Рафик ат-талибин*», «*Тазкира-йи ходжаган*», «*Актаб-и Тоглук-Тимур-хан*» и т. д., исламизация пришлых кыргызских племен завершилась не позднее первой половины XVIIв., благодаря активной миссионерской деятельности суфийских шейхов.

В историографии Кыргызстана советского периода господствовало мнение, что у подавляющего большинства кыргызского населения не было религиозной приверженности исламу, религия насаждалась исключительно в интересах правящего класса. Безусловно, кыргызские феодалы использовали религию ислама, с одной стороны, для укрепления своей власти над всеми родоплеменными объединениями Кыргызстана, а с другой - для упрочения своего статуса среди других среднеазиатских и восточно-туркестанских государств. В то же время следует признать, что для самосохранения и дальнейшего развития как самостоятельного этноса в новой конфессиональной среде региона, кыргызский народ должен был адаптироваться в культурном пространстве народов Средней Азии и Восточного Туркестана. А основой всех сторон духовной и материальной культуры народов этого региона являлась идеология ислама. К тому же местные древнетюркские и могольские племена Тянь-Шаня, влившиеся в состав кыргызского народа, также давно исповедовали религию ислама.

Поэтому большие изменения, происшедшие в этот период, вызвали существенные сдвиги в области идеологии пришлых кыргызских племен. Древний шаманизм, возникший еще в недрах родового строя, не мог в новых условиях удовлетворять нужды не только правящей верхушки, но и всего кыргызского общества.

Учение исламской религии, одним из основных принципов которого является вера в единого верховного бога-Аллаха, способствовало преодолению политеизма и консолидации всех кыргызских племен, возрождению письменности на основе арабской графики и распространению грамотности среди населения, сближению Кыргызстана с другими мусульманскими странами, а также обогащало его культуру. Следовательно, распространение религии ислама среди кыргызов в XVI-XVII вв. носило объективно прогрессивный характер.

Именно при активном участии суфийских шейхов кыргызскими феодалами были составлены новые редакции санжыра (*шеджере*) – генеалогий кыргызских племен и общекыргызских генеалогических преданий, которые отражали сущность новой идеологии, порожденной с образованием на Тянь-Шане дуальной этнополитической организации кыргызского общества и распространением среди всех кыргызских племен религии ислама.

Такая обработка кыргызских генеалогий в духе исламской идеологии была вызвана необходимостью укрепления позиций суфийских орденов среди кыргызов, а также упрочения авторитета и власти предводителей кыргызских племен среди своих подданных. Поэтому политическая элита кыргызского общества оказывала большую поддержку исламу и настойчиво внедряла ее в массы через популярное среди народа и надежное средство коммуникации кочевников – генеалогии, знание которой было обязанностью каждого взрослого мужчины. Новая суфийская редакция генеалогии кыргызских племен объективно способствовала также консолидации кыргызского народа вокруг идеи исламской идентификации, что было чрезвычайно актуально в условиях перманентной войны кыргызов с калмаками Джунгарии в течение более двух столетий.

Однако, при всем многообразии генеалогических обоснований мнимого родства всех племен и родоплеменных объединений Тянь-Шаня, включенных в дуальную этнополитическую структуру кыргызов, в условиях отсутствия строго централизованного государственного управления, постоянных культурных и религиозных центров, главным консолидирующим фактором кыргызов Тянь-Шаня в области идеологии становится эпос «*Манас*». Не случайно, что именно здесь, на Тянь-Шане, в XVI-первой половине XVIII вв. происходил окончательный этап сложения этого выдающегося произведения эпической традиции кыргызского народа на наддиалектном общекыргызском языке. В этом эпосе нашли отражение и генеалогия, и обычное право – *торе*, и история народа, не столько реальная, сколько воображаемая, которую хотели бы иметь сами кыргызы.

Эпос «*Манас*» воплотил в себе прогрессивную идею объединения племен перед лицом внешней опасности, а в образе Манаса кыргызские сказители создали фигуру того идеального вождя, который мог бы стать во главе всех кыргызов, сплотить их в силу, способную противостоять любому врагу. Это уникальное явление, когда, наряду с исламской религией в сфере идеологии, основным консолидирующим фактором становится эпическое сказание, представляет собой главную особенность в развитии собственной культуры кыргызского народа на Тянь-Шане.

Как свидетельствуют письменные источники, в процессе освоения и адаптации территории Притяньшанья у кыргызов сложилось комплексное хозяйство нового типа, в котором, наряду со скотоводством, заметно возросла доля поливного земледелия. Сформировалось полуоседлое хозяйство со скотоводством альпийского типа (вертикальные перекочевки в горных районах Тянь-Шаня), после чего можно говорить о завершении формирования социально-экономической структуры кыргызского общества.[468]

В результате воздействия всех этих факторов в политической, социально-экономической, религиозной, идеологической и культурной областях, кыргызское общество уже к концу XVI-начале XVII вв. достаточно окрепло и консолидировалось в рамках дуальной организации. Поэтому последующие трагические события в жизни народа, вызванные постоянными притеснениями со стороны более могущественного Джунгарского ханства, не смогли остановить ход этнических процессов, и кыргызы сумели отстоять свою независимость, благодаря жизнеспособности этнополитической и социальной структуры.

В дальнейшем, в XVII веке в процессе длительных контактов с казахскими ханствами, некоторые казахские племена (катаган, алакчин и др.) также вошли в состав кыргызской народности и интегрировались в дуальную организацию.[469] Последние значительные вкрапления иноэтнических элементов в кыргызский этнос происходили во второй половине XVII - первой половине XVIII в., когда значительная часть кыргызских племен под натиском Джунгарского ханства временно откочевала в Ферганскую долину, на Каратегин, Бадахшан и Памир. Эти события привели к вхождению в состав кыргызской народности небольших групп узбеков, таджиков и калмаков.[470]

В середине XVIII в., после разгрома Джунгарского ханства и возвращения северокыргызских родоплеменных объединений на свою исконную территорию, практически прекратились крупные миграции кыргызских племен. К этому времени окончательно сформировалась этнополитическая организация кыргызской народности, укрепилось ее этническое самосознание, определился устойчивый хозяйственно- культурный тип, сложилось фольклорное выражение историко-культурного единства кыргызских племен, и утвердилась новая религиозная идеология.

Как показывают рассмотренные в этой главе материалы исторических источников, в процессе освоения вновь обретенной территории, дуальная этнополитическая организация кыргызских племен под влиянием географических факторов постепенно из военно-политической структуры превращается в территориально-политическую структуру.

[468] История Киргизской ССР. С. 452.
[469] Там же. С. 451.
[470] Там же. С. 452.

Примечательно, что основной костяк этих двух территориальных объединений Кыргыз и Отуз-Уул составляли племена трех крупных подразделений прежнего Правого крыла – Тагай, Отуз-Уул и Ичкилик. При этом значительная часть племен Левого крыла вошла в состав северной ветви, тогда как некоторые из них – басыз, багыш, мундуз, а также отдельные роды племен кушчу, саруу и кытай в результате миграций оказались среди южной ветви. В результате, по крайней мере, уже в середине XVIII века среди племен обеих ветвей сформировалась четко выраженная региональная идентификация, что была зафиксировано в упомянутом китайском источнике «*Си юйчжи*».

Следовательно, истоки современного регионализма в Кыргызстане, хотя и восходят своими корнями к периоду формирования дуальной организации, они, никоим образом, не являются результатом разделения кыргызских племен на Правое и Левое крыло. Наоборот, региональная идентификация сформировалась только тогда, когда в процессе освоения новой этнической территории и постоянных миграций к двум основным подразделениям Правого крыла на юге присоединилась часть племен Левого крыла.

Постепенно из-за географической удаленности севера и юга, разделенных высокими горами Тянь-Шаня, и отсутствия постоянных экономических и культурных связей между ними появились локальные особенности в хозяйственно-культурной жизни двух регионов. В ходе этого процесса дуальная военно-политическая организация трансформировалась в территориально-политическую структуру и практически перестала отвечать прежним генеалогическим канонам, закрепленным еще в «Маджму ат-Таварих».

После этого традиционная этнополитическая структура Правого крыла и Левого крыла превратилась в абстрактный фантом, который со временем стал непонятной головоломкой не только для знатоков генеалогии, но и многих поколений ученых-этнографов, специализирующихся по этнической истории кыргызского народа.[471]

Она приобрела еще более запутанную форму, когда группировка Ичкилик со временем фактически отпочковалась от Правого крыла и некоторыми знатоками генеалогии стала рассматриваться как самостоятельная структура в составе этнополитической организации кыргызского народа. В этой связи представляют определенный интерес сведения Н.Ф. Ситняковского, который

[471] Левшин И. Описание. Ч. 1; Radloff W. Observations sur les Kirghis; Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах; Аристов Н.А. Опыт выяснения; Ситняковский Н.Ф, Перечисление некоторых родов киргиз; Петров К.И. Очерк происхождения киргизского народа; Абрамзон С.М. Киргизы.

в начале XX века зафиксировал разделение подразделения Ичкилик на Правое крыло и Левое крыло. Это показывает, что дуальная военно-политическая организация иногда создавалась и внутри крупных родоплеменных подразделений, когда в результате центробежных тенденций и этнического сепаратизма они претендовали на самостоятельность.

Именно обособление группировки Ичкилик давало повод некоторым исследователям утверждать о триадном характере этнополитической организации кыргызского народа, что абсолютно не соответствует действительности.

Исходя из всего вышеизложенного, можно отметить, что в рассматриваемый период кыргызский народ имел все характерные черты, присущие такой крупной этничности, как народ. Согласно современной теории этноса, под понятием «*народ*» в смысле этнической общности понимается группа людей, члены которой имеют общее название и общие элементы культуры, обладают мифом об общем происхождении и общей исторической памятью, могут ассоциировать себя с определенной географической территорией, а также демонстрировать чувство групповой солидарности.[472]

Важнейшим элементом дуальной этнополитической структуры кыргызского народа является своеобразная система военной организации, истоки которой восходят к традициям древних кочевников Центральной Азии.

2.2. Военная организация кыргызов Тянь-Шаня в XVI-XVIII вв.

Несмотря на наличие значительного количества исследований по древней и средневековой истории кыргызского народа, вопрос о военной организации кыргызов на Тянь-Шане в XVI-XVIII веках в историографии Кыргызстана остается практически неизученным. Это связано, прежде всего, с недостаточной разработанностью источников по истории кыргызского народа указанного периода, где содержатся отрывочные, но весьма ценные сообщения по рассматриваемой проблематике. Сопоставительный анализ этих новых сообщений источников с данными кыргызского фольклора позволяет воссоздать не только целостную картину военной организации кыргызов указанного периода, но и выявить общие элементы их военно-административной системы с военной традицией древних и средневековых кочевников Центральной Азии.

По заключению авторитетных исследователей по военной истории

[472] Weber M. Essays in Sociology. P.171-179; Deutch K. Nationalism and Social Communication. P.96-104; Тишков В.А. Этнология и политика. С.229-230

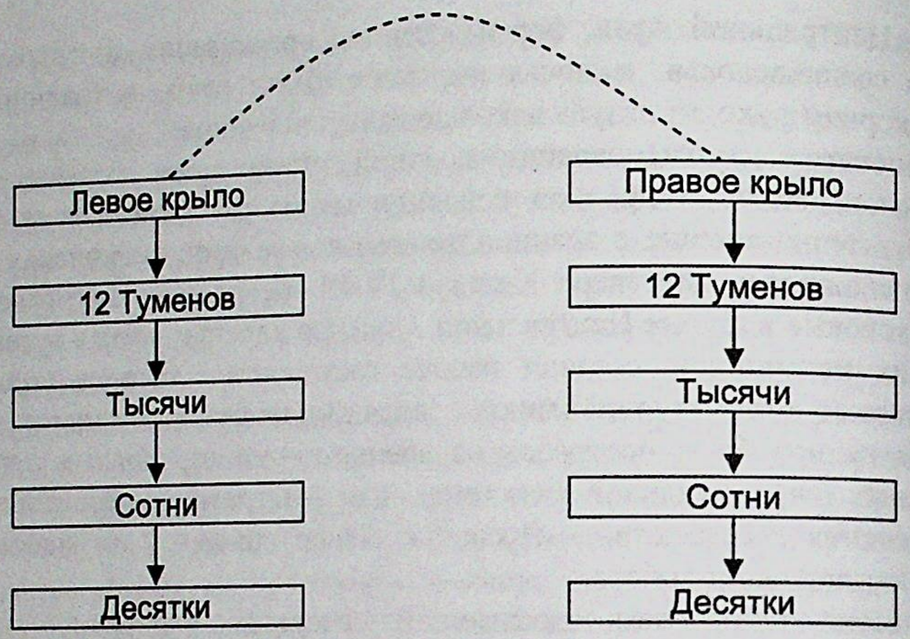
народов Центральной Азии, формы военной организации кочевых народов периода средневековья, включая кыргызов, были глубоко традиционны и своими корнями уходят вглубь веков до империи гуннов.[473]

Следовательно, становление военной организации кочевых племен Центральной Азии – предков современных тюрко-монгольских народов Евразии – тесно связано с возникновением конфедерации гуннских племен, которая сложилась на севере Китая в IV-III вв. до н.э. Примерно в этот период кочевые племена Центральной Азии, по характеристике аутентичных китайских источников, создали раннее государство, которое управлялось иерархически структурированной военно-племенной аристократией.[474] Империя гуннов была построена на военно-административных принципах, основанных на дуальной системе административно-территориального распределения государства - Правое и Левое крылья и на «десятичной» системе организации войска.[475]

Согласно принципам «десятичной» системы, внедренной шаньюем Моде, вся армия гуннов делилась на воинские подразделения в 10, 100,1000 и 10 000 человек. Некоторые исследователи считают, что данная система существовала у гуннов еще раньше, однако именно Моде распространил ее на всех кочевников, включенных в состав двух крыльев империи.[476] Высшими после шаньюя лицами в государстве были «левый» и «правый» «мудрые князья», сыновья или ближайшие родственники шаньюя. Они управляли западными и восточными территориями империи и одновременно командовали левым и правым крылом армии.[477]

Установление принципа иерархии, основанной на дуальной системе административно-территориального распределения государства и «десятичной» системе организации войска имело в истории военного дела кочевников очень важную роль. По мнению Н.Крадина теперь войско гуннов могло организоваться гораздо быстрее и обладало значительным тактическим преимуществом, нежели неиерархические организованные системы, состоящие из того же количества компонентов.

[473] Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников. С.166-167.
[474] Крадин Н.Н. Империя Хунну. С. 55-59
[475] Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников. С. 49-50.
[476] Крадин Н.Н. Империя Хунну. С. 55-59
[477] Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы. С. 63.

Военно-административная структура и «десятичная» система организации войска гуннов

Жесткая военная структура предполагает строгую дисциплину. Поэтому Моде шаньюй для преодоления сепаратизма племенных вождей ввел строгую военную дисциплину. Основной повинностью всего мужского населения государства была военная служба. Каждый гунн считался воином, и уклонение от исполнения военных обязанностей каралось смертью. Каждый с детства и до смерти был приписан к строго определенному воинскому подразделению и сражался под командованием своего темника.[478] Число темников в государстве гуннов было 24 и соответствовало количеству гуннских племен, каждое из которых должно было выставлять войско в количестве 10 000 человек – тумен.[479] Своего классического воплощения эта военно-политическая структура достигла в VI-IX веках в древнетюркском каганате и государстве енисейских кыргызов и несколько позже, в XIII-XIV вв., в империях Чингисхана и Тамерлана.[480]

[478] Очевидно, эта традиция всеобщей воинской обязанности гуннов продолжалась и в государстве Караханидов. Об этом свидетельствует сведения Махмуда Кашгари о том, что для поддержания военной дисциплины у караханидов существовали специальные регистрационные книги, которые назывались «ай битиги», где записывались имена всех военнообязанных граждан государства. Более подробно об этом см.: Ğenç R. Kaşgarlı Mahmuda Göre XI Yüzyılda Türk Dünyası. S. 101.

[479] Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы. С.63.

[480] Oğel B. Türk kültürünün gelişme çağları. C. 302; Roux Jean-Paul. Histoire des Turcs. P. 93-94; Donuk A. Eski Türk Devletlerinde Idari-Askeri unvan ve terimler; Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов; Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. С. 142.; Скрынникова Т.Д. Структура власти монгольских кочевников. С. 204-218; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы. С. 83-150; Ercilasun A. B. Askerlıkte onlu sisteme türklerin katkıları. S. 151-158; Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С.. История енисейских кыргызов. С. 73-74; Уложение Тимура. С.124.

Для изучения вопросов становления и развития военно-административной организации тюркоязычных народов определенный интерес представляют сведения анонимного исторического труда «Шаджарат ал-атрак», составленного во второй половине XV в. или в начале XVI века на персидском языке.[481] Хотя сведения этого сочинения о военной организации древних тюрков носит легендарный характер, тем не менее, в сопоставлении с данными более ранних источников, они могут быть использованы в качестве дополнительного материала при исследовании военной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье.

Согласно сведениям этого источника, введение дуальной военно-административной системы Правого и Левого крыла приписывается Абулча-хану, сыну легендарного Тюрк-хана, который считается прародителем всех тюркских народов. Причем, в этой легенде Абулча-хану приписывается не только разделение народа и войска на Правое и Левое крыло, но и запрещение подданным переходить из одного крыла в другое. Эта информация позволяет выявить усложняющуюся структуру власти у кочевников Центральной Азии уже в глубокой древности, хотя еще долго она по-прежнему базировалась на принципах родовой организации.

Сопоставительный анализ этого сообщения «Шаджарат ал-атрак» с материалами древнекитайских источников позволяет определить примерные хронологические рамки появления дуальной системы военно-административной организации кочевников Центральной Азии и отнести их к эпохе сложения империи гуннов в III веке до н.э.

По мнению некоторых исследователей, принцип организации войска гуннов и древних тюрков полностью соответствовал дуальной военно-административной системе и, следовательно, в их войсках еще отсутствовал центр.[482] Однако, как показывает сведения анонимного автора, очевидно, в эпоху Тюркского каганата уже существовал центр.

Так, анонимный автор сообщает о развитии и усложнении военной организации древних тюрков в эпоху легендарного Огуз-хана. Согласно этой информации, Огуз-хан собрал и разделил свое войско на семь частей. Первую часть назвал *булджунгар* (караул)[483] и поставил ее перед всеми, впереди

[481] Более подробные сведения об этом сочинении см.: СМИЗО. С. 202-209.

[482] Doerfer G. Türkische und Mongolische elemente im Neupersischen. P. 85.

[483] В сочинении тимуридской эпохи « Матла ас-садайн ва маджма ал-бахрайн» Абд ар-Раззака Самарканди это подразделение в армии Тимура называется *караул-и кол*. См.: МИКК. С.167.

войска; вторую часть он назвал *бурунгар*[484] (ираул)[485] и поставил ее вслед за булджунгаром; третью часть, называемую еще со времен Абулча-хана *онгар* (онг-кол),[486] поставил по правую руку войска; четвертую часть, которую Абулча-хан называл *джунгар* (сол-кол),[487] поставил по левую руку войска; пятую часть, которая есть главное войско, он поместил в центр и назвал ее *гол* (йасав);[488] шестую часть назвал *укджунгар* (чангдаул)[489] и поставил ее за голом; седьмую он назвал *бостонгар* (бухтарма)[490] и определил ей место после укджунгара.

Хронологические рамки этой усовершенствованной системы построения войска могут быть соотнесены с эпохой древнетюркских государств. По заключению специалиста по военной истории кочевников Азии Ю.С. Худякова, уже во время правления Капаган-кагана в Восточнотюркском каганате в 691-716гг. тюркское войско было поделено на два крыла и центр.[491]

Таким образом, введение нового подразделения войска - центр (*гол* или *йасав*) в дополнение существующим еще со времен гуннов правого и левого крыльев, которое анонимным автором приписывается легендарному предку тюрков Огуз-хану, имело место именно в древнетюркский период. Представляется, что подобное дальнейшее совершенствование военной системы позволило древним тюркам создать одну из наиболее эффективных форм государственного управления в истории Центральной Азии, которая стала ключевым элементом тюркской цивилизации.

В эпоху Чингис-хана основа этой военно-административной системы практически не изменилась, и Монгольский улус также разделялся на три

[484] В древнетюркском языке *бурун* означает «передняя часть». См.: Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. С. 376.
[485] В эпосе «Манас» встречается термин *эроол*, который является названием одной из передовых групп войска. См.: Манас. Биринчи болук. 1-китеп. С. 96. Очевидно, под этим термином подразумевается подразделение *кайгуул*, о чем пойдет речь ниже.
[486] На чигильском диалекте древнетюркского языка *он* имеет значение «правый». См.: Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. С. 80.; В сочинении тимуридской эпохи «Зафар наме» Низам ад-Дина Шами это подразделение в армии Тимура называется *бараунгар*. См.: МИКК.107.
[487] В древнетюркском языке *сол* означает « левый». См.: Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. С.840.
[488] В армии Чингис-хана и Тимура это подразделение также называлось *кол*. См.: Doerfer G. Türkische und Mongolische elemente im Neupersischen. P. 89-91; МИКК. С.104,167.
[489] Насколько известно, это подразделение под названием *чагдаул* впервые появляется в армии Чингис-хана и оно действительно располагалось вслед за *гол (йасав)*. См.: Doerfer G. Türkische und Mongolische elemente im Neupersischen. P. 89.
[490] В армии Чингис-хана это подразделение называется *гежиге* и располагалось вслед за *чагдаулом* См.: Doerfer G. Türkische und Mongolische elemente im Neupersischen. P. 89. В армии Тимура это подразделение называлось *бакаул*. См.: МИКК. С. 155.
[491] Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников. С. 164.

части: центр (*кол*), правое крыло (*барунгар*) и левое крыло (*джунгар*). Однако в построении войска наблюдается значительные изменения, направленные на обеспечение безопасности войска с помощью особых дозорных и фланговых подразделений, которые в совокупности назывались *курен*.[492]

Полководческий гений Чингис-хана заключался в том, что он довел «десятичную» систему военной организации до совершенства и путем перемешивания представителей различных племен и родов в рамках этой структуры, повсеместно создал новые административно-военные единицы.[493] Эта мера существенно ограничила влияние племенных вождей. В результате, на основе отдельных устойчивых военных подразделений, созданных по принципу «десятичной» системы появились племена *хазара* или *минг* (тысяча), *юз* (сотня), *кырк* (сорок). По сведениям достоверных источников, монгольские воины в десятках, сотнях и тысячах в мирное время работали в хозяйстве как крестьяне.[494] В результате некоторые вновь созданные военно-административные единицы в хозяйстве занимались исключительно определенной профессией и снабжали армию провиантом или оружием. Так на базе подобных военных и административно-хозяйственных единиц впоследствии в Чагатайском улусе возникли новые племена *кушчи* (сокольничие), *окчу* (изготовители стрел), *коничи* (поставщики выделанной кожи), *ахтачи* (конюхи), *итарчи* (чабаны) и.т.д.[495]

Период XVI-первой половины XVIIIвв. является важнейшим этапом самостоятельного политического, социального и этнического развития кыргызской народности, оказавшей огромное влияние на судьбу народа в последующие столетия на его исконно этнической территории.

Рассматриваемый период истории кыргызского народа был заполнен событиями, во многих отношениях связанными с постоянной борьбой против иноземных захватчиков за свою независимость. Это требовало создания эффективной системы военной организации с учетом особенностей политического строя, экономических и социальных отношений общества, а также географических условий Тянь-Шаня.

Источники отмечают существование у кыргызов определенной системы формирования войска, а также своеобразной тактики ведения боя. По сведениям аутентичного китайского источника XVIII века «Сиюй чжи»,

[492] Doerfer G. Türkische und Mongolische elemente im Neupersischen. P. 88-89.
[493] Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников. С. 166.
[494] Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. С. 248.
[495] Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан. С. 194-195; Manz B.F. The rise and rule of Tamerlan. P. 171-172. На семантику этнонима *окчу* в значении «изготовляющие стрелы» впервые обратил внимание С.М.Абрамзон (Более подробно об этом см.: Абрамзон С.М. К семантике киргизских этнонимов. С. 128.).

«...Каждый раз, как неприятель вторгается в (их) границы и готовится сражаться, тотчас собирают соплеменников и назначают предводителей. *Онбаши* (десятский) – глава десяти человек, *жуз-баши* (сотник) – глава сотни человек, *минбек* (тысячник) – глава тысячи человек. Один тысячник командует десятью сотниками, один сотник руководит десятью десятниками, один десятник командует десятью подчиненными».[496] Это сообщение достоверного источника подтверждается материалами эпоса «Манас», где упоминается *он башы*(десятник), *элуу башы*(пятидесятник), *жуз башы*(сотник) и *мин башы*(тысячник).[497]

Как видно из вышеизложенного сведения источника, кыргызское войско носило характер народного ополчения и собиралось только в случае чрезвычайных ситуаций, а также комплектовалось по традиционной «десятичной» системе военной организации кочевников Центральной Азии. Это подтверждается сведениями другого китайского источника цинской эпохи «Сиюй вэньцзянь лу» («Записки о западных землях»), согласно которому количество стрелков у кыргызов доходило до 100 тысяч человек.[498] Разумеется, такого количество войско можно было собрать только в случае острой необходимости по принципу мобилизации народного ополчения.

Насколько позволяют судить материалы эпоса «Манас», боевой строй кыргызского войска, как у древних тюрков и монголов предполагал расположение основных военных подразделений в центре, на правом и левом флангах. Такое деление было в определенной степени связано с подразделением киргизских родоплеменных объединений на два «крыла» и отражало политическую структуру общества. Военные отряды внутри этих трех подразделений комплектовались по принципу родоплеменного деления, а затем распределялись по десяткам, сотням, тысячам и десяткам тысяч (туменам).

Немаловажный интерес представляет сообщение источников о военных чинах и об их функциях у кыргызов. Так, в китайском источнике XVIII века о военном деле кыргызов говорится: «Их метод расстановки войска примерно следующий: ведающий боевым порядком *кара-дугуань*[499] выстраивает войско и слушает приказы полководца. Что касается заготовки провианта и фуража,

[496] «Си юй чжи». Книга 3. С. 2-3.
[497] Манас. Биринчи болук. 1-китеп. С. 44.
[498] «Сиюй вэньцзянь лу». Цз.4. С.7. Цитированные здесь фрагменты китайской рукописи «Сиюй вэньцзянь лу», составленной во второй половине XVIIIв. перевела на русский язык и любезно предоставила в мое распоряжение покойная Г.П. Супруненко.
[499] Термин *дугуанъ* соответствует термину *туйгун* в современном кыргызском языке, который употребляется как положительный эпитет богатыря, молодца. Оно зафиксировано уже в древнетюркских рунических надписях в сочетании «туйгун элтебер» и означало высокое достоинство личности. См.: Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III, ч. 2. С. 1424.

то этим делом ведает *шанбек*.[500] Надзор за беглыми и праздно живущими, распускающими злостные слухи и затевающими беспорядки, осуществляют *кара-казы*[501] и *бача-шабу*.[502] В ведении полководца - позиция войска и отдача приказа в важных случаях. Обязанность *сопи*[503] слушать его распоряжения и передавать приказы. *Сопи* – это то же, что у уйгуров чин шивея (офицер). Такова основа их (кыргызов) расстановки войска».[504]

Как видно из вышеизложенного сведения источника, войско кыргызов было построено в соответствии с принципами иерархической системы, где воеводы всех подразделений подчинялись приказам главнокомандующего армией. Приказы передавались нижестоящим командирам через специальных посыльных, которые назывались, *сопи*. Как и в армии монголов эпохи Чингис-хана, у кыргызов имелись специальные подразделения по обеспечению войска провиантом и фуражом, вероятно, также, обмундированием и амуницией, командиры которых назывались *шанбек*.[505] Как будет показано ниже, эти подразделения тылового обеспечения в эпосе «Манас» называются *оорук*. Для поддержания дисциплины и предотвращения паники в боевых условиях действовали полевые армейские трибуналы, состоящие из так называемых офицеров *кара-казы* и *бача-шабу*, которые строго наказывали паникеров и дезертиров.

Судя по сообщениям источников, тактика ведения боя кыргызского войска была построена таким образом, чтобы максимально использовать преимущества характерной для территории Кыргызстана горной местности. В сочинении османского автора XVI века Сейфи Челеби о военной тактике кыргызов говорится следующее: «Если какой-нибудь царь поведет на них войско, то они отправляют свои семьи в глубь гор, а сами занимают проходы,

[500] В современном киргизском языке слово *шан* означает величие, важность. В ярлыках Тохтамыша встречается титул «*шанлыг киши*» в значении чиновник. См.: *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV, ч. 1. С. 949.
[501] *Казы* – от арабского *казий* (судья, который руководствовался шариатом - мусульманским правом). Именно в этом значении сохранилось слово казы в киргизском языке. См.: *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. С. 317.
[502] *Бача* в киргизском языке встречается в сочетании *молдо бача* в смысле ученик медресе и начальной школы. Слово *шабу (шабы)* в киргизском языке не сохранилось, очевидно, оно было заимствовано у уйгуров. В уйгурском языке *шабы* означает ученик, словосочетание *бача-шабу*, очевидно, подразумевает помощника и ученика *казы*. См.: Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV, ч. 1. С. 988.
[503] Термин *сопи* происходит от арабского слова *суфий* и в киргизский язык вошел в форме *сопу* и означает набожного, смиренного человека. Памирские киргизы употребляют слово *супе* в значении - человек, пользующийся авторитетом и имеющий власть в своей среде. См.: Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. С. 655, 664.
[504] «Си юй чжи». Книга 3. С. 2-3.
[505] В монгольской армии состояли особые чины по хозяйственной части, которые назывались *черби* (в кыргызском языке – *чарба*).

чтобы никто не прошел... Вслед за тем они производят нападение и разбивают врагов».[506] Это сообщение Сейфи подтверждается сведениями вышеупомянутого китайского источника «Сиюй чжи» о военной тактике кыргызов: «Посадят в засаду людей в удобном месте и посылают понемногу солдат на перехват... Или же заманивают в узкую горную долину, а как только враг пройдет, атакуют наподобие облавной охоты». Эти сообщения независимых друг от друга аутентичных источников также полностью согласуются сведениями первого кыргызского историка Белека Солтоноева, автора «Кыргыз тарыхы», составленной в конце XIX - начале XX вв. Опираясь на сообщения знатоков истории, по этому поводу Б.Солтоноев пишет, что кыргызы при вторжении захватчиков в свои владения обычно устраивали засаду и внезапным, молниеносным нападением из-за укрытия уничтожали врагов.[507]

Таким образом, во время боя кыргызы широко использовали тактику засады (*буктурма*) в сочетании с методами ведения облавной охоты, которая, как известно, еще со времен гуннов, древних тюрков и монголов была не только забавой и источником пополнения продовольствия, но и имела значение маневров для войска. Как передает персидский историк XIII в. А. Джувейни, значение облавной охоты в приобретении боевых навыков у монголов говорил и сам Чингис-хан: «Когда нет войны с врагами, пусть предаются делу лова - учат сыновей, как гнать диких животных, чтобы они в бою обретали силу и выносливость и затем бросались на врага, как на диких животных, не щадя себя».[508] По материалам эпоса «Манас», у кыргызов помимо охоты большое значение для военных учений имела национальная игра в альчики - ордо, во время которой игроки соревновались, кто быстрее уничтожит ханскую ставку соперника.[509]

Насколько позволяют судить материалы эпоса «Манас» и отложившиеся в кыргызском языке военные термины, во время похода войска (*кошуун* или *кол*)[510] соблюдался определенный порядок. Впереди походной колонны шла разведывательная группа (*чалгын*). В военном деле кыргызов исключительное значение придавалось разведке, которая постоянно осуществлялась как в мирное, так и в военное время. В группу разведки отбирались наиболее

[506] Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. С. 97; Его же. Киргизы. С. 517; Султанов Т. И. Краткое описание сочинения Сейфи. С. 49.
[507] Солтоноев Б. Кыргыз тарыхы. С.17.
[508] Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. С. 247-248.
[509] Манас. Биринчи болук, 2-китеп. С.134-135. Более подробно о роли игры *ордо* в военном искусстве кыргызского народа см.: Солтоноев Б. Кыргыз тарыхы. С.13-15.
[510] По определению В.В.Бартольда, слово *кошун* вошло в тюркские языки из монгольского языка. В XV веке в Моголистане *кошуном* назывался отряд в 1000 человек, а в армии Тимура *кошун* состоял всего от 50 до 100 воинов.

храбрые и бесстрашные воины. При этом предпочтение отдавалось, как правило, тем лицам, которые знали языки противника и обладали достаточной информацией о вражеской стране. Так, перед Великим походом в Бейджин Манас определил группу разведки (*чалгын*) в составе двух человек – Алманбета, выходца из страны калмаков и Сыргака. Только после серьезного скандала, разразившегося между Алманбетом и Чубаком, который оскорбился за то, что остался за бортом группы разведки, Манас был вынужден включить его третьим членом этой отборной группы.[511] Бойцам группы разведки представлялись самые выносливые лошади, и выдавалось лучшее вооружение и обмундирование, включая личное оружие и лошадей Манаса и Семетея.

Вслед за группой разведки шел дозорный отряд (*кайгуул*), в обязанности которого входило осуществление разведки боем и заманивание врага в ловушку.[512] Впереди главных сил шла сторожевая охрана (*кароол*),[513] которая одновременно выполняла функцию авангарда.[514] Походную колонну замыкал арьергард (*оорук*), где, кроме обоза, находились раненые и персонал тылового обеспечения.[515] Как известно, еще в эпоху Чингис-хана в монгольском войске была создана интендантская служба и учреждена новая должность – *черби* или армейских интендантов, которые занимались обеспечением войска провиантом, обмундированием и оружием.[516] В оборонительном бою кыргызов важная роль отводилась организации засады *(буктурма*), что подтверждаются вышеприведенными сведениями китайского источника.

Командующие всех этих военных подразделений подчинялись приказам и указаниям *жолбашчы*, главная обязанность которого составляла разведка противника в мирное и военное время. Кроме того, *жолбашчы* при походных условиях войск должны были исполнять обязанности колонновожатых, которые определяли пути движения и места стоянок войск. Функциональные обязанности *жолбашчы* примерно соответствуют обязанностям вышеупомянуто-

[511] Манас. Биринчи болук, 2-китеп. С. 132-134.
[512] Манас. Биринчи болук, 1-китеп. С. 294-295. О расположении группы *кайгуул* вслед за группой *чалгын* в эпосе «Манас» говорится следующее: «Алдына салып *чалгынды*, артынан коюп *кайгуулду*» (Впереди послал разведку, а вслед за ней отправил дозорную группу). См.: Семетей. Манас эпосунун экинчи болугу. С. 267. В условиях оборонной войны, группа *кайгуул* выполняла роль разведывательно-истребительного отряда на достаточно удаленном от основных сил войска расстоянии. См.: Солтоноев Б. Кыргыз тарыхы. С.18.
[513] В армии Тимура это подразделение также называлось *караул*. См.: МИКК. С. 124.
[514] Манас. Биринчи болук, 2-китеп. С.132-134. Как явствует из соответствующего текста эпоса, иногда группа сторожевой охраны *(кароол)* пыталась выполнять обязанности дозорного отряда (*кайгуул*).
[515] Манас. Биринчи болук, 2-китеп. С. 154. В армии Тимура это подразделение также называлось *огрук*. См.: МИКК. С. 109,157.
[516] Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников. С. 156.

го *кара-дугуана* – начальника штаба современного войска. Как показывают сведения источников, в армии Чингис-хана аналогичные обязанности выполняли высшие войсковые начальники, которые назывались *юртаджи*.

Такая достаточно развитая и отлаженная система военной организации с использованием наиболее рациональных тактических приемов ведения оборонительного боя в условиях горной местности позволяла кыргызам успешно отражать нападения внешних врагов и сохранить свою независимость в течение столетий. Поэтому составители «Сиюй вэньцзянь лу» следующим образом характеризуют воинственный дух кыргызов: «…с дробовиком и деревянной пикой мчатся по ровной степи, внезапно нападают и храбро идут вперед… даже джунгары во времена своего могущества не могли подчинить их».[517]

Согласно материалам эпоса «Манас», крупные войсковые подразделения кыргызов были посажены на лошадей различных мастей,[518] что находит параллели в организации гвардейской «тысячи багадуров» Чингис-хана, которая имела лошадей вороной масти.[519] Очевидно, такой порядок построения военных подразделений облегчал управление войском в боевых условиях, ибо масти лошадей служили отличным опознавательным знаком для полководца и командующих флангами.

Резюмируя все вышеизложенное можно отметить, что военная организация кыргызов в XVI-XVIII веках развивалась на собственной основе и явилась результатом развития общественных и политических отношений Центральной Азии монгольского периода XII-XV веков. Но ее форма, в отличие от содержания, была традиционной, т.е. существовала в виде институтов, уже «изобретенных» и апробированных в кочевых империях гуннов, древних тюрков, енисейских кыргызов и монголов. Основными элементами этих общих традиционных институтов являются два «крыла» – правое (барунгар или онг); левое (джунгар или сол); и центр (ясав или кол), а также «десятичная» система военно-административной организации общества и войска.

Кроме этого, как показывает сопоставительный анализ сведений «Шаджарат ал-атрак» с материалами эпоса «Манас», и в построении походного строя войска древних тюрков и кыргызов имеются общие элементы, к числу которых можно отнести названия таких военных подразделений, как кароол, эроол, буктурма и кол. Все это свидетельствует о преемственности политической культуры кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековья, что было обусловлено общностью истории и культуры этих народов.

Именно благодаря эффективности дуальной этнополитической структуры и специфической военной организации, кыргызский народ выдержал те трудные испытания, которые выпали на его долю в последующие столетия после обретения своей этнической территории в горах Ала-Тоо.

2.3. Расселение кыргызских племен в XVI-перв.пол. XVIII вв.

Проблема территориальной локализации кыргызских племен в XVII-первой половине XVIII вв. остается недостаточно разработанной в исторической литературе. Одной из причин слабой изученности этой проблемы является фрагментарность известий о кыргызах, имеющихся в средневековых письменных источниках. Ниже мы попытаемся систематизировать доступные нам сведения восточных и европейских источников XVI-XIXвв. по этому вопросу и на основе сопоставительного анализа сообщений авторов этих сочинений с материалами кыргызской народной этногонии дать более полную картину расселения кыргызских племен в рассматриваемый период.

При изучении настоящей проблемы наибольшую ценность представляет сочинение Мухаммеда Хайдара «Тарих-и Рашиди», написанное им в середине XVI в. после своего отъезда из Кашгарии в Индию. В этом источнике имеются важные сведения о проживании кыргызов в различных районах северо-восточной части Средней Азии и в соседних областях в конце XV-первой половине XVI вв. В частности, Мухаммед Хайдар упоминает кыргызов в связи с событиями, происшедшими на Иссык-Куле, в Кочкоре, Джумгале, Ат-Баши, Ак-Сае, Чалыше и Турфане, а также рассказывает об их набегах на города Туркестан, Сайрам, Андижан и Аксу. По его словам, уже в 916/1510 г. никто из моголов не мог оставаться в Моголистане (современный Кыргызстан и Юго-Восточный Казахстан) из-за кыргызов.[520]

Все эти сведения в целом хорошо согласуются и подтверждаются сообщениями как современников Мухаммед Хайдара, так и более поздних авторов. В этом отношении немаловажный интерес представляет карта

---

[517] «Сиюй вэньцзянь лу». Цз. 4. С.7.

[518] Манас. Биринчи болук, 2-китеп. С. 171; Манас. Айтуучу: Жусуп Мамай. С. 132. Впервые на это обратил внимание известный этнограф С.М. Абрамзон, который, опираясь на материалы эпоса «Манас» высказал предположение, что отдельные части кыргызского войска, представленные определенными родовыми подразделениями, различались и по мастям лошади. (Более подробно об этом см.: Абрамзон С.М. К семантике киргизских этнонимов. С. 128.).

[519] По сообщениям источников, традиция формирования крупных военных группировок, исходя из масти лошадей, также восходит к эпохе гуннов, согласно которым во время далеких южных походов в армии Моде шаньюя было четыре конных корпуса, различавшихся цветом масти лошадей. См.: Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников. С. 50.

[520] Бартольд В.В.. Киргизы. С. 512-517; МИКХ. С. 211, 213, 215-517, 220, 228-231; The Tarikh-I-Rashidi. P.125, 148, 254,339, 349-351, 358, 367.

английского путешественника А. Дженкинсона, которая впервые была издана в 1562г. Если путешествие А. Дженкинсона в 1557-58 гг. не принесло для географии Тянь-Шаня новых открытий,[521] то в составленной им карте содержится ряд новых данных о расселении кыргызов в середине XVIв.

А. Дженкинсон в своей карте, озаглавленной «Описание России, Московии и Татарии», указывает северные, западные и южные границы территории расселения кыргызских племен, которые они занимали во время его путешествия, т.е. в середине XVIв. К сожалению, восточные пределы кыргызской территории оказались вне рамок карты. Как видно из этой карты, южные границы расселения кыргызов простирались почти до самого города Кашгара (Каскар), а западные пределы вплотную соприкасались с городом Андижан (Андеген). На севере пределы кыргызских земель соприкасаются с южными границами территории казахов (кассаки). Между прочим, на этих северных границах кыргызов А. Дженкинсон поместил картину, где на больших деревьях висят человеческие трупы, а перед ними несколько человек стоят на коленях с протянутыми руками в сторону трупов. Под этим изображением приводится интересная легенда о том, что кыргызы являются язычниками, и они оставляют трупы умерших на ветках высоких деревьев.[522]

В связи с этим следует отметить сообщения турецкого автора Сейфи, писавшего в 1582 г. о том, что у кыргызов трупы умерших клались в гробах на ветви высоких деревьев.[523] Хотя Сейфи также имел в виду кыргызов, проживавших в это время в горах Тянь-Шаня, В.В. Бартольд считал, что это сведения, вероятно, заимствованы из более ранних письменных известий об енисейских кыргызах.[524] Поэтому мы считаем, что совпадение сообщений двух независимых друг от друга авторов, очевидно, не случайно. Скорее всего, этот позже исчезнувший похоронный обряд свидетельствует о том, что определенная часть кыргызских племен и после переселения из Алтая на Тянь-Шань продолжали придерживаться некоторых несвойственных мусульманскому населению региона доисламских традиций, что было заметно для посторонних наблюдателей.

Вышеприведенные данные о расселении кыргызов, содержащиеся в трудах Мухаммеда Хайдара, Дженкинсона и Сейфи, подтверждаются и дополняются также сообщениями ряда агиографических сочинений XVI-XVII вв.

---

[521] Умурзаков С.У. Очерки. С. 77.
[522] Early Voyages. Vol. I. P. 131.
[523] Бартольд В.В.. Киргизы. С. 517.
[524] Бартольд В.В.. Киргизы. С. 517. Насколько известно, такого обычая позже у кыргызов не существовало, тогда как в начале XIX в. русский путешественник Филипп Назаров своими глазами видел, как казахи трупы своих умерших родственников вешали зимой «на деревьях, обвив войлоками и бязами» (Более подробно об этом см.:Назаров Ф. Записки. С.23).

Так, по сведениям «Зийа ал-кулуб», «Джалис-и муштакин» и «Рафик ат талибин» в начале последнего десятилетия XVI в. кыргызы занимали территорию, расположенную между Чалышем и Таласом с юга на север и между Турфаном и Сарыколом с Востока на Запад.[525]

Все эти сведения источников имеют важное значение для выяснения вопроса о продвижении кыргызов в юго-западные районы Средней Азии, который, в силу скудости и противоречивости сведений источников, до сих пор остается неясным. По этой проблеме в настоящее время среди исследователей существуют самые различные точки зрения, среди которых можно выделить следующее три основные направления.

- Кыргызы появились на Памире и прилегающих к нему районах уже в IX-X вв.[526]
- Переселение кыргызов на Памир, Каратегин и Гиссар связано с агрессией калмакских феодалов на Тянь-Шань в начале XVIIв.[527]
- Передвижение кыргызов в направлении горных районов Памиро-Алая было вызвано давлением калмаков в XVIII в.[528]

Не вдаваясь в подробный анализ первого взгляда, который еще остается спорным, перейдем к рассмотрению двух последних. На наш взгляд, оба эти мнения ошибочны потому, что они в равной степени рассматривают данное передвижение кыргызов как одноэтапный процесс.

Одно из самых ранних упоминаний о проживании кыргызов в Каратегине содержится в двух списках агиографического сочинения «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф», написанном во второй половине XVI в. В описании похода Абд ал-Латиф-султана, сына Абд-ар-Рашид-хана против кыргызов, который состоялся, приблизительно между 959 г.х./1551-52 и 963 г.х./1555-56 гг.[529] сообщается: «В то время в Кашгаре тора был Абд ал-Латиф-султан, сын Абд ар-Рашид-хана. Кыргызы тогда были в Каратегине. Они даже издали не видели города».[530]

Принимая во внимание вышеприведенные сведения источников о расселении кыргызов в середине XVI в., согласно которым кыргызы в то время полностью занимали всю Алайскую долину, мы допускаем возможность проживания кыргызов в Каратегине уже в 1551-1556 гг., как об этом сообщает автор «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф».

---

[525] МИКК. С. 177-199; Зийа ал-кулуб; Джались и-муштакин; Рафик ат-Талибин.
[526] Бернштам А.Н. О появлении киргизов; Маанаев Э. К вопросу о переселении киргизов.
[527] История Киргизской ССР. Т. I. С. 298.
[528] Dor R. Contribution ã l`étude des Kirghiz. P. 72-73.
[529] Акимушкин О.Ф. К вопросу. С. 240.
[530] МИКХ. С. 236; Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф С 582. Л. 146б-147б; Д 371. Л. 191а-192а.

Более достоверное известие, связывающее кыргызов с Каратегином, встречается в «Абдалла-наме» («Шараф наме-йи шахи») Хафиз-и Таныша. В нем сообщается, что в 983 г.х. (около 1575 г.) кыргызские войска, двинувшись со стороны Каратегина, вторглись в Гиссар и до Дехнау и вернулись к себе той же дорогой, по которой пришли.[531]

В свете вышеприведенных сообщений источников этот факт можно рассматривать как подтверждение того, что к началу последней четверти XVI в. значительная часть кыргызских племен прочно утвердившись в районе Алая и Каратегина, начала постепенно продвигаться дальше на запад в сторону Гиссара и Куляба. К сожалению, отсутствие других известий источников не позволяет выяснить причины и последовательность этого передвижения.

Во всяком случае, по сведениям Махмуда ибн Вали, уже в первой четверти XVII в. западные границы кочевий кыргызских племен доходили до Куляба, откуда они совершали набеги на жителей оседлых районов Кулябского (Хутталанского) вилайета. Эти сообщения балхский историк излагает в связи с началом политической деятельности одного из сыновей Надир-Мухаммад-хана Абд ал-Азиз-султана, которому отец пожаловал титул правителя Хутталанского вилайета. По словам автора, аталыком этого султана хан назначил Абд ар-Рахман Уйшуна и отправил их в Хутталан для исполнения своих обязанностей. После прибытия нового правителя жители вилайета пришли к нему с жалобой на кыргызов. «Несколько лет раньше, - пишет Махмуд ибн Вали, - жителям и подданным тех пределов был причинен ущерб со стороны племени (улус) кыргызов. Однако до этого времени возмещение того ущерба было отложено, и теперь у них появился повод для мщения. (Поэтому) о дерзости того злосчастного племени (кыргызов), которые в это время проживали в недоступных теснинах и ущельях, простирающихся от тех пределов (Хутталана) до Кашгара, довели до слуха августейшего (Абд ал-Азиз-султана)».[532] Далее рассказывается, что, услышав эту жалобу, султан тотчас же принял решение лично отправиться для наказания кыргызов. Но Абд ар-Рахман аталык попросил его поручить это дело ему, и, получив разрешение, с войском двинулся на кочевья кыргызов. Достигнув стойбища (юртгах) кыргызских племен в местности *Алан*, Абд ар-Рахман аталык учинил жестокую расправу над ними и возвратился с большой добычей и пленными.[533]

В своей «Географии» Махмуд ибн Вали дает более точные данные о расселении кыргызов в южных районах Средней Азии. «Хутталан, - пишет автор, который ныне известен как Кулаб, считается четвертой частью

[531] Салахетдинова М.А. Сведения о киргизах в «Абдулла- наме». С. 180-181.
[532] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 219а.
[533] Там же.

(области Балх). Ягсу, Чахарсу, Кангурт, Даштак, Вашжерд, Дашт-и Кулак, Кала-и Земм и Ясси, почти до Дашт-и Алан являются жилищами и обиталищами киргизских племен».[534]

В этом перечне названий восточных районов Хутталана вызывает интерес топоним *Алан* или *Дашт-и Алан (*буквально «Аланская степь»), под которым автор, очевидно, подразумевает Алайскую долину. В другом месте своего сочинения Махмуд ибн Вали, перечисляя заслуги Абд ар-Рахман аталыка, между прочим, упоминает и этот поход аталыка против кыргызов, причем в этом случае название вышеуказанной местности написано как *Дашт-и Алай*.[535]

Точная дата этого похода балхского войска под начальством Абд ар-Рахман аталыка против кыргызов не приводится и ее можно установить только приблизительно. По сообщению автора, Абд ал-Азиз-султан родился в 1023 г.х., соответствующем году барса,[536] т.е. в 1614 г., а после похода его войск против кыргызов он в качестве правителя Хутталанского вилайета оставался до 1040/1630-31 г.[537] Поэтому есть основание полагать, что указанный поход Абд а-Рахман аталыка против кыргызов *Дашт-и Алая* состоялся где-то в конце 20-х годов XVII в.

В связи с этим небезынтересно отметить, что в эпосе «Манас» в рассказах о переселении кыргызов с Алтая в Среднюю Азию упоминаются следующие районы, которые были заняты вновь прибывшими кыргызами: Сарыкол, Ак-Сай, Тагарма, Алай, Гиссарские горы и горы Кенжута.[538] Согласно, эпическому преданию, основным районом сосредоточения кыргызских племен была Алайская долина, куда был предпринят поход хана царства Маймуна (Меймене) Шоорука для наказания кыргызов, которые беспокоили его подданных и купцов.[539] В свете, вышеприведенных сообщений достоверного источника можно полагать, что в этих преданиях эпоса «Манас» нашли отражение реальные исторические события, происшедшие на юге

[534] Махмуд ибн Вали. Море тайн. С. 28.
[535] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337, л.292а.
[536] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 216а.
[537] Там же. Л.219б.
[538] Манас. Биринчи болук, 1-китеп. С.148. Канджут является названием небольшого княжества в Северо-Западной Индии. В этом отношении представляют большой интерес сообщения индийских путешественников по Восточному Туркестану и Средней Азии в 1812-1813гг. Так, индийский путешественник Мирза в Вахане видел разрушенные кыргызские жилища, оставленные вследствие набегов канджутов. Тот же автор отмечает, что в долине одного из источников реки Пяндж видел жилища канджутов и кыргызов, где они проживали в соседстве друг с другом в летнее время.(Более подробно об этом см.: А.Анваров. Сообщения индийских путешественников Х1Хв. о киргизах. С. 478-479). Следовательно, упоминание в эпосе «Манас» название Канджута не случайно, и оно имеет вполне реальную историческую основу.
[539] Манас. Биринчи болук, 1-китеп. С. 148-164.

Средней Азии в конце XVI - начале XVII вв.

Вторая и наиболее распространенная точка зрение о передвижении кыргызов в направлении Каратегина и Гиссара основана на сообщении В.В. Бартольда о прибытии двенадцати тысяч семей кыргызов в Гиссар через Каратегин в начале 1636г. Данное известие В.В. Бартольд извлек из четвертой части шестого тома "Бахр ал-асрар"[540] и в своих трудах дал только краткий пересказ сообщения Махмуда ибн Вали о приезде большой группы кыргызов в Гиссар. Поэтому в научный обиход не было введено содержащееся в этом источнике сообщение о прежнем местожительстве кыргызов, а проверка пересказа В.В. Бартольда долгое время затруднялась недоступностью источника.

Полный перевод этого места из «Бахр ал-асрар» выглядит следующим образом: «Одним из событий, показывающих могущество силы и величие славы милостивого хакана (Надир Мухаммада) является то, что в раджабе 1045 г.х.[541] двенадцать тысяч семей кыргызов, которые (до этого) обитали в области *Каракорума и Керулена* и проводили жизнь в неверии, в невежестве и в заблуждении, прибыли через Каратегин в окрестности Гиссара (и вступили) под управление счастливого государя. В новолунии шабана вышеуказанного года[542] двенадцать человек из главарей того племени (прибыли) в столицу (Балх), являющуюся куполом ислама в сопровождении Хаджим-аталыка Хитая и удостоились чести приема августейшего. И языком мольбы и беспомощности довели до слуха его величества (Надир-Мухаммед-хана), что когда этих, идущих по пути заблуждения петля государя вывела из бездны невежества на пространство понимания и осознания (веры ислама). Тогда желанием сердца всех стало то, чтобы, не останавливаясь ни на каком месте, со своими семьями и детьми достигнуть покровительства, заботы и милости (хана).

Однако Ташфулад-кушбеги, который от великого хана получил право управления делами Гиссарского вилайета, помешал проходу этих просителей покровительства (хана). Поэтому, остановившись на том месте, с небольшим отрядом из нескольких человек (кыргызы) поспешили на встречу (с государем) для устранения этой преграды, полной хитрости».[543] Далее собщается, что Надир-Мухаммад-хан, выслушав их просьбы и жалобы, одарил упомянутых главарей почетными халатами и наличными деньгами. Затем одного из своих ясаулов отправил в Бухару к Имамкули-хану, чтобы доложить ему просьбу кыргызов о покровительстве. Этот ясаул вернулся в

[540] Barthold V.V. Karategin. P. 806.
[541] 2/XII.1635-9/I, 1636 г.
[542] 10 января 1636 г.
[543] Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 277а.

Балх через 15 дней и принес с собой письменный вердикт от Имамкули-хана, удовлетворяющий просьбу кыргызов и предписывающий своим наместникам не чинить обиду новым пришельцам. Тогда Надир-Мухаммад-хан послал некоего Пай-Мухаммад-ясаула в Гиссар, чтобы он довел до сведения кыргызов и правителя этого вилайета разрешение Имамкули-хана.[544]

В этом сообщении Махмуд ибн Вали самым интересным и в то же время неясным местом является название области, где раньше жили упомянутые двенадцать тысяч семей кыргызов. Автор, который для обозначения соседних районов Бухарского ханства, в своем труде постоянно употребляет такие общеизвестные названия, как Дашт-и Кыпчак, Моголистан, Туркестан, Кашгар, Тибет и т.д. очевидно не случайно называет прежнее местожительство этих кыргызов Каракорумом и Керуленом. Тем более, что, будучи придворным историком Надир-Мухаммад-хана, он мог лично встречаться с теми кыргызами, которые 10 января 1636г. были приняты в Балхе. Поэтому это заслуживающее внимания известие Махмуд ибн Вали требует более подробного анализа.

Прежде всего, следует отметить, что в другом месте своего сочинения после описания успешного похода войск Имамкули-хана против кыргызов и казахов, сообщается, что он достиг местности Юлдуз, где скрывались бежавшие от преследования казахские и кыргызские племена. Далее автор пишет, что теперь благодаря этой победе, границы государства (Аштарханидов) с запада на восток простираются от реки Мургаба до пределов Каракорума и Керулена.[545] В этом случае Махмуд ибн Вали под Каракорумом и Керуленом, естественно, подразумевает всю обширную территорию, лежащую на востоке от Юлдуза. Поэтому трудно предположить, что упомянутые двенадцать тысяч семейств кыргызов прибыли в Гиссар непосредственно из района, лежащего между реками Орхона и Керулена, а, скорее всего, переселились из Джунгарии. Во всяком случае, подчеркивание самого Махмуда ибн Вали о неверии, т.е. язычестве прибывшей в Гиссар большой группы кыргызов, лишний раз подтверждает его сообщение о том, что они переселились откуда-то из глубин Центральной Азии, скорее всего, из Джунгарии.

К сожалению, о дальнейшей судьбе этой группы кыргызов в «Бахр ал-асрар» ничего не сообщается. Только при описании обстоятельства вторжения войск правителя Индии Шах-Джахана в пределы Балхского ханства в середине 1639г. упоминается, что в составе балхского войска, преградившего путь индийцам в районе Кундуза, находился отряд, состоящий из двух тысяч кыргызов и калмаков.[546] Не исключено, что они были из числа тех же кыр-

[544] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 277а.
[545] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 123а.
[546] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 263.

гызов, которые прибыли в Гиссар в начале 1636 г. Также остается неясным вопрос об их оседании в этом оседло-земледельческом районе юга Средней Азии.

Что касается тех кыргызских племен, которые в течение XVII в. принимали активное участие в политических событиях, происходивших в Восточном Туркестане,[547] то по свидетельству источников, их расселение в пределах этой культурной страны сопровождалось частичным оседанием. Так, по сведениям кашгарских авторов уже в 30-х годах XVIIв. началось оседание кыргызов в районах вокруг Кашгара и к югу от него до Янги-Хисара.[548] Безусловно, в процессе этого оседания происходило изменение хозяйственного уклада осевших кыргызов, что постепенно должно было привести к их интеграции с местным оседлым населением и обособлению от своих остальных сородичей, которые по-прежнему продолжали вести кочевой образ жизни.

В связи с этим представляет большой интерес употребление термина *карайанчук* в «Хронике» Шах Махмуда Чураса по отношению к некоторой части кыргызов и калмаков, проживавших в Кашгарском округе.[549] По мнению О.Ф.Акимушкина, Шах Махмуд Чурас под *карайанчуками* подразумевает калмаков и кыргызов вообще в смысле – немоголы.[550] Однако насколько позволяют судить сообщения, относящиеся к *карайанчукам* как в труде самого Махмуда Чураса, так и в «Тарих-и Кашгар», по-видимому, этот термин имел более узкое значение и означал только тех кыргызов, которые в результате смешения с местным населением начали приобретать новый этнический облик. Так, Махмуд Чурас, описывая поход Абдаллах-хана против калмаков, пишет, что в пути в Юлдуз «хан заставил *карайанчуков* заключить между собой договор и соглашение: ежели, один из вас окажется среди врагов, то другие пусть не выступают против него».[551]

Как явствует отсюда, в противоположность калмакам Джунгарии, которых автор называет «врагами», *карайанчуки* являлись подданными могольского государства. Об этом свидетельствует и другой рассказ Махмуда Чураса о наказании Йулбарс-ханом «некоторых главарей из кыргызов и калмаков, их называют *карайанчук*», за то, что они хотели поднять мятеж в Кашгаре и перейти на сторону калмаков Джунгарии.[552] Далее, излагая

[547] Согласно указаниям Шах-Махмуда Чураса и анонимного автора, этими киргизскими племенами были кушчу, чон-багыш, кыпчак, кесек, тоолос, найман и канглы.
[548] Акимушкин О.Ф. Исследование. С. 132.
[549] Хроника. С. 234, 86.
[550] Акимушкин О.Ф. Исследование. С. 135.
[551] Хроника. С. 227, 79.
[552] Там же. С. 234, 86.

подробности неудавшегося мятежа *карайанчуков*, автор пишет, что «некоторые из них не пришли, и, прежде всего, Дуле-бек, который был из отборной части того народа».[553]

Из этого нетрудно заметить, что Махмуд Чурас под *карайанчуками* подразумевает какую-то особую группу людей в Могольском государстве, по происхождению считавшихся кыргызами и калмаками, но отличающихся как от своих прежних сородичей, так и от моголов. Отличие *карайанчуков* от остальных кыргызов видно также из сообщения анонимного автора «Тарих-и Кашгар», согласно которому, когда в конце XVII в. кыргызские племена тоолос, кесек, чон-багыш, кыпчак, кушчу и найман, объединившиеся под главенством Арзу-Мухаммад-бека, сначала захватили Кашгар, а затем перешли к осаде Яркенда, то *карайанчуки* выступили на стороне яркендцев.[554]

Сказанное дает основание утверждать, что в Восточном Туркестане в XVII в. *карайанчуками* называли те группы кыргызского и калмакского происхождения, которые в результате оседания смешались с местным населением этой страны. Как известно и раньше, в XIV в. кочевники восточных областей распавшегося улуса Чагатая своих сородичей, осевших в Мавераннахре, называли *караунасами* по той причине, что они утратили чистоту кочевнических традиций, смешались с местным оседлым населением и стали сбродом людей смешанного происхождения.[555] Исходя из этого, можно предполагать, что термин *карайанчук* является тюркской формой монгольского слова *караунас*, под которым уже в XIII в. подразумевали людей смешанного происхождения.

Так, известный европейский путешественник Марко Поло, характеризуя монголов-некудерийцев, кочевавших в областях Кермана и юго-восточного Хорасана, пишет: «Городов, крепостей тут много. Города обнесены земляными валами, высокими и толстыми, в защиту от караунов, что бродяжничают по здешним местам и грабят все. Зовут их так, потому что у них матери индианки, а отцы татары».[556] Анализируя это сообщение очевидца XIII в., французский востоковед П. Пельо пришел к следующим выводам: Во-первых, отсутствие подобного этнического названия в списке монгольских племен Рашид ад-Дина в самом деле свидетельствует о смешанном происхождение караунасов. Во-вторых, возможно, термин караунас образовался от слова «кара» (караунас – форма множественного числа) для обозначения людей смешанного низкого происхождения. В-третьих, маловероятно, чтобы уже ко времени путешествия Марко Поло могла появиться новая этническая

[553] Хроника. С. 234, 86.
[554] Тарих-и Кашгар С 576. Л. 104аб.
[555] Бартольд В.В.. История культурной жизни. С. 165; Ахмедов Б.А. Государство. С. 59.
[556] Книга Марко Поло. С. 67, 262; Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. С. 290.

общность от смешения монголов с индийцами, скорее всего, упомянутые им караунасы произошли от браков между каракитями и монголами.[557] Настоящая гипотеза П. Пельо, в пользу которой он не привел никаких фактических данных, теперь отвергнута другим современным французским востоковедом Ж.Обеном. В своей специальной работе, посвященной этногенезу караунасов, он на основе сообщений ряда достоверных источников убедительно показал, что ко времени путешествия Марко Поло вполне могла сложиться отдельная этническая группа от смешения монголов с населением северной Индии и Афганистана.[558]

Небезынтересно также отметить, что и в Монголии на рубеже XVI-XVII вв. смешанных с китайцами монголов называли каранут (карнут).[559] А в XVII в. в Тубинской землице, расположенной около страны енисейских киргизов, было зафиксировано племя карнас (карнат), по-видимому, смешанного происхождения от браков между самоедами и тюркоязычными племенами Сибири.[560]

Все эти сообщения о караунасах, карайанчуках, каранутах и карнасах заставляют полагать, что в прошлом среди тюркских и монгольских народов такие названия давались обычно людям смешанного происхождения, причем нередко подчеркивалось их «низкое» происхождение сравнительно с более «чистыми» и более однородными в этническом отношении племенами.

Из этих примеров вытекает и другой немаловажный вывод о том, что слово кара[561] в результате метафорического употребления иногда применялось для обозначения этнических групп смешанного происхождения в смысле «нечистый», «смешанный».

В связи с вопросом о караунасах нелишне упомянуть и некоторые интересные факты, имеющие непосредственное отношение к этнической истории кыргызского народа. Во-первых, в сочинении «Маджму ат-таварих», в котором «название племени или даже города часто употребляется как имя главы племени или владетеля города»,[562] дядя Манаса со стороны отца назван именем Карнас.[563] Во-вторых, небольшую этническую группу с родовым названием каракунас, обнаруженную в составе кыргызского племени джору, С.М. Абрамзон идентифицироваль с караунасами.[564] В-третьих, в составе

[557] Pelliot P. Notes on Marco Polo. P. 183-196
[558] Aubin J. L`Etnogenese.
[559] Hambis L. Documents. P. 234.
[560] Долгих Б.О. Родовой состав. С. 266, 268.
[561] О нецветовых, символических значениях слова *кара* см.:Кононов А.Н. О семантике; Баскаков Н.А. К вопросу.
[562] Тагирджанов Н.А. Введение. С. 32.
[563] Маджму ат-таварих В 667. Л. 56б и далее.
[564] Абрамзон С.М. Киргизы. С. 49. Как отмечает Ж.Обен, в некоторых источниках название

туркменского племени геоклен, проживающего в Иране, были зарегистрированы племенные подразделения с названием геркез, галмак и карнас.[565]

Возвращаясь к вопросу о расселении кыргызских племен, следует отметить, что в результате тяжелой политической обстановки, сложившейся на Тянь-Шане и в Восточном Туркестане во второй половине XVII в., некоторая часть кыргызского народа была вытеснена джунгарскими феодалами с этих территорий в Ферганскую долину. Однако насколько позволяют судить те отрывочные и скудные сведения некоторых источников, а также кыргызских народных преданий, большая часть кыргызского населения оставалась на Тянь-Шане. По свидетельству капитана Унковского, кыргызы (буруты) «кочуют около озера, именуемого Тускель, и с Казачьей ордою граничат». Согласно слухам, услышанным им в Джунгарии, этих бурутов считалось 5000 кибиток и они могли выставить около 3000 войска.[566] На своей карте Унковский бурутов поместил в горных районах к юго-западу от Иссык-Куля, расположенных на истоках реки Чу.[567] Это дает основание полагать, что упомянутая группа кыргызов (бурутов) кочевала на северо-западных склонах Тянь-Шаня.

В этом отношении весьма показательно сообщения кыргызских народных преданий, согласно которым и после того, как Центральный Тянь-Шань и Иссык-Куль были заняты калмаками, кыргызы еще продолжали жить в долинах реки Чу и Таласа. А некоторые предания сообщают, что кыргызы и калмаки долго жили вперемешку (аралаш).[568] Как показывают сведения достоверных источников, часть кыргызов из племени кипчак почти до конца первой половины XVIIв. проживала среди калмаков в долине реки Или, расположенной в самой Джунгарии.[569]

Но все же основная масса кыргызского народа в первой половине XVIIIв. находилась на западных склонах Тянь-Шаня, в горных районах Ферганской долины, Памира и Алая. На карте, составленной китайцами и вывезенной шведским пленным офицером Ренатом в 1733г., кыргызы (буруты) отмечены в Фергане, к югу от Сыр-Дарьи.[570] Этот факт подтверждается достоверными сообщениями, относящимися к 1750 г., которые были собраны П.И. Рычковым. В главе о кыргызах он пишет: «Алатай киргизы народ кочевой и сильной за Ташкентом, от Большой кайсацкой орды расстоянием в пяти и шести

караунас встречается также в форме карагунас. См.: Aubin J. L`Etnogenese. P.67.
[565] Логашова Б.Р. Туркмены Ирана. С. 21, 22.
[566] Посольство к Зюнгарскому хун-тайджи. С.187.
[567] Там же. Приложение.
[568] Абрамзон С.М. Народные предания. С. 71-73.
[569] Салахетдинова М.А. Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари. С.180.
[570] Подробно об этой карте см.: Макшеев А.И. Карта Рената; Baddeley J. Russia, Mongolia, China. Vol.1.

днях, кочуют около городов Ходжента, Намангана и Маргалана в горах каменистых и неприступных. Они именуются Ала-Тау (от кои сей народ и звание имеет) и суть между зенгорского владения и реки Сыр-Дарья, называемой при урочищах Бахалжи и Куркуре, их некоторая часть состоит под зенгорскими калмыками. И збирается их на войну от двадцати до тридцати тысяч человек».[571]

В связи с этим сообщением о проживании кыргызских племен в горных районах Ферганской долины, которые сами кыргызы называли «Андижанскими горами», уместно привести одно народное предание, зафиксированное П.П. Ивановым. В нем сообщается, что предки каракольских кыргызов в весьма отдаленные времена проживали в астраханских степях, откуда также давно переселились в окрестности Андижана. Отсюда будто бы совершался постепенный переход на южные склоны Тянь-Шаня и в частности - в районы Нарына и в бассейн Иссык-Куля.[572] Это предание частично подтверждается сообщением Махмуда ибн Вали, приведенным им в компилятивной части «Бахр ал-асрар», согласно которому кыргызские племена, проживавшие в Астраханском вилайете, дважды поднимали восстание после смерти Абай хана, внука Бату-хана.[573]

Как видно, сообщение П.И. Рычкова не только точно указывает районы расселения основной части кыргызского народа и ее политическую независимость, но также подтверждает ранее приведенные сведения о распространении власти джунгарских правителей только над отдельными частями кыргызских племен, кочевавших на Тянь-Шане.

Таким образом, как свидетельствуют сведения различных источников и кыргызских народных преданий, в течение всего рассматриваемого нами периода кыргызские племена проживали в основном в горных районах Тянь-Шаня, Ферганской долины, Восточного Туркестана, Памира, Алая и Каратегина.

Очевидно, именно это обстоятельство послужило поводом того, что в сочинении «Бадаи ат-таварих», написанном в Средней Азии не ранее 974/1566-67 г.,[574] кыргызы описываются как жители горной области, а при разъяснении слова «кыргыз» указывается, что среди моголов этим словом жителя гор, горца (т.е. применяют его в нарицательном смысле).[575] Согласно Н.Д. Миклухо-Маклаю, та глава «Бадаи ат-таварих», где помещено это интересное сообщение о кыргызах, является несколько сокращенным вариантом

[571] Рычков П.И. Краткое известие. Л. 9а.
[572] Иванов П.П. Киргизы. Ф.124, оп.1, №67.
[573] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 8а.
[574] Подробно об этом сочинении см.: Миклухо-Маклай Н.Д. Описание. С. 336-339.
[575] Бадаи ат-таварих В 2304.Л.255а (см.также: В.В. Бартольд. Киргизы. С. 270,прим.1).

географического приложения к «Равзат ас-сафа» Мирхонда.[576] В самом деле, в двух списках этого общеизвестного компилятивного труда Мирхонда, где имеется географическое приложение, приводятся аналогичные сообщения о кыргызах. Однако данное место там имеет иной смысл и по указанию Мирхонда, слово «кыргыз» на могольском языке означает «сорок мужей».[577] Причем в одном списке на полях дано иное истолкование этого слова, сделанное почерком другого лица, согласно которому «кыргыз» означает «сорок девушек».[578] В лакнауском издании «Равзат ас-сафа», где также имеется географическое приложение, в соответствующем месте слово «кыргыз» отсутствует, и там речь идет только о жителях укрепленной горной местности под названием Кырк-Эр, расположенной в пределах седьмого климата. Но все же при разъяснении слово «кырк эр» указывается, что на языке могольском оно означает «сорок мужей».[579]

Если написание слова «кыргыз» и объяснение его смысла как в сочинении «Бадаи ат-таварих», так и в упомянутых трех списках «Равзат ас-сафа» существенно различаются, то остальные детали этого сообщения в них в основном совпадают. В частности, во всех рассмотренных списках этих двух сочинений содержатся сообщения о том, что кыргызов (или жителей Кырк-Эра) называют «ас». Поэтому мы считаем, что приведенное сообщение Мирхонда заимствовано из географического труда автора XIV в. Абу-л-Фиды. Ибо в нем также при описании седьмого климата сообщается, что укрепленная горная местность Кырк-Эр, расположена в Крыму, в стране асов и на языке тюрков это название означает сорок мужей.[580]

Исследователи не исключают возможность проникновения в Крым каких-то групп кыргызов в более ранние времена.[581] Однако, как явствует из приведенных фактов, иногда среднеазиатские авторы относили к тянь-шаньским кыргызам не имеющие к ним никакого отношения сообщения

[576] Миклухо-Маклай Н.Д. Описание. С. 338.
[577] Равзат ас-сафа С 1865. Л. 87б; Д 361. Л. 208а.
[578] Равзат ас-сафа. С 1865. Л. 87б.
[579] Равзат ас-сафа, изд. Лакнау. Приложение. С. 35.
[580] Geographie d`Aboulfeda. T.II, pt.1. P.319. Следует отметить, что в Крыму когда-то действительно существовала горная местность Кырк-Эр, которая позже стала называться Чуфут-Кале. Согласно местным преданиям первоначальными жителями Кырк-Эра был какой-то народ ас, либо монгольского, либо тюркского происхождения(В.Д. Смирнов. Крымское ханство. С. 102-105).
[581] На основе данных топонимики покойный Р.Г. Кузеев высказал интересное предположение о том, что отдельные группы кыргызов в общем потоке миграции кочевников достигли Причерноморья и Крыма, где этот этноним отложился в географических названиях: Киргиз, Киргиз-Китай, Одоман-Киргиз, Баш-Киргиз, Кучук-Киргиз и т.д. (Более подробно об этом см.: Кузеев Р.Г. Происхождение. С.362; Маркевич А.И.. Географическая номенклатура Крыма. С.12.).

других источников о некоторых географических или этнических названиях, сходных по своему звучанию со словом «кыргыз» и по-своему их истолковывали. В данном случае поводом для такого подхода автора «Бадаи ат-таварих» к сообщению Мирхонда послужило не только звуковое сходство названий Кырк-Эр и кыргыз, но и аналогичные условия жизни жителей Кырк–Эра с тянь-шаньскими кыргызами, которые также обитали в неприступных горных районах Средней Азии и Восточного Туркестана.

По свидетельству китайских источников, в начале второй половины XVIII в., когда было уничтожено Джунгарское ханство, те кыргызские племена, которые в период могущества этой кочевой империи были вынуждены уйти в сторону Андижана, вновь возвратились на старые кочевья. При этом указывается, что до вытеснения их джунгарами, они кочевали в районах Кегена, Каркары и Темиртау.[582]

В этой связи представляют значительный интерес сведения цинского источника «Сиюй вэньцзянь лу» («Записки о западных землях»). В упомянутом сочинении территория расселения и образ жизни кыргызов характеризуются следующим образом. «Буруты являются одним из туркестанских племен. Земли, на которых они проживают, находятся между Андижаном и Кашгаром, граничат с Или. Земли обширны, население многочисленно. Количество стрелков – 100 тысяч человек. Правители их называются *би*. Некоторые из них в своем управлении имеют 10-20 *айманей (*речь идет об аулах), другие же управляют 30-40 *айманями*. Жители *айманей* есть их *албату* (податное население). Если *би* умирает, то устанавливают своим *би* его сына или брата, другие же не могут занять это место. Каждый *би* управляет своей землей и имеет своих подданных. По своему могуществу и власти они равны и один другому не подчиняется. Правитель не отпускает волосы, косы запрещены. Свинины не едят. Намаз совершают 1-2 человека из сотни. Люди их, хотя и бедны, но отважны. Презирают смерть, ценят выгоду».[583]

Конкретные сообщения о расселении отдельных кыргызских племен мы находим в других китайских источниках «Пиндин чжуньгээр фанлюэ» («Описание умиротворения Джунгарии»), «Дай цин личао шилу» («Хроника правлений всех государей Великой династии Цинн»), «Хуйцзян чжи» («Описание мусульманского края») и «Сиюй чжи» (Описание западных земель»). Так, ссылаясь на показания одного из родоначальников племени саяк Турчибая, цинские чиновники сообщают, что буруты (кыргызы) делятся на «Правое» и «Левое» крылья. В правом крыле десять племен и в левом крыле пять племен. Племена, относящиеся к правому крылу, проживают

[582] Imbault-Huart. Recueil de documents. P. 151-152.
[583] «Сиюй вэньцзянь лу». Цз.4. С.7.

вблизи Кашгара, а некоторые племена левого крыла обитают в Андижане.[584] Кочевья племени саяк находились в Джумгальской долине, а отдельные роды племени сарыбагыш под предводительством Черикчи проживали в местности Тогуз-Тороу, тогда как другие роды этого племени под главенством Маматкули-бия кочевали на Таласе.[585] Одновременно на Таласе обитали племя кушчу под предводительством Майтака и племя кытай под главенством Каработо-бия.[586] В местности Сарыкол, расположенной недалеко от Кашгара, находились кочевья кыргызских племен кара-саадак и кызыл-аяк, которые управлялись Алдаш-бием.[587] А вокруг Андижана, Намангана и Маргелана кочевали многочисленные племена таких крупных родоплеменных объединений правого крыла, как Адигине и Ичкилик. Причем, предводителем группировки Адигине являлся Хаджи-бий.[588] Племя чонбагыш под предводительством Авалэ-бия кочевало недалеко от Кашгара.[589] Вокруг города Коканда проживало кыргызское племя теелес, которое являлось одним из крупных племен группировки Ичкилик.[590]

Далее, при описании пастбищ, расположенных на месте разветвления трех больших рек Кыргызстана – Джумгала, Нарына и Сусамыра рассказывается, что эти горные районы являются кочевьем таких кыргызских племен, как саяк, сарыбагыш, чончерик, монолдор, кушчи, бугу, чекир-саяк, солто, басыз, азык, джоош и багыш. К числу исконно кыргызских территорий цинские чиновники относят также такие общеизвестные местности, как Ат-Баши, Ош, Чу, Талас, Тэмиртунор (Иссык-Куль), Каратегин, Алай и Сарыкол.[591]

Из числа местностей Восточного Туркестана, где проживали компактные группы отдельных кыргызских племен, в этих источниках называются Бостонтерек, Кашгар, Аксу, Тоюн, Янги-хисар, Карашаш. Так, на западе Янги-хисара и Кашгара в районе Сарыкола проживали кипчаки и подчиненные им кыргызские роды кара-саадак, жамантеит, кызыл-аяк, тору-айгыр, найман, сарт-кыпчак, кара-кыпчак, кызыл-кыпчак, нойгут, кара-тейит, сары-тейит, чал-тейит, коко-найман, кэрэмучин, сары-найман, кызыл-найман.[592]

В районе Каратегина и Алая проживали кыргызские племена кыдырша, теит, бостон, окчу, жедигер, кесек, актачи, чон-кыргыз, найман, телес,

[584] Материалы по истории кыргызов. С. 94.
[585] Там же. С.99.
[586] Там же. С.101.
[587] Там же. С.120.
[588] Там же. С.120-121.
[589] Там же. С. 128-131.
[590] Там же. С.205.
[591] Там же. С.205-209.
[592] Там же. С.206.

кипчак, азык, мундус, багыш и басыз.[593] Вокруг города Ош располагались кочевья кыргызских племен кармыш, жору, орто-мунке, берю, баргы, карабагыш и конурат, которые принадлежали крупной родоплеменной группировке «Правого крыла» – Адигине.[594]

В связи с репатриацией кыргызов в северные пределы Кыргызстана после падения Джунгарского ханства, следует отметить попытки чиновников Цинской империи воспрепятствовать кыргызам возвращаться на исконную этническую территорию, захваченную джунгарами в XVII-первой половине XVIIIвв. Цинские власти намеревались взять этот процесс под свой контроль, и ссылаясь на показания отдельных чиновников империи из числа ойратских (калмакских) племен, а также правителя Коканда Ирданы-бека, стали расследовать правдивость заявления предводителей кыргызских племен о том, что эти земли являются их коренным юртом. В результате расследования притязаний Ирдана-бека на г. Ош было установлено, что «Ош- это древняя бурутская земля».[595] По заключению цинского чиновника Шухэдэ было рассмотрено также заявление калмаков о том, что будто бы Ат-Баши является исконно традиционным кочевьем ойратов. После досконального изучения этого вопроса с использованием материалов исторических карт, Шухэдэ докладывает своему руководству о том, что «Атбаш- первоначально бурутское кочевье».[596]

Таким образом, цинские власти были вынуждены признать справедливость заявлений кыргызских родоначальников о необходимости возвращения на свои древние земли, освобожденные после крушения Джунгарского ханства. Не имея веских оснований отвергнуть эти требования кыргызов, цинские власти не смогли помешать возвращению кыргызских племен на вышеперечисленные районы Кыргызстана и соседних районов Восточного Туркестана и Ферганской долины, в результате чего в течение короткого времени кыргызы сумели занять свои исконные этнические территории.

Такова вкратце общая картина расселения кыргызских племен в XVI-первой половине XVIIIвв. и круг вопросов, связанных с их передвижениями в Восточный Туркестан и юго-западные районы Средней Азии в рассматриваемый период. На основе изложенного в этом разделе фактического материала можно сделать некоторые выводы.

Уже к началу XVIв. кыргызские племена были повсеместно расселены в северо-восточных районах Средней Азии, соответствующих территории современного Кыргызстана и прилегающих районов региона.

---

[593] Там же.
[594] Там же. С.209.
[595] Там же. С.163.
[596] Там же. С. 126.

Передвижение кыргызов в направлении юго-западных районов Средней Азии началось гораздо раньше (не позже 1575г.) до образования Джунгарского ханства и усиления экспансии калмакских феодалов на Тянь-Шань. Следовательно, причины не всех этапов передвижения кыргызов в указанном направлении связаны с давлением калмаков с востока, а отсутствие каких-либо данных источников пока еще не позволяет выяснить причины и последовательность более ранних этапов этого сложного процесса.

Прибытие двенадцати тысяч семейств кыргызов в Гиссар в начале 1636 г. можно рассматривать как самостоятельный этап переселения кыргызов из Центральной Азии в Среднюю Азию ни по времени, ни по обстоятельствам не связанный с предыдущими волнами миграции кыргызов на запад.

Длительное пребывание кыргызских племен в оседлых районах Восточного Туркестана сопровождалось их частичным оседанием и смешением с местным населением, вследствие чего постепенно изменился не только хозяйственный уклад, но и этнический облик осевших кочевников. Именно результатом этого процесса явилось появление в Восточном Туркестане в XVII в. новой общности (возможно этнической) из числа кыргызов и калмаков – *карайанчуков*.

Хотя вследствие усиления экспансии калмакских феодалов во второй половине XVII в. значительная часть кыргызских племен была вынуждена уйти из Тянь-Шаня в Ферганскую долину, но все же отдельные группы кыргызов оставались на своих прежних кочевьях. С падением Джунгарского ханства началось возвращение кыргызских племен на свои прежние кочевья, расположенные на Центральном и Восточном Тянь-Шане.

Возвращение кыргызов на свои прежние земли в середине XVIII в. имело огромное значение в этнической истории кыргызского народа на Тянь-Шане. Только после прекращения крупных миграций и окончательного определения границы расселения кыргызских племен завершился длительный процесс формирования кыргызского народа в рамках дуальной этнополитической структуры в пределах его собственной этнической территории.

2.4. Этапы распространения религии ислама в Кыргызстане и ее роль в формировании кыргызского народа.

Будучи расположенной в самом центре Великого Шелкового Пути, Центральная Азия издревле служила мостом обмена не только товарами и знаниями, но и духовными ценностями между Востоком и Западом. Именно здесь тесно соприкасались друг с другом и долго сосуществовали буддизм, христианство и ислам.

Важнейшим этапом развития духовной культуры тюркоязычных народов Центральной Азии стало принятие ислама, которое сыграло цивилизаторскую миссию, внедряя в сознание людей понятия о высших формах культуры, морали и поведения, а также выполняя функции социальной интеграции и правопорядка.[597] На взгляд американского ориенталиста Девин Девизе, исламизация кочевников Дашт-Кипчака по существу была преобразующим фактором, по характеру настроенным на доисламские традиции.[598]

Несмотря на то, что исламизация населения западной части Средней Азии в основном, завершилась уже к концу VIII века, в Кыргызстане и соседних районах Семиречья этот процесс шел очень медленно. Основной причиной замедленных темпов распространения ислама в этом регионе является то, что здесь в рассматриваемое время, наряду с населением оседлых поселений иранского происхождения, проживали, в основном, воинственные тюркские племена, которые еще в VIII веке остановили дальнейшие завоевания Арабского Халифата в Семиречье.

По свидетельству археологических и письменных источников, в VIII-IX веках кочевые племена карлуков, чигилей и ягма стали активно оседать в Иссык-Кульской и Чуйской долинах и под влиянием жителей оседлых поселений и городов стали исповедовать манихеизм и христианство несторианского толка. С другой стороны, из-за численного и военно-политического превосходства тюркских племен, одновременно шел активный процесс тюркизации согдийского населения Кыргызстана. Поэтому даже в начале X века границы распространения ислама в этом регионе ограничивались рекой Талас, где находился пункт пограничной торговли между мусульманами и неверными тюрками- кочевниками.

Широкое распространение религии ислама в пределах современного Кыргызстана и смежных областях Семиречья связано с эпохой Караханидского государства (сер.IX-сер.XII века), когда здесь сформировались новая этническая общность, новая социально-экономическая структура и новый тип духовной культуры. Оказавшись в зоне мощного воздействия оседлой цивилизации Мавераннахра, кочевые тюркские племена были втянуты в новую систему экономических и социальных отношений, стали частью этой системы и вырабатывали приемлемые пути интеграции в новое хозяйственно-культурное пространство, внешним выражением которой явилось принятие исламской религии.

Целесообразность перехода в исламскую веру была продиктована также

[597] Более подробно об основных этапах распространения ислама в Кыргызстане см.Чороев Т.К., Урстанбеков Б.У. Основные этапы распространения ислама в Кыргызстане. С. 28; Табышалиева А. Вера в Туркестане. С. 71-83; Табалдиев К.Ш. Основные этапы. С. 240-241.
[598] Devin De Weese. Islamisation and Native Religion. P. 12.

стремлением караханидских правителей использовать монотеистическую идеологию ислама для укрепления централизованной государственной власти и объединения различных племен и этнических групп населения вокруг верховного правителя-кагана. В условиях создания единого и централизованного государства прежние верования и представления населения, преимущественно политеистического характера препятствовали консолидации общества и созданию стройной иерархической структуры управления, которая успешно функционировала в западной части Средней Азии. Поэтому не случайно, согласно легенде, изложенной в сочинении Ибн ал-Асира, одним из первых исламскую религию принял основатель Караханидского государства Сатук Богра-хан Абд ал-Керим.[599]

Из-за неэффективности принудительных методов обращения в ислам кочевых тюркских племен силой оружия, здесь большую роль сыграли миссионеры. Как справедливо отмечал В.В. Бартольд, пропаганде ислама подвергались преимущественно ближайшие соседи мусульманских государств. Независимо от государственных целей, велась пропаганда ислама мистиками дервишами, главными представителями мусульманского миссионерства. Шейхи дервишских орденов всегда имели большие успехи в степи, чем в оседлых областях.[600] Поэтому в Кыргызстане и соседних районах восточной части Семиречья распространение исламской религии осуществлялось исключительно мирными путями, благодаря активной миссионерской деятельности суфийских шейхов, которые действительно имели значительные успехи в пропаганде ислама среди тюркских племен. Как считал В.В. Бартольд, одним из успешных миссионеров караханидской эпохи является шейх Абу-л-Хасан Мухаммед ибн Суфьяна Келимати, уроженец иранской провинции Хорасан, благодаря усилиям которого, очевидно, в 960 году приняли ислам около 200.000 шатров тюркских кочевников Чуйской долины современного Кыргызстана.[601]

Но в настоящее время мы располагаем достоверными сведениями источников о более ранней миссионерской деятельности среди тюркских племен Семиречья одного из выдающихся представителей суфизма шейх Мансура ал-Халладжа, уроженца иранской провинции Фарс. Как установлено, уже в 897 г. ал-Халладж со своими учениками и сподвижниками отправился в составе торгового каравана из Багдада в Туркестан с целью обращения в ислам «неверных» тюркских народов.[602] После длительного путешествия через Исфиджаб и Баласагун ал-Халладж прибыл в город Кочо (Турфан),

[599] В.В.Бартольд. Очерк истории Семиречья. С. 41.
[600] В.В.Бартольд. История Туркестана. С. 125
[601] В.В.Бартольд. История Туркестана. С. 125.
[602] Massignon L. La passion de Hallaj. P. 66, 227.

расположенный в Восточном Туркестане. В целом, ал-Халладж побывал в этом регионе четыре года и вернулся обратно в Багдад в 903 году. Легенды о пребывании ал-Халладжа в Кыргызстане сохранились в памяти кыргызского народа, согласно которым этот суфийский шейх будто бы является предком всего кыргызского народа.[603] Поэтому в Кыргызстане и сопредельных районах Казахстана наблюдается активное распространение мистических течений в исламе, совокупность которых в науке обозначается термином суфизм.[604]

Зародившись еще на заре ислама, суфизм получил популярность среди городского и оседлого населения в основном из-за проповеди воздержания и аскетизма. Среди кочевников Центральной Азии суфии приобрели популярность, прежде всего чудотворскими и магическими действиями, которые ассоциировались у степняков с традиционными шаманскими обрядами. Здесь исламизация была понята как изменение статуса, особенно общественного статуса, но новый статус представлялся в значениях, коренившихся в традиционных концепциях общественного происхождения и идентичности, концепциях, часто вызывавших за пределами контекста исламизации, легитимизацию формирования новых племенных конфедераций, мелких и более крупных объединений социальной организации. «Исламизация, таким образом, дошла до "объединения" новой "конфедерации", которая была исламской уммой в теории, но внутриазиатским обществом с новым названием (или вновь пересакрализированным старым) на практике; во внутриазиатской традиции имелись твердо установленные последовательные образцы, с которыми утверждались интеграция и легитимация таких "новых" обществ».[605] Таким образом, суфизм приспосабливался к местным условиям и во многом способствовал созданию так называемого синкретического народного ислама с элементами доисламских верований и традиций тюркских кочевников.

Одним из выдающихся представителей среднеазиатского суфизма был Ходжа Ахмад Ясави(год смерти-562/1166-67г), основавший свой орден, который получил по его нисбе название Ясавийя. Учение Ясави представляло собой яркий пример приспособления исламских традиций и догматики к местным доисламским верованиям. В «Хикматах» Ахмада Ясави нередко имя Аллаха заменялось именем языческого божества тюрков-Тенгри. Суфии ордена Ясавийя использовали древние тюркские обряды и при приготовлении ими ритуальной пищи (халим), раздававшейся присутствовавшим на моле-

[603] А.Мокеев. Новый источник по генеалогии киргизского народа. С. 146-147. Причины включения ал-Халладжа в генеалогию кыргызского народа мы рассмотрим несколько ниже.
[604] Более подробно о деятельности суфийских орденов и шейхов в Центральной Азии см.: Подвижники ислама; Saints and Heroes on the Silk Road.
[605] Devin De Weese. Islamisation and Native Religion. P. 531-532.

нии. После смерти Ахмад Ясави был возведен своими последователями в ранг святого, и его имя было окружено легендами, в которых также отмечена связь с языческой мифологией тюркских племен.[606]

По дошедшим до нас легендам, у Ахмеда Ясави был предшественник Арслан-баба или Баб-Арслан (известно, что в Туркестане слово *баб*, по арабски «ворота», употреблялось для обозначения распространителей ислама). Имя этого подвижника ислама и наставника Ахмада Ясави закрепилось за природным ореховым лесом Арслан-Баб на юге Кыргызстана, что указывает на длительное пребывание здесь знаменитого суфийского шейха. Среди учеников и последователей Ахмеда Ясави был целый ряд мистиков, писавших на тюркском языке и носивших тюркское прозвание *ата* «отец», в том числе Хаким-Ата, или Сулейман Бакыргани, деятельность которого была связана с Хорезмом.[607] Однако, наличие топонима Ходжа Бакырган-Сай на юге Кыргызстана свидетельствует о его пребывании и в нашей стране.[608]

Именно суфийские шейхи ордена Ясавийя сумели создать разветвленную и эффективную сеть религиозных организаций среди кочевых племен Караханидского государства и вели активную пропаганду ислама на доступном им языке тюркских наречий. Использование древнетюркских традиций и верований в процессе исламизации кочевников региона подготовило почву для создания народного ислама, который отличается толерантностью по отношению к представителям других религий. Кроме этого, на территории Караханидского государства повсеместно велось возведение минаретов и мавзолеев, где, как правило, существовали суфийские ханаки со своей общиной отшельников-дервишей.

Все это способствовало ускорению процесса исламизации кочевых тюркоязычных племен Семиречья в Караханидскую эпоху и их интеграции в новое этнокультурное пространство. Как показывают данные новейших археологических исследований в Кыргызстане, появление мусульманских погребений в высокогорных районах Кыргызстана связано именно с периодом Караханидского государства, что свидетельствует о распространении ислама среди кочевников жителей отдаленных горных местностей.[609]

В дальнейшем, во время нашествия каракитаев и монголов ислам постепенно теряет здесь статус государственной религии, а иногда мусульмане подвергались даже гонениям. Еще в первой половине XII века, когда государство Караханидов подчинилось империи Каракитаев (1137-1211гг.),

[606] История Казахской ССР. С. 112-113.
[607] Бартольд В.В.. Двенадцать лекций. С.118-119. Более подробную информацию об Арслан-Баба и Хаким Ата см.: Arslan K. Ahmed-i Yesevi ve Timur Hakkinda Yeni bir belge. P. 148-177.
[608] История Киргизской ССР. С. 79-80.
[609] Табалдиев К.Ш.. Основные этапы. С. 240-241.

правители которой, очевидно, первоначально исповедовали манихейскую религию, а позже перешли в буддизм, началось притеснение мусульман со стороны завоевателей.[610]

Но настоящие гонения на мусульман начались несколько позже, когда в начале XШ века власть в Семиречье на короткое время перешла в руки предводителя монгольского племени найман Кучлука, который был христианином (1211-1218 гг.). Ввиду непокорности мусульман Кучлук принял решительные меры против ислама и потребовал от мусульман, чтобы они приняли или христианство, или буддизм, или, по крайней мере, внешним образом отказались от своей веры и носили китайскую одежду. Публичное мусульманское богослужение и преподавание ислама были совершенно прекращены. Все это послужило причиной возмущения мусульман против гонителя их веры, что, в конечном счете, облегчило завоевание края монголами, которые отличались веротерпимостью и относились с одинаковым уважением к духовенству всех религий в подвластных им территориях.[611]

Как известно, в результате распределения завоеванных монголами стран между сыновьями Чингисхана, Семиречье и соседние районы вошли в удел второго сына, Чагатая, который по сведениям Марко Поло был христианином несторианского толка. Хотя среди приближенных Чагатая находились и мусульмане, на почве Ясы происходили частые столкновения между Чагатаем и мусульманским населеним Средней Азии. Так, согласно монгольским традициям, закрепленным в Ясе, было запрещено входить в текущую воду, что затрудняло мусульманские омовения; таким же образом было запрещено перерезывать горло убиваемым животным. Вследствие этого мусульманские авторы приписывают Чагатаю непримиримую вражду к исламу и мусульманам.[612]

Такое отношение к исламу со стороны монгольской администрации, а также другие факторы военно-политического и демографического характера способствовали снижению роли мусульман в общественно-политической жизни Чагатайского улуса и сокращению их удельного веса в составе населения. Как свидетельствуют археологические источники, в монгольский период в Кыргызстане наблюдается резкое сокращение погребений по мусульманскому обычаю, что свидетельствует о переселении сюда значительной массы кочевников из глубинных районов Центральной Азии и изменении демографической и религиозной ситуации в регионе.[613]

Тем не менее, отношение последующих монгольских правителей к исламской религии стало постепенно меняться в сторону покровительства

[610] Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. С. 52.
[611] Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. С. 55-56.
[612] Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. С. 61-62.
[613] Табалдиев К.Ш. Основные этапы. С. 242.

мусульман. Так, правивший здесь во второй половине XIII века Хайду, считается покровителем мусульман, а вступивший на престол в 1326 году чагатайский правитель Тармаширин принял ислам и получил мусульманское прозвание Ала ад-Дин, что послужило причиной восстания против его власти монгольской аристократии.

Источники свидетельствуют о существовании в Семиречье в эту эпоху наряду с мусульманами значительной общины буддистов и христиан несторианского толка, между духовенствами которых шла борьба за влияние на монгольских правителей, о чем свидетельствует гонение против христиан, организованное в середине XIV века угэдэйским царевичем Али-султаном при активном участии мусульманского населения.[614]

В целом, несмотря на серьезные испытания, мусульманское население Семиречья в XIII-первой половине XIV веках, благодаря активной деятельности суфийского ордена Ясавийа, дервиши-отшельники которого постоянно пропагандировали ислам среди иноверцев, смог противостоять двум мощным волнам миграции восточных кочевников (каракитаев и монголов) и, более того, постепенно интегрировать пришельцев в свою веру.[615]

Только в середине XIVв., с образованием государства Моголистан в пределах юго-восточного Казахстана, Кыргызстана и Восточного Туркестана, ислам снова становится государственной религией. Несмотря на то, что уже первый правитель этого государства Тоглук-Тимур хан принял ислам и его преемники носили мусульманские имена, многие кочевые племена, проживавшие в отдаленных восточных районах государства Моголистан, вплоть до начала XVI века оставались еще язычниками.[616]

Поэтому новый этап распространения ислама среди кочевых племен Моголистана связан с деятельностью ордена Накшбандия, основателем которого был влиятельный бухарский шейх Беха-ад-дин Накшбанди(1318-1389). Подвижники этого суфийского братства проводили активную пропаганду мусульманской веры среди кочевников Моголистана, Золотой Орды и Западной Сибири. Именно благодаря активной миссионерской деятельности суфийских отшельников мощного и разветвленного ордена Накшбандия, было покончено с остатками буддизма и шаманизма в Восточном Туркестане, значительная часть которого еще в начале XV века оставалась под влиянием буддизма.[617]

По сведениям «Маджму ат-таварих» Сайф ад-Дина Ахсикенди (XVI в.), одновременно с орденом Накшбандия в Семиречье действовал другой

[614] Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. С.77.
[615] Нуртазина Н.Д.. Ислам в истории средневекового Казахстана. С. 287.
[616] Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. С. 80.
[617] Нуртазина Н.Д. Ислам в истории средневекового Казахстана. С. 189.

суфийский орден Ишкийа, последователи которого считали себя потомками легендарного Имама Ибрахима Заранджиша. В этом сочинении полуисторического и полулегендарного характера имеются записи самых ранних вариантов кыргызского народного эпоса «Манас», где духовным руководителем и наставником героя Манаса назван один из основателей ордена Ишкийа Сейид Джалал ад-Дин. Согласно этой версии, Сейид Джалал ад-Дин иногда перед боем поминает бога и пиров, боевые соратники Манаса называются мусульманами, побежденным предлагают принять ислам, а отказавшихся истребляют. Таким образом, автор сочинения пытается превратить Манаса в защитника веры и преданного последователя суфийских шейхов.[618]

Очевидно, этот удачный прием обработки популярного среди народа эпоса «Манас» в духе исламской религии в немалой степени способствовал распространению ислама среди кочевых кыргызских племен. В дошедших до нас позднейших вариантах эпоса «Манас» легендарный духовный покровитель героя Ай-Ходжа чудесным образом излечивает Манаса от смертельной дозы яда, после того как его отравил близкий родственник, но оставшийся язычником Козкаман. Этот эпизод народного эпоса, вероятно, отражает отголоски некогда бытовавших хороших и доверительных отношений между суфийскими шейхами Ферганской долины и предводителями кыргызских родоплеменныхообъединений Моголистана, а также существование внутри кыргызского общества противоречий на религиозной почве, когда шла явная борьба между сторонниками ислама и язычества.

В этой связи, следует особо отметить, что одним из ключевых сюжетов эпоса «Манас» является рассказ «Чон Казат»(Великий Газават), где Манас во главе объединенного войска мусульман – кочевников сражается с неверными калмаками и китайцами, во время которого практически все его ближайшие сподвижники погибают, а он сам возвращается на родину со смертельным ранением. Думается, что здесь также нашли отражение отголоски той острой геополитической ситуации в восточной части Центральной Азии в XVв., когда борьба за веру стал главным направлением внешней политики правителей Моголистана.

В эту эпоху восточные пределы государства Моголистан постоянно подвергались нападениям калмаков Джунгарии, которые исповедовали ламаистический толк буддизма. По данным аутентичного источника XVI в. «Тарихи Рашиди» Мухаммада Хайдара, в указанный период на поприще религиозных войн прославился правитель Моголистана Вайс-хан, который был мюридом суфийского шейха ордена Накшбандия Мухаммада Кашани. Согласно информации Мухаммада Хайдара, Вайс-хан сражался с

[618] «Собрание Историй» Маджму ат-Таварих. С. 40.

предводителем калмаков Эсен-тайши шестьдесят один раз, из которых только в одном одержал победу.[619]

На завершающем этапе исламизации кыргызских племен важную роль сыграл один из последователей Беха ад-Дина Накшбанди в Восточном Туркестане Ходжа Исхак, миссионерская деятельность которого среди кыргызских племен описывается в таких агиографических сочинениях XVII в., как «Зийа ал-Кулуб» («Сияние сердец») и «Джалис-и муштакин» («Собеседник жаждущих»). Ходжа Исхак был сыном шейха Сейид Ахмада Касани, более известного под титулом Махдум-и Азам (умер в 1542г.), которому приписывается обращение в ислам языческих народов Восточного Тянь-Шаня.[620]

Ходжа Исхак воспитывался с малолетства преемником своего отца – шейхом Лутфаллахом Чусти (умер в 1571-72г.), также заботившимся о распространении ислама среди кочевников Средней Азии. О Ходже Исхаке составители жизнеописаний сообщают как о шейхе, способном творить чудеса. Так автор «Зийа ал-Кулуб» сообщает, что после того, как Ходжа Исхак силой таинственных молитв вылечил безнадежно больного человека и открыл источник в безводной местности, присутствовавшие кыргызы, выбросили свои идолы и толпами приняли веру в Аллаха. Основную заслугу Ходжи Исхака автор этого сочинения видит, прежде всего, в том, что этот шейх разбил 18 кыргызских и казахских капищ и обратил в ислам 180 тысяч язычников, что является явным преувеличением результатов его миссионерской деятельности.[621] Тем не менее, думается, что элементы чудотворства Ходжи Исхака и других суфийских шейхов, проповедников религии ислама, нашли отражение в эпосе «Манас», о чем говорилось выше.

Следовательно, суфийские шейхи, занимаясь лечебной практикой среди обращенных им в ислам кочевников, постепенно вытесняли на второй план шаманов, которые всегда сочетали отправление религиозных ритуалов с лечебной деятельностью, и прочно заняли их место навсегда. В этой связи следует отметить, что потомки казахских ходжей до сих пор продолжают заниматься народным лечением и обряд зикр, который они осуществляют над больным, считают как один из элементов традиции Ясавийа.[622]

Как показывает вышеизложенный материал, в исламизации населения Кыргызстана и соседних районов Семиречья значительную роль сыграли суфийские шейхи. Они в течение почти тысячелетия в условиях политических потрясений и природных катаклизмов не переставали пропагандировать

[619] Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. С. 86-87.
[620] Подробно о миссионерской и политической деятельности преемников Махдум-и Азама в Восточном Туркестане см.: Togan I. Differences in ideology and practice. P.25-38.
[621] Зийа ал-Кулуб. С.170-184.
[622] Подробно об этом см.: Privratsky B. Muslim Turkistan. P. 227-228.

религию ислама среди кочевых племен региона, куда периодически волнами прибывали все новые орды кочевников из глубинных районов Центральной Азии. В результате, благодаря усилиям суфийских шейхов, ислам становится неразрывной частью коллективной идентичности и важным индикатором цивилизационной ориентации кыргызского народа.

Главным оружием этих суфийских шейхов были вера в Аллаха и откровения пророка Мухаммеда, запечатленные в священной книге Коран. Основным средством убеждения было слово, а иногда чудотворство, которому они прибегали, очевидно, будучи в сговоре с отдельными представителями самих кочевников, с которыми шейхи поддерживали тайные связи.

Ради достижения главной цели – обращение в ислам язычников, суфийские шейхи использовали также доисламские верования и обычаи, включая их в исламские ритуалы и традиции. С другой стороны, благодаря суфийским шейхам, элементы арабско-персидской литературной традиции тонко вплетались в народную мифологию кочевых народов Центральной Азии, что в значительной степени способствовало интеграцию кочевников в новое этнокультурное пространство.

В исламском духе перерабатывались фольклорные памятники и генеалогические предания местного населения, что всячески поддерживалось и поощрялось со стороны политической элиты кочевников, заинтересованной в укреплении своего авторитета среди соплеменников, а также аккредитации своих представителей в центрах оседло-земледельческой культуры Средней Азии и Восточного Туркестана.

Очевидно, написанные почерком авторитетных шейхов, новые варианты канонизированных генеалогических преданий, превращались для их обладателей в инвеституру законности их власти в степи. В то же время эти документы становились верительной грамотой, когда их держатели посещали крупные торговые и политические центры региона.

Роль и значение исламской религии среди кыргызов значительно возрастает в XVII-XVIII вв, когда они вели тяжелую и изнурительную борьбу против экспансии Джунгарского ханства в Кыргызстане и соседних районов Средней Азии. Поскольку к этому времени кыргызские племена уже полностью приняли ислам, войны между кыргызами и калмаками часто носили религиозный характер, ибо калмаки Джунгарии исповедовали ламаистский толк буддизма. Это можно проследить на материалах эпоса «Манас», где война кыргызов против калмакских захватчиков описывается как борьба между мусульманами и неверными, т.е. буддистами. Так, эпизод эпоса «Чон казат» («Великий поход») против калмаков и китайцев пронизан мотивом газавата («казат») – борьбы против неверных.

На наличие религиозных мотивов в эпических сказаниях кыргызов

впервые обратил внимание академик В.В. Радлов. В этой связи он пишет, что «несмотря на свои скудные познания в догматах веры, они относятся к инаковерующим с большим фанатизмом, чем казаки, и в их сказаниях повествуется о войнах за веру». Такой религиозный фанатизм кыргызов В.В. Радлов объясняет тем, что они живут в тесном соседстве с неверными (китайцами, калмаками, солонами и шивэ).[623]

По-видимому, и калмаки Джунгарии свои походы против кыргызов оправдывали необходимостью борьбы против неверных-бурутов (кыргызов). Об этом свидетельствует сообщение сочинения «Лунный свет-история рабджам Зая–Пандиты», посвященное биографии видного деятеля ламаистской церкви в Джунгарии Зая-Пандиты(1569-1662). При описании обстоятельств одного из походов калмаков против кыргызов, состоявшегося в середине XVII в. автор этого сочинения сообщает о том, что попавших в плен кыргызских (бурутских) мальчиков Цецен-хан распределил между настоятелями ламаистской церкви для посвящения их в послушников буддийской религии.

Исходя из этого, можно предположить, что калмаки предпринимали попытки для обращения кыргызов в свою веру. Однако, представляется, что подобные меры не оказали сколько-нибудь серьезного влияния на религиозное верование кыргызов Тянь-Шаня, а наоборот, только укрепляли исламскую самоидентификацию, которая способствовала консолидации всех кыргызских племен перед угрозой экспансии калмаков Джунгарии.[624]

В связи с ролью исламской религии в формировании кыргызского народа представляет большой интерес возникновение и развитие исламской концепции о происхождении кыргызов в сочинениях мусульманских авторов средневековья и нового времени.

По мере распространения мировых религий среди тюркских племен Центральной Азии прежние генеалогические предания тотемистического характера начинают подвергаться обработке в соответствии с идеологическими установками новой религии, где ключевое место отводится обычно мифическому персонифицированному прародителю. В зонах распространения ближневосточных религий, как правило, в качестве прародителя того или другого народа предлагается имя библейского персонажа Ноя. Далее один из древних персонажей традиционной генеалогии конкретного тюркского племени становится сыном Яфета, сына пророка Ноя.

Когда тюркские племена Центральной Азии оказались в орбите влияния ислама в сочинении арабского историка ат-Табари «Тарих ар русул ва мулук», написанного в начале X века, впервые упоминается имя легендар-

---

[623] Радлов В.В. Из Сибири. С. 349-350.

[624] Более подробно об этом см.: Мокеев А. Факты обращения в буддизм кыргызов Тянь-Шаня.

ного предка тюркских народов Тюрка, который будто бы приходится сыном библейского Яфета.[625] Другой ранний вариант подобной редакции древнего генеалогического предания встречается в историографии Хазарского каганата, где происхождение хазар согласно иудейской идеологии связывается с именем легендарного предка хазар Тогармы, который якобы также был одним из сыновей библейского Яфета.[626]

Несколько позже, в XI в., когда завершился процесс исламизации населения Караханидского каганата, более фундированная исламская концепция происхождении тюркских племен Центральной Азии нашла отражение в сочинении Махмуда ал-Кашгари «Дивани лугат ат-тюрк», который сам был представителем одного из знатного рода тюркских племен Семиречья. При перечислении тюркских племен, Махмуд ал-Кашгари сообщает: «По происхождению тюрки делятся на двадцать племен. Все они восходят к Тюрку, сыну Йафиса [Яфета], сыну пророка Нуха [Ноя],- да благословит его Аллах».[627] Далее для подкрепления этого тезиса Махмуд ал-Кашгари со ссылкой на сочинение шейха Абу Бакра ал-Мугид ал-Джаржарани «О конце эпохи» приводит текст одного хадиса, где говорится, что «Аллах Великий и Всемогущий сказал: У меня есть войско, которое я назвал ат-Тюрк и расположил на Востоке. Если я разгневаюсь на какой либо народ, я подчиняю его им».[628]

Таким образом, в сочинении Махмуда ал-Кашгари отражена не только исламская концепция происхождения тюркских племен, но в отличие от хазарской историографии, здесь впервые возвеличивается имя мифического прародителя тюркских племен легендарного Тюрка,[629] которого еще ат-Табари назвал сыном коранического персонажа Йафиса, или библейского Яфета. Представляется, что в плане этническом, через своего мифического прародителя, воспринявшие религию ислама тюркские племена Караханидского каганата продолжали ощущать себя неразрывной частью тюркского мира.

Однако, по свидетельству Махмуда ал-Кашгари, в это же самое время правящая династия Караханидского государства считалась прямыми наследниками мифического предка местных, так называемых «туранских»

[625] Короглы Х. Алп Эр Тонга. С. 108-115.
[626] Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка; История татар. С. 572.
[627] Mahmud al-Kashgari. Compendium of the Turkic dialects. Part I. P. 82, 273-274.
[628] Mahmud al-Kashgari. Compendium of the Turkic dialects. Part I. P. 274; Dıvanü Lügat-it-Türk Tercümesi. S. 28, 350-351.
[629] Согласно сведениям анонимного сочинения XII века «Муджмал ат-таварих», по представлениям огузских племен, родиной Тюрка, мифического предка тюркских народов, считалась местность около современного озера Иссык-Куля. См.: Бартольд В.В. Двенадцать лекций. С. 94. Подробно о происхождении и значении слова «тюрк» см.: Кононов А.Н. Родословная туркмен. С. 82- 83.

(восточноиранских) племен-Афрасиаба.[630] Объясняя причины подобного противоречия в самоидентификации между правящей династией и основной части населения караханидского общества, академик В.В. Бартольд писал: «...сами караханиды подчинялись влиянию не только ислама, но и персидского эпоса и по имени мифического туранского царя стали называть себя «домом Афрасиаба».[631] По мнению В.В. Бартольда, караханидские правители под влиянием этого персидского предания даже перестали сознавать связь между собой и жившими в их государстве тюркскими племенами.[632]

Тем не менее, как видно из сообщений Махмуда ал-Кашгари и его современника Юсуфа Баласагунского, уже тогда в фольклорной традиции тюркских племен Караханидского государства Афрасиаб отождествлялся с героем тюркских народных героических песен Алп-Тонга.[633]

Таким образом, несмотря на наличие в караханидском обществе исламской концепции происхождения тюркских племен и иранской самоидентификации правящей династии, основная часть населения в XI в. продолжала идентифицировать себя как потомков древних тюрков через образы широко распространенных в народном фольклоре мифических прародителей Тюрка и Алп-Тонга.

Поэтому еще долгое время в сочинениях мусульманских авторов генеалогические предания многих тюркских племен Евразии фиксировались в соответствии с устной традицией степняков, без соответствующей обработки в исламском духе, ибо эти племена еще оставались вне сферы влияния Арабского халифата и продолжали исповедовать шаманизм или другие доисламские религии. В этом плане классическим примером является раздел о происхождении тюркских племен в сочинении « Зайн аль-ахбар» автора XI в. Гардизи, где приводятся традиционные генеалогические предания о происхождении ряда тюркских племен, включая кыргызов. Гардизи во вводной части раздела о тюрках своего сочинения со ссылкой на сочинение ал-Мукаффы «Четвертая часть мира» лишь мимоходом упоминает, что земли тюрков достались Яфету, который будто бы является прародителем всех тюркских племен.[634]

Развернутая концепция о происхождении тюрко-монгольских народов от потомков Яфета впервые была разработана несколько позже в эпоху господства на просторах Евразии Монгольской империи в сочинении Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих». Согласно Рашид ад-Дину, все тюрко-

[630] Dıvanü Lügat-it-Türk Tercümesi. T. III. S. 157.
[631] Бартольд В.В. Современное состояние. С. 461.
[632] Бартольд В.В. Двенадцать лекций. С. 79.
[633] Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. С. 50.
[634] Бартольд В.В. Извлечение из сочинения Гардизи С. 23-62.

монгольские народы являются потомками Абульча–хана, который был сыном Яфета. Абульча-хан имел сына по имени Диб Бакуй, который в свою очередь имел четырех сыновей: Кара-хан, Ор-хан, Куз-хан и Кур-хан. Переломный этап культурогенеза тюркских народов Рашид ад-Дин связывает с периодом правления легендарного Огуз-хана, который был сыном Кара-хана. По словам автора, именно тогда «тюркские племена приняли мусульманскую религию и встали на путь истинный».[635]

Таким образом, в сочинении Рашид ад-Дина вместо Тюрка на первый план выходят образы легендарных предков тюркских народов Абульча-хана, Кара-хана и Огуз-хана, которые сложились в фольклорной традиции других тюркских племен, проживавших на востоке Караханидского государства. Однако это персоязычное сочинение Рашид ад-Дина долгое время оставалось малодоступным тюркским народам Центральной Азии и до начала XVII в. не оказало серьезного влияния на историографию этих народов.

В XV-XVI вв., по мере усиления пропаганды ислама среди тюркских народов Центральной Азии со стороны суфийских шейхов стали появляться альтернативные суфийские варианты исламской концепции происхождения этих народов. Поэтому в генеалогических преданиях отдельных народов, переработанных с участием суфийских миссионеров, вместо Яфета и Тюрка в качестве мифических прародителей появляются новые персонажи из числа выдающихся суфийских шейхов.[636] Насколько позволяют судить сведения «Маджму ат-Таварих», духовные лидеры ордена Ишкийа в целях укрепления своих позиций среди кыргызских племен не ограничивались переработкой сюжетов эпоса «Манас» в духе исламской религии, но принимали активное участие и в составлении генеалогии кыргызских племен. Согласно этой суфийской редакции генеалогии, предком всего кыргызского народа является вышеупомянутый Шейх Мансур ал-Халладж, имя которого здесь приводится как Анна-л-хакк. В этой связи следует отметить, что в рассматриваемый период в исторических легендах, созданных в татарских ханствах, возникших после распада Золотой Орды, легендарный суфийский шейх Баба Тюклес чаще фигурирует сначала не как религиозный "основатель" или "носитель" ислама, а как предок знаменитого мангытского вождя Эдигей Бека. Скрытый под архаичным мифическим одеянием квази-супернатурального предка, он также играет значительную роль в серии эпических сказаний, основанных на фигуре Эдигей Бека.[637]

В соответствии с полулегендарными сведениями Сайф ад-Дина Ахсикенди, после смерти Джалал ад-Дина главой ордена Ишкийа стал его

[635] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.I, кн.1. С. 80-83.
[636] Мокеев А. Роль суфийских шейхов в распространении исламской религии. С. 125-136.
[637] Devin De Weese. Islamisation and Native Religion. P. 105.

сын Сейид Мир Джалил. Тогда к нему явились предводители всех кыргызских племен правого крыла (Ак Огула) и левого крыла (Ку Огула) вместе со своими сыновьями и вступили на путь духовного совершенствования, то есть стали его мюридами. Здесь же приводится суфийская редакция генеалогии кыргызских племен, где среди предков Ак Огула и Ку Огула кроме Анна-л-хакка упоминаются и такие личности, как Гуз-хан, Лур-хан и Лур-бузург. Затем автор «Маджму ат-Таварих» подробно рассказывает о поездке Мир Джалиля в гости к кыргызским родоначальникам, где после его благословения якобы появились конкретные кыргызские племена, получившие названия по имени своих родоначальников – мюридов Мир Джалиля.[638]

В этих рассказах «Маджму ат-Таварих» значительный интерес представляет интерполяция имени Шейх Мансура ал-Халладжа в генеалогию кыргызских племен в качестве прародителя всего кыргызского народа. Как отмечено выше, в сочинении Сайф ад-дина Ахсикенди имя Шейх Мансура ал-Халладжа упоминается под псевдонимом Анна-л-хакк, который тесно связан с народной легендой о происхождении кыргызов от потомков сорока девушек(«кырк кыз») и более известен среди народа как Аналак, Маналак, Шамансур, Самансур и.т.д.[639] В этом сочинении также встречается наиболее ранняя запись легенды о том, что отцом предводителей кыргызов Ходженда Лур-хана и Лур-Бузурга также является Анна-л-хакк, а распределение кыргызов на правое крыло и левое крыло приписывается имаму Ибрахиму Заранджишу, который якобы возглавлял кыргызское войско во время войны с каракитаями.

В этой связи естественно возникает вопрос, каким образом имя ал-Халладжа стало связываться с древней легендой о происхождении кыргызов от потомков сорока девушек? Как установлено, имя Анна-л-хакк является популярным народным именем ал-Халладжа (858-922), который был казнен в Багдаде за дерзкое публичное заявление «анна-л-хакк» («Я есть истина»), что буквально означает «Я есть Бог».[640] Выше уже отмечалось, что Шейх Мансур ал-Халладж в сопровождении своих многочисленных мюридов в 897-902 годах находился в Туркестане с целью пропаганды ислама среди тюркоязычных племен региона, когда отдельные группы кыргызов могли быть обращены в ислам в результате миссионерской деятельности ал-Халладжа и его ближайших соратников.

Легенда об ал-Халладже могла сохраниться и у других тюркоязычных племен, которые во время путешествия ал-Халладжа проживали в пределах

[638] «Собрание Историй» Маджму ат-Таварих. Л. 57а-57б.
[639] Венюков М.И. Очерки Заилийского края. С. 155-156; Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства. С. 15; Винников Я.Р. Родоплеменной состав. С. 140.
[640] МИКК. С. 205, примечание 23.

современного Кыргызстана и впоследствии вошли в состав кыргызского народа. Вероятнее всего, это были гузы, которые раньше всех тюркоязычных народов приняли ислам. На это указывает, в частности, приведенная в «Маджму ат-Таварих» легенда, согласно которой кыргызы происходят от потомков сорока гузов, чьими предводителями были сыновья Анна-л-хакка Лур-Бузург и Лур-Хан.

Насколько известно, Лур-Бузург (Лур-и Бузург) – это некий Абу-л-Хасан Фазлийя, живший в горах Сирии. Некоторые его наследники двинулись через Азербайджан на север, в Уштуран Кух, куда они прибыли около 1006 года.[641] С потомками Лур-Бузурга в непосредственном контакте были не кыргызы, а гузы, которые в составе войск Сельджукского государства дошли до Сирии. Во время нашествия каракитаев на Мавераннахр в середине XII века часть гузов возвратилась в Среднюю Азию, и участвовали в сражении Санджара против каракитаев в Катванской степи в 1141 году, где мусульманское войско потерпело сокрушительное поражение. После этого события резко ухудшились отношения гузов с султаном Санджаром, и разразился внутриполитический конфликт в Сельджукском государстве.[642] Совокупность этих фактов, на наш взгляд, проливает свет на происхождение приведенной в «Маджму ат таварих» другой легенды о происхождении кыргызов от сорока гузов, которые укрылись в горах Ходжента от преследований султана Санджара.

Исходя из вышеизложенного можно отметить, что основа всех дошедших до нас генеалогий кыргызского народа была составлена еще в XV-XVI веках при активном участии суфийских шейхов, которые удачно использовали ранее распространенную среди кыргызских и близкородственных им тюркских племен легенду об ал-Халладже (Анна-л-хакке) при обработке издревле бытовавших преданий кыргызского народа о своем происхождении от потомков сорока девушек либо сорока гузов.

Такая обработка кыргызских генеалогий в духе исламской идеологии была вызвана необходимостью укрепления позиций суфийских орденов среди кыргызов, а также упрочения авторитета и власти предводителей кыргызских племен среди своих подданных. Поэтому политическая элита кыргызского общества оказывала большую поддержку исламу и настойчиво внедряла ее в массы через популярного среди народа и надежного средства коммуникации кочевников-генеалогии, знание которой было обязанностью каждого взрослого мужчины. Новая суфийская редакция генеалогии кыргызских племен объективно способствовала также консолидации кыргызского народа вокруг идеи исламской идентификации, что было чрезвычайно

[641] Мокеев А.М. Новый источник по генеалогии киргизского народа. С. 149.
[642] В.В.Бартольд. Двенадцать лекций. С. 105.

актуально в условиях перманентной войны кыргызов с калмаками Джунгарии в течение более двух столетий.

Насколько позволяет судить внешняя характеристика обнаруженных недавно в Кыргызстане подобных генеалогий кыргызского народа, как «Шаджара-йи насаб наме-йи илатийя» и «Насаб нама», новые редакции подобных генеалогий переписывались в свитки из высококачественной бумаги каллиграфическим почерком с использованием разноцветных чернил, а поля оформлялись изящным орнаментом арабской вязью, где записывались отрывки из Корана. Очевидно, эти удобные для ношения в кармане свитки имели многофункциональное значение и помимо информации генеалогического характера они содержали краткие молитвы из Корана, а также служили в качестве идентификационной грамоты.

Только в эпоху распада монгольской империи, когда на историческую арену Центральной Азии вышли современные тюркские этносы, появилась острая необходимость в составлении сводных историй тюркских народов. Эта задача была успешно выполнена со стороны хивинского хана и историка Абулгази Бахадур-хана, который был одним из наиболее образованных и начитанных государственных деятелей Средней Азии эпохи позднего средневековья. Именно в его трудах на основе сведений Рашид ад-Дина и его предшественников впервые была дана стройная история тюрко-монгольских народов Евразии на доступном для широкого круга населения языке «среднеазиатского тюрки».[643]

В сочинении Абулгази Бахадур-хана «Родословная Туркмен» происхождение всех туркменских племен, как и в сочинении Махмуда ал-Кашгари «Дивани лугат ат-тюрк», связывается с именем мифического прародителя Тюрка, который будто бы, приходится сыном Яфета сына Ноя.[644] А в другом его сочинении «Родословная тюрков и монголов» происхождение кыргызов излагается следующим образом: « У Огуз-хана был внук по имени Кыргыз. Кыргызы являются его потомками…».[645]

Таким образом, в упомянутом сочинении Абулгази образы мифических прародителей тюркских народов Тюрка и Огуз-хана были вплетены в единую генеалогическую цепочку вместе, а через их образы происхождение кыргызского народа также впервые связывается с кораническим персонажем Яфетом. Эта концепция, детально разработанная в сочинениях Абулгази Бахадур-хана «Родословная тюрков и монголов» и «Родословная туркмен», впоследствии с некоторыми изменениями и дополнениями использовалась и при написании истории кыргызского народа.

[643] Histoire des Mogols et des Tatares; Кононов А.Н. Родословная туркмен..
[644] Кононов А.Н. Родословная туркмен. С. 82- 93.
[645] Histoire des Mogols et des Tatares. T. I, Texte, P.51; T. II, Traduction, P. 43.

Поскольку у кыргызов в течение долгого времени отсутствовала собственная письменная историография, как отмечалось выше, первая сводная генеалогия народа в духе исламской идеологии была составлена суфийскими шейхами, которые в отличие от Абулгази Бахадур-хана в качестве прародителя кыргызов показали одного из основоположников суфизма Шейх Мансура ал-Халладжа. Эта концепция впервые была отражена в персоязычном сочинении «Маджму ат-таварих» автора XVI в. Сайф ад-Дина Ахсикенди, и впоследствии нашла широкое распространение в позднейших генеалогических преданиях кыргызских племен, где имя прародителя приводятся как Самансур, Шамансур, Аналак, Муналак и.т.д.

Позже, во второй половине XIX-начале XX вв., когда в Кыргызстане появляются собственные историки как Осмоналы Сыдыков и Белек Солтоноев, последняя концепция, восходящая к «Маджму ат-таварих», была отвергнута и принята на вооружение более стройная концепция Абулгази Бахадур-хана. Наиболее ревностным сторонником этой позиции был автор «Мухтасар тарих-и Кыргызия» и «Тарих-Шадмания» Осмоналы Сыдыков.

Во вводной части своего сочинения «Мухтасар тарих-и Кыргызия», Осмоналы Сыдыков выступает категорически против суфийской концепции о происхождении кыргызского народа от потомков Шейх-Мансура ал-Халладжа. В этой связи, автор особо подчеркивает, «…из-за того, что прежде у кыргызов не было собственной историографии, среди населения бытует ряд нелепых и псевдоисторических рассказов относительно происхождения народа от Шейх-Мансура».[646]

Далее, при изложении генеалогического древа кыргызского народа, Осмоналы Сыдыков строго придерживается официальной исламской концепции происхождения кыргызов и других тюркских народов от потомков коранического Яфета, которая как уже отмечалось выше, была детально разработана в трудах Рашид ад-Дина и Абулгази Бахадур-хана. Осмоналы Сыдыков также как и Абулгази Бахадур-хан считает, что кыргызы являются прямыми потомками одного из 24 внуков Огуз-хана по имени Кыргыз.

Однако следует отметить, что при изложении генеалогии кыргызов, начиная от Кыргыза, сам Осмоналы Сыдыков в четвертом колене упоминает имя Аналхак,[647] который, как отмечено выше является посмертным прозвищем Шейх-Мансура ал-Халладжа. Таким образом, здесь Осмоналы Сыдыков вольно или невольно противоречит самому себе. Представляется, что, скорее всего, Осмоналы Сыдыков просто не знал о тождественности имен Аналхак и Шейх-Мансур ал-Халладж и включил имя Аналхак в

[646] Осмоналы Сыдыков. Мухтасар тарых-и Кыргызийа. С. 52.
[647] Там же. С. 56.

генеалогическое древо кыргызов, как и другие знатоки генеалогии сознательно, считая его одним из предков современного кыргызского народа.

Иначе трудно объяснить его утверждение о беспочвенности генеалогических преданий о том, что Шейх-Мансур является прародителем всего кыргызского народа. В самом деле, во вводной части своего сочинения, где Осмоналы Сыдыков решительно отвергает суфийский вариант исламской концепции происхождения кыргызов от Шейх-Мансура, он не упоминает его посмертное прозвище Анна-л-хакк.

Другой известный кыргызский историк Белек Солтоноев в своем сочинении «Кыргыз тарыхы» («История кыргызов») при изложении истории кыргызского народа, в основном, придерживается концепции Абулгази Бахадур-хана, где предками кыргызов показаны потомки легендарных прародителей Тюрка и Огуз-хана.[648] В этой связи Б. Солтоноев отмечает, что кыргызы произошли в результате смешения потомков легендарного Тюрка с осколками отюреченных финно-угорских и монгольских племен.[649]

Тем не менее, как показывают сведения другого генеалогического древа под названием «Шаджара-йи насаб наме-йи илатийа», составленного по заказу одного из влиятельных северокыргызских манапов Байгазы-баатыра, в конце XIX века имя Шейх-Мансура ал-Халладжа прочно вошло в генеалогию отдельных представителей кыргызской политической элиты в качестве прародителя кыргызского народа.[650]

Традиционная исламская концепция происхождения кыргызского народа, восходящая к сочинениям Абулгази Бахадур-хана и Рашид ад-Дина и изложенная в трудах Осмоналы Сыдыкова и Белека Солтоноева, отражена также в другом историческом труде кокандского автора середины XIX века Абд ар-Рахима ибн Мухаммад Мусы «Насаб наме-йи авлад-и хазрат-и Адам» (Происхождение потомков его высокостепенства Адама). Это сочинение было написано по приказу кокандского правителя Худояр-хана специально для дальнейшей ее передачи в руки правителя северокыргызских племен Шабдан-Батыра.[651]

В этом сочинении кроме генеалогии правителей Кокандского ханства изложена и история происхождения кыргызского народа, где прародителем кыргызов показан внук легендарного Огуз-хана Кыргыз-хан. Краткую генеалогию кыргызов этот автор излагает следующим образом: «Пророк Нух, [его сын] Йафас, [его сын] Тюрк-хан, [его сын] Тутук-хан, [его сын] Ильджа-

[648] Белек Солтоноев. Кыргыз тарыхы. С. 21-22.
[649] Там же, С. 7.
[650] Мокеев А.М. Новый источник по генеалогии киргизского народа. С. 146-151.
[651] Более подробно об этом сочинении см.: Мокеев А.М. «Насаб наме» Абд ар-Рахима как источник по истории киргизского народа. С. 174-179.

хан, [его сын] Дибакуй-хан, [его сын] Куюк-хан,[его сын] Алан-хан, [его сын] Могол-хан, [его сын] Кара-хан, [его сын] Огуз-хан, [его сын] Таг-хан, [его сын] Кыргыз-хан».[652]

Как отсюда видно, Абд ар-Рахим ибн Мухаммад Муса в данном случае полностью повторяет соответствующую информацию Абулгази Бахадур-хана. От себя он лишь добавляет, что «…кыргызы, хотя почти все время кочевали в горах и были далеки от знаний и ремесел, тем не менее, оставались верными исламу, и они всегда признавали только Аллаха и истинность пророка Мухаммада».[653] Очевидно, последнее утверждение автора об изначальной приверженности кыргызов религии ислама внесено в текст этого сочинения преднамеренно, по рекомендации самого Худояр-хана для усиления своей власти среди кыргызов через пропаганды исламской религии в кочевой периферии Кокандского ханства.

Таким образом, в начале XX века среди кыргызов существовали оба варианта исламской концепции происхождении кыргызского народа, что показывает содержание двух различных генеалогий как «Шаджара-йи насаб наме-йи илатийа» и «Насаб наме-йи авлад-и хазрат-и Адам», а также сочинения «Мухтасир тарих-и Кыргызия» Осмонаалы Сыдыкова. Если в первом сочинении прародителем кыргызов показан Шейх Мансур ал-Халладж, то в двух последних генеалогия кыргызов возводится через легендарных прародителей Кыргыз-хана и Огуз-хана библейским персонажам Яфету, Ною и Адаму. Такое расхождение концептуального характера в толковании происхождения кыргызского народа свидетельствует, с одной стороны, о зачаточном состоянии в начале XXв. письменной историографии Кыргызстана, которая распространялась только среди наиболее образованной части народа, с другой – о популярности суфийской редакции генеалогии среди широких слоев населения.

Возвращаясь к сочинению О. Сыдыкова, следует отметить, что его труд был написан под влиянием идеологии джадидизма и, поэтому нетрудно понять, почему он выступает против суфийской трактовки генеалогии кыргызского народа. Исходя из этого, можно допустить, что Осмонаалы Сыдыкову в концепции Абулгази Бахадур-хана импонировала не только ее исламская составляющая, восходящая через коранические сказания к библейскому родоначальнику человечества Адаму, но и присутствие в ней имен мифических прародителей всех тюркских народов Тюрка и Огуз-хана, которые показаны как потомки Яфета.

Белек Солтоноев в отличие от Осмонаалы Сыдыкова полностью пропускает ту часть концепции происхождения тюркских народов Абулгази Бахадур-хана, где их мифические предки Тюрк и Огуз-хан показаны как прямые потомки Яфета и пророка Ноя. Дело в том, что окончательная редакция его сочинения была завершена после установления советской власти в Кыргызстане, когда исламская религия, как и все другие религии, была объявлена «опиумом для народа» и подвергалась жестоким гонениям со стороны «воинствующего атеизма» большевиков. Скорее всего, Белек Солтоноев в условиях безраздельного господства коммунистической идеологии в своем сочинении сознательно пропустил исламскую составляющую концепции Абулгази Бахадур-хана, оставив только мифических предков кыргызского и других тюркских народов – Тюрка и Огуз-хана.

Все это свидетельствует о том, что в конце XIX-начале XX вв. среди кыргызской политической элиты пробуждается национальное самосознание и начинается поиск древних этнических корней. Поскольку наиболее образованные люди того времени находились под влиянием джадидизма, национальная самоидентификация осуществлялась в контексте идеологии этого политического течения, когда историки Туркестана возводили историю своих народов к мифическим прародителям Огуз-хану, Тюрку и далее библейским Яфету и Ною. Усиление национального самосознания народов этого края, оказавшихся во второй половине XIX в. в составе Российской империи была связана также с ужесточением колониальной политики царского режима в регионе, когда отодвинутая на второй план новая туземная политическая элита стала искать опору в идеологии панисламизма и пантюркизма.

Следовательно, исламская концепция происхождения кыргызского народа, изложенная в сочинении Осмонаалы Сыдыкова, была лишь идеологической оболочкой новой концепции истории кыргызского народа, которая рассматривалась в контексте идеи об общности происхождения всех тюркских народов Туркестана от единого прародителя.

С другой стороны, в вышеперечисленных трудах Осмонаалы Сыдыкова и Белека Солтоноева явно просматривается попытка вычленения кыргызской истории из всеобщей истории тюркских народов, что отвечало запросам пробуждающегося национального самосознания новой кыргызской политической элиты конца XIX-начала XXвв., которая стремилась возродить традицию кыргызской государственности. Именно представители этой политической элиты после установления советской власти в Туркестане сумели успешно лоббировать в Москве вопрос создания самостоятельной Каракиргизской Автономной области в составе РСФСР, которая впоследствии стала основой государственности современного кыргызского народа.

---

[652] Там же. С. 177.
[653] Там же. С. 176.

ГЛАВА 3. КЫРГЫЗЫ И СОСЕДНИЕ НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XVI-перв.пол. XVIII вв.

3.1. Распад Моголистана и новая политическая ситуация в восточной части Средней Азии. Борьба кыргызов с могольскими ханами за независимость

Конец XV-начало XVI в. в истории народов Средней Азии и Казахстана ознаменованы окончательным распадом государств Тимура в Средней Азии и Моголистана на Тянь-Шане и в Семиречье, которые возникли во второй половине XIV в. в результате разделения обширного государства Хайду. Оба эти искусственные объединения, лишенные прочных внутренних связей, могли существовать лишь на жестоком насилии и ограблении покоренных народов. Но они были не в силах задержать естественные процессы этнической консолидации племен, временно приостановленные монгольским нашествием и непрерывными междоусобными войнами чингизидских и тимуридских царевичей. В 1512 г. узбеки-Шейбаниды одержали верх над последним правителем тимуридов Бабуром, а через два года политическое господство над Моголистаном переходит в руки кыргызских и казахских правителей.

В 1514 г. одному из бывших правителей Моголистана Султан-Саид-хану удалось захватить власть в Яркенде и восстановить здесь господство Чагатаидской династии. Это политическое образование, включавшее в себя обширную территорию Восточного Туркестана, в исторических хрониках местных авторов XVII-XVIII вв. стало называться Могольским государством.

Одной из основных внешнеполитических задач Могольского государства была борьба за восстановление господства могольских феодалов над территорией Семиречья и Притяньшанья, что во многом предопределило характер его дальнейших взаимоотношений с кыргызами.

Важную роль в судьбе кыргызского народа сыграло также Казахское ханство, которое образовалось уже во второй половине 60-х годов XV в. в результате развития социально-экономических и этнополитических процессов, протекавших на территории Казахстана в XIV-XV вв. К началу XVI в. положение Казахского ханства значительно упрочилось, расширились его границы, охватившие значительную часть этнической территории казахов.

Кыргызы, до этого признававшие власть сына Юнус-хана, Ахмеда, теперь окончательно добились независимости и объявили своим правителем Мухаммед-кыргыза. Судя по дальнейшим событиям, Мухаммед-кыргыз, по-видимому, был одной из влиятельных личностей среди правителей северо-киргизских родоплеменных объединений. По всей вероятности, он умер после 1533 г. Обстоятельства его смерти неизвестны. Существует мнение, что Мухаммед-кыргыз, упомянутый в «Тарих-и Рашиди», является той же личностью, которая известна в кыргызских исторических преданиях под именем Тагай-бия. Согласно преданиям, Тагай-бий был взят Иреше-ханом (Рашид-хан) в заложники *(ак-уйлуу)*. Он находился во дворце Иреше-хана два года. По истечении этого срока хан вернул ему свободу и отпустил на родину[654].

Как будет показано ниже, сведения «Тарих-и Рашиди» Мухаммада Хайдара о деятельности Мухаммед-кыргыза, в целом, подтверждают материалы кыргызских генеалогических преданий о легендарном предке кыргызов Тянь-Шаня Тагай-бия. Судьба Тагай-бия, описанная в исторических преданиях в основном совпадает с деятельностью Мухаммед-кыргыза, которая нашла отражение в «Тарих-Рашиди». Здесь под Иреше-ханом, скорее всего, подразумевается Абд ар-Рашид-хан, который после смерти своего отца Султан Саид-хана в 1533 г. вступил на престол Могольского государства и отпустил на свободу Мухаммед-кыргыза.

Пытаясь укрепить свою власть среди всех кыргызских родоплеменных объединений, а также независимость своей страны, Мухаммед-кыргыз стал искать опору извне. В условиях сложившейся к этому времени политической обстановки, когда правители Могольского государства стали активно готовиться к отвоеванию территории не только Кыргызстана, но и Юго-Восточного Казахстана, Мухаммед-кыргыз решил искать поддержку именно у Казахского ханства, в котором кыргызы видели наиболее надежного союзника в борьбе против агрессии могольских феодалов. Примерно с этого периода Кыргызстан в системе международных отношений в Средней и Центральной Азии начинает выступать как самостоятельное государственно-политическое образование.

Один из последних правителей Моголистана Ахмед-хан оставил своим преемником старшего сына Мансура, но после его смерти между сыновьями разгорелась междоусобная борьба, осложнившаяся к тому же притязаниями на престол их дяди Махмуд-хана. В результате от Мансур-хана отложились его братья Халиль-Султан и Султан-Саид, которые бежали к кыргызам. По словам Мухаммед Хайдара, кыргызы сделали Халиль-Султана своим

---

[654] Солтоноев Б. Кыргыз- казак тарыхы. С. 118-121.

падишахом, а Султан-Саид оставался при нем около четырех лет. Этим, по существу формальным актом провозглашения Халиль-Султана своим правителем, кыргызские правители открыто заявили о намерении придать своему улусу в составе Моголистана статус независимого государства, что вызвало немедленную реакцию со стороны Мансур-хана и поддерживавшего его Махмуд-хана. Решающее сражение между этими двумя враждующими группировками произошло в 1508 г. около Чарын-Челека (по другому сообщению, в местности Алмату), где войско Халиль-Султана и Султан-Саида, составленное преимущественно из кыргызов, было разбито. Мансур-хан увел значительную часть кыргызов в Кашгар и Турфан. Большинство их было перебито и только немногим удалось вернуться на Тянь-Шань.

После поражения Халиль-Султан бежал в Фергану, где был убит местным правителем Джанибеком, а Султан-Саид после долгих скитаний вернулся в Восточный Туркестан и вновь начал борьбу за власть.

Родоплеменные объединения кыргызов во главе с Мухаммед-кыргызом оказали значительую поддержку Султан-Саиду при завоевании им Кашгарии в 1514 г., где он на развалинах Моголистана создал так называемое Могольское государство. Поэтому в течение нескольких лет между кыргызами и моголами поддерживались мирные отношения. Однако, по мере упрочения Могольского государства, его правители стали готовиться к отвоеванию пастбищ Киргизии и Юго-Восточного Казахстана. Их особенно привлекали пастбища Прииссыккулья. Это были излюбленные места зимовок кочевников, поскольку зимой здесь снежный покров обычно был неглубоким, и животные сами доставали траву способом тебеневки. Ставка Мухаммед-кыргыза также была расположена по южному берегу Иссык-Куля, около местности Барскоон.

Мухаммед-кыргыз также активно помогал правителям Казахского ханства, которые стремились завладеть присырдарьинскими городами и оседло-земледельческими районами Средней Азии. Его отряды совершали постоянные набеги на Туркестан, Сайрам, Ташкент, Андижан и Ахси. В период правления Султан-Саид-хана отношения Могольского государства с Шейбанидами оставались враждебными. Поэтому к походам Мухаммед-кыргыза на присырдарьинские города моголы относились весьма доброжелательно.

Во время одного из походов на Туркестан Мухаммед-кыргызу удалось взять в плен правителя этого города Абдуллу - двоюродного брата Шейбани-хана. Но через некоторое время он освободил Абдуллу и отпустил его с почестями. В этом поступке Мухаммед-кыргыза ясно проявилось желание освободиться от зависимости Султан-Саид-хана. В результате последний обвинил его в установлении тайного союза с Шейбанидами против моголов. Эти события послужили формальным поводом для Султан-Саида начать

войну против кыргызов. По словам автора «Тарих-и Рашиди» Мухаммеда Хайдара, Султан-Саид-хан хотел наказать их «за разграбление мусульманских городов».

Поход моголов в Кыргызстан состоялся осенью 1517 г. В сражении, разыгравшемся в местности Барскоон, войско Мухаммед-кыргыза потерпело поражение в результате измены некоторых его приближенных. Имущество, табуны лошадей, стада верблюдов и отары овец кыргызов оказались добычей могольского войска. Пленным кыргызским воинам была возвращена свобода, но Мухаммед-кыргыза моголы увезли в Восточный Туркестан, где он находился в заточении в течение пяти лет.

Однако победа в этой, очевидно, небольшой битве не принесла желаемого результата Султан-Саид-хану, ибо в начале зимы того же года он был вынужден покинуть пределы Кыргызстана. В этих условиях, учитывая большой авторитет Мухаммед-кыргыза среди кыргызских и могольских племен, хан попытался привлечь его на свою сторону. Осовободив Мухаммед-кыргыза из плена, и фактически признав его правителем кыргызских племен, Султан-Саид решил отправить вместе с ним в Кыргызстан значительную часть моголов во главе со своим сыном Абд ар-Рашидом, так как пастбища Восточного Туркестана не могли прокормить табуны и стада могольских племен. Однако надежды Султан-Саида не оправдались - сразу же по прибытии в 1522 г. Мухаммед-кыргыз сумел сплотить вокруг себя все кыргызские родоплеменные объединения и вновь стал фактически правителем Кыргызстана.

Через два года, в 1524 г., в Кыргызстан прибыл правитель Казахского ханства Тахир-хан в поисках возможного союзника в борьбе казахов против узбеков и ногайцев. Сначала он встретился в Кочкоре с Султан-Саид-ханом и выдал за его сына Абд ар-Рашида свою сестру. Между моголами и казахами был заключен формальный союз. Одновременно Тахир вел тайные переговоры с Мухаммед-кыргызом о совместном действии казахов и кыргызов, в результате чего была заложена основа будущего кыргызско-казахского союза против альянса Шейбанидов и моголов.

Узнав о сепаратных связях кыргызов с казахами, Султан-Саид-хан вновь схватил Мухаммед-кыргыза и отправил в Кашгар, где тот был задержан до смерти хана в 1533 г. Отношения между моголами и казахами обострились, и их союз распался. Значительная часть кыргызских племен присоединилась к Тахиру, который стал вести открытую борьбу против моголов. Отдельные группы кыргызов, оказавшиеся под властью Абд ар-Рашид-хана, были переведены из Кочкора и Джумгала в Ат-Баши. Началась откочевка моголов в Восточный Туркестан. Но Султан-Саид-хан путем переговоров еще надеялся склонить на свою сторону Тахира и кыргызских биев. Однако отправленное

им в 1526 г. посольство к кыргызам и казахам оказалось безрезультатным, после чего моголы покинули пределы Кыргызстана и Юго-Восточного Казахстана и угнали с собой 100 тыс. баранов, принадлежавших кыргызским племенам. Весной 1527 г. в Ат-Баши прибыл Тахир. Кыргызы Ат-Башинской долины присоединились к нему.

После смерти Султан-Саид-хана (1533 г.) престол Могольского государства достался его сыну Абд ар-Рашиду, который с целью восстановления господства могольских феодалов над Кыргызстаном и Юго-Восточным Казахстаном заключил союз с правителем Мавераннахра Убайдаллах-ханом, также враждовавшим с казахскими султанами. В период своего правления (1533-1559/60 гг.) Абд ар-Рашид сумел организовать несколько походов объединенных сил моголов и Шейбанидов в Кыргызстан, в основном, в районы оз. Иссык-Куль.

Во время одного из походов, совершенного против кыргызов около 1537 г., был убит сын Абд ар-Рашид-хана Абд ал-Латиф-султан. Автор анонимного тюркоязычного сочинения конца XVI в., оправдывая захватнические действия Абд ал-Латифа, утверждает, что этот поход был вызван из-за отказа кыргызских племен платить религиозный налог – зякет.[655] С целью мести за смерть своего сына Абд ар-Рашид-хан совершил кровопролитный поход в кочевья кыргызов и казахов, которые в это время вели совместную борьбу против агрессии могольских феодалов под главенством правителя Казахского ханства Хакк-Назара. Он в источниках назван «государем казахским и киргизским». Отсюда следует, что кыргызские родоправители после смерти Мухаммед-кыргыза по тюрко-монгольской традиции признали номинальную власть казахских султанов Тахира, Хакк-Назара и их преемников, которые вели свое происхождение от потомков Чингиз-хана.

Несмотря на удачи в отдельных сражениях, в целом попытки моголов захватить территорию Киргизстана провалились, со временем кыргызские правители сами стали совершать ответные походы против Могольского государства. В этом отношении представляет интерес сообщение английского путешественника А. Дженкинсона, который посетил Среднюю Азию в 1558 г. По его словам, в течение трех лет перед его приездом шли непрерывные войны между кочевниками и городами, расположенными между Китаем и Бухарой. А. Дженкинсон далее отмечает, что «города называются Ташкент (Таскент) и Кашгар (Каскайр), а люди, которые воюют против Ташкента, называются казахами (кассак), те, которые воюют против Кашгара, называются киргизами (киргс)... Эти два народа обладают большой силой и почти подчинили себе

[655] Тазкира-йи Ходжа Мухаммед Шариф А 237. Л. 67а-69а.

вышеупомянутые города»[656].

Хотя кыргызским отрядам не удалось захватить Кашгар, но они сумели приостановить завоевательные походы могольских ханов. Во время правления в Восточном Туркестане преемника Абд ар-Рашида Абд ал-Карим-хана (1560-1591гг.) Могольское государство вынуждено было отказаться от территориальных притязаний к Кыргызстану. В источниках отмечается только один безрезультатный поход могольского войска в 1591 г. против кыргызов, проживавших в районе Чу и Таласа. В длительной и упорной борьбе против агрессии могольских феодалов и их союзников Шейбанидов - кыргызский народ сумел отстоять свою независимость.

3.2. Взаимоотношения кыргызов с Казахским ханством, Шейбанидами и Аштарханидами в XVI-перв.пол. XVII вв.

Как уже отмечалось, в первой четверти XVI в. кыргызские родоправители стали активно поддерживать правителей Казахского ханства в их борьбе с Шейбанидами за господство над присырдарьинскими городами. Кыргызские бии выступали в качестве союзников казахских султанов, которые все больше втягиваясь в орбиту политических событий в соседних областях Средней Азии, продолжали соперничество с Шейбанидами за господство над городами, расположенными на правом берегу Сыр-Дарьи.[657]

И во второй половине XVI в. кыргызские бии свои действия против Шейбанидов вели в согласии с политикой правителя Казахского ханства Хакк-Назара, который в конце 70-х годов хотел использовать в своих интересах борьбу Шейбанида Абдаллах-хана с удельным правителем Ташкента Баба-султаном. При этом Хакк-Назар умело лавировал между ними, поддерживая то одну, то другую сторону.

По свидетельству ряда достоверных источников, кыргызские бии вели гибкую политику по отношению к враждовавшим соперникам, временами поддерживая мятежного Баба-султана и при этом, не прерывая сношения с правителем Шейбанидской династии Абдаллахом. В 1579 г., во время очередного выступления Баба-султана в Ташкенте, кыргызские бии оказали ему поддержку и преградили путь войскам Абдаллах-хана, расположенным в окрестностях Ахсикента[658]. Но как только во второй половине 1579г. отношения между Баба-султаном и казахскими султанами ухудшились, политика кыргызских феодалов к мятежному правителю Ташкента изменилась.

[656] Earl y voyages. P. 90-91.
[657] Более подробно об этом см.: Абусеитова М.Х. Казахское ханство.
[658] Салахетдинова М. А. Сведения о киргизах в «Абдулла-намэ». С. 176.

В следующем, 1580 г., в местности Науканди, расположенной к северо-западу от Ура-Тюбе, состоялась встреча кыргызских послов с Абдаллах-ханом, во время которой стороны пришли к взаимному соглашению о заключении мира.

После смерти Хакк-Назар-хана (1580 г.) его преемником стал престарелый Шигай-хан (1580-1582 гг.). Вместе со своим сыном Тевеккелем он оказывал поддержку Абдаллах-хану в его борьбе с Баба-султаном, за что в качестве удела получил большие земельные пожалования в присырдарьинских городах. Активное участие в этих событиях принимали и предводители кыргызских родоплеменных объединений. В сочинении «Равзат ар-Ризван», составленном на персидском языке в Бухаре в конце XVIв., сообщается, что казахский хан Шигай в сопровождении кыргызских эмиров прибыл в 1581г. из Дашт-и Кыпчака к Абдаллах-хану для оказания помощи в его борьбе с правителем Ташкента Баба-султаном[659].

В июне 1582 г. сын Шигай-хана Тевеккель, очевидно, при поддержке правителей ряда кыргызских родоплеменных объединений разбил войско Баба-султана около города Ясы (Туркестан) и убил его. За эту услугу Тевеккель получил от Абдаллах-хана земельные уделы в Самаркандской области.

Как показывают вполне достоверные сообщения Бадр ад-дина Кашмири, в это же самое время некоторые кыргызские родоплеменные объединения поддерживали сторонников Баба-султана. По словам автора «Равзат ар-Ризван», племянник Баба-султана Мухаммед Мумин-султан вместе с его сыном Абд ал-Гаффар-султаном нашел приют у алайских кыргызов. Войско Абдаллах-хана во главе с Тевеккелем, отправленное вслед за отрядами этих султанов, на берегу реки Алай встретилось с войском кыргызов. Шейбаниды одержали победу и возвратились в Бухару с пленниками, среди которых был и Абд ал-Гаффар-султан.

Другой влиятельный кыргызский вельможа Хусейн-бий предоставил убежище бежавшим от преследования Абдаллах-хана племянникам Баба-султана – Адие-султану и Хади-султану. Затем при поддержке Хусейн-бия эти султаны совершили поход в Фаракетский вилайет, но, получив отпор со стороны войск Абдаллах-хана, вынуждены были уйти обратно к кыргызам.

Таким образом, тесные союзнические отношения с Казахским ханством поддерживали в основном правители северокыргызских родоплеменных объединений, тогда как предводители родоплеменных объединений Алайской долины проводили самостоятельную политику по отношению к Шейбанидам,

[659] Бадр ад-Дин Кашмири. Равзат ар-ризван № 2094. Л. 236; Машрапов Т.Т. «Раузат ар-ризван ва хадикат ал-гилман» как источник.

оказывая поддержку сепаратистски настроенным силам внутри Бухарского ханства в лице Баба-султана и его наследников.

Однако, несмотря на несогласованность действий правителей кыргызских родоплеменных объединений в подходе к некоторым внешнеполитическим вопросам, в целом, когда дело касалось независимости Киргизстана, все кыргызы выступали единым фронтом и давали решительный отпор захватчикам. Кыргызы, по словам Хафиз-и Таныша, «не подчинялись не только правителям Мавераннахра, но и никому из султанов», что является свидетельством политической самостоятельности Кыргызстана в XVIв.

Следовательно, XVI в. можно определить как период самостоятельного политического и этнического развития кыргызской народности, оказавший огромное влияние на судьбу народа в последующие столетия на его исконно этнической территории.

Конец XVI-начало XVII вв. ознаменовались крупными политическими событиями в истории Средней Азии. К ним, прежде всего, относится падение политической мощи Бухарского ханства, в результате которого произошла смена старой правящей династии Шейбанидов новой Аштарханидской и временное усиление могущества казахских племен, объединенных вокруг хана Тевеккеля, который сумел привлечь на свою сторону и ряд кыргызских и кипчакских племен. Пользуясь возникшими в конце XVI в. политическими неурядицами в Мавераннахре, Тевеккель-хан начал борьбу за господство над оседло-земледельческими районами Ферганы, Ташкента и Самарканда, которую затем продолжили его преемники.

В 1598 г., после смерти шейбанида Абдула-хана II, на бухарский престол вступил его сын Абд ал-Мумин, который через полгода был убит приближенными своего отца. С его смертью власть в Бухарском ханстве фактически перешла в руки военно-кочевой знати узбекских племен, которая выдвинула на ханский престол Пирмухаммед-хана.[660] В этот момент, когда в Бухаре царила смута, Тевеккель-хан из Дашт-и Кипчака повел большое войско в сторону Бухарского ханства. Следует отметить, что по сообщениям источников, этнический состав войска Тевеккель-хана был довольно разнородным и кроме казахов, к нему присоединились еще кочевые узбекские племена, кыргызы и кипчаки.[661]

Тевеккель-хан за короткий срок овладел Ташкентом, Туркестаном, Андижаном, Сайрамом и оттуда двинулся в Самарканд. Кочевники окружили город, а затем перешли к его осаде. Правитель Самарканда Абд ал-Васи-бий, с дорогими подарками перешел на сторону кочевников, которые спустя

[660] Вельяминов-Зернов В.В. Исследование. Ч. 2. С. 343-344; Тарих-и алам-арай-и Аббаси. С.407; Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л..51а-51б.
[661] Тарих-и алам-арай-и Аббаси. С. 407; Мунтахаб ат-таварих. Л. 173а.

некоторое время захватили город. Затем Тевеккель-хан отправился в сторону Бухары, а для охраны города Самарканда он оставил не Ишим-султана, как утверждает Искандар-Мунши,[662] а Ишим Джалаира.[663]

Осада города Бухары продолжалась около двух месяцев и постепенно кочевники стали отходить от города. Тогда Пирмухаммед-хан приказал Мухаммед-Саид Джалаиру тайно провести 300 воинов в Самарканд и захватить этот стратегический город с помощью местного населения. Мухаммед-Саид Джалаир успешно справился с поставленной перед ним задачей, и установил контроль над Самаркандом. В сложившейся обстановке Тевеккель-хан был вынужден снять осаду Бухары и вновь отправиться в сторону Самарканда. Войска Пирмухаммед-хана начали преследовать отступающих и обе стороны остановились в местности Уч-Кара для решающего сражения.[664]

В битве, состоявшейся в Уч-Кара, Аштарханиды, получившие к этому времени подкрепление из других областей, одержали победу и заставили кочевников отступить. Так как уже в это время Самарканд был в руках Мухаммед-Саид Джалаира, войска Тевеккель-хана были вынуждены уйти в Дашт-и Кипчак. Вскоре этот энергичный хан кочевников скончался.[665]

Однако победа Бухарского ханства в сражении в Уч-Кара не принесла желаемых результатов. Почти все города, расположенные на правом берегу реки Сыр-Дарьи и прилегающие районы полностью оказались в руках кочевников.

Только после восшествия на престол Бухары Баки Мухаммед-хана 12-джумада II 1012 г.х.,[666] началась подготовка к походу в Ташкент и Туркестан. По сообщению Махмуда ибн Вали, когда Бухарское войско, выступив из Самарканда, остановилось в местности Айгыр-Яр, оно оказалось лицом к лицу с войском ташкентского правителя Келди Мухаммед-султана. «Келди Мухаммед-султан с войском из кыргызов, казахов и других злосчастных (племен), - пишет Махмуд ибн Вали, выступил из своей области и прибыл в эту же местность».[667] На второй день сражения, разыгравшемся в Айгыр-Яре, кочевники вынудили Баки Мухаммед-хана отступить. Келди Мухаммед-султан, преследуя отступающие войска Аштарханидов, дошел до самого Самарканда. Затем войско казахов и кыргызов перешло к осаде Самарканда. Однако, в конце концов кочевники потерпели поражение и обратились в

[662] Тарих-и алам-арай-и Аббаси. С. 408.
[663] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар, ФВ 337. Л.52а.
[664] Там же. Л. 52а-52б.
[665] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 53а-57б; Тарих-и алам-арай-и Аббаси. С. 408.
[666] 17 ноября 1603 г.; См.: Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л..72б-73а.
[667] Махмуд ибн Вали Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л.73а.

бегство.[668] Данное сообщение Махмуда ибн Вали подтверждается также информацией автора «Силсилат ас-салатин» Мир Мухаммад Салима, который был одним из царевичей Аштарханидской династии и уехал в Индию в начале XVII века, где и написал свое сочинение.[669]

В 1015/1606-1607 гг. умер Баки Мухаммед-хан и в Бухарском ханстве власть перешла в руки его брата Вали Мухаммед-хана. В это время Ташкентом и другими городами, расположенными на правом берегу реки Сыр-Дарьи управлял Ишим-султан. С началом царствования Вали Мухаммад-хана борьба между аштарханидами и кочевниками возобновилась. Он отправил против Ишим-султана многочисленное войско во главе с Мухаммед Баки-бий Калмаком. В сражении на берегу реки Сыр-Дарьи войско Ишим-султана потерпело поражение, и Мухаммед Баки-бий Калмак занял Ташкент.[670]

Спустя некоторое время, казахские султаны при поддержке кыргызов вновь стали нападать на Ташкент, а временами они доходили до Самарканда. Так, например, вскоре после бегства Ишим-султана, Абулай-султан, захватив Ташкент, двинулся в Самарканд, но, получив отпор, вынужден был бежать в сторону Моголистана.[671] В том же году он вторично совершил безуспешное нападение на Самарканд.[672]

Во время восшествия на престол Бухарского ханства Имамкули-хана в конце 1610 - начале 1611 гг., объединенные силы казахских султанов и кыргызских родоначальников снова окружили город Ташкент. Поэтому Имамкули-хану пришлось сразу же после коронации отправиться в поход для защиты Ташкента. Однако еще до прибытия войск из Бухары защитники Ташкента при поддержке подоспевшего им на помощь отряда правителя Ходжента Саки-бия Дурмана заставили кочевников отступить.[673]

Судя по всему, этому вторжению кочевников предшествовало их новое объединение под единой властью Ишим-хана, который осаду Ташкента поручил двум другим влиятельным султанам – Турсун-султану и Абулай-султану. Как повествует Махмуд ибн Вали, после отступления кочевников от Ташкента «Ишим-хан, который был главой казахов, обругав Абулай-султана и Турсун-султана языком властности. еще раз заиграл на трубе вражды и сражения».[674] Но Ишим-хан, получив известие о подходе главных сил

[668] Махмуд ибн Вали.Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л.74а.
[669] Подробно об этом см.: Машрапов Т.Т. Новые сведения о киргизах. С. 36-40.
[670] Махмуд ибн Вали.Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л.80б-81а.
[671] В источниках XVI-XVIII вв, написанных в Восточном Туркестане и в Средней Азии, под Моголистаном обычно подразумевается территория современной Киргизии и Юго-Восточного Казахстана (см.: Акимушкин О.Ф. Комментарии, 45.).
[672] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 83а-85б.
[673] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л.90а-94б.
[674] Там же. Л. .94б-95а.

Имамкули-хана к берегу Сыр-Дарьи, вынужден был отступить в сторону г. Туркестана. Имамкули-хан отправил войско для преследования врагов, которое в районе Шарабхане преградило им путь. По словам Махмуда ибн Вали, казахские султаны в этой ситуации предложили заключить мирное соглашение. Посредником между сторанами стал некий Хазрат Ходжа Хашима, который свою миссию выполнил успешно.[675]

На основе этого соглашения правителем Ташкента был назначен Шах-Саид-султан, сын Турсун-султана, а его аталыком утвердили одного из наиболее влиятельных эмиров Бухарского ханства Ялангтуш-бия Алчина.[676] Говоря о вынужденном поведении казахских султанов при заключении мира, Махмуд ибн Вали, очевидно, в некоторой степени преувеличивает могущество войск Имамкули-хана. По словам Искандара Мунши, Имамкули-хан в это время сам находился в весьма затруднительном положении – с востока ему угрожали казахские султаны, а с запада его соперник Вали Мухаммед-хан, который, получив помощь у иранского Шах Аббаса, отправился в Бухару для восстановления своей власти.[677] Поэтому на наш взгляд, в заключении этого соглашения был больше заинтересован Имамкули-хан, хотя предложение о мире могло быть и со стороны казахских султанов, среди которых не было прочного единства.

Вскоре перед своей решающей битвой с Вали-Мухаммед-ханом Имамкули-хан обратился к казахским султанам с просьбой оказать помощь, на что они откликнулись незамедлительно. В решающем сражении войск Имамкули-хана против Вали Мухаммед-хана, разыгравшемся около Самарканда в середине 1020/1611г.,[678] на стороне первого участвовали отряды Кичинек-султана, брата Абулай-султана и Джанибек-султана, сына Ишим-султана.

Таким образом, как Имамкули-хан, так и казахские султаны на этот раз удачно использовали результаты вышеупомянутого договора, каждый в своих интересах. Если Имамкули-хану необходима была военная поддержка в борьбе против своего грозного соперника за власть, то казахские султаны, безусловно, рассчитывали на крупную военную добычу в случае победы. Поэтому эту поддержку казахских султанов своего недавнего врага нельзя рассматривать как факт какого-то прочного союза между ними. Тем более, почти сразу же после этого сражения, где Вали Мухаммед-хан был убит, а его войско полностью разгромлено, некоторая часть казахов, находившихся под властью Абулай-султана, по словам Махмуда ибн Вали «взбунтовалась».

[675] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л.95а; Тарих-и алам-арай-и Аббаси. С. 595.
[676] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 95а.
[677] Тарих-и алам-арай-и Аббаси. С. 595.
[678] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л..99а-99б.

Войско, отправленное для усмирения «бунтовщиков», было уничтожено и кочевники Абулай-султана, разграбив окрестности Самарканда, ушли обратно.[679]

Еще не восстановивший свои силы после тяжелых потерь в междоусобных войнах Имамкули-хан видимо был не в состоянии противостоять непрерывным нападениям кочевников и на время фактически признал власть казахских султанов над Ташкентом и рядом других городов, расположенных на правом берегу реки Сыр-Дарьи. Так, в это же время управление Ташкентским и Туркестанскими вилайетами было передано в руки Ишим-султана, а его сын Джанибек-султан получил право управления областью Сагрыч.[680]

Однако Имамкули-хан не расставался с намерением при первой же возможности вернуть присырдарьинские города, или хотя бы способствовать приходу к власти над этими районами надежного ставленника из числа самих казахских султанов, так как Ишим-султан сразу же после его назначения правителем Ташкента, «проявил непокорность».[681]

После длительной подготовки Имамкули-хан повел свое войско, сосредоточенное к тому времени в Самарканде, на восток. Махмуд ибн Вали этот поход относит к третьему году правления Имамкули-хана,[682] т.е. к 1021/1612-1613 г. При подходе бухарских войск к Сыр-Дарье, кочевники во главе с Абулай-султаном отступили в сторону Дашт-и Кипчака.[683]

Услышав о бегстве Абулай-султана, Имамкули-хан приказал эмирам выступить вслед за бежавшими кочевниками. Но в это время пришло известие о выступлении правителя Андижана против Имамкули-хана при поддержке казахских племен. Поэтому хан отказался от намерения продолжать поход на Абулай-султана и повелел всем поспешно возвратиться назад. Когда его войско вновь было в сборе, на прием к нему явился Турсун-султан сын Джалим-султана, который, по словам Махмуда ибн Вали, среди казахских султанов отличался тем, что находился в родственных связях с Имамкули-ханом. Именно в лице Турсун-султана Имамкули-хан обрел наиболее подходящего кандидата для правления Ташкентом и другими вилайетами восточной части государства, фактически оказавшихся под властью кочевников. Перед своим походом на Андижан, Имамкули-хан объявил Турсун-султана правителем Ташкента и соседних вилайетов и проводил его со всеми почестями.[684]

[679] Там же. Л. 99б.
[680] Там же. Л. 100б.
[681] Там же. Л. 101а.
[682] Там же. Л. 101а.
[683] Там же. Л. 101б-102а.
[684] Там же. Л. 102б-103а.

Поход на Андижан бухарского войска при участии вспомогательных отрядов, прибывших из Балха во главе с братом Имамкули-хана Надир Мухаммед-ханом, закончился неудачей. Поэтому для подчинения Андижана Имамкули-хану пришлось предпринимать второй поход в Ферганскую долину, под предлогом подавить «восстание» правителя Андижана Ханзаде-султана, сына Келди Мухаммеда-султана.[685] В этот раз, несмотря на ожесточенное сопротивление защитников, многочисленная армия аштарханидов под командованием Ялангтуш-аталыка быстро овладела городом. Эмиры обложили население вилайета хараджем и приказали чтение хутбы и чеканку монет отныне производить от имени Имамкули-хана.[686]

Отголоски этого победоносного похода войск Имамкули-хана имеются и в более позднем источнике «Тарих-и Муким-хани»: «В 1021/1612-1613 гг. (его величество), подняв превыше апогея (свой) могущественный царский штандарт, выступил в поход. И от границ Туркестана до крайних пределов Ашпары и Кара-Тау, избив врагов – казахов, каракалпаков и калмаков, он их жестоко проучил».[687]

Как видно, Мухаммед Юсуф Мунши объединяет многочисленные походы Имамкули-хана на восток в один поход и в его рассказе, кроме даты одного из них, все смешано. В частности, Мухаммед Юсуф Мунши далее сообщает, что «после сего он отправил своего сына Искендер-хана управлять Ташкентом».[688] Это неверное сообщение, к сожалению, составителями «Истории Узбекской ССР» и «Истории Казахской ССР» принято как достоверное.[689] Однако оно опровергается сведениями «Бахр ал-асрар», автор которого был современником описываемых им событий. Согласно вышеприведенным указаниям Махмуда ибн Вали, в это время власть над Ташкентом закрепилась за Турсун-султаном и казахские султаны при поддержке кыргызов по-прежнему оставались фактическими хозяевами Ташкента, Туркестана и сопредельных им вилайетов, а Искендер-султан управлял над Ташкентом гораздо позже, о чем будет изложено более подробно ниже.

В трудах как Махмуда ибн Вали, так и Искандара Мунши, о событиях, имевших место в восточной части Бухарского ханства между 1613-1620 гг., никаких сведений не встречается. Поэтому можно предположить, что за эти семь лет серьезных столкновений между Бухарой и кочевниками не было. Причина этого кроется, очевидно, в том, что официальным присвоением титула правителя Ташкента Турсун-султану, Имамкули-хан сумел рассеять

[685] Там же. Л. 103а-103б.
[686] Там же. Л. 106а.
[687] Муким-ханская история. С..86-87.
[688] Там же. С. .87.
[689] История Узбекской ССР. С. 551; История Казахской ССР. С.175.

вражду между казахскими султанами, в результате которого Ишим-султан, взяв значительную часть казахских племен, а также созных им кыргызских племен, ушел в Восточный Туркестан.[690]

Судя по всему, дружба Турсун-султана с Имамкули-ханом продолжалась недолго, и со временем он перестал быть послушным ставленником, что вызвало новое обострение отношений между Бухарским ханством и казахскими султанами, которые благодаря поддержке предводителей кыргызских племен, фактически являлись независимыми правителями правобережных районов Сыр-Дарьи.

О начале вражды и крупных столкновений между бухарским ханом и Турсун-султаном сообщается в статейном списке русского посла Ивана Хохлова, побывавшего в Бухаре и Самарканде в 1621-1622 гг.[691] О двух сражениях в 1621 г. между войсками Ташкента и Бухары повествует и Искандар Мунши.[692] Но более подробное описание этих событий мы находим в труде Махмуда ибн Вали, который, впрочем, начало вражды Турсун-султана и Имамкули-хана относит к 1033 г. х., сответствующем году свиньи, т.е. к 1623г. В результате состоялось одно из самых крупных сражений между войсками аштарханидов и объединенными силами казахских и киргизских феодалов. По сообщениям автора «Имамкули-хан наме», Турсун-султан собрал около 100 тыс. всадников, из числа которых 10 тыс. было выставлено правителями кыргызских племен.[693]

Получив известие о «восстании» Турсун-султана, Имамкули-хан стал поспешно собирать войско и отправил гонцов в Балх к своему брату Надир Мухаммед-хану, и в Андижан к Абулай-султану, который к тому времени являлся «новым доверенным лицом хана в Андижане» с просьбой прислать подкрепление. После прибытия балхского войска во главе с Шах-Махмудбием численность войска Имамкули-хана достигла будто бы 160 тысяч всадников. На берегу реки Сыр-Дарьи в местности Шахрухия к ним присоединился с войском Андижана Абулай-султан.

В это время дозорные сообщили о подходе войск кочевников, и через некоторое время началось сражение. Во время битвы среди бухарского войска поднялась паника, вызванная бегством Абулай-султана с поля сражения, за ними обратились в бегство все остальные. Турсун-султан стал преследовать отступающих и нанес сокрушительное поражение Аштарханидам, которые потеряли убитыми более 50 тысяч человек.[694]

[690] Подробно об этом см. следующий раздел настоящей главы.
[691] Сборник князя Хилкова. С. 406-422.
[692] Тарих-и алам-арай-и Аббаси. С. 678.
[693] Имамкули хан-намэ № 89. Л. 139а.
[694] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ, 337. Л.107а; Согласно данным Искандара Мунши,

Когда об этом сообщили Имамкули-хану, он опять приказал собрать войско и двинулся в путь. В Самарканде к нему присоединился Хашим-ходжа. Оттуда они направились к местопребыванию казахских племен (юртгах-и аквам-и казак). Достигнув берега реки Сыр-Дарьи, узнали, что дорога к Ташкенту закрыта, так как в крепости Шахрухия, расположенной на этом пути, находится отряд кочевников во главе с Мурад-султаном. Имамкули-хан решил сначала штурмом взять крепость Шахрухия, чтобы очистить путь в Ташкент.

Однако, когда аштарханиды осаждали крепость, вовремя подоспела помощь защитникам, отправленная из Ташкента по просьбе Мурад-султана.[695] Поэтому Имамкули-хан прекратил осаду крепости и послал Хашим-ходжу в Ташкент для ведения переговоров о мире с Турсун-султаном. После долгих переговоров было заключено соглашение о мире, и, по словам Махмуда ибн Вали, Турсун-султан обязался произвести чтение хутбы и чеканку монет на имя Имамкули-хана,[696] что вряд ли соответствует истине.

Описывая эти сражения, Искандар Мунши относит их к 1621 г.[697] Согласно данным статейного списка русского посла к Имамкули-хану Ивана Хохлова, который не приводит точной даты, эти события могли иметь место не позже 1622 г.[698]

Таким образом, все три автора дают различные даты этих сражений и по-разному их описывают, но все трое сходятся в оценке их результатов – поражение потерпел Имамкули-хан. Небезынтересно отметить, что если Махмуд ибн Вали как придворный историк, вину за развязывание войны сваливает на Турсун-султана, то в показаниях Хохлова мы находим следующий рассказ, из которого видно, что среди населения Бухарского ханства было распространено мнение, что зачинщиком этой войны был сам Имамкули-хан: «Да при нем же де при Иване как он был в Бухарах, у Мамкулия царя была измена, хотели его убить за то, что он всчал кровь с Ташкенским напрасную... и хан бежал в Балх».[699]

О придворной интриге, заставившей Имамкули-хана бежать в Балх к своему брату Надир Мухаммед-хану сообщает и Махмуд ибн Вали.[700] На наш взгляд, здесь у обоих авторов речь идет об одном и том же событии. Однако, когда Иван Хохлов прибыл в Бухару, Имамкули-хан уже воевал с Турсун-

число убитых в этом сражении составляло всего 20 тысяч человек. См.: Тарих-и алам-арай-и Аббаси. С. 678.

695 Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 107б.

696 Там же. Л..108а.

697 Тарих-и алам-арай-и Аббаси. С. 678.

698 Сборник князя Хилкова. С. 421-422.

699 Там же. С. 422.

700 Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 108а.

султаном, а упомянутая «измена» состоялась через некоторое время после прибытия русского посла.[701] На этом основании можно предполагать, что начало этих событий относится к 1621 г., а конец к 1623 г.

Таким образом, осуществить свой замысел Имамкули-хану не удалось, в этом ему не помогло также привлечение на свою сторону одного из влиятельных казахских султанов - Абулая, которому была пожалована власть над Андижанским вилайетом. Более того, Турсун-султан и вновь прибывший к тому времени из Восточного Туркестана Ишим-султан в 1624 г. объединились вместе и отправились против Абулай-султана с целью захвата Андижана.[702] Однако, несмотря на долгую осаду, им не удалось взять этот город и через некоторое время они ушли обратно.[703]

Усиление натиска казахских султанов против Бухарского ханства было вызвано, очевидно, не только временным союзом отдельных султанов, но и установлением в 1625 г. временных мирных отношений между ними и джунгарскими феодалами,[704] что позволило им действовать на западе более решительно.

Однако среди казахских султанов постепенно назревала новая волна междоусобной борьбы за власть. Она усиливалась интригами Имамкули-хана, который хотел видеть во главе кочевников, оккупировавших восточную часть его государства, послушного себе султана. Это видно из сообщений И. Хохлова, который пишет, что «Женился Мамкули-царь (на дочери) казачьи орды у царевича у Турсун-султана двоюродного брата, и хочет того, чтоб ему Турсун-султана убить и тестя своего учинить царем».[705]

И. Хохлов не сообщает, на дочери какого именно брата Турсун-султана женился Имамкули-хан. Комментируя это место из донесения русского посла, М.А. Абдураимов полагает, что здесь речь идет об Ишим-султане.[706] Официальный историограф Бухарского ханства Махмуд ибн Вали сообщает только о браке, заключенном между Имамкули-ханом и дочерью Абулай-султана.[707] Это дает более твердое основание полагать, что И. Хохлов под двоюродным братом Турсун-султана подразумевает не Ишим-султана, а Абулай-султана, кого и хотел Имамкули-хан назначить новым правителем Ташкента. В этом отношении кажется также неслучайным выступление Абулай-султана в последних боях на стороне Аштарханидов.

701 Сборник князя Хилкова. С. 394-402.

702 Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 108б.

703 Там же, Л. 108б-109б.

704 МИРМО. Т.1. С. 140.

705 Сборник князя Хилкова. С. .421.

706 Абдураимов М.А., Очерки. С. 114.

707 Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 110б.

Но пока Турсун-султан и Ишим-султан оставались в дружбе, Имамкули-хану так и не удалось исполнить свое намерение. Обстановка изменилась в его пользу только тогда, когда внезапно вспыхнула вражда между этими двумя султанами, окончившаяся поражением и гибелью Турсун-султана. Об этих событиях более подробно рассказывает Махмуд ибн Вали, сведения которого подтверждаются и дополняются сообщениями Абулгази и кыргызского народного предания. «Договор единства между Турсун-султаном и Ишим-султаном был заключен на почве лицемерия, - пишет Махмуд ибн Вали, но они не проявили друг к другу признаки вероломства до тех пор, пока Ишим султану в указанный год (1036/1626-1627 г.) не пришла мысль совершить грабеж племен (аквам) калмаков».[708]

В поход против калмаков Ишим-султан собрал войско из людей подвластного себе племени алакчин и отчасти из числа катаганов, которые были опорой Турсун-султана, что указывает на их совместные действия в начале этого похода. Ишим-султан двинулся в путь и в какой-то местности Моголистана атаковал застигнутых врасплох калмаков, а затем занялся грабежом их имущества.

В это время Турсун-султан, долгое время выжидавший удобного момента для нападения на своего соперника, отправил войско для захвата и грабежа оставшихся людей Ишим-султана в районе г. Туркестана. Люди Турсун-султана, исполнив приказ, с большой добычей и пленными вернулись в Ташкент. В числе пленных находились жены и дети Ишим-султана.[709]

Примечательно, что эти сведения подтверждаются народными преданиями кыргызов, согласно которым до Эшим-хана дошли слухи о том, что в местность Келдюн башы Кеке-Кюлюсюн, расположенную на восточном побережье Иссык-Куля, пришел калмак Аджаан с большим войском и стал уничтожать всех кыргызов, включая беременных женщин. Эшим-хан решил тогда созвать знатных людей на угощение *улюш* и пригласить на него хана Турсуна. Он предлагает Турсуну совместно сразиться с Аджааном. Далее по преданию, Эшим-хан, победив калмаков, возвратился с большой добычей. Но по дороге он узнал о вероломстве Турсун-хана, который, воспользовавшись его отсутствием, захватил все принадлежащее ему имущество и его гарем.[710]

Как видно, сведения источника и кыргызского предания в основном совпадают, что свидетельствует об активном участии в этих событиях некоторых кыргызских племен.

По Махмуду ибн Вали, Турсун-султан задумал покончить и с самим Ишим-султаном во время его возвращения и с войском отправился ему

[708] Там же. Л. 110а.
[709] Там же.
[710] Абрамзон С.М.Народные предания. С. 69-70.

навстречу. Стороны встретились в окрестности Сайрама и вступили в сражение, в котором войско Турсун-султана потерпело поражение.[711] Вскоре после этого Ишим-султану удалось убить самого Турсун-султана, и он отправил его голову Имамкули-хану, который за эту «услугу» пожаловал ему титул правителя Ташкента, Туркестана и других сопредельных вилайетов.[712] Именно в то время Ишим-султан, очевидно, истребил племя катаган, которое являлось опорой Турсун-султана, о чем известно из сообщений Абулгази.[713] Махмуд ибн Вали, хотя и подтверждает принадлежность племени катаган к Турсун-султану, тем не менее, он ничего не сообщает о судьбе этого племени после смерти его вождя. Согласно кыргызскому преданию, Ишим истребил не всех катаганцев, а уцелевшие группы этого племени ушли в сторону Кашгара, а некоторые его роды остались в Кыргызстане и впоследствии вошли в состав кыргызского народа.[714]

После своей победы над соперником Ишим-султан прожил недолго и за время его правления над Ташкентом и Туркестаном конфликты между кочевниками и Бухарским ханством не отмечались. После смерти Ишим-хана (1628 г.) власть в Ташкенте захватил Абулай-султан, который до того времени оставался правителем Андижанского вилайета. В результате междоусобных войн единство казахских султанов значительно ослабло, ушли к себе бывшие в союзе с Ишим-ханом кыргызские военачальники. Вслед за ними откочевало и подвластное Ишиму племя алакчын, которое затем влилось в состав кыргызов.

Отзвуки длительных союзнических отношений кыргызских племен с казахами в период правления над Казахским ханством Ишим-султана сохранились также в исторических преданиях казахского народа, которые были зафиксированы в середине XIXв. Ч.Ч. Валихановым. Согласно этим преданиям, предводителем кыргызских племен и опорой Ишим-султана в его борьбе против Аштарханидов и Турсун-султана был Кокум-бий из кыргызского племени чон-багыш. После его гибели в одном из сражений, в память союза кыргызов и казахов Ишим-султан построил в Ташкенте башню, которая существовала еще в XIX в. и называлась Голубой гумбез Кокума.[715]

В начале 1038/1628 г. в Бухару дошло известие о смерти Ишим-султана и захвате власти в Ташкенте Абулай-султаном, который до того времени оставался правителем Андижанского вилайета.[716] Абулай-султан немедленно

[711] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 110б.
[712] Там же. Л. 111а.
[713] Родословная тюрок, изд. Демезона. Т.1. С. 356.
[714] Абрамзон С.М. Народные предания. С. 70.
[715] Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах. С. 77.
[716] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 111а.

объявил о своей независимости от Имамкули-хана, что послужило поводом для нового похода бухарского войска в Ташкент. В сражении, состоявшемся в местности Каймас, Абулай потерпел поражение и отступил в Ташкент, однако он не смог оставаться там из-за неподготовленности города к защите, поэтому с оставшимися воинами убежал в сторону Моголистана. Войско Имамкули-хана без сопротивления заняло Ташкент и учинило грабеж имущества оставшихся горожан.[717] После этого правителем Ташкента был назначен Абдаллах-султан сын Баки Мухаммад-хана, а его аталыком утвердили Бекмухаммед Казака.[718] Правителем же Андижана Имамкули-хан назначил своего сына Пир-Мухаммед-султана,[719] который был рожден от дочери Абулая.

Спустя некоторое время, Абулай-султан вновь завладел Андижаном и в начале 1040/1630 г. он убил сына Имамкули-хана Пир-Мухаммед-султана, который приходился ему внуком. Разгневанный Имамкули-хан всем эмирам на местах отправил приказ, чтобы они приняли участие в поимке Абулая. После долгих преследований Абулай погиб от руки Али-Мурад-ясаула.[720]

После расправы над Абулай-султаном Имамкули-хан задумал окончательно изгнать кочевников из Ташкента. С этой целью он с большой армией выступил в сторону города Туркестана, и после прибытия в Ташкент новым правителем города и сопредельных вилайетов назначил некоего Искендер-султана, о происхождении которого Махмуд ибн Вали ничего не собщает. А власть над Андижаном была передана в руки Мухамедьяр-султана. Однако он управлял Андижаном недолго и через некоторое время из-за интриг местных сановников был вынужден отказаться от своей власти, и уехал обратно в Бухару. Затем согласно Махмуду ибн Вали, якобы по пожеланию жителей Андижана правителем там был назначен некий Фазл-Ходжа сын Джани-Ходжа.[721]

Через несколько лет после этого многие влиятельные казахские султаны, скрывавшиеся ранее в разных уголках Дашт-и Кипчака и Моголистана, вновь стали обьединяться вокруг Назар-султана для вторжения в восточную часть Бухарского ханства. Это послужило поводом для нового похода Имамкули-хана против кочевников. Во главе многочисленного войска хан выехал из Бухары в Самарканд в новолунии раби II 1045 г.х.[722]

После прибытия Имамкули-хана в Самарканд, было получено известие о

[717] Там же. Л.112а.
[718] Там же; Бартольд В.В. Отчет. С. 201.
[719] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 112б.
[720] Там же. Л. 113а-114б.
[721] Там же. Л. 116б-117а.
[722] 14 сентября 1635 г. см. Бахр ал-асрар, ФВ 337. Л. 117б.

беспорядках в Ташкенте, вызванных раздорами между правителем Искендер-султаном и его аталыком Бекмухаммед-Казаком. Враждебно настроенные к Искендер-султану казахские султаны, воспользовавшись, случаем, сообща выступили против Искендер-султана и его аталыка. В этих условиях Искендер-султан и его аталык вынуждены были бежать из Ташкента. Они ночью покинули город и направились в сторону крепости Шахрухия, дорога к которой уже была в руках их врагов. В стычке они оба были убиты, казахские султаны захватили власть и разделили между собой вилайеты.

Поэтому Имамкули-хан сосредоточив силы в Самарканде, направил их затем в Ташкент. Благодаря хитрости главного эмира бухарских войск Ялангтуш-аталыка, который сумел заручиться поддержкой вождей племен ак-бору и курама, казахские султаны были вынуждены заключить с ним соглашение.[723] По условиям этого договора, султаны обязались покинуть город. Однако через некоторое время кочевники вновь подступили к Ташкенту. «Еще раз, нанося притеснения и ущерб (ташкентцам) – пишет Махмуд ибн Вали, – они уничтожили основу договора. Из-за чрезмерной надменности (осмелились) окружить город и приступили его осаде. Назар-султан, Джахангир-султан сын Ишим-султана и Мухамедьяр-султан внук Турсун-султана стали нападать на крепостные стены».[724]

Однако вскоре Ялангтуш-бий вынудил их бежать обратно в степь. К этому времени прибыло бухарское войско под личным командованием Имамкули-хана, в котором насчитывалось будто бы около ста двадцати тысяч человек. После сорока переходов он достиг берега реки Талас (Талаш). Не встречая на своем пути никакого сопротивления, его войско безжалостно истребляло и грабило всех попавшихся на пути казахов и кыргызов. По словам Махмуда ибн Вали, Имамкули-хан преследовал их до Юлдуза.[725] По возвращении из Юлдуза Имамкули-хан покорил также Андижан. Правителем этого вилайета он назначил одного из своих эмиров, а управление Ташкентом передал в руки некоего Бекоглы-бия Кенегеса.[726]

Имамкули-хан после событий 1635 г. всемерно старался окончательно подорвать пошатнувшееся единство казахских султанов и ослабить их влияние на окраинах своих владений. В конце 1047г.х.(нач.1638 г). ему удалось схватить некоторых казахских султанов во главе с Баки-султаном, сыном Турсун-султана и в целях полной изоляции этих царевичей от своих подданных, он выслал их в Балх на усмотрение Надр-Мухаммед-хана. А в начале

[723] Там же, Л. 120б-121а.
[724] Там же. Л. 121а.
[725] Там же. Л. 121б-122б. Местности Улуг-Юлдуз и Кичик-Юлдуз находятся в бассейне реки Или.
[726] Там же. Л. 123а.

1048 г.х. (сер. 1638 г.) Имамкули-хан при поддержке балхского войска совершил свой очередной поход против казахов и кыргызов и разгромил их в районе Ходжента и Ура-Тюбе.[727]

В свое время академик В.В. Бартольд взаимоотношения кочевников с Бухарским ханством в рассматриваемый период вкратце охарактеризовал так: «За Ташкент, Туркестан и другие города на Сыр-Дарье происходили постоянные войны между бухарским ханом Имамкули и казацкими султанами; обыкновенно даже после победы над казаками он должен был назначить правителя Ташкента из среды султанов. Но в начале 1038/1628 г. могущество казаков было ослаблено смертью Ишим-хана; в том же году бухарское войско заняло Ташкент, управление которым, по словам Махмуда ибн Вали, было поручено Абдулла-султану, сыну Баки Мухаммед-хана».[728]

Однако, как видно из вышеприведенных сообщений того же Махмуда ибн Вали, на которого ссылается В.В. Бартольд, и после смерти Ишима в течение ряда лет правителями Андижана и Ташкента являлись казахские султаны, которые не всегда получали эти должности от Имамкули-хана. Часто, отказавшись платить бадж и харадж, они одновременно чеканили монеты от своего имени, что было признаком их независимости от Бухары. Одной из основных причин распада союза казахских султанов являлась постоянная междоусобная война между ними за верховную власть, которая не отличалась твердостью и способностью положить конец непрерывным междоусобицам.

Как показывает приведенный фактический материал, основной опорой казахских султанов в их борьбе против бухарских ханов являлись не только казахские племена, но и кыргызы. Длительные феодальные войны казахских и кыргызских феодалов с Шейбанидами и Аштарханидами за торгово-ремесленные центры привели хозяйственную жизнь края к упадку. Такие крупные торгово-экономические и культурные центры, как Ташкент, Туркестан, Сайрам, Андижан и другие присырдарьинские города, были разрушены, опустошены богатые сельские поселения, тысячи мирных земледельцев и скотоводов уничтожены.

Те кыргызские родоплеменные объединения, которые в конце XVI в. прочно утвердились в районе Алая и Каратегина, в начале XVII в. постепенно стали продвигаться на запад в сторону Гиссара и Куляба. Уже в первой четверти XVII в. западные границы расселения кыргызов доходили до Куляба, откуда они совершали набеги на жителей соседних районов Кулябского вилайета и Бухарского ханства. В конце 20-х годов XVII в. военачальник правителя Балха Аштарханида Надир-Мухаммеда Абд ар-

[727] Там же. Л. 236 б, 240 б.
[728] Бартольд В.В. Отчет. С. 201.

Рахман-аталык совершил ответный поход на кочевья этих кыргызских племен. Достигнув стойбища кыргызов в Алайской долине, Абд ар-Рахман-аталык учинил жестокую расправу и возвратился с большой добычей.[729]

В 1636 г. в Гиссар прибыла большая группа кыргызов-идолопоклонников из глубинных районов Центральной Азии и по словам Махмуда ибн Вали эти кыргызы здесь приняли не только подданство Аштарханидской династии, но и исламскую религию.[730]

Что касается алайских и каратегинских кыргызов, обосновавшихся здесь еще в конце XVI в., то по сведениям автора «Силсилат ас-салатин», они по-прежнему создавали реальную угрозу безопасности государства Аштарханидов. Так один из предводителей этих кыргызских племен Кутлук-Саид вместе со своими сыновьями Тилака-бием и Каракитай-мирзой между 1642-1643 гг. совершал набеги на Андижан. Поэтому правитель Андижана обратился за помощью к Надир-Мухаммед-хану, который в это время был верховным правителем Аштарханидской династии. В дальнейшем, когда правителем Аштарханидов стал Абд-ал-Азиз-хан, он решил жениться на дочери Тилака-бия по имени Алтын-биби.[731] Очевидно, таким образом, Абд-ал-Азиз-хан намеревался сдерживать непрерывные нападения кыргызских племен на пределы своего государства. Кроме того, отдельные кыргызские военачальники командовали крупными военными подразделениями армии Абд ал-Азиз-хана, что свидетельствует об усилении роли кыргызов в государстве Аштарханидов во второй половине XVIIв.[732]

3.3. Взаимоотношения кыргызов с Могольским государством и их участие в политических событиях в Восточном Туркестане в XVI в.

Под Могольским государством авторы местных исторических хроник и агиографических сочинений XVII-XVIII вв. подразумевают государственное объединение, созданное в 920/1514 г. в Восточном Туркестане с центром в Яркенде, которое охватывало обширную территорию с городами Кашгар, Янги-Хисар, Уч, Аксу, Хотан, Бай, Куча. К этому государству по традиции относились также и восточная область страны с центрами в Чалыше и Турфане, которая фактически являлась самостоятельной государственной единицей.[733] Могольское государство образовалось в начале XVI в. в южной

[729] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 219а, 292а.
[730] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 277а.
[731] Подробно об этом см.: Машрапов Т.Т. Новые сведения о киргизах. С. 36-40.
[732] Мухаммад Салим среди них упоминает Шах-Мухаммед-кыргыза и Мурадбек-кыргыза.
[733] Акимушкин О.Ф.. К вопросу. С. 233.

части Моголистана, северо-западные и центральные районы которого к этому времени оказались фактически полностью в руках казахов и кыргызов. Это обстоятельство во многом предопределило характер дальнейших взаимоотношений казахов и кыргызов с Могольским государством, правители которого постоянно стремились вытеснить их с вышеуказанных районов.

Для усиления борьбы против союза казахских и кыргызских племен в середине 30-х годов XVI в. Могольское государство было вынуждено заключить союз со своими исконными врагами - узбеками-Шейбанидами.[734]

Согласно указаниям большинства восточных источников, в течение более чем пятидесятилетнего соперничества этих двух группировок успех сопутствовал моголам и узбекам Шейбанидам, а поражение терпели казахи и кыргызы.[735] Однако не исключена определенная тенденциозность авторов этих трудов, которые, как правило, хвалебно отзываются о деяниях чагатайских и шейбанидских ханов. В этом отношении весьма показательно вышеизложенное сообщение английского путешественника А.Дженкинсона об окружении города Ташкент со стороны казахов и осаде города Кашгар кыргызскими войсками в течение длительного времени, в результате чего эти два народа почти подчинили себе упомянутые города в середине XVI в.[736]

Поэтому неудивительно, что к началу XVII в. кыргызы не только прочно обосновались на северных и северо-западных границах Восточного Туркестана, но сделались предметом особых тревог жителей Кашгара, Уча и Аксу.[737]

Более поздние источники обычно умалчивают о причинах войн между этими группировками, только в «Тарих-и Рашиди» Мухаммеда Хайдара неоднократно подчеркивается особая роль района Иссык-Куля как района лучших пастбищ. Так, например, один из походов Султана Саид-хана, совершенный в 1522 г. против кыргызов, кочевавших в районе Иссык-Куля, был вызван тем, что пастбища Восточного Туркестана не могли прокормить табуны стада моголов.[738]

Разумеется, этот пастбищный голод не был единственной причиной частных войн между обеими сторонами. Одной из основных причин этого соперничества являлось стремление кыргызов установить свой контроль над торговыми путями, связывающими Запад и Восток, которые проходили через города Средней Азии и Восточного Туркестана. Доказательствами тому служат вышеприведенные сообщения английского путешественника А.

[734] Акимушкин О.Ф.. Могольско-узбекский союз. С. 37-40.
[735] Акимушкин О.Ф.. К вопросу. С. 234-243.
[736] Early Voyages. Vol.1. P. 90-91.
[737] Акимушкин О.Ф. Исследование. С.130.
[738] Бартольд В.В. Очерк. С. 93.

Дженкинсона о блокировании казахами и кыргызами торгового пути, связывающего Китай со Средней Азией. А.Дженкинсон в своем дневнике также отмечает, что «они закрыли путь до такой степени, что ни один караван не может избежать ограбления».[739]

Немаловажное значение имел вопрос сбора религиозного налога - зеката среди кыргызов и казахов. Сидевшие в городах Восточного Туркестана ходжи и их мюриды нередко призывали на помощь ханское войско для сбора зеката от кыргызов и казахов, ибо последние, судя по всему, не всегда платили зекат добровольно. Так, в анонимном сочинении «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф» содержится любопытный материал об отказе кыргызов платить зекат, вследствие чего был предпринят поход Абд ал-Латиф-султана, во время которого его убили кыргызы.[740] Затем с целью мести за смерть своего сына Абд ар-Рашид-хан при непосредственном участии Ходжа Мухаммад Шарифа организовал кровопролитный поход на казахов и кыргызов.[741]

Несмотря на все усилия могольских ханов, направленные на вытеснение кыргызов из северного Тянь-Шаня, в конце правления Абд ал-Карима, т.е. в начале последнего десятилетия XVI в. кыргызы прочно занимали территорию, расположенную между Чалышем и Таласом с юга на север и между Турфаном и Сарыколом с востока на запад.[742]

В самом конце XVI в. долголетний союз между Могольским государством и Шейбанидской династией Бухарского ханства был нарушен походом стотысячного войска узбеков в Кашгар, причина которого до сих пор остается не совсем ясной.[743] Хотя этот кратковременный поход узбеков не дал тех результатов, на которые они рассчитывали и не нанес сколько-нибудь значительного ущерба Могольскому государству, но, будучи явным свидетельством разрыва узбекско-могольского союза, положил начало более свободным действиям казахов и кыргызов как в территории Восточного Туркестана, так и в Средней Азии. Набеги кыргызов на Восточный Туркестан участились со смертью Мухаммед-хана в 1609-10 гг.[744]

После прихода к власти в Яркенде Шуджа ад-Дина Ахмад-хана в 1018/1609-10 г. центральная власть начала предпринимать более решительные меры против сепаратизма правителя в восточной части государства Абд ар Рахим-хана и стоящих за его спиной главарей казахов и калмаков, а также

[739] Early Voyages. Vol. I. P. 91.
[740] Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф А 237. Л. 67а-69а.
[741] См.:Акимушкин О.Ф.. К вопросу. С. .239-241.
[742] МИКК. С. 186, 188-189; Хроника. С. 169.
[743] См.: Акимушкин О.Ф. К вопросу. С. 243-245.
[744] См.: Хроника. С. 173-179; МИКХ. С. 332; Акимушкин О.Ф. Комментарий. 171.

против нападений кыргызов с севера и севера запада.[745]

Отсюда можно увидеть попытку Шуджа ад-Дина Ахмад-хана хоть в какой-то степени ослабить все более растущее вмешательство предводителей кыргызских племен во внутренние дела Могольского государства и остановить набеги, совершаемые ими как в подвластные территории, так и на торговые караваны государства, идущие на другие страны через Восточный Туркестан. Но в условиях, когда почти все враждующие группировки страны, как правило, призывала на помощь войска предводителей кыргызских, казахских и калмакских племен, остановить их вмешательство во внутренние дела государства, было очень трудно. К тому же во время его правления из Ташкента вместе с подвластными себе племенами прибыл Ишим-султан, который, закрепившись в северных районах Восточного Туркестана, стал активно поддерживать Абд ар-Рахим-хана в его борьбе против центральной власти.

После убийства Шуджа ад-Дина Ахмад-хана в 1024/1615 г. на престол в Яркенде вступил его младший сын Абд ал-Латиф-султан.[746] Тогда Абд ар-Рахим-хан и его союзник Ишим-султан начали совместную длительную, но безуспешную войну с Абд ал-Латиф-ханом за обладание областью Аксу.[747] В конце концов, при посредничестве Ишим-султана было заключено мирное соглашение между Абд ал-Латиф-ханом и Абд ар-Рахим-ханом, и последний ушел к себе в Чалыш.

Далее Махмуд ибн Вали сообщает, что «Когда на шестой год ушел в Ташкент Ишим-хан, Абд ар-Рахим-хан удержал свою руку от подола (нового) вторжения и нападения на (Аксу) и прекратил (свое существование) в одном из уголков Чалышской области».[748]

Выше было сказано, что в конце XVI в. отдельные группы кыргызов были отмечены в источниках в районе Чалыша и Турфана, против которых, по инициативе ходжей, вел неоднократно свои войска Мухаммед-хан. В последующих событиях, имевших место в восточной части Могольского государства и весьма подробно изложенных в «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали, в «Хронике» Шах Махмуда Чураса и в «Тарих-и Кашгар», кыргызы совершенно не приняли участия. Это наводит на мысль о том, что кыргызы, с

[745] МИКХ. С. 334.
[746] МИКХ. С. 338; Согласно сообщению Шах Махмуд Чураса, это событие произошло в 1028/1068 гг. См.: Хроника. С.194.
[747] Хроника. С. 202; Бартольд В.В. Отчет. С. 181; Акимушкин О.Ф. Комментарий. 228.
[748] МИКХ. С. 345. Отъезд Ишим-султана из Бая в Ташкент по данному контексту приходится примерно на 1033-1034/1623-24-1624-25 гг. (МИКХ, примечание 74, С. 550). Но из рассказа того же автора, изложенного им в четвертой части шестого тома своего сочинения, имя Ишим-султана после долгого отсутствия вновь появляется только в связи с событиями, происшедшими в Андижане и Ташкенте в 1624 г. (Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 108б). Поэтому можно предположить, что Ишим-султан покинул Бай либо в конце 1623, либо в начале 1624 г.

одной стороны, под ударами войск Могольского государства, а с другой под давлением калмаков были вынуждены покинуть район Чалыша и Турфана уже в первой четверти XVII в. и ушли кочевать по юго-западным и северным склонам Тянь-Шаня. В дальнейшем в источниках кыргызы чаще упоминаются в связи с событиями, происшедшими в западной части Могольского государства, на северном Тянь-Шане, в районе Иссык-Куля и в горных областях, лежащих между Кашгаром и Хутталаном. Кыргызы начали активизировать свои действия к концу правления Абд ал-Латиф-хана и однажды разорили деревню Шахназ, расположенную на юго-востоке от Янги-Хисара.[749]

По мере усиления междоусобной войны в западной части государства, вызванной смертью Абд ал-Латиф-хана, кыргызы, изменив тактику, от обычных набегов перешли к служению на стороне претендента на ханский престол Султан-Махмуд-хана, который восстал против своего брата Султан-Ахмад-хана, преемника Абд ал-Латиф-хана. Согласно утверждениям анонимного автора «Тарих-и Кашгар», в походе Султан-Махмуд-хана на Яркенд, завершившегося успехом, приняло участие семитысячное войско кыргызов во главе с Сокур-бием Кушчи.[750] Шах Махмуд Чурас сообщает о двух походах Султан-Махмуд-хана на Яркенд и, по его сведениям, кыргызы участвовали только в первом из них, который был неудачным, причем он не упоминает ни численности кыргызского войска, ни имени его предводителя.[751]

Таким образом, на основе изложенных в этом разделе фактов можно констатировать, что соперничество кыргызов с Могольским государством началось почти со времени его образования.

Эта длительная борьба была вызвана, прежде всего, экономическими и военно-политическими интересами соперничающих сторон. Вытеснение кыргызов из Тянь-Шаня обеспечивали бы для Могольского государства лучшие пастбища и безопасность продвижения торговых караванов своих подданных и других стран, следующих через Восточный Туркестан. Кыргызы, наоборот, старались удержать свои кочевья и установить прочный контроль над торговыми путями между Востоком и Западом. Отдельные походы войск Могольского государства на кочевья кыргызов совершались по инициативе суфийских шейхов для принуждения их к уплате религиозного налога - зеката.

По мере усиления междоусобной войны в Могольском государстве предводители кыргызских племен стали активно вмешиваться в его внутренние дела путем поддержки сепаратистки настроенных правителей и претендентов на власть. В результате все усилия центральной власти

[749] Бартольд В.В. Киргизы. С. 518; Хроника. С. 205;
[750] Тарих-и Кашгар С 576. Л. 82а.
[751] Хроника. С. 207.

Могольского государства, направленные на ограничение влияния кыргызов на ход внутриполитических событий не принесли ей ощутимых результатов.

3.4. Взаимоотношения кыргызов с калмаками Джунгарии в XVI-XVII вв.

Западные монголы, тюркское название которых калмаки,[752] а китайское название олоты (элеты),[753] с самоназванием ойраты,[754] впоследствии более известны как джунгары.[755] Как отмечалось выше, ойраты после падения первого их государственного объединения под властью Эсен-хана в середине XV в., были вынуждены изменить направление своей внешнеполитической активности. Теперь, лишенные возможности пограничной торговли с Китаем, они видели единственный выход в удовлетворении столь необходимой для кочевников продукцией оседло-земледельческого хозяйства только в переориентации на запад. В этих условиях их естественными партнерами могли стать только Восточный Туркестан и Средняя Азия.

Но этнические, религиозные и языковые различия, которые разделяли калмаков от народов, живущих в этих странах, очевидно, сыграли свою роль. Ибо посольство, отправленное калмаками вскоре после смерти Эсен-хана в Герат к тимуридскому султану Абу Саиду в 1459 г., очевидно, с целью заключения торговых соглашений, по всей вероятности, никакого результата не добилось. Об этом свидетельствует следующее сообщение Хасана Румлу: «В этом году (869 г.х./1464-1465 г.), – пишет он, племя из неверных калмаков вторглось в (пределы) подвластных (Абу Саиду) стран и произвели разбой и ограбление. Обнаружили все, что можно было разграбить, и, взяв множество пленных, возвратились назад». Однако, по словам автора, калмаки были настигнуты войском султана и полностью уничтожены.[756]

Таким образом, пока еще неоправившиеся после тяжелых потерь на востоке калмаки, и на северо-западе не добились успеха ни в военном, ни в дипломатическом отношении. В этих условиях главное внимание калмакских предводителей было уделено борьбе за обладание Хамийским округом, расположенным на главном торговом пути, связывавшем Китай со странами Запада. В этой борьбе калмакам противостояли силы Китая и Моголистана.[757]

[752] Бартольд В.В. Калмыки. С. 538.
[753] Bretschneider E. Mediaeval researches. T.II. P. 168.
[754] Pelliot P. Notes critiques. P. 4-5.
[755] МИРМО. Т.1. С.12; Pelliot P. Notes critiques. P. 4.
[756] Ахсан ат-таварих. С. 439.
[757] Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. С. 69.

Трехсторонняя борьба за город Хами длилась с переменным успехом в течение всего XV в. А в XVI в. главным противником калмаков в этом районе становится восточная часть Могольского государства с центрами в Чалыше и Турфане.

По свидетельству мусульманских источников, в этом почти вековом соперничестве успех сопутствовал в большинстве случаев могольским ханам,[758] что подтверждается и сведениями китайских источников, согласно которым причиной передвижения калмаков в южном направлении в конце XVI в., было давление, оказанное на них правителями Турфана.[759] Однако там, в Ордосе и Кукуноре, куда вынуждены были бежать ойраты, уже обосновались восточные монголы, объединенные под властью Алтан-хана Туматского. По свидетельству монгольских источников, Алтан-хан разгромил ойратов и вынудил их бежать обратно в Джунгарию.[760]

Очевидно, какая-то часть ойратских племен в это время подчинилась правителю восточных монголов, о чем свидетельствует сообщение турецкого автора Сейфи, писавшего не ранее 1582 г., согласно которому князь калмаков носил титул Алтан-хана. Этот же автор рассказывает о разорительных набегах между казахами и калмаками, во время которых последние иногда доходили до Ташкента.[761] По рассказу Абулгази, около 1012г.х./1603-1604 г. калмаки в количестве 1000 человек предприняли набег на территорию Хивинского ханства.[762]

В 1607 г. одному из известных калмакских тайш Хо-Урлюку, а также Далаю Богатырю были отправлены служилые люди из Тары с предложением принять подданство России. При этом царское правительство обещало «их ото всех недругов от казацкие орды и от Нагаи и от иных недругов беречи и обороняти».[763] В сентябре того же 1607 г. в Тару явились послы калмакских тайш и просили защиты «от казацкой орды и царя Алтына Мунгальского». Но, заключив мир с Россией, калмаки в течение 1607 и 1608 гг. дважды совершали походы на кочевья казахов.[764]

Согласно сведениям Махмуда ибн Вали, в 1021/1612-13 гг. Турсун-султан сын Джалим-султана, который в этом году был назначен правителем Ташкента и пользовался поддержкой Имамкули-хана, отправил гонца в Бухару. В своем донесении он писал, что некоторые «казахские султаны

[758] Акимушкин О.Ф. Введение. С. 136.
[759] Bretschneider E. Mediaeval researches, T. II. P. 170.
[760] Златкин И.Я. История джунгарского ханства. С. 69.
[761] Султанов Т.И.. Краткое описание сочинения Сейфи. С. 47.
[762] Родословная тюрок, изд. Демезона. Т.1. С. 275; Т.2. С. 296.
[763] МИРМО. Т.1. С. 22-23.
[764] Богоявленский С.К. Материалы. С. 54.
[765] Там же. С. 55.

(салатин-и казак), заключив договор единства с племенами кыргызов и калмаков (аквам-и кыргыз ва калмак), наводят ужас и грабят некоторые улусы Турсун-султана на берегу Сыр-Дарьи (Сейхун)».[766] Как показывают эти факты, взаимоотношения казахов, калмаков и кыргызов за этот период были нестабильными, и конфронтации между ними сменялись временными союзами.[767]

По сведениям русских источников, и за последующие несколько лет отмечались относительно мирные отношения между калмаками, казахами и кыргызами. Даже сообщается о подчинении казахов и кыргызов калмакам. Так, весною 1616 г. князь Иван Семенович Куракин отправил из Тобольска Т. Петрова и И. Куницына «В колмацкую землю к тайшам производити их под государеву руку... А как они были в колмацкой земле... будучи проведали, что в колмацкой земле ныне в подданстве и в их послушанье Казачья Большая орда да Киргизская орда, и тем самым обоим ордам колмаки сильны. А которые ясыри Казатцкие и Киргизские земли прежде сего были пойманы в полон в Колматскую землю, и тех ныне Богатырь-тайш, сыскивая, отдает им без окупу. А Казачьи и Киргизские орды начальники о том ему присылают бити челом, и живут с ним в совете и во всем Богатыря-тайша над собою почитают и его слушают».[768]

Один из первых комментаторов цитированного донесения русских послов, английский историк Дж.Бэдли, на наш взгляд, совершенно справедливо замечает: «Мы должны учитывать, что эти сведения даны самими калмаками и поэтому возможно преувеличены».[769] Поэтому трудно поверить в сообщение первых двух русских послов о полном подчинении казахов и кыргызов калмакам.

В 1620 г., по словам приехавшего из калмакских улусов толмача Пятунки Семенова, калмакские тайши отправили своих послов к «Казачьей орды Ишим-царю» для переговоров о мире и в то же время сами напали на улусы Ишима и перебили много людей. Разгневанный Ишим-султан убил послов и двинул на калмаков большое войско и в свою очередь перебил

[766] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л.104б; На наш взгляд, во главе тех казахских султанов, воевавших против Турсун-султана, стоял Ишим-султан, который был одним из главных претендентов на верховную власть над казахскими ханствами. Вышеприведенное сведение «Бахр ал-асрар» частично подтверждается и материалами исторического предания кыргызов, согласно которым кыргызы выступили на стороне Ишим-султана в его борьбе против Турсун-султана. См.: Абрамзон С.М. Народные предания. С. 68-69.

[767] О мирных, добрососедских отношениях между казахами и калмаками Джунгарии в указанный период см.: Едилханова С.А. Казахско-джунгарские взаимоотношения. С.14-21.

[768] МИРМО. Т. 1. С. 53.

[769] Baddaley J. Russia, Mongolia, China. Vol.II. P. 38.

много калмаков, в том числе двух тайш.[770]

Пятунка Семенов также сообщил, что Турсун-султан прислал своих послов к калмакским тайшам и от имени Бухарского ханства потребовал прекратить совершаемые калмаками грабежи бухарских купцов, идущих с торгом в Россию. В случае продолжения подобных грабежей Турсун-султан пригрозил отправить войско против калмаков.[771] Это сообщение свидетельствует о заметном усилении калмаков к этому времени на северо-востоке, в результате чего возникли серьезные беспокойства у Бухарского ханства. С другой стороны оно показывает, что в 1620 г. Турсун-султан ещё сохранял мирные отношения с Бухарским ханством и покровительствовал его торговым караванам, следующим через территорию казахских племен в Россию.

Через несколько лет, в 1625 г., когда Турсун-султан изменил свою политику по отношению к Бухаре и при поддержке Ишим-султана начал воевать против Имамкули-хана, он одновременно изменил политику и по отношению к калмакам, заключив с ними мирный договор.[772] Но этот мир был непрочен. Как только война между Бухарским ханством и казахскими султанами временно прекратились, Турсун-султан и Ишим-султан приготовились к совместному походу против калмаков. Объединенное войско казахских султанов выступило в поход в 1036/1626-1627 г. под главенством Ишим-султана, а Турсун-султан остался у себя в Ташкенте.[773] Об этом походе Ишим-султан против калмаков подробно изложено в первом разделе настоящей главы. К этому следует только добавить, что известие Махмуда ибн Вали подтверждается сообщениями русских источников. В 1627 г. «приехавший с Эмбы в Астрахань татарин сообщил, что царь Казахской орды Ишим ходил войной на калмыков и многих побил».[774] Там же сказано, что в результате этого похода Ишима калмаки были вынуждены откочевать к отдаленным районам Сибири.[775]

Только после ослабления могущества союза казахских племен из-за постоянных междоусобных войн и растущего давления на них бухарских войск, калмаки вновь приблизились к кочевьям казахских улусов и городам Средней Азии. Приехавший в Тару бухарский посол сообщил, что «Раннею весною 1633 г. калмакские тайши Лоузен и Коросан напали на бухарский город Савран, захватили 1700 пленных, перебили много людей и разграбили все

[770] Богоявленский С.К. Материалы. С. 60; МИРМО. Т.1. С. 104.

[771] МИРМО. Т.1. С. 105.

[772] МИРМО. Т.1. С. 140.

[773] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 110а.

[774] Богоявленский С.К. Материалы. С. 64.

[775] Там же.

имущество».[776] Махмуд ибн Вали, так же описывая события, происходившие примерно в это время, сообщает о нашествии калмаков в пределы Туркестана.[777] Поскольку Махмуд ибн Вали не указывает точной даты этих событий, сейчас трудно установить, идет ли речь в обоих источниках об одном и том же нашествии калмаков в пределы Туркестана. Во всяком случае, эти сведения источников ясно свидетельствуют о возникновении серьезной угрозы со стороны калмаков оседлым районам Средней Азии уже в начале 30-х годов XVII в.

В русских источниках отмечены два крупных столкновения между калмаками и казахами в первой половине 1635 г., причем во время первой войны калмаки взяли в плен самого главаря казахов Янгир-султана (Джахангир-султан), сына Ишим-султана. По сообщениям источника, инициатором войн в обоих случаях были калмаки.[778]

Усиление угрозы со стороны калмаков на присырдарьинские города, безусловно, не могло не беспокоить Бухарское ханство. Но, судя по всему, Имамкули-хан, вместо того, чтобы предпринять более надежные меры защиты от нападений врага, в свою очередь начал совершать ответные набеги на кочевья калмаков. Как свидетельствует Махмуд ибн Вали, в 1635 г. по приказу Имамкули-хана некоторые ташкентские беки выступили в поход против калмаков. «Тик-Мирзай Мангыт и Кулмурза-Бек Конграт,- пишет он, в конце 1044 г.х. (сер. 1635 г.) отправились из Ташкента, и за 35 суток достигли стойбища (юртгах) калмакских племен в местности Тогуз-Баш, которая находится в отдаленном уголке Дашт-и Кипчака. Там совершили неисчислимые убийства и пленения (калмаков), после чего возвратились в полном здравии и веселье и удостоились государевой благосклонности (Имамкули-хана)».[779] Очевидно, это сведение источника несколько преувеличено, ибо, как известно, к тому времени ранее раздельно кочевавшие на огромных территориях Западной Сибири ойратские улусы начали объединяться на правом берегу Иртыша под эгидой чоросских князей, во главе которых стоял Хутухайту-Харахула-тайши.[780] После смерти Харахула в 1634 г. власть над всеми ойратскими владениями на территории Джунгарии перешла в руки его сына Батура. А 1635 год, по словам сибирского летописца Черепанова, стал первым общепризнанным годом существования Джунгарского ханства.[781]

Вышеприведенные сведения различных источников и анализ содержащихся в них фактов позволяют сделать некоторые выводы о характере взаимоотношений калмаков со своими западными соседями в рассматриваемый период.

[776] Богоявленский С.К. Материалы. С. 70.
[777] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 117а-117б.
[778] МИРМО. Т.1. С. 278.
[779] Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. ФВ 337. Л. 117б.
[780] Златкин И.Я. История джунгарского ханства. С. 150.
[781] Златкин И.Я. История джунгарского ханства. С. 151; Pelliot P.. Notes critiques. P. 21-24.

Передвижения ойратских племен в западном направлении были обусловлены главным образом экономическими причинами-попытками установления контактов с оседло-земледельческими районами Восточного Туркестана и Средней Азии и поисками новых пастбищных территорий. Это в свою очередь угрожало жизненным интересам кыргызов, казахов, Бухарского ханства и Могольского государства, вызывая тем самым непрерывные войны между ними.

В этой борьбе в течение первой четверти XVII в., в целом, успех сопутствовал кыргызам и казахам, но с начала 30-х годов XVII в. начали одерживать верх калмаки, что связано с образованием Джунгарского ханства. Несмотря на многочисленные столкновения, происходившие в течение этого периода между ними, периодически отмечались и временные военные союзы между отдельными соседними племенами калмаков, казахов и кыргызов.

После установления своей власти над всеми ойратскими владениями в Джунгарии, Батур-хунтайджи организовал представительный съезд ханов и князей Халхи, Кукунора и волжских калмыков, состоявшийся в начале сентября 1640 г. в Тарбагатае, на территории Джунгарского ханства.[782] Как известно, этот съезд закончился утверждением «Монголо-ойратских законов 1640 г. (Цааджин бичиг)».[783] При этом одной из главных целей организатора съезда Батура-хунтайджи было заручиться поддержкой других монгольских ханств во время предстоящих завоевательных походов Джунгарии в Средней Азии.

Убедительным свидетельством этого служит первый крупный по масштабу военный поход калмакских феодалов со времени образования Джунгарского ханства против казахов и кыргызов, совершенного ими при поддержке войск правителя Монголии Алтан-хана и главы волжских калмаков Хо-Урлюка.[784] Согласно рассказу Г.Ильина, Батур-хунтайджи сначала «взял две землицы алатай-киргизов да токмаков тысяч з 10».[785] Затем войско Батура-хунтайджи двинулось в сторону Ташкента и Туркестана, но немногочисленное войско казахского Джахангир-султана при поддержке

[782] Златкин И.Я. История джунгарского ханства. С. 172.
[783] Там же. С. 173.
[784] МИРМО. Т.2. С. 234, 237.
[785] Там же. С.239;Ромодин В.А. и Кондратьев А.А. Опыт сопоставления. С.128. Здесь под термином «алатай киргизов» подразумеваются тянь-шаньские кыргызы, а под термином «токмаков» подразумевается не местность Токмок в Кыргызстане, а территория казахских ханств, ибо ойраты территорию Золотой Орды называли «Токмакским улусом».

прибывшего на помощь бухарского войска (во главе с Ялангтуш-аталыком) заставили калмаков отступить с крупными потерями. Однако Батур-хунтайджи все же сумел закрепиться в захваченных землях.[786]

Это же событие несколько подробнее описывается в «Силсилат ас-салатин» Мир Мухаммад Салима, который приводит точную дату настоящего сражения между калмаками, с одной стороны, кыргызами, казахами и Аштарханидами – с другой стороны. Согласно его сообщениям, в 1643 году Джахангир-султан обратился за помощью к аштарханидскому царевичу Абд ал-Азиз-султану оказать содействие в борьбе против нашествия калмаков и просил его отправить на помощь войско. Поскольку незадолго до этого события Абд-ал-Азиз-султан женился на дочери Джахангир-султана, было принято решение отправить войско под руководством Ялангтуш-аталыка.[787]

Однако, по рассказам Мир Мухаммад Салима, сначала в сражение с калмаками на стороне Джахангир-султана с небольшим отрядом вступил сам Абд ал-Азиз-султан и только потом, когда калмаки стали оттеснять объединённые силы казахов и Аштарханидов, подошло подкрепление во главе с Абд ар-Рахман-бием и Ялангтуш-аталыком. Пока трудно судить насколько верно сообщение автора «Силсилат ас-салатин» о личном участии Абд ал-Азиз-султана в этой войне, но становится ясно, что к этому времени все народы Средней Азии осознали небходимость объединения военного потенциала государств региона против надвигающейся с востока общей угрозы экспансии Джунгарского ханства.

Согласно сообщениям автора биографии Зая-Пандиты, новое выступление Батура-хунтайджи на запад состоялось зимой 1647 года. Однако, по сведениям из того же источника, Батур-хунтайджи вынужден был прервать свой поход из-за вспышки восстания некоторых калмакских предводителей против его власти в Джунгарии.[788]

О следующем крупном походе калмакских феодалов в Среднюю Азию, состоявшемся в 1652 г., в научной литературе достаточно хорошо известно. Однако до сих пор различные авторы об этом пишут по-разному и порою встречаются довольно противоречивые суждения. Так, если И.Я. Златкин считает поход направленным на казахов,[789] то А.Ф. Бурковский со ссылкой на устаревшую работу Н.А. Аристова утверждает, что он был организован самим Батуром-хунтайджи, а во главе войска стоял его сын Очирту-Цецен-хан.[790]

[786] МИРМО. Т.2. С. 234, 239.
[787] Машрапов Т.Т. Новые сведения о киргизах. С. 36-40.
[788] Лунный цвет. С. 15.
[789] Златкин И.Я. История джунгарского ханства. С. 201.
[790] Бурковский А.Ф. Борьба киргизского народа. С. 78.

Приведем сообщение нашего источника об этом походе полностью: «В ту зиму (1652 зимою года дракона), покорив бурутов, прибыл Цецен-хан. В этом походе, в семнадцать лет, Галдамба поразил Янгир-хана. В честь умершей матери он (Цецен-хан) приказал собрать 100 мальчиков, из них 50 подарил хутухте для посвящения их в банди. Других подарил Ачиту Цорджи и прочим ламам, хуваракам отдал в банди 100 бурутских мальчиков из 100 отоков».[791]

Как явствует отсюда, Батур-хунтайджи в этом походе участия не принимал, а организатором был Очирту Цецен-хан, который приходился сыном Байбагаса, а не Батура-хунтайджи и считался владетельным князем хошоутов.[792] Упомянутый Галдамба, убивший Джахангира, в свою очередь, был сыном Очирту Цецен-хана.[793] Из приведенного сообщения видно, что поход был направлен, в первую очередь, на кыргызов (бурутов) и война происходила на территории Кыргызстана. Судя по всему, в ней на стороне кыргызов принимало участие также казахское войско во главе с Джахангир-ханом.

В следующем, 1653 г., умер основатель Джунгарского ханства Батур-хунтайджи. С его смертью начались новые междоусобные войны феодальных группировок, которые привели к образованию двух враждебных лагерей в Джунгарском ханстве.[794] Тем временем, западные соседи калмаков, неплохо осведомленные о сложном внутреннем положении Джунгарии, воспользовавшись удобным моментом, попытались отомстить за предыдущие нападения на их территории. Сокбон Раднабатор сообщает, что «…в первой декаде первого весеннего месяца года собаки (1658 г.) бухарский военачальник Абдушукур с 38 000 войском пришел в Талас. Галдамба один находился на границе, лично собрал три тысячи человек и в (местности) Хулан-Джилан на рассвете с шумом врезался (в неприятеля), преследовал его до (пещеры) Кугийин-Аман и убил Абдушукура. Когда Шах-Ходжо и другие, остановившиеся на южной стороне, собрали 300 богатырей, отставших от (главных сил), Галдамба победил их и взял в плен»[795]

Долгие старания Зая Пандиты и других лиц примирить враждующие стороны оказались безуспешными, и кризис вылился в затяжную войну, которая закончилась в 1661г. в пользу сторонников Сэнгэ.[796] Дальнейшее обострение междоусобицы привело к убийству Сэнгэ в начале 1671 г. в результате заговора своих старших братьев. Однако со смертью Сэнгэ борьба среди

[791] Лунный свет. С. 37.
[792] Baddeley J. Russia, Mongolia, China. Vol.1. Appendix, table D.
[793] Там же; Pelliot P. Notes critiques. Vol.2. Tableau 2.
[794] Златкин И.Я. История джунгарского ханства. С. 206-208.
[795] Лунный свет. С. 41-42
[796] Лунный свет. С. 49-50; Подробно об этом см.: Мокеев А.М. Некоторые вопросы.

политических группировок Джунгарии только усилилась. Новым ханом стал более энергичный брат Сэнгэ – Галдан. Для укрепления своей власти он первым делом разгромил противников централизации Чохур-Убаши и Очирту-Цецен-хана. Доведенный до крайности грабительскими войнами, простой народ вышел из повиновения хану. Во избежание наказания большая часть народа откочевала на Волгу и в Кукунор.[797]

Галдан Бошохту-хан в 1678 г. в результате долголетней борьбы, окончательно упрочив свою верховную власть над всей Джунгарией, сразу же начал новые завоевательные походы в Средней Азии и в Восточном Туркестане. В данный момент эти внешние завоевания необходимы были Галдану и поддерживающей его кочевой знати, прежде всего для того, чтобы на более или менее длительное время затушевать и ослабить усилившийся в джунгарском обществе междоусобицу.

После взятия Яркенда в 1680 г.,[798] Галдан в течение нескольких лет был занят покорением Ферганской долины и Ташкентского оазиса. К сожалению, автор биографии Зая-Пандиты повествует об этом очень кратко и не излагает никаких подробностей. Поэтому мы приведем его сообщение о походах Галдана полностью: «Ту зиму (1680 г.) Бошокту-хан опять провел в Боро-Тала. В год курицы (1681г.), отправив войско, окружил Сайрам. Возвратясь в год собаки (1682 г.), он зимовал в Или. В год свиньи (1683 г.), предприняв поход против Сайрама, привел двух султанов. Осенью того же года снова отправился в поход и покорил многих бурутов Андижана. В год мыши (1684 г.), разграбив Цокуй,[799] опять отправился в поход на Андижан. Летом того же года Рабдан разрушил город Сайрам. Осенью в год тельца (1685 г.) Бошокту-хан предпринял поход на анджианцев и взял в плен многих беков».[800]

После этих удачных походов в северо-восточной части Средней Азии Галдан Бошокту-хан, резко изменив свою внешнюю политику, вторгся в пределы Восточной Монголии (Халхи) с целью объединения всех монголо-ойратских ханств, где его интересы столкнулись с интересами Цинского Китая, и после провала восточного похода он закончил жизнь самоубийством в 1697г.[801]

---

[797] Мокеев А.М. Некоторые вопросы. С. 82.

[798] Подробно об этом см. следующий раздел настоящей главы.

[799] До сих пор исследователям не удается точно установить, о каком же городе идет речь в данном случае. Обращает на себя внимание название города (Goho), расположенного к югу от Андижана (Anjian) на калмакской карте, известной под названием «Карта Рената», которая была издана английским историком Дж. Бэдли в 1912 г. в Лондоне. Дж. Бэдли идентифицирует Гохо с городом Ош, что нам кажется маловероятным (Baddeley J. Russia, Mongolia, China. Vol. 1. P. CLXVIII, CXCVIII). Представляется, что здесь речь идет о городе Коканде.

[800] Лунный свет. С. 87.

[801] Подробно о восточных походах Галдана см.:Златкин И.Я. История джунгарского ханства. С. 254-317; Courant M. L'Asie Centrale. P. 53-64; Pelliot P. Notes critiques. P. 21, 27-28.

Тем временем, пользуясь отсутствием Галдана, верховную власть в Джунгарии захватил его соперник Цеван-Рабдан, сын Сэнгэ. Но, несмотря на то, что Цеван-Рабдан стал ханом Джунгарии фактически еще при жизни Галдан Бошокту-хана, нового правителя окружавшие Джунгарию страны признали только после смерти Галдана.[802]

После прихода к власти Цеван-Рабдана наблюдается новое обострение отношений Джунгарии с казахами, которое, по словам самого Цеван-Рабдана, было вызвано вероломным действием, правившего в это время в Ташкенте, казахского хана Тауке.[803] Но, на самом деле, убийство Тауке-ханом людей Цеван-Рабдана было скорее поводом для начала осуществления широких планов захвата новых земель на западе, чтобы восполнить те крупные потери, которые понесла Джунгария во время военных неудач Галдана в Восточной Монголии.

3.5. Взаимоотношения кыргызов с Могольским государством во второй половине XVII в.

В то время, когда на северо-востоке Могольского государства появилось новое государственное объединение ойратских племен, острие внешнеполитической активности которого было направлено, прежде всего, на своих западных соседей, еще более обострилась старая борьба между Яркендом и Турфаном, в которой главную роль играло новое поколение престолонаследников. Эта борьба утихла лишь в 1638 г. с приходом к власти в Яркенде Абдаллах-хана,[804] который сумел на некоторые время вновь объединить восточную и западную части Восточного Туркестана в одно государство. Тем временем некоторые калмакские военачальники со своими отрядами, совершая набеги, доходили до самых южных границ Могольского государства.[805]

В этих условиях Абдаллах-хан вместо того, чтобы укреплять северо-восточные границы своего государства и положить конец опустошительным набегам калмаков, в свою очередь, занялся завоевательными походами на Болор и Бадахшан.[806] Затем он совершил разорительные нашествия на город Ош, что вызвало обострение отношений Могольского государства с

---

[802] Златкин И.Я. История джунгарского ханства. С. 323.

[803] История о завоевании элетского народа. Л.194б-196б. В конце первой половины XVIIв. казахи сумели вновь установить свое господство над Ташкентом и соседними Присырдарьинскими гордами (См.: Вельяминов-Зернов В.В. Исследование. Ч.2. С. 379-381).

[804] Хроника. С.211; Тарих-и Кашгар С 576. Л. 89б.

[805] Хроника. С.212-213; Тарих-и Кашгар С 576. Л. 90б.

[806] Хроника. С.213; Тарих-и Кашгар С 576. Л. 92а.

кыргызами, которые после этого дважды нанесли поражение войскам Абдаллах-хана. Некоторые влиятельные круги Могольского государства были серьезно обеспокоены сложением подобной опасной ситуации на северо-западе и выразили возражения, когда Абдаллах-хан в следующем году снова начал готовиться к походу против кыргызов.[807] Однако, Абдаллах-хан не внял совету эмиров и совершил в целом удачный поход против кыргызов.[808]

По сообщениям источников, несмотря на это, положение Абдаллах-хана внутри государства оставалось непрочным. Он заподозрил в измене своих братьев Ибрахим-султана и Исмаил-султана, и приказал выпроводить их из страны.[809] Подозрения хана пали и на ряд других эмиров и поэтому он, сомневаясь в верности почти всех своих приближенных, стал лихорадочно искать новую опору для упрочения своей власти.

Этой новой силой становятся теперь предводители кыргызских племен, с которыми он недавно вел войну. Так, описывая обстоятельства похода хана на Андижан, Шах-Махмуд Чурас сообщает, что «он, взяв с собой всех кыргызов и моголов, выступил в поход».[810] Затем при непосредственной поддержке отрядов кыргызских родоправителей хану удалось подавить мятеж своего сына Йулбарс-хана.[811] В новых назначениях, последовавших после этого события, те кыргызские военачальники, которые оказали поддержку Абдаллах-хану, получили значительные военные должности. «Кепек-мирзу он сделал йасавулом старшего эмира (левого крыла), Хушай-мирзу-йасавулом центра армии, ...Идрис-бека-бакавулом...»[812]

Из дальнейших сообщений Шах-Махмуд Чураса видно, что помимо указанных лиц и ряд других кыргызских родоначальников, получив важные посты, становится одним из влиятельных кругов государства, что вызывало недовольство местной знати. К тому же те кыргызские племена, предводители которых получили должности, и чины при дворе Абдаллах-хана нарастающим потоком стали мигрировать в пределы Могольского государства и частью «осели в районах вокруг Кашгара и к югу от него до Янги-Хисара».[813]

Чрезмерное усиление кыргызских военачальников, получивших важные государственные должности, вызвало опасения у самого Абдаллах-хана, поэтому теперь он, умело, используя недовольство могольской военно-кочевой знати, решил покончить с дальнейшим ростом влияния кыргызов внутри

[807] Тарих-и Кашгар С 576. Л. 92б.
[808] Хроника. С.216; Тарих-и Кашгар С 576. Л. 92б.
[809] Хроника. С.217; Тарих-и Кашгар С 576. Л. 92б-93а.
[810] Хроника. С. 220.
[811] Там же. С. 221.
[812] Хроника. С. 222.
[813] Акимушкин О.Ф. Исследование. С. 132.

государства. О жестокой расправе, учиненной над кыргызами, свидетельствует Шах-Махмуд Чурас, по словам которого могольские эмиры с согласия хана перебили около десяти тысяч кыргызов родоплеменного объединения Булгачи.[814]

Хотя и после этой резни отдельные кыргызские эмиры еще сохранили за собой прежние должности, но могольская знать с целью окончательного уничтожения их влияния продолжала травлю кыргызов. По словам Шах-Махмуда Чураса «спустя два года, вследствие того, что Уйтамиш-бек возвел напраслину на киргизов, Кепек-бек, Идрис-бек, Хушай-мирза, Джалма-бек и некоторые другие ушли прочь».[815]

Судя по всему, Абдаллах-хан в отличие от военно-кочевой знати могольских племен не хотел, чтобы влияние кыргызских военачальников утратилось совсем, ибо в своих интересах он мог использовать их отряды как против врагов внутри государства, так и во время внешних походов. Об этом свидетельствует тот факт, что через некоторое время хан упомянутых кыргызских эмиров простил и восстановил в должностях[816].

Если Абдаллах-хан, так или иначе, пользовался услугами кыргызских правителей, то изгнанные им претенденты на ханский престол Исмаил-султан и Ибрахим-султан ушли в Джунгарию и заручились поддержкой калмакских феодалов. Следует отметить тот важный факт, что совместное выступление этих султанов с калмакским войском началось вскоре после вышеупомянутого всеобщего избиения кыргызов и бегства их в сторону Андижана. Убедившись в ослаблении положения Абдаллах-хана, теперь почти лишенного поддержки такой политической силы, которую представляли собой для него кыргызы, войско Элдан-тайши, у которого нашли приют Исмаил-султан и Ибрахим-султан, участило набеги в пределы Могольского государства.[817]

Со временем калмакские войска все больше наращивали темпы наступления на Могольское государство. В течение короткого времени отряды калмакских феодалов Сэнгэ и Галдамы трижды совершили нападение на территории Восточного Туркестана.[818] В этой сложной политической обстановке Йулбарс-хан начал готовиться к новому дворцовому перевороту с целью свержения своего отца Абдаллах-хана. Однако и этот мятеж Йулбарс-хана не удался, после чего он также вынужден был бежать в Джунгарию к калмакам, где его охотно приютил Очирту Цецен-хан.[819]

[814] Хроника. С. 223; Тарих-и Кашгар С 576. Л. 93б-94а.
[815] Там же.
[816] Там же.
[817] Хроника. С. 225-227.
[818] Там же. С. 231-233.
[819] Хроника. С. 237.

Абдаллах-хан вновь обратился к услугам кыргызских родоначальников, раздавая им различные государственные посты. Получив значительные пополнения в свои войска из отрядов предводителей кыргызских племен, Абдаллах-хан совершил ряд удачных походов против калмаков и стал готовиться к новому походу на Андижан. Но внезапная смерть его сына прервала этот поход на полпути, и Абдаллах-хан возвратился назад.[820]

Вскоре после смерти своего сына Нур ад-Дин-хана, Абдаллах-хан хакимом Кашгарского владения назначил крупного кыргызского родоначальника Койсары-бия, который, пользуясь этим случаем, весь свой род Чон-Багыш, поселил в пределах Кашгара.[821]

По сведениям более позднего автора Мулла Муса Сайрами, в конце правления Абдаллах-хана почти вся государственная власть перешла в руки кыргызских родоначальников, и помимо Койсары-бия еще Олджатай-бий был назначен хакимом Аксу, Алты-Куртка-бий стал хакимом Уш-Турфана.[822] Согласно указаниям как Шах-Махмуд Чураса, так и Мулла Муса Сайрами, хотя Абдаллах-хан окружил себя только кыргызами, но он уже никому не доверял и даже вновь стал сомневаться в благонадежности этих же кыргызских беков.[823] Но поскольку внутри государства власть Абдаллах-хана не имела сколько-нибудь серьезной поддержки, он не смог, как в прошлый раз, легко покончить с усилением кыргызов, и вынужден был бежать из страны под предлогом паломничества в Мекку.

После отъезда Абдаллах-хана началась борьба двух претендентов на престол Могольского государства-Исмаил-хана и Йулбарс-хана, которых поддерживали две соперничающие группировки калмакских феодалов. Элдан-тайши при поддержке эмиров Аксу сделал попытку провозгласить ханом своего кандидата Исмаил-хана, но Йулбарс-хан при поддержке Сэнгэ опередил его и закрепился в Кашгаре.[824]

После очередного похода Сэнгэ в эту страну он лишил ханской власти своего ставленника Йулбарс-хана, и, провозгласив ханом его младшего сына Абу-Саид-султана, оставил в Яркенде крупный отряд из тысячи человек во главе с Эрке-беком.[825] С убийством Сэнгэ, совершенного его братьями в январе 1671г.,[826] в самом Джунгарском ханстве началась смута, что позволило Эрке-беку действовать самостоятельно по отношению к внутриполитической

[820] Там же. С. 238.
[821] Там же. С. 239.
[822] Тарих-и амнийа, изд. Пантусова. С. 20-21.
[823] Там же. С. 21; Хроника. С. 239.
[824] Хроника. С. 240-241.
[825] Хроника. С. 243.
[826] Baddeley J. Russia, Mongolia, China. Vol.2. P.190.

борьбе в Могольском государстве. Этим можно объяснить произведенный им дворцовый переворот в Яркенде при поддержке калмакского войска, во время которого он убил Йулбарс-хана.[827]

Но и после переворота Эрке-беку не удалось пресечь опасную для него тенденцию к самостоятельности Яркендского двора, которую всячески поддерживали местные эмиры и государственные чиновники. Убедившись в слабости своей позиции в Яркенде и учитывая политическую обстановку в самой Джунгарии, Эрке-бек решил перейти на сторону Элдан-тайши из Джунгарии и совместно с ним поддержать кандидатуру Исмаил-хана.

2 апреля 1670 года объединенные силы Элдан-тайши и Эрке-бека в местности Каргалык, разгромив сторонников белогорских ходжей, поддерживавших наследников Йулбарс-хана, официально провозгласили ханом Исмаил-хана.[828] Представляет значительный интерес сообщение анонимного автора «Тарих-и Кашгар» о выступлении в этом сражении кыргызов племени кипчак на стороне Апак-ходжи.[829]

Согласно анониму, когда Исмаил-хан овладел престолом в Яркенде, на очень ответственный пост правителя Кашгара он назначил Койсары-бия, главу кыргызского племени чон-багыш, а начальником стражи этого же города стал сын Койсары-бия Кучук-бий.[830] Из этого нетрудно заметить, что в противовес главарям племени кипчак, выступивших на стороне белогорских ходжей, Койсары-бий поддерживал Исмаил-хана. На этой основе раздоры между племенем чон-багыш и кипчак еще более усилились. Вскоре после того назначения Койсары-бия правителем Кашгара, местные эмиры под предлогом о беззакониях, творимых в городе людьми правителя, организовали заговор и убили Койсары-бия вместе с двадцатью пятью его сподвижниками, а Кучук-бия отстранили от должности. Сведения анонимного автора показывают, что в этом заговоре кашгарских эмиров в немалой степени были замешаны предводители племени кипчак, ибо после того, как Исмаил-хан наказал организаторов заговора, а примкнувших к ним кипчакских биев Абак-бия, Чигиль-бия, Худа-Назар-бия, Йол-болду-йасаула и Джагыр-бия передал представителям рода чон-багыш. Те «по закону кровомщения» убили упомянутых лиц, и оставшиеся кипчаки вынуждены были уйти под покровительство Султан-Саид Баба-хана, который в то время был правителем Турфана.[831]

С вступлением на престол Исмаил-хана, стоявшие за его спиной калмакские феодалы фактически установили свой протекторат над Могольским

[827] Хроника. С. 244.
[828] Хроника. С. 248.
[829] Тарих-и Кашгар В 2472. Л. 122а.
[830] Там же. Л. 122б.
[831] МИКК. С. 222; Тарих-и Кашгар С 576. Л. 99а; Хроника. С. 293.

государством и получали подать, взимавшуюся натурой, объем, и периодичность которой источниками точно не отмечается. Так, согласно анонимному автору, еще в седьмом году правления Исмаил-хан давал «подарки и подношения» Чучкину, который был одним из влиятельных калмакских феодалов.[832] Это сведение вполне подтверждается сообщениями Мулла Муса Сайрами, который утверждает, что именно Исмаил-хан начал давать калмакам натуральные подношения из материи за их поддержку и впоследствии это превратилось в ежегодную дань калмакам.[833]

Как выше отмечалось, в результате сложных внутриполитических событий, имевших место в Джунгарии после убийства Сэнгэ, во главе Джунгарского ханства встал более энергичный Галдан Бошокту-хан.

Одним из первых внешнеполитических акций Галдан-Бошокту-хана был его поход на Кашгар и Яркенд. Как показывают сведения различных источников, Галдан хотел свергнуть с престола Исмаил-хана, ставшего более независимым от калмакских феодалов во время внутренних смут в самой Джунгарии и передать правление над Восточным Туркестаном в руки верного ставленника. При этом Галдан умело воспользовался междоусобными раздорами как внутри светских кругов, так и двух религиозных группировок в Восточном Туркестане, из числа которых Абд ар-Рашид, а также духовный вождь белогорских ходжей Апак-ходжа обратились за помощью к Галдану. Перед походом в Яркенд Галдан своей поддержкой обеспечил победу Абд ар-Рашиду в его борьбе за власть в восточной части Могольского государства.[834] Очевидно, Бошокту намеревался посадить его на место Исмаил-хана в Яркенде. Во время осады Яркенда войском Галдан-Бошокту-хана в 1680 г.,[835] Исмаил-хан сдался, и Галдан, назначив Абд ар-Рашид-хана правителем Яркенда, вернулся в Джунгарию.[836]

Вскоре между Абд ар-Рашидом и Апак-ходжой возникли разногласия, и ходжа вновь ушел в Джунгарию к Галдану, который отозвал к себе Абд ар-Рашида якобы для обсуждения важных дел и больше его на родину не отпускал. Это событие по цинскому источнику произошло в 1682 г.,[837] какую роль при этом играл Апак-ходжа, нам неизвестно и об этом можно судить только по характеру последующих событий в стране.

Согласно анонимному автору, после ухода Абд ар-Рашида в Или жители городов Аксу, Куча и Яркенда устроили курултай и провозгласили ханом

[832] Тарих-и Кашгар В 2472. Л. 123а.
[833] Тарих-и амнийа, изд.Н. Пантусова. С. 55.
[834] Бартольд В.В. Отчет. С.189; Тарих-и Кашгар В 2472. Л. 125б.
[835] О датировке этого события см.: Akimushkin O.F. Le Turkestan oriental. P. 162-163.
[836] Тарих-и Кашгар В 2472. Л. 124а, 125б.
[837] История завоевания элетского народа. Л. 352б.

Мухаммад-Эмина, который начал проводить антикалмакскую политику. В это время из Джунгарии возвратился Апак-ходжа и всячески подстрекал к восстанию против хана главу прокалмакской группировки Фулада.[838] Поэтому есть основания полагать, что в задержании Абд ар-Рашида Галданом Апак-ходжа сыграл непосредственную роль и при поддержке калмаков он намеревался взять в свои руки, и гражданскую власть в стране. Но его план сорвался из-за стихийного народного движения против калмакских завоевателей и их ставленников, в результате которого был избран новым ханом Мухаммад-Эмин. Так как Галдан-Бошокту-хан в это время был занят завоевательными походами в других странах, Апак-ходжа не смог получить военной поддержки со стороны Джунгарии, и был вынужден позже примириться с Мухаммад-Эмином.

С изменением внешнеполитической активности Галдана, который, начиная с середины 80-х годов XVII в. до конца своей жизни почти все военные силы Джунгарии держал на востоке Монголии, начинается новое усиление кыргызских племен в Восточном Туркестане.

Этим обстоятельством умело воспользовался Апак-ходжа. Он теперь при поддержке кыргызов вновь выступает против Мухаммад-Эмина, который был вынужден отправить посла в Бухару с просьбой о помощи. Согласно Мухаммаду Мунши, в 1691 г. прибывший в Бухару посол кашгарского хана доложил, «что племя неверных кыргызов утвердило свое господство в Кашгаре. И Мухаммад-Амин-хан, прочтя хутбу и вычеканив монету с августейшим именем (Субхан-Кули-хана), просит о помощи и поддержке».[839] Однако поддержки со стороны Субхан-Кули-хана не последовало, и сторонники Апак-ходжи убили Мухаммад-Эмина, после чего ходжа посадил на трон своего сына Яхья-ходжу. Через полтора года, в 1694 г. умер Апак-ходжа,[840] а спустя восемь месяцев его смерти калмаки убили Яхья-ходжу.[841]

По утверждению Мухаммад-Садика Кашгари, Яхья был убит вдовой Апак-ходжи Ханым-Падышах, которая хотела доставить престол своему сыну Махди-ходже.[842] Хотя Ханым-Падышах совместно с сыном взяла управление государством в свои руки, ее господство долго не продолжалось. Светские круги Яркенда обвинили ее в чрезмерных убийствах невинных людей, и, совершив государственный переворот, казнили Ханым-Падышах. Во главе заговорщиков стоял некий Алам-Шах-бек, которому удалось

[838] Тарих-и Кашгар С 576. Л. 101б.
[839] Муким - ханская история. С. 154.
[840] Салахетдинова М.А. Сообщения о киргизах. С. 133.
[841] Тарих-и Кашгар С 576. Л.102б; В 2472. Л. 127а.
[842] Бартольд В.В.. Отчет. С. 188.

захватить гражданскую и военную власть в Яркенде.[843]

Тем временем кыргызы племени кипчак во главе с Арзу Мухаммад-беком привели из Турфана третьего сына Султан-Саид-Баба-хана Мухаммад-Мумин-султана в Кашгар и провозгласили его ханом, которого, очевидно, поддерживали сторонники черногорских ходжей.[844] Когда Акбаш-хан вошел в Яркенд, Мирза Алам-Шах-бек также оказал ему повиновение. Сведения источников показывают, что Мухаммад-Мумин-султан Акбаш-хан фактически не управлял государством, а, будучи всего-навсего ставленником кыргызских родоначальников, всеми делами позволял распоряжаться Арзу-Мухаммад-беку. Рассказывая о времени правления Акбаш-хана, Мир-Халь ад-Дин сообщает, что «кыргызы стали господствовать на троне великих (ходжей) на престоле мусульманских правителей».[845]

Однако с течением времени Акбаш-хан, видимо, начал склоняться на сторону местных эмиров, которые были недовольны самоуправством кыргызских биев. Ибо согласно этому же автору несколько месяцев спустя Акбаш-хан был убит Арзу-Мухаммад-беком.[846] Расправившись с непослушным ставленником Акбаш-ханом, Арзу-Мухаммад-бек избрал в качестве очередного подставного хана некоего Султан-Ахмад-султана, который был, по всей вероятности, отпрыском одного из представителей погибающей династии чагатаидов.

Опасаясь нарастающего усиления кыргызов, яркендские эмиры лихорадочно искали пути выхода из создавшегося положения. Сначала они направили Алем-Шаха для переговоров с Арзу-Мухаммад-беком с целью заключения мирного соглашения. Алем-шах, успешно закончив свою миссию, благополучно вернулся в Яркенд, однако кыргызы, нарушив перемирие, захватили Яркенд, где Арзу-Мухаммад-бек для вида провозгласил ханом своего фаворита Султан-Ахмад-султана, а сам, став правителем Яркенда,[847] фактически начал управлять всеми делами государства.

Теперь яркендские эмиры решились обратиться за помощью к калмакским феодалам. Калмаки не заставили себя долго ждать, и из Джунгарии прибыло войско во главе с Хун-тайчжи Чукула-кашка, которому присоединились отряды Аксу и Кучи. Хотя кыргызы отступили в Кашгар, калмаки не стали их преследовать, а вернулись обратно в Джунгарию, что заставляет думать о немногочисленности их войска. После ухода калмаков кыргызские беки вновь появились в Яркенде и стали подстрекать жителей города к

[843] Тарих-и Кашгар В 2472. Л. 127б.
[844] Салахетдинова М.А.. Сообщение о киргизах. С. 135, прим.6.
[845] Салахетдинова М.А.. Сообщение о киргизах. С. 128.
[846] Там же.
[847] МИКК. С.222-223; Тарих-и Кашгар В 2472. Л. 128б.

восстанию против ставленника калмаков – Алем-Шаха. Но будто бы Мирза Алем-Шах схватил кыргызских беков и заключил их под стражу.[848]

К этому времени в стране из наследников чагатайской династии, очевидно, никого не осталось и поэтому жители Яркенда «со всеобщего согласия привели в Яркенд одного из казахских султанов Хашим-султана и избрали (ханом)».[849] Согласно анонимному автору, Хашима провозгласили ханом кыргызы.[850] Но кем бы он ни был выдвинут ханом, Хашим почти не играл никакой роли в политических событиях, а оставался лишь марионеткой в руках тех сил, которые посадили его на престол.

Пользуясь отсутствием калмакского войска, Арзу-Мухаммад-бек снова предпринял попытку овладеть Яркендом. Примечательно, что, перечисляя состав войска кашгарцев, анонимный автор указывает имена следующих кыргызских племен, которые подчинились власти Арзу-Мухаммад-бека: «Случилось так, что под командованием Арзу-Мухаммад-бека тоолос (и) кисеки и чонг-багыши, все кыпчаки, кушчи, найманы, (а также) все население Кашгара и Янги-Хисара с многочисленными войсками семь раз подступали (к Яркенду)».[851] Из этого следует, что усиление кыргызов стало возможным благодаря объединению указанных кыргызских племен под руководством Арзу-Мухаммад-бека, который, очевидно, на время сумел уладить межродовые распри.

К моменту окончания «Тарих- Кашгар» анонимного автора, Алем-шах еще сохранял власть над Яркендом.[852] Но все же объединенные силы Арзу-Мухаммад-бека, видимо, добились успеха, ибо согласно Мир-Халь ад-Дину, Алем-бек в одном из сражений с кыргызами, получив рану, бежал к калмакам, где и скончался.[853] Очевидно, кыргызы после этих событий на короткое время снова установили свое политическое господство если не во всех северо-западных районах Восточного Туркестана, то, во всяком случае, в Кашгаре, о чем свидетельствует сообщение Мухаммед-Садыка Кашгари.[854] Это господство кыргызов продолжалось до тех пор, пока в начале XVIII в. новый правитель Джунгарии Цеван-Рабдан окончательно не завоевал весь Восточный Туркестан за исключением Хамийского округа.[855]

Более полную картину этих событий можно воссоздать только в сопоставлении соответствующих сведений «Тарих-и Кипчак-Хани» с кратким

[848] Тарих-и Кашгар С 576. Л. 103б; В 2472. Л. 128б
[849] Салахетдинова М.А.. Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари. С. 101.
[850] Тарих-и Кашгар В 2472. Л. 129б; МИКК. С. 223.
[851] МИКК. С. 223; Тарих-и Кашгар С 576. Л. 104а.
[852] Бартольд В.В.. Отчет. С.190.
[853] Салахетдинова М.А. Сообщение о киргизах. С. 140.
[854] Там же. С. 136; Салахетдинова М.А. Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари. С. 101-103.
[855] Позднеев А. К истории зюнгарских калмыков. С. 253.

сообщением китайского источника о столкновении войска правителя Джунгарского ханства Цеван-Рабдана с объединенными силами казахов и кыргызов в 1700 г., возникшего между ними за господство над Кашгаром.[856] В частности, описывая события 1111 г.х. (1700 г.), автор «Тарих-и Кипчак-Хани» Ходжам Кулибек Балхи сообщает, что Конгтаджи калмак из Каракорума выступил против Кашгара и захватил эту область. Поскольку Апах-Ходжа и его эмиры не оказали сопротивление против кафиров, те стали полновластными хозяевами этой страны, население которой стало платить харадж неверным.[857]

Следовательно, при завоевании Кашгарии Цеван-Рабдану упорное сопротивление оказывало не столько население этой страны, сколько кыргызы и союзные им племена казахов, кровно заинтересованные в сохранении своего политического влияния над этим богатым оседло-земледельческим регионом.

На основании изложенных фактов в этом разделе можно считать, что вся история Могольского государства рассматриваемого периода неразрывно связана с историей Джунгарского ханства и некоторых кыргызских племен, которые одновременно или поочередно поддерживали ту или иную политическую группировку Восточного Туркестана в их борьбе за власть в государстве.

Вмешательство во внутренние дела Могольского государства калмаков и кыргызов искусственно ускорялось и расширялось приглашениями самих соперничающих группировок светской и духовной знати этой страны. С отречением от престола Могольского государства Абдаллах-хана Восточный Туркестан фактически потерял свою независимость, а последние чагатайские ханы являлись только ставленниками калмакских или кыргызских феодалов, которые вели между собой борьбу с переменными успехами за господство над этой страной.

Более или менее прочное господство кыргызов над западной частью Восточного Туркестана было установлено только на непродолжительный период в конце XVII в., когда ряд кыргызских племен объединились под властью Арзу-Мухаммада, главы кыргызского племени кипчак.

[856] Imbault-Huart. Le pays d'Hami. P. 47
[857] Мокеев А.М. Сообщение о взаимоотношениях киргизов с калмаками. С.490-491.

3.6. Участие кыргызов в борьбе народов Средней Азии и Восточного Туркестана против экспансии Джунгарского ханства в первой половине XVIII века.

Как отмечалось в предыдущем разделе этой главы, новое покорение Восточного Туркестана Джунгарским ханством произошло в 1700 г. Каковы же последствия завоевания этой культурной и богатой страны новым сильным государством кочевников Центральной Азии?

Общеизвестно, что в экономическом отношении кочевники зависели от оседлых, земледельческо-городских обществ гораздо больше, чем последние от кочевников. Кочевники стремились к приобретению продуктов, производившихся в оседлых обществах, всеми возможными способами. Поэтому с древнейших времен до конца XVIII века взаимоотношения кочевников Центральной Азии с оседлыми обществами варьировали в очень широком диапазоне – от прямого обмена, торговли, до набегов и получения регулярной дани от завоеванного оседлого населения[858].

В этом же традиционном русле развивались взаимоотношения новых кочевых народов, вышедших на политическую арену Центральной Азии после распада государства Моголистан – кыргызов, калмаков и казахов с городами Восточного Туркестана в XVI-XVIII веков. Поэтому определяющим фактором взаимоотношений этих кочевых народов с оседлыми районами Восточного Туркестана являлась их жизненная потребность в продукции как ремесленного, так и земледельческого производства.

Калмаки – новые завоеватели Восточного Туркестана, в отличие от своих предшественников – уйгуров, каракитаев и монголов, прежних завоевателей Восточного Туркестана, не перекочевали на территорию покоренной ими культурной страны, а оставались в своих кочевьях. Согласно указаниям различных источников, калмакские феодалы после захвата ими городов Восточного Туркестана оставили существовать старый способ производства и довольствовались натуральной данью.

Возникает вопрос, в чем заключается главная причина обложения населения Восточного Туркестана калмакскими феодалами преимущественно натуральной данью, а не денежным налогом?

Обратимся к сведениям источников.

В сочинении «Тарих-и амнийа» Мулла Муса Сайрами по этому поводу приводится весьма любопытное сообщение. Автор указанного сочинения пишет, что «вместо хараджа (калмаки) ежегодно взимали и вывозили на Или

[858] Крадин Н.Н.Империя Хунну.С.182-191.

хам, ибо в то время в Могольском государстве не было денег».[859] Уже академик В.В. Бартольд отметил, что это сообщение «Тарих-и амнийа» частично подтверждается расспросными сведениями, собранными Г.Ф. Миллером в Сибири. Так в его сочинении «О сибирских торгах» встречается следующее: «Из многих Бухарских (Восточно-Туркестанских) городов збираются подати калмыцкому владельцу по большей части сими *хамами*».[860]

Таким образом, Г.Ф.Миллер, хотя и частично подтверждает сообщение Муллы Мусы Сайрами о сборе калмаками дани с городов Восточного Туркестана в натуральном виде преимущественно хлопчатобумажной материей *хам*, но он не указывает, что причиной этого было отсутствие денег. Утверждение автора «Тарих-и амнийа» об отсутствии в то время денег действительно необоснованно. Оно опровергается исследованием В.М. Алексеева, который на основе нумизматических данных установил, что население Восточного Туркестана и до завоевания Китаем пользовалось «медною монетою (называемою) «пуль» и что 50 штук таких монет равны танге, которая в свою очередь равна одной китайской лане серебра».[861]

Отсюда становится ясным, что в рассматриваемый период в городах Восточного Туркестана все же выпускалось определенное количество денег. Но, к сожалению, пока нет точных сведений о размере выпускавшихся там монет. Наличие денег в Восточном Туркестане в рассматриваемый период подтверждается еще и тем, что в некоторых источниках встречается факт сбора калмакскими феодалами с городов этой страны и денежной дани.

В «Тазкира-йи ходжаган» Мухаммед-Садыка Кашгари, автор, описывая отъезд калмакских войск после их помощи Апак-ходже в 1680 г., сообщает, что «Когда калмаки готовились к отъезду, святой ходжа Апак посоветовался с государственными советниками. И сказал (им), что необходимо отблагодарить калмаков за оказанную услугу и нельзя отпускать их с пустыми руками. Так решили преподнести им подарки и одарили тысячью почетных халатов, что в пересчете (на деньги) составляло тысячу танга. В последующее время тысяча халатов стал равняться тысяча танга. Затем из-за того, что им понравилось, неверные ежечасно увеличивали дань. С того времени до сих пор великая дань лежит на плечах райатов и бедняков».[862]

А в другом месте этого же сочинения говорится, что «во время Апак-ходжи калмаки с каждых ста тысяч душ взимали по сто тысяч танга, и сейчас также как в то время взимают сто тысяч танга».[863] Здесь Мухаммед-Садык,

[859] Тарих-и амнийа, изд. Н. Пантусова. С. 21.
[860] Миллер Г.Ф. О сибирских торгах. С. 413.
[861] Алексеев В.М. Нумизматическая коллекция. С. 13.
[862] Тазкира-йи ходжаган С 582. Л. 21а.
[863] Там же. Л. 30б.

очевидно, говорит только о той сумме, которая выплачивалась калмаками с одного Яркендского округа. Согласно указаниям китайских источников, эта дань составляла по Яркендскому округу так же, как у Мухаммед-Садыка, 100.000 танга, а по Кашгарскому округу она определялась в 67.000 танга, 40.898 батманов зерна, 1.463 чарика хлопка и 365 чариков шафрана.[864]

По сведениям других источников, кроме этих двух городов, еще Аксу, Хотан, Куча, Уч, Керия и Турфан, а также прилегающие к ним районы, сборщикам калмакских феодалов постоянно платили дань деньгами и различными товарами.[865] Причем Аксуйский и Кучинский округа, помимо хлопчатобумажной ткани, были обязаны платить дань и самородной медью, которую жители добывали близ этих городов.[866]

Включение меди в число важных предметов, составляющих основу взимаемой дани, очевидно, было не случайно. Как известно, в первой четверти XVIII в. калмаки с помощью пленного шведского офицера Рената отливали пушки различных калибров. Поэтому есть основание полагать, что вывозимая из Восточного Туркестана медь употреблялась в основном для изготовления пушек.[867]

Для осуществления своей экспансионистской политики калмакские правители очень нуждались в оружии. Россия так же, как и Китай, опасаясь усиления Джунгарского ханства, строго запрещала своим гражданам в Сибири продавать оружие калмакам. Тем большее значение для калмакских правителей имела дань натурою, вывозимая ими из Восточного Туркестана. Учитывая спрос среди русских поселенцев в Сибири на товары, изготовленные в Кашгаре и Яркенде, они часть получаемой ими из этих городов хлопчатобумажных и шелковых тканей тайно обменивали в сибирских городах на огнестрельное оружие, порох, свинец, панцирь и прочие запрещенные для продажи русскими властями стратегические товары.[868]

Таким образом, причина обложения народа Восточного Туркестана калмакскими феодалами взимавшейся преимущественно данью в натуральном виде не может быть объяснена отсутствием денег в этой стране, а она была связана главным образом с жизненной потребностью кочевников в продукции оседло-земледельческого хозяйства и военно-политическими

[864] Думан Л.И. Аграрная политика. С. 78.
[865] Посольство к Зюнгарскому хун-тайджи. С. 234-235; Pelliot P. Notes critiques. P. 13.
[866] Посольство к Зюнгарскому хун-тайджи. С. 234.
[867] Масанов Н.Э.,Абылхожин Ж.Б.,Ерофеева И.В. Научное значение и мифотворчество. С. 180. В период изготовления первых пушек качество чугуна было довольно низкое, поэтому обычно их делали из меди (латуни) или бронзы. Производители пушек предпочитали медь и бронзу еще и потому, что эти металлы не поддавались коррозии. Подробно об этом см.: www/potbs.ru/guns_history.
[868] Потанин Г.Н. Материалы. Т.1. С. 170.

интересами джунгарских правителей.

Вопрос о периодичности дани, которую приходилось платить калмакам народу Восточного Туркестана, из-за противоречивости сведений различных авторов, остается до сих пор неясным. Ч.Ч. Валиханов без какой-либо ссылки на конкретный источник утверждал, что калмаки установили дань в размере четыреста тысяч танга в месяц. Но это сообщение пока не подтвердилось конкретными данными.

Как видно из вышеприведенных цитат, по сообщениям «Тазкира-йи ходжаган», «Тарих-и амнийа» и китайских источников как натуральная, так и денежная дань уплачивалась ежегодно. По свидетельству возвратившихся из плена в Европу шведских офицеров, которые сами были очевидцами событий, происшедших в Джунгарии и в Восточном Туркестане в первой четверти XVIII в., калмаки взимали дань ежегодно.[869] Поэтому нам представляется возможным считать, что это дань была не ежемесячной, а ежегодной.

Помимо этой ежегодной дани, у калмакских феодалов были еще другие способы в удовлетворении своих потребностей товарами Восточного Туркестана. В частности, они получали большие доходы за счет взимания таможенной пошлины от купцов завоеванной ими страны, которые проезжали через их территорию или приезжали к ним торговать.[870] Таким образом, калмакские феодалы установили твердый контроль и над внешней торговлей восточно-туркестанских купцов и взимали с них различного рода пошлины натурой.

Для обеспечения регулярной поставки дани и поддержания порядка в стране, калмакские феодалы всю военную и гражданскую власть над Восточным Туркестаном постепенно сосредоточили в своих руках. Однако, силами одной только джунгарской администрации держать народ завоеванной страны в повиновении было невозможно. Поэтому калмакские феодалы путем подкупа верхушечных кругов местного населения привлекали их для участия в управлении собственным народом.

О начале подобной системы управления уже во время правления Апак-ходжи сообщает Мулла Муса Сайрами: «Калмаки вознамерились управлять государством (Могулии) совместно с ходжами и с согласия (ходжей) калмакские военачальники со своими отрядами разместились по городам».[871] Таким образом, в начале калмаки установили только военный контроль в Восточном Туркестане, а гражданская власть еще оставалась в руках

[869] Recueil de Voyages au nord. P. 121.
[870] Миллер Г.Ф. О сибирских торгах. С. 410.
[871] Тарих-и амнийа, изд. Н. Пантусова. С. 21.

белогорских ходжей, которые хотели управлять государством при поддержке расквартированных здесь калмакских войск.

Позже, когда в 1700 году Цеван-Рабдан вторично завоевал Восточный Туркестан и окончательно вытеснил отсюда кыргызские племена, он учредил новые аппараты государственного управления над этой страной. Это видно из сообщений шведских офицеров-очевидцев событий, происходивших в то время в Восточном Туркестане: «После прихода к власти Цеван Арабдана, - пишут они, - калмаки установили следующий порядок в Малой Бухарии. Они организовали различные магистраты, которые еще существуют и подчинены друг другу. Самые мелкие из них ведают над 10 домами или семьями, другие 100, третьи 1000, и все они подчиняются главному управляющему, которого верховный контайши как государь всей страны назначает обычно из числа прежних князей Бухарии».[872]

Как явствует отсюда, Цеван-Рабдан также умело использовал услуги верхних слоев религиозных и светских кругов Восточного Туркестана для максимального использования материальных и людских ресурсов этой подвластной страны.

Как известно, каждый раз, когда завоевателем является менее культурный народ, замедляется ход экономического развития и подвергается уничтожению масса производительных сил в завоеванной стране.

В этом отношении последствия завоевания Восточного Туркестана калмакскими феодалами также не явились исключением. Значительная часть крестьянского населения страны была принудительно переселена в Джунгарию для разведения там хлебопашества и садоводства. Наиболее плодородные земли, расположенные вдоль рек, превратились в пастбища калмакских феодалов.[873] С изменением политического статуса Восточного Туркестана, купцам этой страны со стороны Цинского двора было официально объявлено о запрещении для них торговли в Китае.[874]

Все это сильно задерживало развитие экономики и торговли и привело к кризису товарно-денежных отношений в городах Восточного Туркестана, что, в конечном счете, стало одной из причин упадка Великого Шелкового пути.

Самая восточная часть Восточного Туркестана с центром в Комуле (Хами) с конца XVII в. еще оставалась под владением Цинской империи. Этот важный стратегический район служил для манчжурского двора плацдармом для дальнейшей экспансии Цинской империи в Центральной Азии, направленной главным образом против Джунгарского ханства и его

[872] D'Anvill. Nouvel atlas de la Chine. P. 6.
[873] Григорьев В.В. Восточный Туркестан. С. 394-395.
[874] Мокеев А.М. Некоторые факты. С. 222-224.

владений в западной части Восточного Туркестана. Учитывая эти обстоятельства, Цеван-Рабдан в 1715 г. отправил двухтысячный отряд для уничтожения манчжурского гарнизона в Хами и захвата этого важного опорного пункта. Но прибытие крупного подкрепления из Сучжоу помешало планам джунгарского правителя, и его войско было вынуждено бежать обратно.[875] Нападение калмаков послужило хорошим поводом для ответного похода китайской армии, главная задача которой заключалась не столько в наказании пограничных отрядов Джунгарского ханства, сколько в завоевании не менее важного стратегического района Турфана.

В 1720 г. цинские войска захватили Турфан и разгромили джунгарские отряды в Урумчи.[876] Таким образом, манчжурская династия подготовила надежную базу для последующего прорыва в Центральную Азию, для разгрома Джунгарского ханства и захвата Восточного Туркестана.

В создавшихся обстоятельствах Цеван-Рабдан боялся дальнейшего обострения отношений с Китаем, и, избегая военных столкновений, попытался заручиться поддержкой России. Тогда Петр I учитывая реальную угрозу, нависшую над Джунгарским ханством со стороны Цинского Китая, решил воспользоваться случаем, чтобы уговорить Цебан-Рабдана к добровольному признанию подданства России. Именно с этой целью было отправлено в Джунгарию известное в истории посольство во главе с капитаном И.Унковским. Но со смертью цинского императора Сюянь Е в 1722 г. и вступлением на престол его сына Инь Чженя, манчжурские войска временно прекратили военные действия против Джунгарского ханства, в связи с чем, миссия И.Унковского не достигла цели.[877]

Временное спокойствие на востоке позволило войскам Цеван-Рабдана усилить натиск на западе. Очевидно, основной удар экспансии Джунгарского ханства приняли на себя кыргызы, о чем свидетельствуют сведения «Тарих-и Кипчак-хани». При описании событий 1721г. Ходжам-Кули бек рассказывает, что несколько лет раньше правитель калмаков отправил войско для захвата Читрала, Бадахшана, Дарваза и Каратегина. Однако население Каратегина совместно с кыргызами – жителями Алайской долины – оказали упорное сопротивление натиску калмаков и сумели выстоять. «В этом году, т.е. 1721г.,– пишет автор этого сочинения, – услышав о беспорядках в Туране, правитель калмаков направился против кыргызов. Кыргызы выставили около 100 тысяч всадников. Но кыргызское войско потерпело сокрушительное поражение в этом сражении, и значительная часть кыргызов была убита, их жены и дети стали пленниками неверных. В результате кыргызы бежали в

[875] Imbault-Huart. La pays de Hami. P. 47-48.
[876] Hambis L. La Haute-Asie. P. 97.
[877] Златкин И.Я. История джунгарского ханства. С. 354-355.

направлении Гисара-и Шадмана и Куляба, а каратегинцы остались под властью калмаков».[878]

Отсюда следует, что кыргызы угрожали калмакам не только из Центрального Тянь-Шаня, но и из Каратегина и Бадахшана. Этот рассказ Ходжам-Кули-бека Балхи о походе калмакского войска в Бадахшан находит подтверждение в сообщениях «Тарих-и Бадахшан», о чем более подробно будет изложено ниже. Приведенное сообщение источника подтверждается также материалами исторических преданий кыргызского народа. По представлениям народа, в этом трагическом сражении во главе кыргызского войска стояли прославленные батыры Ак-Кочкор, Канкы и Толок, которые пали на поле боя. Уцелевшие кыргызы бежали в направлении Гисарской долины под предводительством Кудаяна.[879]

Насколько позволяют судить сведения Ходжам-Кули бека Балхи, следующий поход войск Цеван-Рабдана был направлен против казахов. В этой связи автор «Тарих-и Кипчак-хани» сообщает, что «…после похода в Бадахшан Конгтаджи отправил своего сына против юрта казахов Ташкента, Андижана и Сайрама. Казахи совместно с ташкентцами выставили 300 тыс. войска, но мусульмане потерпели поражение и в этом сражении. В результате около 100 тыс. человек погибло, а оставшиеся в живых казахи ушли в Самарканд, население Ташкента и Андижана откупилось от калмаков подарками».[880] Данное собщение Ходжам-Кули бека Балхи также находит подтверждение в сведениях аутентичных сочинений других среднеазиатских историков и в материалах фольклора казахского народа, где эти трагические события характеризуются как период «Актабан шубрунды» («Великое бедствие»). Как установлено, это историческое сражение между казахами и калмаками состоялось в местности Аныракай, расположенной недалеко от озера Алакуль.[881] По материалам русских авторов Ф.Беневини и И.Унковского эти события произошли в 1722-1723гг. Таким образом, становится ясно, что хронология этого сообщения Ходжам-Кули бека Балхи полностью согласуется с данными других синхронных источников.

В результате, в 1723 г., калмаки одержали победу над казахами и оккупировали Туркестан, Сайрам и Ташкент, которые до этого находились под контролем казахских султанов.[882] Очевидно, это давление калмаков вынудило казахов двинуться в глубь территории Бухарского ханства. По

[878] Мокеев А. Сообщение о взаимоотношениях киргизов с калмаками. С. 490.
[879] Солтоноев Б. Кыргыз-казак тарыхы. С. 156-165.
[880] Там же. С. 491.
[881] Ерофеева И.В.и др. Аныракайский Треугольник.
[882] Изъяснение о киргись-кайсацкой орде. Л. 1; Левшин А. Описание. Ч.2. С. 69; Семенюк И.Г. Проблемы истории. С. 87.

свидетельству историка того времени Мухаммеда Вафа Карминаги в 1722 г. семидесятитысячное войско казахов вторглось в Самарканд, Миянкал и Кермине, захватив крепость Хазаре, оттуда начали совершать набеги в соседние районы. Только после долгих усилий бухарским войскам удалось вновь овладеть Хазаре и остановить дальнейшее продвижение кочевников.

В следующем году казахи в количестве 30.000 человек дошли до самой Бухары, но из-за недостаточности сил для осады, разорив окрестности города, ушли обратно.[883] Согласно указаниям этого же автора, с того времени в течение семи лет Самаркандский вилайет полностью находился в руках казахов, который для них служил плацдармом для постоянных вторжений в другие районы Бухары.[884]

С другой стороны, казахи на востоке продолжали борьбу с калмаками за возвращение потерянных в 1723 г. городов Туркестана, Сайрама, Ташкента и других присырдарьинских владений. Однако, несмотря на отдельные победы в сражениях с калмаками (в 1730 г.), казахам все же не удалось добиться желаемого результата. В этом им главным образом мешали междоусобные распри казахских султанов в борьбе за власть над всеми тремя казахскими жузами.

Именно в результате новой вспышки междоусобицы казахских султанов в 1730 г. свелись на нет некоторые успехи, достигнутые над калмаками, и значительная часть казахских племен Старшего жуза вновь отступила в сторону Бухары.[885] Все это принесло неисчислимые бедствия не только для казахского народа, но и населению бухарского ханства. Об этом свидетельствует сообщение русского источника, составленного около 1734 г., в котором о казахах говорится: «Потеряв городы и провинции контайше тому пять лет одною Большою ордою подошли к самой Бухаре и всех их узбеков разорили, а город в такой жестокой имели, что принуждены были от голоду человеческое мясо (если то правда) есть, и, едва от плену спаслись дачею многих подарков старшинам».[886] Такое положение, в свою очередь вынудило население этих районов покинуть свои родные места и бежать в сторону Гисара, откуда они вернулись только в 1757 г.[887]

Во время правления Цеван-Рабдана в не менее трудном положении находились и кыргызы, которые постоянно подвергались нападениям калмакских феодалов. Как видно из сообщения капитана И.Унковского, очевидно, в начале XVIII в. часть кыргызов северного Тянь-Шаня, кочевала

[883] Тарих-и Рахим-хани С 525. Л. 12а, 19а.
[884] Там же. Л.19б-21б.
[885] Семенюк Г.И. Проблемы истории. С. 89; Басин В.Я.. Россия и казахские ханства. С. 128.
[886] Изъяснение о киргись-кайсацкой орде. Л. 6б.
[887] Тарих-и Рахим-хани С 525. Л. 279б-280а.

около озера Иссык-Куль.[888] А другая часть кыргызского народа в это же время была расселена в горных районах Ферганы, Кашгара и Каратегина.[889]

После вступления на престол Джунгарского ханства сына Цеван-Рабдана Галдан-Церена в 1727 г. экспансия калмакских феодалов на западе еще более усилилась. Основными объектами нападений их войск стали кыргызы Каратегина, а также оседлые районы Ташкентского оазиса и Ферганской долины, которые в это время были раздроблены на ряд мелких независимых владений. Так, по сведениям Ходжам Кулибека Балхи, в 1138г.х./1726 г. Конгтаджи калмак (Цеван-Рабдан) скончался, на место, которого сел его сын (Галдан-Церен). Он отправил войско против кыргызов Каратегина. Кыргызы в количестве 100 тыс. семей бежали из Каратегина и вновь отправились в Гисар-и Шадман. Но поскольку это место было юртом племени юз, они не смогли оставаться здесь, и вынуждены были уйти дальше в направлении Кубадиана. В Кубадиане проживало 20 тыс. семей племени дурман. Их главарь Халмурад-аталык выступил против кыргызов, но кыргызы их победили, и дурманы, переправившись через Аму-Дарью, ушли в сторону Балха.[890]

Как явствует из вышеизложенного, сведения «Тарих-и Кипчак-Хани» Ходжам-Кули бека Балхи имеют большое значение также для изучения вопроса о передвижениях кыргызских племен в Таджикистан и Северный Афганистан. В материалах устного народного творчества кыргызского народа вынужденное переселение кыргызов в сторону Гисара и Куляба («Кыргыз Ысар-Колопко кетип, казак кайын сааганда» – «Когда кыргызы ушли в Гисар и Куляб, а казахи питались березовым соком») также связывается с усилением агрессии Джунгарского ханства против кыргызов и казахов. Это историческое предание кыргызского народа, таким образом, впервые находит полное подтверждение в сообщениях Ходжам-Кули бека Балхи о событиях первой четверти XVIII в.

В дальнейшем, около 1732 г. калмакское войско напало на местность Китмян-Дубя (Кетмен-Тобо), в верховьях Сыр-Дарьи, где владельцем был Мингли-Бай-бий, которое, очевидно, являлось кочевьем кыргызских племен.[891] А в 1734 г. они вторично захватили Ташкент, находившийся во владении некоего Якуб-Яу-Басар-хана.[892]

По сведениям анонимного русского автора, писавшего в 1734г., в это

[888] Посольство к Зюнгарскому хун-тайджи. С. 187.
[889] Рычков П. Краткое известие. Л. 9а; Baddeley J. Russia, Mongolia, China. Vol.I. P. CLXIII and map Renat I.
[890] Мокеев А. Сообщение о взаимоотношениях киргизов с калмаками. С. 491.
[891] Потанин Г.Н. О караванной торговле. С. 4.
[892] Потанин Г.Н. О караванной торговле. С. 4; Чехович О.Д. Городское самоуправление. С. 151.

время правитель Джунгарии Галдан-Церен готовился к походу в Бадахшан.[893] По сообщениям других русских документов «около 1736 или 1738 г. калмыки, буруты и алтайские урянхайцы ходили войной, под предводительством нойона Еренцена в Моллорскую землю (Болорь)».[894] Если идентификация Г. Потанина Моллора с Болором верна, то в средневековье под Болором обычно понимали Бадахшан, или соседние с ними горные районы юга Средней Азии. Оба эти указания русских источников представляют большой интерес в том отношении, что в «Тарих-и Бадахшан» имеются до сих пор еще не подтвержденные сведения о неоднократных приездах калмакских войск в Бадахшан во время правления именно Галдан-Церена. Причем, по свидетельству источника, калмаки каждый раз являлись в Бадахшан по приглашению враждующих сторон, боровшихся за власть в стране.

По сведениям автора «Тарих-и Бадахшан», первый раз калмаки явились в количестве десятитысячного отряда по приглашению Мира Зияуддина и оказав ему необходимую помощь, вернулись в Или.[895] Второй раз в их помощи нуждался сын Зияуддина Мирза Анбат и он послал в Или главу тюркского племени *ак-бори* Мирза Баши. Калмаки не заставили себя долго ждать, и после приезда в Бадахшан, быстро уничтожив крепость Раг-Дашт, где укрепился враг Мирзи Анбата Мир Падшах, подготовились к отъезду. Мирза Анбат за оказанную услугу одарил их дорогими подарками, но предводитель калмакского войска увез его сына в качестве заложника в Или к Галдан–Церену.[896]

Последний раз за помощью к калмакам обратился родной брат Мирзы Анбата Шах-Бузе Хурбек, считавший себя обделенным при распределении уделов и лично явился в Или. Возвратившись в сопровождении калмакского войска, приступил к штурму крепости, где находился Мирза Анбат. Но осада затянулась, и калмаки, помирив братьев, выступили в обратный путь. По словам автора, они возвращались в Или по дороге через Дарваз и Каратегин и там на них напали неизвестные люди и все калмаки были полностью уничтожены и разграблены.[897] Не исключено, что это калмакское войско было уничтожено кыргызами, которые тогда были хозяевами Каратегина и Алая. На основе изложенных фактов можно заключить, что эти походы калмакских войск в Бадахшан состоялись в середине тридцатых годов XVIII в.

В начале XVIII в. в Ферганской долине возникло независимое феодальное владение правителей из узбекского племени минг, которое позже

[893] Изъяснение о киргись-кайсацкой орде. Л. 4б.
[894] Потанин Г.Н. О караванной торговле. С. 5.
[895] Тарих-и Бадахшан. С. 29.
[896] Там же. С. 37.
[897] Там же. С. 39.

превратилось в Кокандское ханство. Основателем династии мингов был Шахрух-бий, правивший до 1721 года.[898] К середине XVIIIв. ферганское владение мингов усилилось, и при дипломатических переговорах между странами региона стало признаваться самостоятельным государством наряду с Бухарским и Хивинским ханствами. Однако серьезную угрозу для государства мингов создавала экспансия калмакских феодалов.

В последние годы правления Галдан-Церена снова усиливается давление калмаков на Ферганскую долину. По данным русских архивных документов, «в 1745 и 1746 гг. джунгары вели постоянную войну с каким-то владельцем Западного Туркестана Абда-Карымом».[899] Этот последний, очевидно, был никем иным, как третьим представителем из династии мингов Абд ал-Карим-бием, правившим Кокандским владением между 1734-1751 гг. Очевидно, тогда же войско Галдан-Церена захватило у кокандцев город Касан.[900] Факты длительной и многократной осады калмакскими войсками кокандского вилайета во время правления там Абд ал-Карим-бия подтверждаются и сведениями кокандских исторических хроник.

Согласно известиям, приводимым Мухаммед-Хаким-ханом, калмакское войско, подвергнувшее Коканд длительной осаде, было вынуждено бежать, когда на помощь кокандцам прибыли отряды правителя Ура-Тюбе Фазил-бия.[901] Однако другой кокандский автор Мулла-Нийаз Мухаммад, излагая события этих лет, сообщает, что Абд ал-Карим-бий, будучи не в силах сопротивляться калмакам, отдал своего брата Баба-бека в качестве заложника.[902] По всей вероятности, эти два автора повествует о двух различных походах калмаков в Коканд, причем сообщение Мулла-Нийаз Мухаммада должно относиться к последней осаде. Ибо по его же данным, после смерти Абд ал-Карима, правитель Джунгарии послал Баба-бека в Коканд в качестве нового правителя, которому удалось удерживать там власть около года. Однако через год кокандцы убили его и вновь возвели на престол Ирдана–бия.[903] Вероятно, в это время из-за обострения междоусобицы в самой Джунгарии, калмаки не смогли оказать реальной помощи своему ставленнику в Коканде.

Кыргызы соседних с Ферганской долиной горных районов в то время

[898] Хронологию кокандских правителей см.: Ромодин В.А.. Некоторые источники по истории Ферганы. С. 15.
[899] Потанин Г.Н. О караванной торговле. С. 5. Более подробно об этих событиях см.: Сапаралиев Д. Взаимоотношения кыргызского народа. С. 37-61; Его же. Этнополитическая история Оша. С. 11-32.
[900] Валиханов Ч.Ч. О хонтайше. С. 324.
[901] МИКК. С. 232; Мунтахаб ат-Таварих. Л. 341б-342а.
[902] МИКК. С. 233; Тарих-и Шахрухи. С. 30
[903] Там же.

продолжали вести упорную борьбу против джунгар. О столкновении кыргызов (бурутов) и калмакских войск в 1744 г. сообщается в русских архивных документах.[904] Согласно сведениям этих источников, около 1747 г. кыргызы совершили поход в Кашгар. Их десятитысячное войско, возглавляемое неким Ахмедом (Акмат-бий), с победой возвратилось в свои кочевья. С целью мести джунгары отправили против кыргызов десятитысячное войско под главенством зайсана Доржи. Оно также было полностью разбито кыргызами и живыми вернулись в Джунгарию всего 3 тысячи калмаков.[905] Судя по содержанию показаний бежавших в Сибирь жителей Джунгарии и Восточного Туркестана, к этому времени кыргызы вновь рассматривались как самые опасные враги калмаков на западных границах. Правитель Джунгарского государства вынужден был держать в готовности крупное войско специально против кыргызов.

Очередной поход калмаков на кыргызские кочевья, расположенные на берегу реки Сыр-Дарья начался выступлением 27.000 всадников в мае 1749 г. и продолжался около трех месяцев. Они возвратились, потеряв 7 тысяч воинов, что вероятно, не может свидетельствовать об успехе этого похода.[906]

В конце первой половины XVIII в. наблюдается активное участие кыргызских военачальников в политических событиях, происходивших в Ферганской долине.[907] Очевидно, оно в какой-то степени связано с осуществлением планов правителей Кокандского владения по созданию самостоятельного крупного ханства. Для осуществления своих замыслов правителям Коканда требовалось войско, и они старались использовать военные силы кыргызских родоначальников, кочевавших в горных районах Ферганы.

В конце первой половины XVIII века начался процесс развала некогда могущественной кочевой державы – Джунгарского ханства. Ход развития внутренней борьбы различных группировок за власть в Джунгарском ханстве и ее печальное завершение при участии двухсоттысячной армии цинского Китая с различной полнотой описывается русскими, китайскими и тюркскими источниками.

Сведения русских источников по этому вопросу обстоятельно анализированы в трудах В.В. Вельяминова-Зернова, И.Я. Златкина, Д. Сапаралиева, а китайских источников – в исследованиях Н.Я. Бичурина, А.М. Позднеева,

[904] Потанин Г.Н. О караванной торговле. С. 5; Валиханов Ч.Ч. О хонтайше. С.324.
[905] Потанин Г.Н. О караванной торговле. С. 7-8.
[906] Потанин Г.Н.. О караванной торговле. С. 8; Валиханов Ч.Ч. О Хонтайше. С. 324.
[907] Иванов П.П. Очерки. С. 109. Об участии кыргызов в этих событиях см.: Тарих-и Рахимхани. Л. 232-240б; Мунтахаб ат-Таварих. Л. 201б-202б.

Л.И. Думана, М. Курана и П. Пельо.[908] Поэтому мы лишь вкратце отметим наиболее значительные события последних лет существования Джунгарского ханства с привлечением сообщений до сих пор малоизученного тюркского источника «Ислам-наме», автор которого был очевидцем и участником описываемых им событий.

В 1745 г. после смерти Галдан-Церена на престол Джунгарского ханства вступил его сын Цеван-Доржи под именем Аджана и принял сан нойона.[909] Правление Аджана сопровождалось не только убийствами сподвижников его отца и ближайших родственников, включая родную старшую сестру Олан-Баяр,[910] но он проявил безмерную жестокость по отношению ко всем своим подданным.[911] Всеобщее недовольство против его тирании было использовано знатным феодалом Сайн-Болоком, мужем Олан-Баяр и старшим братом Аджана Лама-Доржи. Он был рожден от наложницы Галдан-Церена, которая была родом кыргызка (бурутка).[912] В результате заговора Сайн-Болока и Лама-Доржи, в 1749 г. Аджан был убит, и его место занял Лама-Доржи.[913] Однако ойратские феодалы не хотели признавать его ханом, так как он был побочным сыном Галдан-Церена. В свою очередь Лама-Доржи «по всему государству сменил всех старых цзайсанов и посадил на их места новых и молодых»,[914] а такая мера, очевидно, в какой-то степени позволяла ему снискать доверие простого народа, который стал защитником его власти. По сведениям русских источников он «весьма усилился, потому что любим подлому калмыцкому народу».[915]

В этих условиях более знатные претенденты на власть, такие, как Даваци и Амурсана,[916] не находя достаточной опоры внутри страны, бежали к казахам. В 1751 г. они прибыли под покровительство правителя казахов Среднего Жуза Аблай-султана. Этот последний для извлечения максимальной выгоды из удобной ситуации долго колебался перед вопросом выдавать их обратно Лама-Доржи, или, оказав им военную помощь, в случае успеха

[908] См. список литературы.
[909] Ислам-наме. В 311. Л. 57а.
[910] Pelliot P. Notes critiques. P. 11.
[911] Ислам-наме. Л. 576.
[912] Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия. Т.I. С. 92.
[913] По материалам русских источников Лама Дорджи отличался от других претендентов на власть высокими умственными способностями и поддержкой со стороны простого народа. Он становится хонтайджи 24 мая 1750г., 12 октября того же года он принял тронное имя Эрдэне Батор-Хонтайджи. Более подробно об этом см.: Валиханов Ч.Ч. О хонтайше. С. 323.
[914] Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия. Т.I. С.93.
[915] Там же. С. 93-94.
[916] Об этих личностях более подробно см.: Златкин И.Я.. Русские архивные материалы об Амурсане.

утвердить свое влияние над Джунгарией.[917] В конце концов, не дождавшись желаемой помощи со стороны Аблая, Даваци и Амурсана через год тайно вернулись с небольшим отрядом в Джунгарию, и внезапно ворвавшись в дом Лама-Доржи, ударом копья убили его. После этого события Даваци был провозглашен новым ханом.

По свидетельству Молла Абд ал-Алима, после захвата власти Даваци и Амурсана при поддержке племени *кюрют* уничтожили и догола ограбили всех бывших сторонников Лама-Доржи и многие люди умирали с голода.[918] Такому жестокому преследованию, очевидно, подвергались главным образом, средние слои населения и рядовые скотоводы, среди которых Лама-Доржи имел определенную популярность. Возникшее на этой основе недовольство простого народа, по всей вероятности, подхватили те «малосильные зайсанги и нойоны»,[919] которые выдвинули из своей среды Немеку-Джиргала претендентом на престол. Десятитысячное войско Намеку-Джиргала разбило сторонников Даваци в Или, и после бегства хана в урочище Эмиль он занял престол Джунгарского ханства.[920] Через месяц, в конце 1753 г., Даваци вновь при поддержке Амурсаны и казахского султана Аблая низложил Немеку-Джиргала и вступил на престол Джунгарии.[921] В этом же году калмаки снова отправляются на запад против кыргызов и кокандцев. Сражение между калмаками и объединенными силами кокандцев и кыргызов состоялось на берегу озера Иссык-Куль, где джунгары опять потерпели сокрушительное поражение.[922]

Вскоре против Даваци восстал его недавний союзник Амурсана. Но его силы оказались недостаточными для свержения хана и разгромленный на берегу реки Иртыш, Амурсана бежал в Китай, где был принят с большой радостью. В следующем, 1755г., используя просьбу о поддержке Амурсаны как удобный повод для начала претворения в жизнь давно назревшего плана уничтожения Джунгарского ханства, Цинская империя отправила туда двухсоттысячное войско. Совершенно обесиленное к этому времени внутренними раздорами государство джунгаров было занято огромной китайской армией, а бежавший в Восточный Туркестан Даваци был схвачен местными правителями и передан цинским властям.[923]

В дальнейшем, когда Амурсана понял, что китайцы вовсе не собираются

---

[917] Подробно об этом см.: Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия. Т.I. С. 93-121
[918] Ислам-наме. Л. 58а.
[919] Златкин И.Я. История джунгарского ханства. С. 430
[920] Ислам-наме. Л. 58а-60б. Pelliot P. Notes critiques. P. 11.
[921] Там же.
[922] Валиханов Ч.Ч. О хонтайше. С. 325.
[923] Ислам-наме. Л. 64б-75а; Златкин И.Я.. История джунгарского ханства. С. 440-444.

назначить его новым самостоятельным ханом Джунгарии, и поднял восстание, уже было поздно. Его неоднократные попытки объединить вокруг себя всех калмаков на борьбу против китайского ига не имели успеха и в 1759 г. война в Джунгарии закончилась в пользу китайцев почти полным физическим уничтожением его населения.

Усиление междоусобной войны в Джунгарском ханстве дало толчок к возникновению освободительного движения в Восточном Туркестане против ига калмакских феодалов. Во главе этого движения с самого начала оказались видные деятели черногорских ходжей, сыновья Даниял ходжи Джахан ходжа (Якуб), Юсуф ходжа, Низам-ад-Дин-ходжа (Хамуш) и Абдаллах ходжа.

Как известно, с начала XVIII в. глава черногорцев Даниял ходжа в качестве вассала Джунгарии управлял страной вплоть до самой смерти. После его кончины Галдан-Церен упомянутых сыновей Данияла соответственно назначил правителями городов Яркенда, Кашгара Аксу и Хотана. Однако их власть над этими городами была номинальной, так как они большую часть своего времени в качестве заложников должны были провести в ставке джунгарских правителей, а в городах фактически вся власть находилась в руках подкупленных калмакскими феодалами хакимов, которые решительно поддерживали сохранение господства Джунгарии. По всей вероятности, именно это обстоятельство побудило черногорцев воспользоваться недовольством народа, и, изгнав калмаков и их ставленников из страны, взять бразды правления в свои руки.

Но кроме них, были еще другие претенденты на власть над Восточным Туркестаном – потомки главы белогорцев Апак ходжи Бурхан ад-Дин и Хан-Ходжа, которые также с начала XVIII в. находились в Или в качестве заложников у джунгаров и пользовались немалой популярностью среди населения своей страны.

Таким образом, к началу освободительного движения политическая элита Восточного Туркестана была разделена на три лагеря, первый из которых, состоящий из чиновников-коллабарантов стоял за сохранение господства калмаков и две другие религиозные партии в равной степени были заинтересованы в уничтожении чужеземного господства.

При этом сторонники господства джунгаров были, главным образом, выходцы из среды светских феодальных кругов, которые получали со стороны джунгарских ханов уделы и право на управление над городами и вилайетами страны. Среди коллаборантов были и представители купечества, пользовавшихся покровительством калмакских феодалов и поэтому они не имели прочной опоры среди народа.

Две религиозные партии рассчитывали на поддержку крестьян, ремесленников и главным образом кочевых кыргызов, но поскольку лидеры

белогорцев еще находились в заточении в Или, стихийное народное движение оказалось в руках черногорцев, которые благодаря своему сотрудничеству с джунгарскими феодалами пользовались относительной свободой. Такова была политическая обстановка в стране перед началом открытого вооруженного выступления против господства Джунгарии.

Один из главных организаторов восстания Юсуф ходжа тайно отправил письмо кыргыз-кипчакам, кочевавшим в Или в подчинении калмаков с просьбой оказать помощь в борьбе «за веру против неверных». При этом, оправдывая себя и других черногорцев, сотрудничавших раньше с калмаками, он писал: «Есть надежды на великого хазрата господа, славного и всевышнего, что (теперь), когда моя жизнь приближается к концу, я искуплю свою вину, и безотказно буду поражать (неверных) мечом ислама. Я отомщу этим неверным за мое (вынужденное) повиновение (им) в течение нескольких лет».[924] Эти кыргызы, сами измученные в течение долгих лет под игом калмакских феодалов, немедленно отправились в Восточный Туркестан и прибыли в город Хотан.

Тем временем Даваци, осведомленный через своих ставленников о готовящемся восстании, отправил к Юсуф-ходже посла, которому было поручено с помощью ишик-ага Кашгара Худояр-бека организовать заговор и убить главарей черногорских ходжей. Однако заговор Худояр-бека был своевременно раскрыт и Юсуф-ходжа при поддержке кыргызов его казнил, а другие сообщники были наказаны.[925] Другой ставленник калмаков в Яркенде Гази-бек, схватив Джахан-ходжу, открыто выступил против восстания. К нему присоединились правитель Биш-Карама Мухаррам-бек, правитель Файзабада Нияз-бек. Истинная причина их выступления на стороне калмаков видна из следующего заявления этих двух градоправителей калмакскому послу: «Что бы с нами не случилось, мы будем верны приказу правителя (тура). Мы видели много милостей (от него), мы стали почетными людъми. Нам не нужен ходжа».[926] Но в условиях острой борьбы Даваци против Амурсаны, которая проходила в это время в Джунгарии, калмакские феодалы не смогли оказать своим ставленникам в Кашгарии необходимой военной поддержки. Между тем в лагерь восставших прибывали все новые отряды кыргызов из соседних районов страны. Поэтому Садык-ходжа в сопровождении кыргызских войск во главе с Амр-Мирзой двинулся в Яркенд и освободил своего отца Джахан-ходжу из плена Гази-бека.

После этого события, Юсуф-ходжа написал письмо также главе анди-

[924] Салахетдинова М.А. Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари. С. 103 .
[925] Там же. С. 106-107; Shaw R. The history of the Khojas. P. 45
[926] Салахетдинова М.А. Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари. С. 108-110; Shaw R. The history of the Khojas. P. 47-48.

жанских кыргызов Куват-мирзе из племени кушчи, где он призывал их принять участие в газавате «против неверных». Но в это время началось внезапное выступление со стороны Джунгарии Бурхан ад-Дин ходжи и Хан-ходжи с немногочисленным отрядом китайских и калмакских воинов расположенных в Или.

Дело в том, что когда в 1755 г. китайские войска вместе с Амурсаной вошли в Джунгарию, они нашли там находящихся в заложниках двух сыновей Ахмед-ходжи, и, учитывая политическую обстановку в Восточном Туркестане, цинские власти решили использовать белогорских ходжей для захвата этой страны.

По сообщению «Ислам-наме», который фактически является жизнеописанием Ахмед-ходжи и его сыновей, Бурхан ад-Дин и Хан-ходжа еще до выступления китайских войск в Джунгарию тайно отправили своих послов и вошли в сношение с китайцами, а затем принимали активное участие в поимке Даваци.[927] Поэтому Цинское правительство для продолжения своей последовательной политики завоевания Восточного Туркестана с наименьшими затратами, выделило двум белогорским ходжам небольшой отряд, чтобы они, ворвавшись в пределы страны, смогли перетянуть на свою сторону всех сторонников белогорцев.

Расчет китайцев оказался довольно точным, большинство влиятельных лиц, раньше державших сторону калмаков, немедленно перешли в лагерь белогорцев. Кроме того, доверенным людям Бурхан ад-Дина и Хан-ходжи удалось уговорить всех кыргызов, включая вновь прибывших из Андижана людей Куват-мирзы, выступить на стороне белогорцев. И участие кыргызов в решаюшем сражении в Яркенде на стороне белогорцев предопределило участь черногорцев.[928]

Однако, стоявшие за спиной победителей китайцы вскоре предъявили свои «права» на Восточный Туркестан. Тогда, предпринятые Бурхан ад-Дином и Хан-ходжой попытки освободиться от опеки своих прежних «покровителей» так же, как и восстания Амурсаны в Джунгарии, не имели успеха. В конце 1759 г. не только Джунгария, но и весь Восточный Туркестан полностью был захвачен китайской армией, что стало причиной кардинального изменения геополитической ситуации во всем регионе, где отныне основным политическим игроком становится Цинская империя.

[927] Ислам-наме. Л. 66а.
[928] Салахетдинова М.А. Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари. С. 112-124; Думан Л.И. Аграрная политика. С. 84-88; Shaw R. The history of the Khojas. P. 49-56

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставление сведений аутентичных письменных источников с данными археологии показывает, что в период «кыргызского великодержавия» по всей обширной территории расселения енисейских кыргызов в результате этнокультурных взаимовлияний с местными племенами появляются, по крайней мере, пять кыргызских княжеств. В источниках упоминаются княжества Кыргыз, Кэм-Кэмджиут, Баргуджин-Токум, Алакчин и Каркыра, которые просуществовали практически до монгольского завоевания Южной Сибири и Джунгарии.

Центром этногенеза центральноазиатского компонента кыргызской народности на этом этапе становится Прииртышье и Алтай, где существовали княжества Кыргыз и Каркыра. Здесь еще в X-XI вв. складывается этнополитическая группировка, включавшая местные кимакско-кипчакские, тогуз-огузские, карлукские и господствующие кыргызские племена, переместившиеся сюда с Енисея в период «кыргызского великодержавия». После XI в. пришлые кыргызские племена полностью ассимилируются кимакско-кипчакскими, тогуз-огузскими и карлукскими племенами, которые заимствовали, однако, этническое имя «кыргыз».

Позднее утратившие свое политическое единство племена алтайских кыргызов вошли сначала в состав Ойратского союза, а затем государства Моголистан. Именно эти алтайские кыргызы в эпоху распада Монгольской империи в силу ряда политических и экономических причин стали мигрировать в Семиречье и в процессе падения государства Моголистан в конце XV-нач. XVI вв. полностью овладели территорией Тянь-Шаня. Фольклорное выражение этих процессов нашло широкое отражение в эпосе «Манас». Во всех известных вариантах эпоса рождение эпического героя происходит на Алтае, откуда он после достижения зрелого возраста переселяется со своим народом на Ала-Тоо. В этом наиболее ярко проявилась ...бинная историческая память кыргызского народа, для которого имя его ...ического героя и название прародины неразделимы.

...ающие этапы формирования кыргызского народа протекали на ... в XV-XVIII вв., где происходил длительный процесс взаимо- ... и взаимовлияния двух его основных компонентов – древних и

средневековых племенных объединений Притяньшанья с собственно кыргызскими племенами, переместившимися сюда предположительно во второй половине XV века из Прииртышья и с Алтая. Можно выделить следующие основные моменты этого процесса.

а) Переселение группы кыргызских племен в середине XV в. с Прииртышья и Алтая на свою нынешнюю родину и окончательное закрепление на этой территории, несмотря на неоднократные попытки государства яркендских моголов вновь подчинить их своей власти. В ту же эпоху и несколько позднее другие группы кыргызских племен в силу различных политических событий оказались в горах Куэнь-Луня и Каракорума, на Восточном Памире и в Фергане.

б) Однако, центром этнической консолидации кыргызов стала территория Тянь-Шаня. Именно здесь, по свидетельству источников, кыргызские племена в конце XV-нач. XVI вв. под предводительством Мухаммеда-кыргыза создали этнополитическую структуру «Онг канат» («Правое крыло») и «Сол канат» («Левое крыло»). Создание этой дуальной организации означало появление такой структуры, которая оказалась способной выполнять известные политические функции, включая охрану этнической территории и консолидацию включенных в ее состав племен и родов.

в) В процессе интеграции остатков древнетюркских и могольских племен в рамках этой дуальной этнополитической структуры постепенно созревало этническое самосознание последних, что нашло отражение в новых вариантах племенных и общекыргызских генеалогических преданий («Маджму ат-таварих») и в двойных наименованиях ряда родоплеменных объединений (кыргыз-кыпчак, кыргыз-кытай и др.). Этническое смешение местных древнетюркских и могольских племен с кыргызами произошло в сравнительно короткий исторический срок, ибо в условиях подвижного полукочевого хозяйства быстро развивались этнокультурные связи между отдельными районами Кыргызстана. Вскоре этноним «кыргыз» стал общим для всех племен Кыргызстана.

Хотя вследствие усиления экспансии Джунгарского ханства во второй половине XVII в. значительная часть северных кыргызских племен была вынуждена мигрировать с Тянь-Шаня в юго-западные районы Средней Азии, но все же отдельные группы кыргызов оставались на своих прежних кочевьях. С падением Джунгарского ханства началось возвращение кыргызских племен на свои прежние кочевья, расположенные на Центральном и Восточном Тянь-Шане. Расселение кыргызов на свои прежние земли в середине XVIII в. имело огромное значение для этнической истории кыргызского народа на Тянь-Шане. Только после прекращения крупных миграций и окончательного определения границы расселения кыргызских племен

завершился длительный процесс формирования кыргызского народа в рамках дуальной этнополитической структуры в пределах его собственной этнической территории.

В консолидации кыргызских племен в единую народность значительную роль сыграла и религия ислама, распространение которой всячески поддерживалась правящей верхушкой для обоснования и укрепления своей власти над всеми племенами Притяньшанья.

При всем разнообразии идеологических обоснований мнимого родства всех племен и родоплеменных объединений Тянь-Шаня, включенных в дуальную этнополитическую структуру (религия, генеалогия и т.д.) в условиях отсутствия строго централизованного государственного управления и политического, экономического, культурного и религиозного центра, главным консолидирующим фактором кыргызов Тянь-Шаня становится эпос "Манас". Неслучайно, что именно здесь, на Тянь-Шане в XVI - в первой половине XVIII вв. происходил окончательный этап сложения этого выдающегося памятника эпической традиции кыргызского народа на наддиалектном, общекыргызском языке, где нашли отражение и генеалогия и обычное право – "торе", а также история и идеология народа.

Поэтому эпос "Манас" воплотил в себе, прежде всего, актуальную для своего времени идею объединения племен перед лицом внешней опасности, а в образе героя Манаса кыргызы хотели видеть того идеального общенационального вождя, который мог бы встать во главе всех кыргызов и сплотить их в силу, способную противостоять любому врагу. Это уникальное явление, когда наряду с религией и другими символами идеологии важным консолидирующим фактором становится эпическое сказание, представляет собой главную особенность этнической истории кыргызского народа на Тянь-Шане.

Таким образом, можно отметить, что последний третий этап формирования кыргызского народа завершился в XVI - середине XVШ веков на Тянь-Шане в рамках дуальной этнополитической организации. Он является историческим наследником этнического, хозяйственного и культурного развития как местных племен, проживавших на территории Кыргызстана с древнейших времен, так и собственно кыргызских племен, вышедших из Южной Сибири в XV в., которые принесли с собой этноним *кыргыз,* ставший впоследствии самоназванием нового этноса – кыргызского народа.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ

АВ ИВР РАН – Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской Академии наук.

ВИ – «Вопросы истории», М.

Г.х. – год хиджры (мусульманского календаря).

ЗИРГО – «Записки Имп. Русского географического общества», СПб.

ЗНОРАО – «Записки Нумизматического отделения Имп. Русского археологического общества», СПб.

ИАН Каз. ССР – «Известия Академии наук Казахской ССР», Алма-Ата.

ИАН Кирг. ССР – «Известия Академии наук Киргизской ССР», Фрунзе.

ИАН Тадж. ССР – «Известия Академии наук Таджикской ССР», Душанбе.

ИВ АН РУ – Институт востоковедения Академии наук Республики Узбекистан.

ИВР РАН – Институт восточных рукописей Российской Академии наук, Санкт Петербург.

ИЗ – «Исторические записки», М.

М – Москва.

М-Л – Москва-Ленинград.

Л- Ленинград.

МИКК – см. список источников.

МИКХ – см. список источников.

МИРМО – см. список источников.

ОНУз – «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент.

ПС – «Палестинский сборник», М. –Л.

РА – Российская археология, М.

Рук. – Рукопись.

СВ – «Советское востоковедение», М. –Л.

СМИЗО – см. список источников.

СО – Серия общественная.

СОН – Серия общественных наук.

СПб.– Санкт Петербург.

СТ – «Советская тюркология», Баку.

СЭ – «Советская этнография», М. –Л., М.

ТИВАН – «Труды Института востоковедения АН СССР», Л.

ТИИАЭ- «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР», Алмата.

ТКАЭЭ – «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I-IV, М., 1956-1960.

ТТАЭЭ – «Труды Тувинской археолого–этнографической экспедиции», т.II, М. – Л., 1966.

УЗИВАН – «Учёные записи Института востоковедения АН СССР», М.-Л.

ЧОИДР – «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете».

EI – «Encyclopedie de I'Islam». T. I – IV. Leyden – Paris, 1913 – 1934.

GMS – «E.J.W. Gibb Memorial Series».

JA – «Journal asiatique», Paris.

JASB – «Journal and Proseedings of the Asiatic Society of Bengal», Calcutta.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абдураимов М.А. Очерки. - М.А. Абдураимов. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI- первой половине XIX века. Т.I. Ташкент, 1966.
2. Абдыкалыков А. Енисейские кыргызы.- А. Абдыкалыков. Енисейские киргизы в XVII в. Фрунзе, 1968.
3. Абдыкалыков А. О термине «буруты».- А. Абдыкалыков. О термине «буруты»// Советская этнография. 1963, №1.
4. Абрамзон С.М. Киргизы.- С.М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
5. Абрамзон С.М. Вопросы.- С.М. Абрамзон. Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии // ТКАЭЭ. Т. III.
6. Абрамзон С.М. К семантике.- С.М. Абрамзон. К семантике киргизских этнонимов//СЭ. 1946, №3.
7. Абрамзон С.М. Киргизский героический эпос.- С.М. Абрамзон. Киргизский героический эпос «Манас» как этнографический источник// «Манас»-героический эпос киргизского народа. Фрунзе, 1968.
8. Абрамзон С.М. Кыргыз.- С.М. Абрамзон. Кыргыз жана Кыргызстан боюнча тандалма эмгектер. Бишкек, 1999.
9. Абрамзон С.М. Народные предания. – С.М. Абрамзон. Народные предания как источник для изучения этнической истории киргизов Центрального Тянь-Шаня// Этническая история народов Азии. М., 1974.
10. Абрамзон С.М. Фольклорные мотивы. - С.М. Абрамзон. Фольклорные мотивы в киргизских преданиях генеалогического цикла// Фольклор и этнография. Л., 1977.
11. Абрамзон С.М. Этногенетические связи.- С.М. Абрамзон. Этногенетические связи киргизов с народами Алтая// Доклады делегации СССР на XV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960.
12. Абрамзон С.М. Этнический состав.- Абрамзон С.М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии// ТКАЭЭ. Т.IV. М., 1960.
13. Абрамзон С.М., Потапов Л.П. Народная этногония.- С.М Абрамзон, Потапов Л.П. Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных

кочевников) //СЭ. 1976, № 5.
14. Абусеитова М.Х. Казахское ханство.- М.Х. Абусеитова. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985.
15. Абышкаев А.Ш. Каратегинские киргизы.- А.Ш. Абышкаев. Каратегинские киргизы в конце XIX- начале XXвв. Фрунзе, 1965.
16. Агаджанов С.Г. Очерки.- С.Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIIIвв. Ашхабад, 1969.
17. Айтимбет О. Кара кыргыз. - О.Айтимбет. Кара кыргыз. Бишкек, 2007.
18. Акимушкин О.Ф. Исследование.- См.: Хроника.
19. Акимушкин О.Ф. К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства.- Акимушкин О.Ф. К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х годах XVIв.- 60-х годахXVIIв. // ПС. 1970. Вып.21(84).
20. Акимушкин О.Ф. Могольско-узбекский союз .– Акимушкин О.Ф. Могольско-узбекский союз против казахов в середине XVIв. //Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока(Краткое содержание докладов V годичной научной сессии ЛО ИВ АН СССР). Л., 1969.
21. Акимушкин. Введение.- См.: Хроника.
22. Алексеев В.М. Нумизматическая коллекция.- В.М. Алексеев. Нумизматическая коллекция богдохана Цянь Луна // ЗВОРАО. Т.I. 1906.
23. Алехин Ю.И. Исследования.- Алехин Ю.И. Исследования на Юго-Западном Алтае // Археологические открытия в СССР 1983. М., 1985.
24. Анваров А. Сообщения о киргизах.- А. Анваров. Сообщения индийских путешественников XIXв. о киргизах//Тюркология-88. Фрунзе, 1988.
25. Аристов Н.А. Опыт выяснения.- Н.А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов, на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. СПб., 1895.
26. Аристов Н.А.. Заметки. - Н.А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897.
27. Археологические памятники.- Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987.
28. Асанканов А., Джунушалиев Д. и др. Кыргыз тарыхы.- А. Асанканов, Д. Джунушалиев, А.Ч. Какеев, Д.Б. Сапаралиев. Кыргыз Республикасынын тарыхы. Бишкек, 2000.
29. Ахмедов Б.А. Государство.- Б.А. Ахмедов. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

30. Ахмедов Б.А. К изучению.- Б.А. Ахмедов. К изучению политической истории Киргизии XV века// ОНУз. Ташкент, 1961. №5
31. Ахсан ат-таварих.- Ахсан ат-таварих, талиф Хасан Румлу. Техран, 1349 г.х.
32. Бадаи ат-таварих.- Бадаи ат-таварих. Рук. ИВР РАН В 2304.
33. Равзат ар-Ризван.- Бадр-ад-дин Кашмири. Равзат ар-Ризван. Рук. ИВ АН РУ № 2094.
34. Байтур А. Кыргыз тарихи.- А. Байтур. Кыргыз тарихи лексиялары. Кызыл-Суу (КНР), 1986.
35. Бартольд В.В. Двенадцать лекций.- В.В. Бартольд. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Собр. соч. Т.V., М. 1968.
36. Бартольд В.В. Извлечение из сочинения Гардизи.- В.В. Бартольд. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал -ахбар»// Собр. соч. Т. VIII, М. 1973.
37. Бартольд В.В. История Туркестана.- В.В. Бартольд. История Туркестана // Собр. соч. Т. II. Ч. I. М., 1963.
38. Бартольд В.В. Киргизы.- В.В. Бартольд. Киргизы. Исторический очерк // Собр. соч. Т.II, часть I, М, 1963.
39. Бартольд В.В. Тюрки.- В.В. Бартольд. Тюрки // Собр. соч. Т. V, М. 1968.
40. Бартольд В.В. История культурной жизни.- В.В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана//Собр.соч. Т. II. Ч. I. М., 1963.
41. Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов.- В.В. Бартольд. История турецко-монгольских народов // Собр. соч. Т. V. М., 1968.
42. Бартольд В.В. Отчет.- В.В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан// Собр. соч. Т. VIII, М. 1973.
43. Бартольд В.В. Очерк.- В.В. Бартольд. Очерк истории Семиречья // Собр. соч. Т.II, ч.1. Москва, 1963.
44. Бартольд В.В. Рецензия на Аристова.- В. В. Бартольд. Рецензия на книгу: Н.А.Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен// Собр. соч. Т. V. М., 1968.
45. Бартольд В.В. Современное состояние.- В.В. Бартольд. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей // Собр. соч. Т. V., Москва, 1968.
46. Бартольд В.В. Калмыки.- В.В. Бартольд. Калмыки // Собр. соч. Т. V. М., 1968.
47. Басин В.Я. Россия и казахские ханства.- В.Я. Басин. Россия и казахские ханства в XVI-XVII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата. 1971.
48. Баскаков Н.А. К вопросу.- Н.А. Баскаков. К вопросу о происхождении этнонима «Кыргыз» // СЭ. 1964, №2.

49. Батманов И.А. Некоторые лингвистические данные.- Батманов И.А. Некоторые лингвистические данные к этногенезу киргизского народа // ТКАЭЭ. Т. III. Фрунзе, 1959.
50. Баялиева Т. Д. Доисламские верования.- Т. Д. Баялиева. Доисламские верования и пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972.
51. Бейшеналиев Т.О. Кыргыз ханы.- Т. О. Бейшеналиев. Кыргыз ханы Монке-Темирдин омуру // Ала-Тоо. 1991. №11.
52. Бейшеналиев Т.О. «Циньдин мэнгу юаньлюэ».- Т.О. Бейшеналиев. «Циньдин мэнгу юаньлюэ» об ойратском улусе// Центральная Азия: вчера, сегодня, завтра. Материалы Международной научной конференции. Бишкек, 2001.
53. Бернштам А.Н. К вопросу.- А.Н. Бернштам. К вопросу о происхождении киргизского народа//СЭ. 1955. №2.
54. Бернштам А.Н. О появлении киргизов.- А.Н. Бернштам. О появлении киргизов на Тянь-Шане в IX-Хвв.//СВ. 1956. №4.
55. Бернштам А.Н. Сложение тюркоязычного населения.- А.Н. Бернштам. Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа // ТКАЭЭ. Т. III. Фрунзе, 1959.
56. Бернштам А.Н. Эпоха возникновения.- А.Н. Бернштам. Эпоха возникновения киргизского эпоса «Манас»//Манас-героический эпос киргизского народа, Фрунзе, 1968.
57. Бекджат ат-таварих.- Бекджат ат-таварих. Рук. ИВР РАН С 785.
58. Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов.- Н.Я. Бичурин. Историческое обозрение ойратов или калмыков с 15 столетия до настоящего времени. СПб., 1834.
59. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах Азии.- Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Сочинение монаха Иакинфа. Ч.I-III. СПб.,1851.
60. Богоявленский С. К. Материалы.- С.К. Богоявленский. Материалы по истории калмыков в первой половине XVIIв.// ИЗ. 1939. №5.
61. Босворт К.Э. Мусульманские династии.- К.Э. Босворт. Мусульманские династии. Пер. с английского с примечаниями П.А. Грязневича. М., 1971.
62. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография.- Ю.В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1974.
63. Бурковский А.Ф. Борьба киргизского народа.- А.Ф. Бурковский. Борьба киргизского народа за свою независимость в первой половине XVIIв.//Страницы истории и материальной культуры Киргизстана (досоветский период). Фрунзе, 1975.
64. Бутанаев В.Я. Хакасы.- В.Я. Бутанаев. Хакасы из провинции Хэйлунцзян. Абакан, 2006.

65. Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов.- В.Я. Бутанаев, Ю.С. Худяков. История енисейских кыргызов. Абакан, 2000.
66. Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах.- Ч.Ч. Валиханов. Записки о киргизах//Собр. соч. Т.2. Алма-Ата, 1985.
67. Валиханов Ч.Ч. О Хонтайше.- Валиханов Ч.Ч. О Хонтайше //Собр. соч. Т.2. Алма-Ата, 1985.
68. Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии.- Ч.Ч. Валиханов. Очерки Джунгарии // Избранные произведения. М.,1986.
69. Валиханов Ч.Ч. Смерть Кукотой-хана.- Ч.Ч. Валиханов. Смерть Кукотой-хана и его поминки //Собр. соч. Т.2. Алма-Ата , 1985.
70. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование.- В.В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.2(с двумя таблицами). СПб., 1864.
71. Венюков М.И. Очерки Заилийского края.- М.И. Венюков. Очерки Заилийского края и Причуйской страны// ЗИРГО, кн.4. 1861.
72. Викторова Л.Л. К вопросу о найманской теории.- Л.Л. Викторова. К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности (XII-XIIIвв.)// Ученые записки ЛГУ. Вып.12. Л.,1961. № 305.
73. Викторова Л.Л. Монголы.- Л.Л. Викторова. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.1980.
74. Винников Я.Р. Родо-племенной состав.- Я.Р. Винников. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии // ТКАЭЭ. Т. I. М, 1956.
75. Виноградов В.С. Киргизская народная музыка. - В.С. Виноградов. Киргизская народная музыка. Фрунзе, 1958.
76. Виноградов В.С. Киргизское народное творчество. - В.С. Виноградов. Киргизское народное творчество как источник изучения проблемы происхождения киргизов//ТКАЭЭ. Т. Ш. М, 1959.
77. Вопросы этнической истории. - Вопросы этнической истории киргизского народа. Фрунзе, 1989.
78. Гольденберг Л.А. Статья С.У. Ремезова. – Л.А. Гольденберг. Статья С.У. Ремезова “О калмыках как весьма известном в Сибири народе”//Страны и народы Востока. Вып.XVIII, М., 1976.
79. Григорьев В.В. Восточный Туркестан. - Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Восточный или Китайский Туркестан. Перевел с присовокуплением критических примечаний и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати лет, В.В. Григорьев. Вып.1-2. СПб., 1869-1873.

80. Грумм Гржимайло Г. Е. Западная Монголия.- Г.Е. Грумм-Грижимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.1-3, Л., 1926.
81. Грумм-Грижимайло Г.Е. Киргизы.- Г.Е. Грумм-Грижимайло. Киргизы. Рец.,- реферат на кн.: Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк. Фрунзе, 1927//Известия Государственного Географического общества. Т. LXVI., Вып. I. 1934.
82. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия.- Л.Н. Гумилев. Тысячелетие вокруг Каспия. Москва, 2004.
83. Джалис и-муштакин. - Перевод извлечений из «Джалис-и муштакин» Мауланы Пируи Бухараи З.Н.Ворожейкиной // МИКК. М., 1973.
84. Джуманалиев Т. Эволюция политической власти кочевников. - Т. Джуманалиев. Эволюция политической власти кочевников Притяньшаня (IIв. до н.э.-XII в). Бишкек, 2005.
85. Джусаев К. О «черных китаях» и «кривом» государе. - К. Д. Джусаев. «черных китаях» и «кривом» государе// Диалог цивилизаций на Великом Шелковом пути. Материалы Международной научной конференции. Бишкек, 2001.
86. Долгих Б.О. Родовой состав.- Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибирии в XVII в., М., 1960.
87. Древнетюркский словарь. - Древнетюркский словарь. Ленинград, 1969.
88. Думан Л.И. Аграрная политика. - Л.И. Думан. Аграрная политика цинского (манчжурского) правительства в Синцзяне в конце XVIIIв. // ТИВАН СССР, XX. М.-Л., 1936.
89. Едилханова С.А. Казахско-Джунгарские взаимоотношения.- С.А. Едилханова. Казахско-Джунгарские взаимоотношения в XVII-XVIII веках. Алматы, 2005.
90. Ерофеева И.В. и др. Аныракайский Треугольник.- И.В. Ерофеева. и др. Аныракайский Треугольник. Историко-географический ареал и хроника Великого сражения. Алматы, 2008.
91. Жирмунский В.М. Введение в изучение эпоса «Манас».- В.М. Жирмунский. Введение в изучение эпоса «Манас» // Тюркский героический эпос. Л., 1974.
92. Закиев М.Татары.- М. Закиев М.Татары: Проблемы истории и языка. Казань, 1995.
93. Залкинд Е.М. Кидане.- Е.М. Залкинд. Кидане и их этнические связи// СЭ, М., 1948. № 1.
94. Зийа ал-кулуб.- Перевод извлечений из «Зийа ал-Кулуб» З.Н. Ворожейкиной//МИКК. М., 1973.
95. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства.- И.Я.Златкин. История Джунгарского ханства. М.1964.

96. Златкин И.Я. Русские архивные материалы об Амурсане.- И.Я. Златкин. Русские архивные материалы об Амурсане. // «Филология и история монгольских народов», М., 1958.
97. Зуев Ю.А. Тамги лошадей.- Ю.А. Зуев. Тамги лошадей из вассальных княжеств// ТИИАЭ АН Казахской ССР. Т. 3. Алма-Ата, 1960.
98. Идегей. Татар халык дастаны.- Идегей. Татар халык дастаны. Казань, 1988.
99. Иванов П.П. Киргизы.- П.П. Иванов. Киргизы. АВ ИВР РАН. Ф.124, оп.1, № 67.
100. Иванов П.П. Очерки. - П.П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии (XVI-середине XIXв.). М., 1958.
101. Иванов С.В. Киргизский орнамент.- С.В.Иванов. Киргизский орнамент как этногенетический источник//ТКАЭЭ. Т. III. М, 1959.
102. Изъяснение о киргись-кайсацкой орде.-Изъяснение о киргиз-кайсацкой и каракалпакской ордах. Анонимное сочинение на русском языке, составленное около 1734г.//Архив Санкт Петербургского Отделения Российской Академии наук, р.III, оп.I, ед.хр.164.
103. Имамкули хан-намэ.- Имамкули хан-намэ. Рук. ИВ АН РУ № 89.
104. Ислам-наме.- Ислам-наме. Рук. ИВР РАН В 311.
105. История Казахской ССР.- История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т.П. Алма-Ата, 1979.
106. История Киргизской ССР- История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. Т.1. Фрунзе. 1984.
107. История Киргизской ССР. Т.1.- История Киргизской ССР. Т.1. Фрунзе. 1968.
108. История о завоевании элетского народа. - «История о завоевании китайским ханом Канкием калкаского и элетского народа кочующего в великой Татарии», состоящая в пяти частях. Переведена с манчжурского языка на русский прапорщиком Ларионом Россохиным. (СПб) 1750. //Архив Санкт Петербургского Отделения Российской Академии наук, ф.21,оп.5, ед.хр.I,2,3.
109. История Сибири.- История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. I. Л., 1968.
110. История татар.- История татар с древнейших времен. Т. II. Казань, 2006.
111. История Тувы. - История Тувы. Т.I. Новосибирск, 2001.
112. История Узбекской ССР. - История Узбекской ССР. Т.1. Ташкент, 1955.
113. Караев О.К. Чагатайский улус.- О.К. Караев. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Бишкек, 1995.
114. Каратаев О.К. Кыргыз этнонимдер создугу.- О.К. Каратаев. Кыргыз этнонимдер создугу. Бишкек, 2003.

115. Каратаев О.К. Кыргыздардын этномаданий байланыштарынын тарыхынан. - Каратаев О.К. Кыргыздардын этномаданий байланыштарынын тарыхынан. Бишкек, 2003.
116. Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории. - Б.Х. Кармышева. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976.
117. Кереитов Р.Х. К истории. - Р.Х. Кереитов. К истории некоторых ногайских фамилий. Черкесск, 1994.
118. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. - С.В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М.,1951.
119. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. - С.Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
120. Кляшторный С.Г. Гуннская держава.- С.Г. Кляшторный. Гуннская держава на Востоке(IIIв.до н.э.-IVв.н.э.)// История Древнего мира. Т.III. М.,1982.
121. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи. - С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
122. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы. - С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов. Государства и народы евразийских степей. Санкт-Петербург, 2000.
123. Книга Марко Поло. - Книга Марко Поло. Перевод И.П. Минаева. Редакция и вступительная статья И.М. Магидовича. М..,1956.
124. Козин С.А. Ойратская историческая песнь. - С.А. Козин. Ойратская историческая песнь о разгроме халхасского Шолой-Убаши Хунтайджи в 1587 году // «Советское востоковедение», №4., 1947.
125. Козин С. А. Сокровенное сказание. - С.А. Козин. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. I. М.-Л., 1941.
126. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка. - П.К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
127. Кондратьев А.А. Выступление. - А.А. Кондратьев. Выступление на Научной сессии по этногенезу киргизского народа //ТКАЭЭ. Т. III.
128. Кононов А.Н. История изучения. - А.Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972.
129. Кононов А.Н. О семантике. - А.Н. Кононов. О семантике слов «кара» и «ак» в тюркской географической терминологии // ИАН Тадж. ССР. Отд. общ. наук. Вып. V, 1954.
130. Кононов А.Н. Родословная туркмен. - А.Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.,- Л., 1958.
131. Короглы Х. Алп Эр Тонга. - Х. Короглы. Алп Эр Тонга и Афрасиаб по Юсуфу Баласагуни и другим авторам // СТ. 1970, № 4.
132. Кочнев Б. Нумизматическая история.- Б. Кочнев. Нумизматическая история Караханидского каганата.(991-1209).Ч.1. М.2006.
133. Крадин Н.Н. Империя Хунну.- Н.Н. Крадин. Империя Хунну. Москва, 2001.
134. Куббелъ Л.Е. Этнические общности.- Л.Е. Куббелъ. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества//Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
135. Кузеев Р.Г. Происхождение.- Р.Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.
136. Культура тувинцев.- Культура тувинцев: Традиция и современность. Кызыл, 1988.
137. Кумеков Б.Е. Арабские и персидские источники по истории кыпчаков.- Б.Е. Кумеков. Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII- XIV вв. Научно-аналитический обзор.-Алма-Ата, 1987.
138. Кумеков Б.Е. Государство кимаков.- Б.Е. Кумеков. Государство кимаков. Алма-Ата, 1972.
139. Кызласов Л. Р. История Южной Сибири.- Л. Р. Кызласов. История Южной Сибири в средние века. М., 1984.
140. Кызласов Л.Р. История Тувы.- Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. Москва,1969.
141. Кызласов Л.Р.Древнейшея Хакасия.- Л. Р. Кызласов. Древнейшея Хакасия. М.,1986.
142. Кычанов Е.И. «История династии Юань» о киргизах.- Е.И. Кычанов. «История династии Юань» о киргизах // Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана.Т.II.Бишкек, 2003.
143. Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина.- Е.И. Кычанов. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Бишкек, 1991.
144. Кычанов Е.И. Сведения «Юань ши» о переселениях киргизов.- Е.И. Кычанов. Сведения «Юань ши» о переселениях киргизов в XIII веке // ИАН Кирг. ССР. СОН. Т.V, вып.I.,1963.
145. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири.- Н.В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
146. Левшин А. Описание.- А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей, ч.1, географические известия. СПб., 1832; ч.2. исторические известия. СПб., 1832; ч.3, этнографические известия. СПб., 1832.
147. Логашова Б.Р. Туркмены Ирана.- Б.Р. Логашова. Туркмены Ирана. М., 1976.

148. Лунный цвет. - Сакбон Раднабатор. «Лунный свет» - история Раб-Джам Зая Пандиты. Перевод с ойратского Г.Н.Румянцева// АВ ИВР РАН, р.I, оп.3, ед.хр. 44.
149. Маанаев Э. К вопросу о переселении киргизов.- Э. Маанаев. К вопросу о переселении киргизов на Памир // Материалы по истории и экономики Киргизии. Фрунзе, 1963.
150. Маанаев Э.Ж., Каратаев О.К. Кыргыз элинин этникалык онугуусу. - Э.Ж. Маанаев, О.К. Каратаев. Кыргыз элинин этникалык онугуусу. Бишкек, 2003.
151. Маджму ат-таварих.- Сайф ад-Дин Аксикенди. Маджму ат-таварих. Рукопись ИВР РАН В 667.
152. Макшеев А.И. Карта Рената.- А.И. Макшеев. Карта Джунгарии составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1717 по 1733 г. //ЗИРГО, отд. по общей географии. Т.II.СПб., 1888.
153. Малов С.Е. Лобнорский язык.- С.Е. Малов Лобнорский язык. Фрунзе, 1956.
154. Малявкин А.Г. К вопросу о расселении уйгуров.- А.Г. Малявкин. К вопросу о расселении уйгуров после гибели Уйгурского каганата // Изв. Сибирского Отделения АН СССР. №1. Вып.1.1972.
155. Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров.- А.Г. Малявкин. Материалы по истории уйгуров в IX-XIIвв. Новосибирск, 1974.
156. Малявкин А.Г. Уйгурские государства.- А.Г. Малявкин. Уйгурские государства в IX-XIIвв. Новосибирск, 1983.
157. Манас. Айтуучу: Жусуп Мамай.- Манас. Айтуучу: Жусуп Мамай. Шинжиан эл басмасы. 2004.
158. Манас. Биринчи болук, 1-китеп. - Манас. Биринчи болук, 1-китеп. Фрунзе, 1958.
159. Манас. Биринчи болук, 2-китеп. - Манас. Биринчи болук, 2-китеп. Фрунзе, 1959.
160. Манас. Киргизский героический эпос. - Манас. Киргизский героический эпос. М., 1988. Книга 2.
161. Маргулан А. Выступление.- А. Маргулан. Выступление на Научной сессии по этногенезу киргизского народа // ТКАЭЭ. Т. III.
162. Маркевич А.И. Географическая номенклатура Крыма.- А.И. Маркевич. Географическая номенклатура как исторический материал. (Топонимические данные крымских архивов). Симферополь, 1928.
163. Масанов Н., Абылхожин Ж., Ерофеева И. Научное знание и мифотворчество.- Н. Масанов, Ж. Абылхожин, И. Ерофеева. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, 2007.

164. Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана.- В.В. Массон, В.А. Ромодин. История Афганистана, Т.I . С древнейших времен до начала XVI в. М., 1964.
165. Материалы по истории кыргызов.- Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана (Извлечения из китайских источников IIв. до н.э.-XVIIIв.). Т.2. Бишкек, 2003.
166. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. - Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Перевод и предисловие З.-А. М. Ауэзовой. Алматы, 2005.
167. Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар ФВ 337.- Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. Ксерокопия рукописи ИВР РАН ФВ 337.
168. Махмуд ибн Вали. Море тайн.- Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (География). Введение, перевод, примечания, указатели Б.А. Ахмедова, Ташкент, 1977.
169. Машрапов Т.Т. «Раузат ар-ризван ва хадикат ал-гилман» как источник.- Т.Т. Машрапов. «Раузат ар-ризван ва хадикат ал-гилман» как источник по истории Киргизстана XVIв // ИАН Кирг. ССР. ОН. 1990. №4.
170. Машрапов Т.Т. Новые сведения о киргизах.- Т.Т. Машрапов. Новые сведения о киргизах в «Силсилат ас-салатин» Мир Мухаммад Салима.// Ориенталистика в Киргизии. Фрунзе, 1987.
171. Миклухо-Маклай Н.Д. Описание персидских и таджикских рукописей.- Н.Д. Миклухо-Маклай. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. М., 1975. Вып. III, Исторические сочинения.
172. Миллер Г.Ф. История Сибири.- Г.Ф. Миллер. История Сибири, Т.I-II. М.-Л., 1937-1941.
173. Миллер Г.Ф. О сибирских торгах.- Г.Ф. Миллер. О сибирских торгах// Ежемесячные сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих. СПб., Май 1756.
174. Мирза Мухаммад Хайдар. Та'рих-и Рашиди.- Мирза Мухаммад Хайдар. Та'рих-и Рашиди. Введение, перевод с персидского, А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. Ташкент, 1996.
175. МИКК.- Материалы по истории киргизов и Киргизии. Ответственный редактор В.А. Ромодин. Вып.1. М., 1973.
176. МИКХ.- Материалы по истории Казахских ханств XV-XVII веков (извлечение из персидских и тюркских сочинений). Составители: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алма-Ата, 1959.
177. МИРМО.- Материалы по истории русско-монгольских отношений. Т.I. Русско-монгольские отношения 1607-1936. Сборник документов. Составители: Л.М. Гатаулина, М.И. Гольман, Г.И.Слесарчук. М., 1959; Т.П. Русско-монгольские отношения 1636-1654. Сборник документов. Составители: М.И. Гольман, Г.И.Слесарчук.

178. Могильников В.А. Начало тюркизации населения Притомья.- В.А. Могильников. Начало тюркизации населения Притомья и среднего Приобья//Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973.
179. Мокеев А.М. Дуальная этнополитическая организация кыргызов.- А.М. Мокеев. Дуальная этнополитическая организация кыргызов на Тянь-Шане в XVI-XVIIIв.// Тюркологический сборник 2007-2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. Москва, 2009.
180. Мокеев А. Персоязычные и тюркоязычные источники.- А. Мокеев. Персоязычные и тюркоязычные источники//Источниковедение Кыргызстана. С древности до конца XIX в. Бишкек.«Илим», 2004.
181. А. Мокеев. Роль суфийских шейхов в распространении исламской религии.- А. Мокеев. Роль суфийских шейхов в распространении исламской религии в Кыргызстане// Journal of Turkic civilization studies. #.2 (2006). Bishkek, 2006.
182. А. Мокеев. Факты обращения в буддизм кыргызов Тянь-Шаня.- Мокеев А. Факты обращения в буддизм кыргызов Тянь-Шаня в XVII-XVIIIвв // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Материалы международной конференции. Бишкек 3-5 октября 2002.
183. Мокеев А. Новый источник по генеалогии киргизского народа.- А. Мокеев. Новый источник по генеалогии киргизского народа// Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. Москва, 1984.
184. Мокеев А.М. «Насаб наме» Абд ар-Рахима как источник по истории киргизского народа.- А.М. Мокеев. «Насаб наме» Абд ар-Рахима как источник по истории киргизского народа и генеалогии кокандских правителей // Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана XV-XIXвв. Ташкент, 1987.
185. Мокеев А.М. К вопросу о преемственности политических традиций.- А.М. Мокеев. К вопросу о преемственности политических традиций тяньшанских кыргызов с енисейскими кыргызами//XXXXVII International Congress Asian and North African Studies(ICANAS). Москва, 2004.
186. Мокеев А.М.. К вопросу об этнических связях киргизов и карлуков.- А.М. Мокеев. К вопросу об этнических связях киргизов и карлуков // Кыргыз-Турк «Манас» университетинин «Коомдук илимдер журналы». №1.Бишкек, 2001.
187. Мокеев А. К вопросу о происхождении родоплеменного объединения Булгачи.- А. Мокеев. К вопросу о происхождении родоплеменного объединения Булгачи (Ичкилик) // Диалог цивилизаций, №1 (6). Бишкек, 2005.

188. Мокеев А. К вопросу о происхождении кыргызских племен басыз и тейит.- А. Мокеев. К вопросу о происхождении кыргызских племен басыз и тейит// Материалы Научной конференции, посвященной 70-летию профессора Э.Ж. Маанаева Бишкек 2003.
189. Мокеев А.М. К выходу в свет книги «Вопросы этнической истории киргизского народа».- А.М. Мокеев. К выходу в свет книги «Вопросы этнической истории киргизского народа» // Изв. АН Кирг. ССР. №3. Фрунзе, 1990.
190. Мокеев А.М. и др. Кыргызы и Кыргызстан.- А.М. Мокеев, В.М.Плоских, В.П. Мокрынин и др. Кыргызы и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления. Бишкек, 1994.
191. Мокеев А.М. Некоторые вопросы.- А.М. Мокеев. Некоторые вопросы политической истории Джунгарского ханства во второй половине XVIIв.//Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения) , часть I, М., 1977.
192. Мокеев А.М. Некоторые факты.- А.М. Мокеев. Некоторые факты о торговых контактах Могольского государства с Китаем во второй половине XVIIв. // Восьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. I. М., 1977.
193. Мокеев А. О локализации алтайских киргизов.- А. Мокеев. О локализации алтайских киргизов в IX-XIV веках // Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Бишкек, 1996.
194. Мокеев А.М. Основные формы взаимоотношений кочевников.- А.М. Мокеев. Основные формы взаимоотношений кочевников с городами Восточного Туркестана в XVII-перв. пол. XVIIIвв.//Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в средневековые. Москва, 1979.
195. Мокеев А.М., Федоров М.Н. Серебрянная чаша XI века.- А.М. Мокеев, Н.М. Федоров. Серебрянная чаша XI века из Кыргызстана//РА. № 1. 1995.
196. Мокеев А.М. Сообщение о взаимоотношениях киргизов с калмаками.- А.М. Мокеев. Сообщение о взаимоотношениях киргизов с калмаками в первой половине XVIII в. «Тарих-и Кипчак-хани» Ходжам- Кулибека Балхи//Тюркология-88. Фрунзе, 1988.
197. Мокеев А.М. Сообщения «Мукаддима-и Зафар-Нама».- А.М. Мокеев. Сообщения «Мукаддима-и Зафар-Нама» Шараф ад-Дин Али Йезди о взаимоотношениях киргизов с монголами в начале XIIIв.//Известия АН Республики Кыргызстан, СОН, 1990.

198. Мокеев А.М. Эпос «Манас» как источник.- А.М. Мокеев. Эпос «Манас» как источник по этнической истории кыргызов // Писменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Москва. 1977.
199. Мокеев А.М. Этапы этнической истории.- А.М. Мокеев. Этапы этнической истории и социальной организации кыргызского народа//Известия АН Республики Кыргызстан, СОН. № 4. 1991
200. Мокеев А. Рецензия на книгу Р. Дора.- А. Мокеев. Рецензия на книгу французского исследователя Р. Дора о кыргызах афганского Памира: Dor Remy. Contribution a l'etude des Kirghiz du Pamir Afghan. Paris, 1975. //СЭ. №2. Москва, 1978. №2.
201. Молдобаев И.Б. Эпос «Манас» как источник.- И.Б. Молдобаев. Эпос «Манас» как источник изучения духовной культуры киргизского народа. Фрунзе, 1989.
202. Му'изз аль-ансаб фи шаджарат салатин.- Му'изз аль-ансаб фи шаджарат салатин. Рукопись Национальной библиотеки Франции Ancien fond persan 67.
203. Мунтахаб ат-таварих-и Муини.- Муин ад-Дин Натанзи. Мунтахаб ат-таварих-и Муини. Издание Ж. Обэна. Тегеран, 1957.
204. Мукаддима-йи Зафар-нама. С 393.- Мукаддима-йи Зафар-нама. Рукопись ИВР РАН С 393.
205. Мукаддима-йи Зафар-нама. Supplement Persan 1611/II.- Рукопись Национальной Библиотеки Франции. Supplement Persan 1611/II.
206. Муким-ханская история.- Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история. Перевод с таджикского, предисловие, примечание и указатели А.А. Семенова. Ташкент, 1956.
207. Мунтахаб ат-Таварих.- Мухаммед-Хаким-хан. Мунтахаб ат-таварих. Рукопись ИВР РАН. С 470.
208. Мусаев К. История Великой Кыргызской империи.- К. Мусаев. История Великой Кыргызской империи. Бишкек,1999.
209. Назаров Ф. Записки. – Ф. Назаров. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. Издание В.А. Ромодина. М., 1968.
210. Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства. - В.П. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1888.
211. Нузхат ал-Кулуб, изд. Ле Стренджа. The geographical part of the Nuzhat-al-Qulub, composed by Hamd Allah Mustaufi Qazwini in 740(1340). Ed. By G. Le Strange, Leyden-London, 1915; trans. by G. Le Strange, Leyden-London, 1919, (GMS. XXIII, 1-2).
212. Нуртазина Н.Д. Ислам в истории средневекового Казахстана. - Н.Д. Нуртазина. Ислам в истории средневекового Казахстана. Алматы. «Фараб», 2000.

213. Орузбаева Б.О. Из истории киргизского языка.- Б.О. Орузбаева. Из истории киргизского языка// Кыргызское языкознание. Т.II. Бишкек, 2004.
214. Осмонов О.Ж. Асанканов А.А. Кыргызстан тарыхы. О.Ж. Осмонов. А.А. Асанканов. Кыргызстан тарыхы. Бишкек, 2001.
215. Петров К.И. К истории движения.- К.И. Петров. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII-XVвв. Фрунзе, 1961.
216. Петров К.И. Очерки феодальных отношений у киргизов.- К.И. Петров. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV-XVIII вв. Фрунзе, 1961.
217. Петров К.И. Этногенез киргизов.- К.И. Петров. Этногенез киргизов и их движение на Тянь-Шань в XIII-XVвв.//ИАН Кирг. ССР. Т. III, вып.2.
218. Петров К.И. Очерк происхождения киргизского народа.- К.И. Петров. Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963.
219. Пиков Г.Г. Западные кидани. - Г.Г. Пиков. Западные кидани. Новосибирск, 1989.
220. Пиндин Чжунгээр Фанлюэ.- Пиндин Чжунгээр Фанлюэ// МИКК. Т.2.
221. Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан.- К.А. Пищулина. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV- в середине XVI веков. Алма-Ата, 1977.
222. Плоских В.М., Джунушалиев Д.Д. История кыргызов.- В.М. Плоских, Д.Д. Джунушалиев. История кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 2007.
223. Подвижники ислама.- Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. Москва, 2003.
224. Поездка по восточному Тарбагатаю.- Поездка по восточному Тарбагатаю летом 1864г. Карла Струве и Григория Потанина//ЗИРГО по общей географии. СПб.,1867. Т.I.
225. Позднеев А. К истории зюнгарских калмыков.- А.М. Позднеев. К истории Зюнгарских калмыков. Письмо Н.И. Веселовскому по поводу издания «Посольство Унковского к Контайше 1722-1724 гг.»//ЗИРГО, по отд. Этнографии. Т.X. вып.2, СПб. 1887.
226. Посольство к Зюнгарскому хун-тайджи. - Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722-1724 годы. Документы, изданные с предисловием и примечаниями Н.И. Веселовского. СПб., 1887.
227. Потанин Г.Н. Материалы.- Г.Н. Потанин. Материалы для истории Сибири//ЧОИДР, 1866.Т.V. 1867 Т. I-II.
228. Потанин Г.Н. О караванной торговле.- Г.Н. Потанин. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии//ЧОИДР, 1868.
229. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев.- Л.П.Потапов. Очерки по

истории алтайцев. М.-Л. 1953.
230. Потапов. Л.П. Этнический состав.- Л.П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л., 1969.
231. Равзат ас-сафа, изд. Лакнау. - Мир Хванд. Равзат-ас-сафа фи сират ал анбийа ва-л-мулук ва-л-хулафа. Лакнау, 1891.
232. Равзат ас-сафа.- Мир Хванд. Равзат ас-сафа сафа фи сират ал анбийа ва-л-мулук ва-л-хулафа. Рукописи ИВР РАН С 1865; Д 361.
233. Радлов В.В. Из Сибири.- В.В. Радлов. Из Сибири. Москва, 1989.
234. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий.- В.В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Том. I-IV. Санкт-Петербург, 1893- 1911.
235. Рафик ат-Талибин. - Шах Махмуд б. Мирза Фазил Чурас. Рафик ат-талибин. Рукопись рук. ИВР РАН В 771.
236. Рашид ад-Дин. Сборник летописей.- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.I, кн.1, 2. М.-Л., 1952; Т. II. М.-Л. 1960.
237. Родословная тюрок, изд. Демезона.- Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Chazi Behadour Khan, publiee, traduite et annotee par le Baron Desmaisons.T. I, Texte, St.-Ptb., 1871; T. II, Traduction, St.-Ptb., 1874.
238. Ромодин В.А. и Кондратьев А.А. Опыт сопоставления.- В.А. Ромодин, А.А. Кондратьев. Опыт сопоставления сведений из китайских, кокандских и русских источников по истории киргизов//СВ. № 4. М., 1958.
239. Ромодин В.А. Некоторые источники по истории Ферганы.- В.А. Ромодин. Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI-XIXвв.) в рукописных собраниях Ленинграда //XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М.1960.
240. Рычков П.И. Краткое известие. - П. Рычков. Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеется. Собрано в Оренбурге из книг турецких и персицких, и по скаскам бывалых в тех местах людей, к разсмотрению при сочинении обстоятельного о сих народах описания. 10 апреля 1750 г. Архив Санкт-Петербургского Отделения РАН, р.П, оп. I, ед.хр. 126.
241. Савинов Д.Г. Археологические данные.- Д.Г.Савинов. Археологические данные о связи енисейских и тяньшаньских киргизов в конце I - начале II тысячелетия н.э.// Вопросы этнической истории киргизского народа. Фрунзе, 1989.
242. Савинов Д.Г. К вопросу этногеографии Центральной Азии.- Д.Г. Савинов. К вопросу этногеографии Севера Центральной Азии в предмонгольское время//Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 2. Л., 1973.
243. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири.- Д.Г. Савинов. Народы Южной

Сибири в древнетюркскую эпоху. Ленинград, 1984.
244. Савинов Д.Г. О границах государства енисейских кыргызов.- Д.Г. Савинов. О границах государства енисейских кыргызов.//Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973.
245. Савинов Д.Г. Этнокультурные связи енисейских кыргызов и кимаков.- Д.Г. Савинов Этнокультурные связи енисейских кыргызов и кимаков в IX-Xвв.//Тюркологический сборник 1975г. М., 1978.
246. Сайф ад-Дин Ахсикенди. Маджму ат-таварих.- Сайф ад-Дин Ахсикенди. Маджму ат-таварих. Рукопись ИВР РАН. В 667.
247. Салахетдинова М.А. Сведения о киргизах в «Абдулла-намэ».- М.А. Салахетдинова. Сведения о киргизах в «Абдулла-наме» Хафиз-и Таныша//ИАН Кирг.ССР. СОН. Т.II. вып.3 (История), 1960.
248. Салахетдинова М.А. Сообщения о киргизах в «Хидайат-наме».- М.А. Салахетдинова. Сообщение о киргизах в «Хидайат-наме» Мир Халь ад-Дина//ИАН Кирг. ССР, СОН, Т.III, вып.2. Фрунзе, 1961.
249. Салахетдинова М.А.. Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари.- М.А. Салахетдинова. Сочинение Мухаммад-Садыка Кашгари «Тазкира-йи ходжаган» как источник по истории киргизов, - ИАН Кирг. ССР. Т.I, вып.1. Фрунзе, 1959.
250. Санчиров В.П. Ойраты.- В.П. Санчиров. Ойраты в составе монгольской империи // Монгольская империя: Этнополитическая история. Улан-Удэ, 2005.
251. Сапаралиев Д. Этнополитическая история Оша.- Д. Сапаралиев. Этнополитическая история Оша и его окрестностей с XVIII до середины XIXв. Бишкек, 1999.
252. Сапаралиев Д. Взаимоотношения кыргызского народа.- Д. Сапаралиев Взаимоотношения кыргызского народа с русским и соседними народами в XVIIIв. Бишкек, 1995.
253. Сборник князя Хилкова. - Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.
254. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков.- Э.В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». Москва, 1978.
255. Семенюк И.Г. Проблемы истории.- Г.И. Семенюк. Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). Калинин, 1974.
256. Семетей.- Семетей. Манас эпосунун экинчи болугу. 3-китеп. Фрунзе, 1959.
257. Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации.- Н.А. Сердобов. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971.
258. Ситняковский Н.Ф. Перечисление некоторых родов киргиз.- Ситняков-

ский Н.Ф. Перечисление некоторых родов киргиз, обитающих в восточной части Ферганской области // Известия Туркестанского отделения Российского Географического Общества. Ташкент, 1900. Т.П, вып.1.
259. Си юй вэньцзянь лу. Цитированные фрагменты этого китайского сочинения, составленного во второй половине XVIIIв. перевела на русский язык и любезно предоставила в мое распоряжение покойная Г.П. Супруненко.
260. Си юй чжи («Описание западных земель»). Цитированные фрагменты этого сочинения, составленного около 1763-1770гг., перевела на русский язык и любезно предоставила в мое распоряжение покойная Г. П. Супруненко.
261. Скрынникова Т.Д. Структура власти монгольских кочевников.- Т.Д. Скрынникова. Структура власти монгольских кочевников эпохи Чингисхана// Кочевая альтернатива социальной эволюции. Москва, 2002.
262. СМИЗО.- Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные С. Л. Волиным и А. А. Ромаскевичем. М.- Л., 1941.
263. Смирнов В.Д. Крымское ханство.- В.Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVII века. СПб., 1887.
264. Собрание историй Маджму ат-таварих.- Собрание историй Маджму ат-таварих. Фотографическая репродукция отрывков рукописного текста, введение, указатели. Подготовил к изданию А.Т.Тагирджанов. Л., 1960. Иранская филология. Вып. II.
265. Солтоноев Б. Кыргыз тарыхы.- Солтоноев Б. Кыргыз тарыхы. Бишкек, 2003.
266. Солтоноев Б. Кыргыз-казак тарыхы.- Солтоноев Б.Кыргыз-казак тарыхы. Рукопись Института языка и литературы НАН Кыргызской Республики, № 1057.
267. Старинное китайское сказание о Чингисхане.- Старинное китайское сказание о Чингисхане. Перевод с китайского архимандрита Палладия // Восточный сборник. Том I. Вып.1. СПб., 1872.
268. Сулейменов О. Чингисхан.- Сулейменов О. "Я готов рассказать, что знаю о Чингисхане... монгол он или тюрок" (интервью) http://www.centrasia.ru/news A.php?st=1240606800. 25.04.2009.
269. Султанов Т.И. Краткое описание сочинения Сейфи // Т.И. Султанов. Краткое описание сочинения Сейфи (XVI в.) ИАН Каз.ССР., СО. 1970, .1
270. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья.- Т.И. Султанов. Кочевые племена Приаралья в XV-XVIIвв. М., 1982.
271. Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с кыргызами.- Г.П. Супруненко. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века «Ли вэй-гун хойчан ипинь цзи». ИАН Кирг. ССР. СОН. Т.V. вып. 1. Фрунзе, 1963.
272. Супруненко Г.П. Из древнекыргызской ономастики.- Г.П. Супруненко. Из древнекыргызской ономастики // Советская тюркология. №3. Баку, 1970.
273. Супруненко Г.П. Некоторые источники.- Г.П. Супруненко. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. М.1974.
274. Сыдыков Осмоналы. Мухтасар тарых-и Кыргызийа.- Сыдыков Осмоналы. Мухтасар тарых-и Кыргызийа // Кыргыздар. Т. 1. Бишкек, 1993.
275. Сыдыков А.С. Родовое деление киргизов.- А.С Сыдыков. Родовое деление киргизов //В.В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.
276. Сыдыкова К. Кыргыз тарыхы.- К. Сыдыкова. Кыргыз тарыхы. Бишкек, 2007.
277. Табалдиев К. Курганы кочевых племен Тянь-Шаня.- К. Табалдиев. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996.
278. Табалдиев К.Енисей кыргыздары.- К. Табалдиев. Енисей кыргыздары менен Тенир-Тоо кыргыздарынын теги археологиялык изилдоолордун негизинде// Жаны Ала-Тоо. Бишкек, 2009.
279. Табалдиев К.Ш. Основные этапы.- К.Ш. Табалдиев. Основные этапы распространения исламской религии на территории Кыргызстана по материалам погребальных памятников // Центральная Азия: вчера, сегодня, завтра. Материалы Международной научной конференции. Бишкек, 26-27 сентября 2001.
280. Табышалиева А. Вера в Туркестане. - А. Табышалиева. Вера в Туркестане. Бишкек, 1993.
281. Тагирджанов А.Т. Введение.- См.: Собрание историй Маджму ат-таварих.
282. Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф.- Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф. Рукописи ИВР РАН А 237, С 582.
283. Тазкира-йи ходжаган.- Мухаммад Садык Кашгари. Тазкира-йи хваджаган. Рукописи ИВР РАН С 582, Д 126.
284. Тарих-и Абу-л-Хайр-хан.- Тарих-и Абу-л-Хайр-хан. Рукопись ИВР РАН С 478.
285. Тарих-и алам-арай-и Аббаси.- Искендер Мунши. Тарих-и алам-арай-и Аббаси. Т. 1-3.Тегеран, 1895-1897.
286. Тарих-и амнийа.- Тарих-и Эмение. История владетелей Кашгарии, сочинение Муллы Мусы, бен Мулла Айса, сайрамца, изданная Н.Н. Пантусовым. Казань, 1905.

287. Тарих-и Бадахшан.- Тарих-и Бадахшан. «История Бадахшана». Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели. Подготовил к изданию А.Н. Болдырев. Л., 1959.
288. Тарих-и Джахангушай.- Ала ад-Дин Ата Малик Джувейни. Тарих-и Джахангушай. Рукописи Национальной библиотеки Франции Supplement persan 205; Supplement persan 1375; Supplement persan 1556; Ancien fond persan 69; Supplement persan 1563; Supplement persan 206; Рукопись ИВР РАН С 1656.
289. Тарих-и Джахангушай, изд. Казвини.- The Ta'rikh-i-Jahan-gusha of 'Ala'u 'd-Din 'Ata Malik-i-Juwaini (composed in A.H. 658=A.D. 1260). Ed. With an introduction, notes and indices from several old MSS, by Mirza Muhammad ibn 'Abdu'l Wahhab-i-Qazwini. Part I, containing the history of Chingiz Khan and his successors. Leyden-London, 1912.
290. Тарих-и Кашгар.- Тарих-и Кашгар. Рукописи ИВР РАН С 576, В 2472.
291. Тарих-и Рахим-хани.- Мир Мухаммад-Вафа Карминаги. Тарих-и Рахим-хани (Тухфат ал-хани). Рук. ИВР РАН. С 525.
292. Тарих-и Рашиди. - Тарих-и Рашиди. Рукопись ИВР РАН В 648. Рукопись ИВ АН РУ № 1430.
293. Тарих-и Шахрухи.- Тарих-и Шахрохи. История владетелей Ферганы. Сочинение Моллы Ниязи Мухаммед бен Ашур Мухаммед, хокандца, изданная Н.Н. Пантусовым. Казань 1885.
294. Тенишев Э. Древнекыргызский язык. - Э. Тенишев. Древнекыргызский язык. Бишкек, 1997.
295. Тенишев Э.Р. К вопросу о происхождении киргизов и их языка.- Э.Р. Тенишев. К вопросу о происхождении киргизов и их языка//Советская Тюркология. Баку, 1989. №4.
296. Тенишев Э.Р. Начальная пора формирования эпоса «Манас».- Э.Р. Тенишев. Начальная пора формирования эпоса «Манас» //Серия литературы и языка. Т.55, №2. М.,1966.
297. Тизенгаузен В. Сборник материалов.- В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
298. Тишкин А.А. Алтай в период раннего средневековья.- А.А. Тишкин. Алтай в период раннего средневековья (историко-культурная панорама и результаты археологических исследований) // Средневековая археология евразийских степей. Казань, 2007.
299. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс памятников в долине р. Бийке.- А.А. Тишкин, В.В. Горбунов. Комплекс памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005.
300. Тишков В.А. Этнология и политика. - В.А. Тишков. Этнология и политика. Москва, 2001.

301. Троицкая Т.Н. Погребения с трупосожжением.- Т.Н. Троицкая. Погребения с трупосожжением конца I тыс. н.э. на р. Усени Новосибирской области //Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977.
302. ТКАЭЭ- Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. I-IV. Москва, 1956-1960.
303. Уложение Тимура.- Уложение Тимура// Тамерлан. Эпоха, личность, деяния. Москва, 1992.
304. Уметалиева-Баялиева Ч.Т. Этногенез кыргызов.- Ч.Т. Уметалиева-Баялиева. Этногенез кыргызов. Музыковедческий аспект. Бишкек, 2008.
305. Умурзаков С.У. Очерки.- С.У. Умурзаков. Очерки по истории географических открытий и исследований Киргизии. Фрунзе, 1959.
306. Федоров-Давыдов Г.А. «Аноним Искандара».- Г.А. Федоров-Давыдов. «Аноним Искандара» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда» // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
307. Фишер И.Э. Сибирская история.- И.Э. Фишер. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. СПб., 1774.
308. Хроника.- Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника. Критический текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О.Ф. Акимушкина, Москва, 1976.
309. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов.- Ю.С. Худяков. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. Новосибирск, 1980.
310. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников.- Ю.С. Худяков. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
311. Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников.- Ю.С. Худяков. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.
312. Худяков Ю. С. Кыргызы на Енисее. - Ю.С. Худяков. Кыргызы на Енисее. Новосибирск, 1986.
313. Худяков Ю.С. Об этнической интерпретации.- Ю.С. Худяков. Об этнической интерпретации средневековых памятников юго-западного Забайкалья // Этнокультурные процессы в юго-восточной Сибири в средние века. Новосибирск, 1989.
314. Чехович О.Д. Городское самоуправление.- О.Д. Чехович. Городское самоуправление в Ташкенте в XVIII в., - Сборник «История и культура народов Средней Азии». М., 1976.
315. Чороев Т.К., Урстанбеков Б.У. Основные этапы распространения ислама в Кыргызстане.- Т.К.Чороев, Б.У. Урстанбеков. Основные этапы

распространения ислама в Кыргызстане в УП-Х1У веках//Вопросы истории материальной и духовной культуры Кыргызстана. Фрунзе, 1987.
316. Шаджарат ал-атрак.- Шаджарат ал-атрак. Фотокопия рукописи библиотеки Британского музея. АДД 261190.
317. Шаниязов К. Узбеки-карлуки.- К. Шаниязов. Узбеки-карлуки. Историко-этнографический очерк. Ташкент, 1964.
318. Шер Я.А. Памятники алтайско-орхонских тюрок на Алтае.- Я.А. Шер. Памятники алтайско-орхонских тюрок на Алтае//Советская археология. 1963. №4.
319. Шнирельман В.А. Протоэтнос охотников и собирателей.- В.А. Шнирельман. Протоэтнос охотников и собирателей //Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.,1982.
320. Щукин Н.С. Очерк Забайкальской области.- Н.С. Щукин. Очерк Забайкальской области//Журнал Министерства внутренних дел. СПб.,1852. Кн.1.
321. Эсенкул Торокан уулу. Кыргыздардын кыскача санжырасы//Эсенкул Торокан уулу. Кыргыздардын кыскача санжырасы. Бишкек, 1995.
322. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь.- К.К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, Москва, 1965.
323. Юдин В.П. О родоплеменном составе могулов.- В.П. Юдин. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахскими и другими соседними народами // ИАН Каз. ССР, СОН, вып. № 3, 1965.
324. Юнусалиев Б.М. К вопросу о формировании общенародного киргизского языка.- Б.М. Юнусалиев. К вопросу о формировании общенародного киргизского языка // Труды Института Языка и Литературы АН Киргизской ССР, выпуск VI. Фрунзе, 1956.
325. Юсуф Баласагунский. Благодатное знание.- Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. Издание подготовил С.Н.Иванов. Москва, 1983.
326. Якубовский А.Ю.Арабские и персидские источники.- А.Ю. Якубовский. Арабские и персидские источники об Уйгурском Турфанском княжестве в IX-X веках // Государственный Эрмитаж. Труды Отдела Востока. Ленинград, 1947. Т. IV.
327. Akimushkin O.F. Le Turkestan Oriental.- O.F. Akimushkin, Le Turkestan Oriental et les Oirats// "Etudes Mongoles", Cahier 5, 1974, Paris, 1974.
328. Arslan K. Ahmed-i Yesevi.- K. Arslan. Ahmed-i Yesevi ve Timur Hakkinda Yeni bir belge//The Golden Cycle. Proceedings of the John D.Soper Commemorative Conference on the Cultural Heritage of Central Asia. Sahibqiran, 2002.
329. Aubin J. L`Etnogenese.- J. Abin. L'Ethnogénése des Qaraunas// Turcica. Revue d'études turques. T.1 1969. Paris, 1969.

330. Bacot J. Reconnaissance en Haute Asia.- J. Bacot. Reconnaissance en Haute Asia Septentrionale par cinq envoyes ouigours an VIII siecle // Journal Asiatique, №2. Paris, 1956.
331. Baddeley J. F. Russia, Mongolia, China.- J.F. Baddeley. Russia. Mongolia. China. Being same Record of the Relations between them from the beginning of the XVII-th Century. Vol. I, II, London, 1919.
332. Barthold V.V. Karategin.- V.V. Barthold. Karategin, - EI, T. II. Leyden-Paris, 1927.
333. Bazin L. Les systemes cronologique.- Louis Bazin. Les systemes cronologique dans le monde turc ancien. Budapest-Paris, 1991.
334. Biran M. The Empire of the Qara Khitai.- M. Biran. The Empire of the Qara Khitai in Eurasian History. Between China and the Islamic World. Cambridge, 2005.
335. Bretschneider E. Mediaeval researches.- E. Bretschneider. Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13-th to the 17-th century. London. 1888. Vol. 1.
336. Clauson Gerard. An etymological dictionary.- Gerard Clauson. An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. Oxford, 1972.
337. Clauson G. A propos du manuscript Pelliot Tibetain.- G. Clauson. A propos du manuscript Pelliot Tibetain 1283// Journal Asiatique. №1. Paris, 1957.
338. Cordier H. Histoire Generale de la Chine.- H.Cordier. Histoire générale de la Chine et de ses relations avec les pays étrangers depuis les temps les plus anciens jusqu'a la chute de la dynastie Mandchoue. T.III, Paris, 1920.
339. Courant M. L'Asie Centrale.- M. Courant. L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIe siécles. Empire kalmouk ou empire Mandchoue: Lyon-Paris, 1912.
340. Czegledy K. Gardizi on the history of Central Asia.- K. Czegledy. Gardizi on the history of Central Asia (746-780 A.D.) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1973. T.XXVII (3).
341. Czegledy K. On the numerical composition.- K. Czegledy. On the numerical composition of the ancient Turkish tribal confederations // Acta orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapesht, 1972. T.XXV.
342. D'Anvill. Nouvel atlas de la Chine.- Nouvel Atlas de la Chine, de la Tartarie Chinoise, et du Tibet: contenant les cartes generales et particulieres de ces Pays, ainsi que la Carte du Royaume de Coree ... Mr. D'Anvill, ... Précedé d'une description de la Boucharie, par un officier Suedois qui a fait sejour dans ce Pays. Le Haye, 1737.
343. D`Ohsson S. Histoire des Mongols.- D`Ohsson S. Histoire des mongols depuis Tchinguiz-khan jus. Timour beg or Tamerlan. La Haye et Amsterdam, 1852. T. 1.

344. Deutch K. Nationalism and Social Communication..- K. Deutch. Nationalism and Social Communication. 2nd ed. MIT Press: Cambridge, Mass., 1966.
345. Devin De Weese. Islamisation and Native Religion.- Devin De Weese. Islamisation and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania State University, 1994.
346. Divanü lûgat-it-türk tercümesi.- Divanü lûgat-it-türk tercümesi. Çeviren Besim Atalay, T. I-III Ankara, 1985-1986.
347. Doerfer G. Türkische und Mongolische elemente im Neupersischen. - G. Doerfer. Türkische und Mongolische elemente im Neupersischen. Band IV. Wiesbaden 1975
348. Donuk A. Eski Türk Devletlerinde Idari-Askeri unvan ve terimler.- A. Donuk. Eski Türk Devletlerinde Idari-Askeri unvan ve terimler. Istanbul, 1988.
349. Dor R. Contribution ã l`étude des Kirghiz - R. Dor. Contribution ã l`étude des Kirghiz du Pamir Afghan.Paris. 1975. Cahiers Turcica. I. P.79.
350. Drompp M. R. Breaking the Orkhon tradition.- M. R. Drompp. Breaking the Orkhon tradition: Kirghiz adherence to the Yenisey region after A. D. 840 // Journal of American Oriental Society. # 119. (3). 1999.
351. Drompp M.R. Tang China and the collapse of the Uighur Empire. - M.R. Drompp. Tang China and the collapse of the Uighur Empire. A documentary history. Leiden-Boston. 2005.
352. Early Voyages.-Early Voyages and travels to Russia by Anthony Jenkinson and others Englishmen. Ed. By Delmar Morgan, and C.H. Coote. Vol.1. London, 1886.
353. Ecsedy Ildiko. A contribution to the history of karluks.- Ecsedy Ildiko. A contribution to the history of karluks in the T'ang period // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T.XXXIV. Fasc.I. Budapest, 1980.
354. Ercilasun A. B. Askerlıkte onlu sisteme türklerin katkıları.- A. B. Ercilasun. Askerlıkte onlu sisteme türklerin katkıları.// Türk Uygarlıgının Dünya Uygarlıgı İçindeki Yerı. Bişkek 2005.
355. Faruk Sumer. Oğuzlar (Turkmenler). - Faruk Sumer. Oğuzlar (Turkmenler). Tarıhlerı-Boy Teşkilatı. İstanbul, 1992.
356. Ğenç Reşat. Kaşgarlı Mahmuda Göre XI Yüzyılda Türk Dünyası.- Reşat Ğenç. Kaşgarlı Mahmuda Göre XI Yüzyılda Türk Dünyası. Ankara.1997.
357. Geographie d`Aboulfeda.- Geographie d'Aboulféda, traduite de l'arabe en français et accompagnée de notes d' éclaircissements par M. Reinaud. T.II, pt.1, contenant la premiér moitie de la traduction du text arabe. Paris, 1848.
358. Golden P. The migration of the Oğuz.- P. Golden. The migration of the Oğuz //Archivum Ottomanicum. # 4.
359. Hambis L. Documents.- Documents sur l'historie des Mongols á l'epoque des Ming par Louis Hambis, Paris, 1969.
360. Hambis L. Kastim et Ges-Dum.- L. Hambis. Kastim et Ges-Dum // Journal Asiatique. Paris, 1958, №3.
361. Hambis L. La Haute-Asie.- L. Hambis. Haute-Asie. "Que sais-je". N 573. Deuxiéme édition. Paris, 1968.
362. Hambis L. Notes sur Käm.- L. Hambis. Notes sur Käm nom de l`Ienissei superieur // Journal Asiatique. Paris, 1956. T. CCXLIV, № 3.
363. Hambis L. Notes sur trois tribus de l`Lenissei.- L. Hambis. Notes sur trois tribus de l`Lenissei superieur: les us, qapqanas et tälängut // Journal Asiatique. Paris, 1957. T. CCXLV, № 1, 3.
364. Hamilton J.R. Les Ouighours a l'epoque des Cinq dynasties.- J. R. Hamilton. Les Ouighours a l'epoque des Cinq dynasties d'apres les documents chinois. Paris, 1955.
365. Hazai G. Les manuscrits, conserveś à Sofia.- G. Hazai. Les manuscrits, conserveś à Sofia, des remaniements mèdièvals de Marvazi et Aufi // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1957. T. VII, Fasc. 2-3.
366. Histoire des campagnes de Gengis Khan.- Histoire des campagnes de Gengis Khan. Cheng-Wou Ts`in-Tcheng lou. Traduit et commente par P. Pelliot et L. Hambis. Leiden, 1951. T.1.
367. Histoire des Mogols et des Tatares.- Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Gazi Behadour Khan, publie, traduite et annotee par Le Baron Desmaisons. T. I, Texte, T. II, Traduction. St-Pbg, 1871-1874.
368. Historical and political gazetteer of Afghanistan.- Historical and political gazetteer of Afghanistan. Vol.1, Badakshan province and northeastern Afghanistan. Ed.by Ludwig W.Adamec. Graz-Austria, 1972.
369. Hudud al-alam.- Hudud al-alam. The Regions of the world. A persian geography 372 A.H. – 982 A.D. Transl. and explained by V. Minorsky with the preface by V.V. Bartold (†1930) transl. from the Russian. London, 1937(GMS NS,XI).
370. Imbault - Huart C. Recueil de documents.- Recueil de Documents sur l'Asie Centrale. III Notices géographiques et historiques sur les peoples de L'Asie Centrale, traduite du Si Yu Tou Tche par C. Imbault-Huart. Paris, 1881.
371. Imbault-Huart. Le pays d'Hami.- Le Pays de Hami ou Khamil. Descriptiion, Histoire d'apres les auteurs chinoise par M.C. Imbault-Haurt. «Extrait du Bulletin du Comite des Travaux historiques et scientifiques. Section de géographie année 1892». Paris, 1892.
372. Juvaini. The History of the World-Conqueror.- The History of the World-Conqueror by Ala ad-Din `Ata-Malik Juvaini. Translated from the text of Mirza Muhammad Qazwini by John Andrew Boyle. Vol. I-II Manchester.

1958.
373. Klaproth J. Sur quelques antiquites.- J. Klaproth. Sur quelques antiquites de la Siberie//JA, vol.2. Paris, 1823.
374. Ligeti L. A propos du "Rapport sur les Rois demeurant dans le Nord".- L. Ligeti. A propos du "Rapport sur les Rois demeurant dans le Nord" // Etudes Tibetaine. Paris, 1971.
375. Mahmud al-Kaşgarı. Compendium of the Turkic dialects.-Mahmud al-Kaşgarı. Compendium of the Turkic dialects (Diwan Lugat at-Turk). Edited and translated with Introduction and Indices by Robert Dankoff. Part. I. Harward, 1982.
376. Manuscrits ouigoure de Touen Houang.- Manuscrits ouigoure de Touen Houang. Le conte bouddique du bon et du mauvaise prince en version ouigure. Texte etabli, traduit et commente par J.R.Hamilton. Paris, 1971.
377. Manz B.F. The rise and rule of Tamerlan.- B.F. Manz. The rise and rule of Tamerlan. Cambridge University Press, 1989.
378. Massignon L. La passion de Hallaj.- L. Massignon. La passion de Hallaj martyr mystique de L'Islam. T.I. Paris, 1975.
379. Minorsky V. Marvazi on China, the Turks and India.- V. Minorsky. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text (circa A.D. 1120) with an English translation and commentary. London, 1942.
380. Mokeev A.M., Fedorov M.N. Eine Silberne Schale Des 11. Jahrhunderts Aus Kyrgyzstan.- A.M. Mokeev. M.N. Fedorov. Eine Silberne Schale Des 11. Jahrhunderts Aus Kyrgyzstan//Eurasia Antiqua, **ISSN,** 0949-0434. 1996 V.2.
381. Mokeev A. Hokand hanlığına ait yeni bilgiler.- A. Mokeev. Hokand hanlığına ait yeni bilgiler // "Bir"(Hoca Ahmet Yesevi Vakfi dergisi). Istanbul, 1994.
382. Mokeev A. Tarih ve Manas.- A. Mokeev. Tarih ve Manas // XII. Türk Tarih Kongresi, Türk Tarih Kurumu Basımevi. Ankara, 1999.
383. Moriyasu T. La nouvelle interpretation.- T.Moriyasu. La nouvelle interpretation des mots Hor et Ho-yo-hor dans le manuscrit Pelliot Tibetain 1283 //Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1980. T.XXXIV(1-3).
384. Oğel Bahaeddin. Türk kültürünün gelişme çağları.- Bahaeddin Oğel. Türk kültürünün gelişme çağları. Istanbul, 1988.
385. Pelliot P. L`origine de T`ou-Kue.- P. Pelliot. L`origine de T`ou-Kue, nom Chinois des Turcs // T`oung Pao. Paris, 1915.
386. Pelliot P. La version ouigour.- P. Pelliot. La version ouigour de l'histoire de princes Kalyanamkara et Papamkara// T'oung Pao ou Archives concernant l'histoire, les langues, la geographie et l'ethnographie de l'Asie Orientale. Leide, 1914. Vol.XV.
387. Pelliot P. Neuf notes sur des questions d` L'Asie Centrale.- P. Pelliot. Neuf notes sur des questions d` L'Asie Centrale // T`oung Pao, Vol.XXVI. Paris, 1929.
388. Pelliot P. Notes critiques. - P. Pelliot. Notes critiques d'Histoire kalmouke. Vol. I. Text. Paris, 1960.
389. Pelliot P. Notes on Marco Polo.- P. Pelliot. Notes on Marco Polo. Paris, 1959.
390. Pelliot P. Notes sur l'Histoire de la Horde d'Or.- P. Pelliot. Notes sur l'Histoire de la Horde d'Or. Paris, 1949.
391. Pelliot P.Chrétiens d`Asie Centrale.- P. Pelliot. Chrétiens d`Asie Centrale et d`Extrém- Orient//T`oung Pao. Vol.XV. Paris, 1914.
392. Privratsky Bruce. Muslim Turkistan.- Bruce Privratsky. Muslim Turkistan. Kazak Religion and Collective Memory. Curzon Press. 2001.
393. Pulleyblank E.G. Some remarks on the Toquzoghuz problem.- E.G. Pulleyblank. Some remarks on the Toquzoghuz problem // Ural-Altaische jahrbücher # 1-2. Wiesbaden, 1956.
394. Radloff V.V. Observations sur les kirghis.- .V.V. Radloff. Observations sur les kirghis // Journal Asiatique. Ser.6.T.II. Paris, 1863.
395. Recueil de Voyages au nord. - J.F. Bernard. Recueil de Voyages au nord. Contenant divers memoirs tres-utiles á Commerce et á la Navigation. T. X. Amsterdam, 1738,
396. Roux Jean-Paul. Histoire des Turcs. - Jean-Paul Roux. Histoire des Turcs. Fayard, Paris, 1984.
397. Saints and Heroes on the Silk Road.- Saints and Heroes on the Silk Road. Journal of the history of Sufizm. Paris, 2002.
398. Shaw R. The hıstory of the Khojas.- "The History of the Khojas of Eastern Turkistan" Summariesed from the Tazkira-i Khvajagan of Muhammed Sadiq Kashgari, by the late R.B. Shaw ... ed.with introduction and notes by N.Elias // JASB, LXVI. Pt.1, 1897.
399. Shott W. Uber die achten Kirgisen. - W. Shott. Uber die achten Kirgisen. Berlin, 1865.
400. The geographical works of Sadic Isfahani.- The geographical works of Sadic Isfahani. Translated by J.C. from original persian mss. In the collection of sir William Ouseley, the editor. London, 1832.
401. The memorial feast for Kokotoy-khan. -The memorial feast for Kokotoy-khan. A kirghiz epic poem. Edited for the first time from a photocopy of the unique manuscript with translation and commentary by A.T. Hatto. Oxford, 1977.
402. The mongol chronicle Altan Tobci.- The mongol chronicle Altan Tobci. Text, translation and critical notes by Charles Bawden. Wiesbaden, 1955.
403. The Shajarat ul atrak.- The Shajarat ul atrak or genealogical tree of the turks and tatars. Translated and abriged by Col. Miles. London, 1838.
404. The Tarikh-I-Rashidi. -The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar,

Dughlat. A History of the Moghuls of Central Asia. An English version ed., with commentary, notes and map by N. Elias. The translation by E.D.Ross. London, 1895.
405. Togan Isenbike. Differences in ideology and practice.- Isenbike Togan. Differences in ideology and practice. The case of the Black and White Mountain factions // Saints and Heroes on the Silk Road.
406. Vasary I. Kam, an early Samoyed name of Yenisey.- I. Vasary. Kam, an early Samoyed name of Yenisey // Studia Turcica. Budapest, 1971.
407. Weber M. Essays in Sociology.- M. Weber. Essays in Sociology. Trans.and ed.H.H. Gerth. And C. Wright-Mills. Routledge & Kegan Paul: London, 1948.
408. Wittfogel K.A. and Feng Chia-Sheng. History of Chinese society Liao.- K.A. Wittfogel and Feng Chia-Sheng. History of Chinese society Liao (907-1125). Philadelfhia, 1949.

КЫРГЫЗЫ НА АЛТАЕ И НА ТЯНЬ-ШАНЕ

Анварбек Мокеев

Художественное оформление: *Рашид Садыков, Иззат Абдраимов*
Верстка: *Шухрат Даулятов*

Издано в соответствии с решением Управленческого совета
Кыргызско-Турецкого университета «Манас».
Подписано в печать 25.09.2009.
Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Объем 17,5 п.л. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Из-Басма».
г. Бишкек, ул. Интергельпо, 1а.
тел.: +996 (312) 640 587